

Бабуин мадам Блаватской Питер Вашингтон

История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритуализм в Америке

Благодарности

Вступление: цвет бирюзы

Обман утверждает ложь. Событие,
рождающее веру, утверждает истину.

Стало быть, оно не обман, а чудо.

Бернард Шоу. Святая Иоанна

Что хрупко, как стекло, – он перед небом

Кривляется, как злая обезьяна,

И так, что плачут ангелы над ним.

Уильям Шекспир. Мера за меру

Благодарности

За помощь в создании этой книги я признателен многим людям, некоторые из них пожелали остаться неизвестными. Среди тех, кого я могу назвать, я особенно благодарен Элизабет Беннет и Майклу Франклину, а также Чарльзу Клейзену, Сеймuru Гинзбургу, леди Мавалль, Биллу Томсону и Лесли Уилсону.

Искреннюю признательность я хотел бы выразить Джеймсу Муру, щедро поделившемуся со мной глубокими познаниями в области учения Гурджиева, и Эндрю Роулинсону, великодушно ознакомившему меня с вариантами своего неопубликованного труда о духовных учителях. Помимо прочего, именно ему я обязан понятием «западный гуру».

Я благодарен за помощь и информацию обществу «Этериус», Антропософскому Обществу, Универсальной Церкви Ликования, Международному Фонду Эмиссаров, обществу «Вечный огонь», Великому Белому Братству, центру Кришнамурти в Броквуд-парке и Теософскому Обществу.

Мисс Лилиан Стори, библиотекарь Теософского Общества, была ко мне очень внимательна, равно как и сотрудники Лондонской библиотеки, Британского Музея и Публичной Регистрационной Службы. Кроме того, я в долгу перед

Уорбургским институтом, библиотекой Уильямса при Лондонском университете и университетской библиотекой Миддлсекса.

Я чрезвычайно благодарен моему редактору, Викки Харрис, чье искусство и красноречие сделали этот объемистый текст более живым и увлекательным.

Вступление: цвет бирюзы

27 марта 1991 года британский футболист и эколог Дэвид Айк провел в Лондоне пресс-конференцию по поводу выхода в свет своей новой книги «Вибрации истины»¹. Мистер Айк выступил перед журналистами в обществе своей супруги, дочери и еще одной дамы – своей коллеги. Все четверо были одеты в одинаковые бирюзовые одежды.

На вопросы относительно цвета его одежды журналистов, вероятно, ожидавших услышать что-нибудь про энергетический кризис, мистер Айк ответил, что Любовь и Мудрость «вибрируют на той же частоте, что и бирюзовый цвет». Далее он сообщил о существовании некоей группы «космических родителей», которые под Божественным руководством в течение целых столетий контролируют развитие нашей планеты. В число этих «родителей», известных также под названием Владык Мудрости, по словам эколога, входят пророк Самуил, волшебник Мерлин, Христофор Колумб, Владыка Седьмого Луча, Первосвященник Атлантиды, а ныне и он сам, Дэвид Айк. В книге «Вибрации истины» как раз и описывается миссия «родителей» – спасти мир от материального и духовного осквернения.

Эта пресс-конференция стала подарком для британской желтой прессы, в особенности для издания «Сан», которое уже на следующий день озадачило своих читателей вопросами: «Неужели Дэвид Айк слетел с катушек?» и «Дэвид Айк рехнулся или притворяется?»². 75 % респондентов ответили на эти вопросы утвердительно. К тому же утверждением, что для выполнения своей духовной миссии он позволил вселиться в себя «Духу Христа», Айк навлек на себя обвинения репортеров в том, что он якобы провозгласил себя новым Иисусом. Мать Айка попыталась было выступить в защиту сына, после чего

появилась новая статья под заглавием: «Мама заявляет: «Айк – мой сын, а не сын Господа Бога».

Хотя пресса сняла с мистера Айка богатый урожай, он не был в обиде на журналистов – возможно, потому что знал кое-что, им неизвестное. Действительно, если три четверти заинтересовавшихся публикациями «Сан» читателей согласились, что Дэвид Айк «слетел с катушек», то четверть-то так не считала. Иными словами, множество англичан либо разделяли убеждения Дэвида Айка, либо расценивали их как совершенно нормальные. Недавние опросы показали, что около 20 % британской общественности привержено неортодоксальным духовным учениям (что, кстати, значительно больше, чем количество людей, регулярно посещающих христианские богослужения) и что многие из них являются членами независимых религиозных обществ.

Среди американцев, одновременно и более набожных, и более склонных к авантюрам в духовной области, чем европейцы, этот процент еще выше. Америка давно получила титул страны духовной свободы, что едва ли удивительно: ведь сама американская нация создавалась, в частности, на основе протеста против религиозной ортодоксии. Семена этого протеста пышно цветут и по сей день, особенно на Западном побережье, где Дэвида Айка едва ли заметили бы среди бесчисленных контактеров, астрологов и проповедников реинкарнации.

В самом деле, трудно спорить с тем, что в наше время противостояние любым формам религиозной ортодоксии стало сильнее, чем когда-либо. Ведь продолжающийся по сей день спад влияния христианских церквей, начавшийся еще в XVIII веке и ускорившийся в XIX, сейчас подхлестывается новыми мощными культурными и социальными движениями, которые поощряют возникновение альтернативных религий и появление новых духовных учителей.

Наиболее значительными из новых движений, вызвавших духовную революцию XX века, являются экологизм и феминизм. Взгляд на нашу планету как на единый живой организм и попытка рассматривать Землю в широком

космическом контексте побудили многих мыслителей пойти еще дальше и приравнять экологию к духовности. В пользу этой тенденции действует растущий интерес к буддизму и индуизму среди последователей учения Новой эры.

Большинство из них – женщины. И что еще более знаменательно, именно женщины стали лидерами многих подобных движений. По-видимому, в XIX столетии это было неизбежно: ведь духовная сфера (в том числе и литература) была тогда едва ли не единственной областью деятельности, в которой западная женщина имела возможность самореализации. Любопытно, однако, что эта тенденция сохранилась и в наше время. В обход официальных учреждений и организаций учение Новой эры обеспечило «зеленую улицу» феминизму; не исключено, что это – одна из причин растущей популярности этого учения даже среди респектабельной буржуазии. Например, совсем недавно Арианна Стассинопулос, супруга миллионера, конгрессмена и потенциального сенатора Майкла Хаффингтона, рассказала в своей книге «Четвертый Инстинкт»³, что мир испытывает потребность в очищении, как духовном, так и физическом, и что эти два процесса тесно связаны между собой. Далее она высказала идею, что у человечества не возникло бы необходимости в создании государства всеобщего благоденствия, если бы все люди развивали и воспитывали свои души (вероятно, при помощи основанного Арианной Движения за Внутреннее Духовное Сознание).

Как и «Вибрации истины», книга Арианны Стассинопулос проповедует синтез экологии и духовности с акцентом на тех качествах, которые традиционно приписывали женской сущности: сочувствию, воображению, инстинкте, плодородию и т. д., – в противоположность всему рациональному, патриархальному, материалистическому, упорядоченному, связанному с Богом Отцом, ортодоксальным христианством и ценностями среднего класса. Эти идеи не новы, но где же почерпнули их миссис Стассинопулос и мистер Аик и почему они так популярны? На какой почве выросли «Вибрации истины» и «Четвертый инстинкт»? И почему все больше и

больше людей обращаются к подобным учителям и проповедникам, отворачиваясь от традиционных церквей?

Это лишь немногие из вопросов, ответить на которые мы попытаемся, излагая удивительную историю о том, как одна русская эмигрантка, питавшая слабость к сочинениям популярного британского романиста, принесла в Америку мудрость Востока. Читатель найдет в моей книге также рассказ о том, как бывшая супруга англиканского священника и Епископ, склонный к извращениям, изобрели «западного гуру». Мы расскажем и о том, какое поразительное влияние оказали их идеи на культурную, социальную и даже политическую жизнь трех континентов; а также о трансформации, которую претерпели эти идеи в сочинениях некоего армянина, умевшего ловко торговать коврами, и многотомных трудах одного немецкого философа. В этой книге мы попытаемся проследить до наших дней цепь захватывающих событий, которые начались в скромной нью-йоркской квартире 7 сентября 1875 года. Именно тогда началось головокружительное восхождение Тибетских Учителей Мудрости на Западе.

Глава 1. Источник и ключ

Девятнадцатый век в Европе был великой эпохой независимых духовных учителей (многие из которых, впрочем, оставались, по крайней мере номинально, христианами). Обычным поводом для разрыва с официальной церковью было, как правило, стремление восстановить истинную веру. Но тяга к власти заводила подобных реставраторов чересчур далеко, и мятежники против религиозных традиций неизменно приходили к парадоксальной ситуации, требуя от своих последователей сурового повиновения и полного подчинения.

Этот парадокс отлично иллюстрирует история англичанина Г. Дж. Принса⁴. В 1841 г. мистер Принс, бывший в ту пору викарием при пасторе Чарлинча в Сомерсете, основал движение за религиозное возрождение в рамках англиканской церкви. Он был настолько уверен в принципе божественного руководства, что советовался с Богом, стоит ли ему брать с собой зонтик на прогулку. Принс был замечательным оратором, умелым организатором и весьма обаятельной личностью. Без труда добившись признания своего пастора, мистера Старки, ставшего его преданным учеником, Принс приступил к осуществлению своей миссии. Каждое воскресенье он читал проповеди с такой страстью, что обычно равнодушный сельский приход, состоявший из фермерских семейств и батраков, вскоре дошел до такого безумного религиозного экстаза, какой можно было встретить в те времена разве что у крайних сектантов.

На проповедях Принса мужчины тряслись с головы до ног, женщины вопили, и даже маленькие дети бились в припадках. Церковь в Чарлинче вскоре приобрела несколько двусмысленную славу, и Принс привлек к себе внимание епископа Бата и Уэлса, который проявил недовольство своим подчиненным. Действия Принса подрывали установленный порядок вообще и церковную иерархию в частности.

Податливость, которую проявил пастор Старки перед собственным викарием, создавала дурной прецедент с точки зрения церкви, а зажигательные проповеди Принса пахивали

методизмом – учением, крепко-накрепко ассоциировавшимся в представлении большинства англикан с революцией. Получив несколько предупреждений от епископа, Принс и Старки решили покинуть не только Чарлинг, но и саму англиканскую церковь. Они обосновались в близлежащей деревне Спэкстон и создали независимое религиозное сообщество под названием «Агапэ», или «Пристанище любви». Это общество финансировалось богатыми приверженцами Принса, главным образом женщинами, в том числе – четырьмя сестрами Ноттидж, трех из которых Принс выдал замуж за своих учеников. Четвертую сестру родственники успели поместить в психиатрическую лечебницу, прежде чем она последовала примеру сестер, однако сила убеждения Принса была такова, что девушка ухитрилась бежать и в конце концов присоединилась к остальным последователям бывшего викария.

Деньги богатых учениц и учеников текли в «Пристанище» рекой, и вскоре Принс стал владельцем состояния примерно в 1 миллион фунтов стерлингов (в пересчете на современный курс). Он построил в Спэкстоне огромный дом (для братьев и сестер по вере) и жил там в довольстве и даже роскоши. При доме были бильярдная, прекрасные экипажи и несколько лакеев. Вскоре он объявил, что Святой Дух вдохнул в него бессмертие, велел своим ученикам именовать его не иначе как «Возлюбленный» и без тени удивления принимал письма, адресованные «Нашему Господу Богу».

Основной доктриной «Агапэ» было искупление человеческой телесности через любовь. Согласно Принсу, традиционное христианство не обеспечивало эту возможность, поскольку проповедовало умерщвление плоти в пользу духа по примеру подвига Иисуса Христа. Но Господь открыл Принсу, что Иисус, будучи далеко не последним Его словом в деле искупления, являлся лишь одним из представителей длинной цепочки аватар, начинающейся с Адама и Ноя и достигающей высшей точки в самом Принсе. Каждая из этих аватар была избрана для совершения определенного шага в развитии божественного плана. Задача Христа завершилась в жертвенной агонии на кресте, но Принсу была предназначена

более счастливая судьба. Ибо как Святой Дух снизошел на Принса, одарив его физическим бессмертием ради великой Цели, так и Принсу предстояло передать это благословение другим.

Первым делом «Возлюбленный» излил это благословение на сестру Зою Патерсон, заключив божественный союз с нею на диване в бильярдной комнате публично, в присутствии остальных братьев и сестер. Хотя Принс и объявил о предстоящей церемонии заранее, но не предупредил учеников ни о характере обряда, ни о том, кому посчастливится стать избранницей. Но, главное, результат церемонии вызвал в общине смущение. Дело в том, что Принс сообщил своим последователям, что, по новому истинному учению, половое сношение с Бессмертным обеспечивает приобщение к бессмертию, каковому должно сопутствовать бесплодие. Но увы! Сестра Зоя забеременела. Тогда «Возлюбленный» получил откровение о том, что это были происки Сатаны, подославшего собственного младенца, чтобы подорвать авторитет нового аватара. Такое объяснение, возможно, и удовлетворило учеников, но после этого случая финансовая поддержка «Прибежища любви» пошла на убыль: гораздо меньше стало посторонних вкладчиков, не принадлежавших к общине. Принс прожил до 1899 года, после чего его сменил «Возлюбленный II» преподобный Г. Смит Пиготт, который в 1902 г. объявил себя божеством и стал впоследствии отцом двух детей, получивших имена «Слава» и «Власть».

Успех, которого добился Принс в привлечении респектабельных представителей среднего класса, несмотря на свое причудливое учение и диковинное поведение, ясно свидетельствует о затруднительном положении, в котором оказались в середине XIX века традиционные европейские религии. История Принса в различных вариантах повторилась во многих городах Европы⁵. Церковь приходила в упадок. Снаружи ее атаковали атеисты и материалисты. Церковные привилегии и тесные взаимоотношения между церковью и государством вызвали огонь критики со стороны либералов и радикалов. Доктринальные противоречия и идейные

разногласия между реформаторами и консерваторами подрывали церковные устои изнутри. Приверженность традициям, строгая иерархия и влияние на светскую власть, которые так долго оставались основой стабильности церковной организации, теперь превратились в причины внутренних конфликтов и в поводы для нападок общественности. Короче говоря, церковь теряла авторитет, что явно выразилось в охватившей ее духовной летаргии. Мятежники проникли даже в высшие эшелоны клерикальной власти.

Одним из неизбежных последствий такого положения стало появление независимых религиозных сект в масштабах, которые не имели себе равных начиная с XVII века. Конгрегации, возглавлявшиеся священниками-шарлатанами наподобие Принса, заявляли о своей самостоятельности. Возникла целая новая порода проповедников и пасторов, вооружившихся радикальными доктринами и поддержкой влиятельных лиц и готовых удовлетворить все духовные потребности, которые игнорировала традиционная церковь. Мог ли обычный англиканский пастор потягаться с экзотическим обаянием Принса? И могла ли традиционная церковь убедительно опровергнуть учение Принса, в общем-то не так уж и отличавшееся от того откровения, на котором она сама была основана? Если Иисус Христос был Богом, то почему бы и Принсу не обладать божественностью? Если Иисус был уникален, то и Принс – единственный в своем роде. И если апостол Петр мог основать церковь, почему бы этого не сделать «Возлюбленному»?

Проблемы достоверности откровения и авторитета так же стары, как сама религия. Когда речь идет об откровении, формы, в которых оно выражается, неизбежно искажают его суть. Появляются различные интерпретаторы, которые истолковывают сущность учения и спорят о нем. К тому же процесс осложняется расколами между корпоратистами, наподобие епископа Бата и Уэлса, которые требуют подчинения установленной власти, и харизматическими личностями вроде Принса, провозглашающими правомочность собственного откровения и на все возражения имеющих дежурный ответ:

дескать, Иисус тоже подвергался преследованиям. Эти разногласия усугубляются далее спорами между универсалистами, стремящимися выработать общую доктрину, и теми, кто настаивает на приоритете индивидуального понимания Бога каждым человеком.

Вдобавок XIX столетие породило новые серьезные трудности. Давнишние сомнения в истинности христианского учения и традиционной церкви приобрели дополнительный вес благодаря росту престижа и авторитета естественных наук, а также чрезвычайному усложнению библейской экзегетики. Наука стала посягать на постижение сакраментального смысла мира, созданного и хранимого Божественной силой, а образованные историки и текстологи, взяв на вооружение филологию и этимологию, преуспели в демифологизации и очеловечивании самой фигуры Христа.

В итоге христианство предстало чуть ли не заурядной, хотя и занимательной историей одного маленького народа, дидактический вывод из которой с большей или меньшей адекватностью воплотился в различных христианских организациях. В таком контексте Иисус оказывался не единственным уникальным Спасителем мира, а одним из многих авторитетных духовных учителей, в одном ряду с Буддой, Сократом, Конфуцием, Ману и Лао-Цзы. Некоторые из них были мифическими фигурами, другие историческими лицами, чья реальная жизнь была скрыта легендами. Их демифологизацией в той или иной мере занималась современная наука. Все это давало основания предположить, что христианство как таковое представляет собой в действительности тоже своего рода беллетристику, трансцендентное повествование, которое хотя и способно придать определенный смысл «истории» конкретной личности, однако ни в коем случае не может претендовать на роль объективной истины.

Ослабление позиций христианства порождало новые сомнения, вполне достаточные для появления принсов в неограниченном количестве. Никто из новых проповедников не собирался отрицать ценность христианского опыта, не исключал

духовности христианства и даже не выступал против существования традиционных церквей; однако все вместе они подрывали веру и в то, и в другое, и в третье. Таким образом, попытки религиозного возрождения XIX века зачастую характеризовались тенденцией отождествить «истинную» духовность с мистикой или оккультизмом: познание истинной реальности переживалось как нечто, лежащее вне привычных форм религиозного выражения. Таков был один из способов очистить духовность от влияния исторических церковных организаций. И притом, что традиционные церкви пришли в упадок, интерес к религии достиг значительных масштабов. Борьба между различными вероисповеданиями вызывала в обществе сильнейшие страсти, поскольку непреложная уверенность в религиозных истинах сменилась неразрешимыми сомнениями, которые в свою очередь пробуждали новые духовные потребности. Вопрос заключался, собственно говоря, не столько в самой духовности, сколько в источнике духовного водительства, на который можно было бы безоговорочно положиться. Именно эта потребность в руководстве привлекала к харизматическим проповедникам такое количество послушных учеников.

Проблема источника духовного наставничества была тесно связана с другим стремлением, навязчиво овладевшим умами многих людей в XIX веке, стремлением отыскать единый ключ ко всем тайнам Вселенной. Ключ этот, как казалось, способен отомкнуть вышеупомянутый источник; и, наоборот, источник способен предоставить этот ключ. Идея эта тоже не была совершенно новой. Объяснение многообразия явлений за счет сущностного единства мира являлось основным принципом древнейших философий и религий. Но в XIX веке желание найти единство в многообразии превратилось в настоящую манию и росло пропорционально умножению новых идеологий. К примеру, предполагалось, что все человеческие языки происходят от единого общего языка, все расы – от одной «материнской» расы, все философии и религии – от одной первоначальной доктрины.

Несмотря на то что два крупнейших философа середины века – Серен Кьеркегор и Фридрих Ницше – заметили, что отыскать ключ и источник в такую субъективную эпоху, как XIX столетие, невозможно, к ним никто не прислушался. Потребность веры в изначальное единство и в абсолютную доктрину стала слишком глубока, захватив даже скептиков. Так, хотя Джордж Элиот высмеивает в своем «Миддлмарче» попытки мистера Касобона отыскать Ключ ко Всем Мифологиям, совершенно очевидно, что он симпатизирует своему герою. Ошибочными ему кажутся методы Касобона, но не его цель.

Единый, абсолютный источник истины сулил ключ к глубочайшей тайне мироздания. И в центре внимания одержимых духовным голодом викторианцев стала смерть с ее ритуалами и свидетельствами, только подогревавшейся неуверенностью в формах (и даже в самом наличии) загробной жизни. Ответ на этот болезненный интерес общество получило совершенно неожиданно в 1848 г. от семейства Фоксов из Гайдсвилля (Рочестер, Нью-Йорк). Две юные дочери мистера Фокса – двенадцатилетняя Кэтрин и тринадцатилетняя Маргарет начали принимать сообщения духов в виде легких стуков и ритмических шумов⁶.

Сестры Фокс толковали эти сообщения и в свою очередь отвечали на них тоже стуками посредством простого кода. Вызывали духа они при помощи команды: «Эй, мистер Сплитфут [От англ. Splitfoot – раздвоенная нога. – Здесь и далее прим. пер.], делай, как я». Откровенно игровая форма вызова и намека на Дьявола могли бы насторожить наблюдателей и предупредить их о возможности обмана, но этого не случилось, и сестры Фокс приобрели большую аудиторию энтузиастов. Кэтрин и Маргарет регулярно связывались со своими знакомыми духами, и те выстукивали апокалиптические известия о начале новой эры; именно такие новости и должны были встретить горячий отклик среди американской публики того времени, восприимчивой к любым разновидностям новой эсхатологии.

Находились, конечно, и недоброжелатели, которые неучтиво предполагали, что сообщения духов – всего лишь ритмические

постукивания, которые Маргарет и Кэтрин тайком производят пальцами рук и ног; но куда больше, чем подобных скептиков, оказалось желающих верить в сверхъестественное происхождение гайдсвилльских феноменов. Сестры Фокс вскоре стали национальными знаменитостями. П. Т. Барнум нанял их для публичных представлений в Нью-Йорке, а Гораций Грили, редактор «Нью-Йорк трибюн», пригласил их остаться. Так началась мода на спиритические сеансы.

Спиритический сеанс предлагал новую версию духовной причастности, в которой вера заменялась очевидностью, а святые таинства – манифестациями духов. Спиритизм стал особенно популярен среди протестантов Восточного побережья Соединенных Штатов, которые особенно остро ощущали нехватку чувственных подтверждений религиозной веры и были чрезвычайно восприимчивы к любому свидетельству высшей милости, сколь угодно необычному. И вряд ли случайно, Гайдсвилль расположен чуть ли не в центре печально знаменитых «пламенных» районов американского штата Нью-Йорк, названных так по причине исключительного обилия религиозных веяний, прокатившихся по этим местам в начале XIX века. Спиритизм с легкостью совместился с эсхатологическими настроениями некоторых здешних сект. И хотя большинство сообщений от духов было весьма тривиально, публика продолжала надеяться, что это – лишь прелюдия к настоящим откровениям из Иного Мира. Иной Мир, подтверждавший свое существование через сестер Фокс, как ожидалось, должен был посвятить людей в тайны жизни после смерти, бессмертия и даже будущего человечества.

Отдельные столкновения с призраками и феномены полтергейста к тому времени уже заняли прочное место в общественном сознании. Духи по-дружески сообщили сестрам Фокс, что они пытались «пробиться» к людям уже давно, в течение целого полувека. И теперь, благодаря Гайдсвилльскому движению, они наконец получили возможность влиять на социальное, нравственное и даже политическое развитие человечества.

Феномены, которые до того времени расценивались как необычные случаи, к тому же опасные и соблазнительные, как выяснилось теперь, были предназначены сообщать людям пророческие сведения о лучезарном будущем, в котором все люди рано или поздно станут причастны к радостям Саммерленда [От англ. Summerland – страна лета.], рая спиритов. Характерно, что ад в сообщениях духов играл самую незначительную роль. Призраков перестали считать страдающими, не находящими себе места духами; они стали восприниматься как посланники Иного Мира и предвестники грядущего счастья. Спиритизм поддерживал веру в некое духовное братство, наблюдающее за судьбами людей.

Укоренившись в Америке, спиритизм быстро завоевал и Европу. В свете неудачных политических революций 1848 года (к этому же году относится появление гайдсвилльского феномена) он быстро сделался частью «альтернативного» духовного освободительного движения, в которое входили вегетарианство, феминизм, реформа одежды, гомеопатия и всевозможные проявления социального и религиозного инакомыслия. Стали популярны многие английские радикалы, в особенности знаменитый Роберт Оуэн социалист-утопист, промышленник и основатель общества «Новая Гармония», а также некоторые члены его семьи. Правда, к тому времени Оуэну было уже за восемьдесят, и над ним постоянно потешалась пресса. Спиритизм сделался весьма популярен в литературных кругах, всегда открытых для любых новинок. Он оказал свое воздействие на Бульвер-Литтона в Англии, Элизабет Барретт Браунинг в Италии и Виктора Гюго во Франции.

К тому времени, когда Гарриет Бичер-Стоу посетила Европу (1853 год), спиритические мероприятия достигли поразительного размаха. И если сеанс стал играть роль богослужения, а медиум заменил священника, то потенциальных медиумов было уже пруд пруди. Знатоки утверждали, что женщины по своей природе вообще более чувствительны к сообщениям духов, особенно если они необразованные, а еще лучше – слегка помешанные. Было общеизвестно, что недостаток интеллекта

очищает духовный канал для сообщений и позволяет принимать информацию от духов на более глубинном уровне.

Впрочем, международный успех все равно ожидал представителя сильного пола – Дэниэла Дангласа Хоума (1833–1886), который любил называть себя (и вполне оправданно) «Медиумом королевских домов Европы»⁷. Хотя Хоум и утверждал, что является незаконным внуком десятого графа Хоума, в действительности он провел детство в Америке, где в период «гайдсвилльской лихорадки» был знаменитым мальчиком-медиумом.

Привлекательный внешне, красноречивый, слегка женственный в своих повадках (его недоброжелатели намекали на кое-что похуже, чем изнеженность), Хоум привлекал множество страстных последователей и не меньшее число столь же рьяных противников. Один из его покровителей, экзальтированный исследователь психических феноменов и, по слухам, гомосексуалист лорд Адар, клялся, что видел своими глазами, как Хоум вылетел в горизонтальном положении из окна второго этажа, сорвал цветок с рододендрона и вернулся по воздуху через другое окно в комнату. Многие, правда, объясняли это «наблюдение» легковерием Адара и способностью обаятельного юноши внушить столь доверчивой особе все что угодно.

Посетив Европу в 1855 году, Хоум выступил перед Теккереем, супругами Браунинг, Чарльзом Диккенсом и Бульвер-Литтоном. Роберт Браунинг, как и Диккенс, воспылил к нему настоящей ненавистью (возможно, усиленной восторгом Элизабет) и вывел на него карикатуру в образе мошенника-медиума мистера Сладжа [от англ. Sludge – грязь, тина]. Но несмотря ни на что, Хоум неплохо заработал. Его приняли в аристократических кругах Англии, Франции и Германии, и он произвел впечатление даже на прусского короля. Зловредное же влияние Хоума на императрицу Евгению, которая в это время носила под сердцем принца-наследника, в конце концов заставило министра иностранных дел Наполеона III пригрозить ему высылкой из Парижа.

Хотя большинство сеансов были всего лишь модным развлечением, серьезные спиритуалисты надеялись, что результаты их опытов вскоре получат твердые научные обоснования: в середине XIX столетия слово «наука» было синонимом «бесспорной истины». И чем больше шарлатанов разоблачали, тем большее количество их приверженцев устремлялось в поиски достоверных доказательств спиритических феноменов. Роберт Дэйл Оуэн высказал эту тенденцию в таких словах: «Как щемит сердце, как тяжело становится при мысли о том, что, по Божественному Замыслу, великая привилегия прогресса, которой человек обязан всем, чем он когда-либо был или будет, не применима к Науке Души»⁸.

Погоня за научными доказательствами затронула не только убежденных спиритуалистов. Такие организации, как Лондонское Диалектическое Общество, Национальное Светское Общество и еще более известное Общество Психических Исследований, тоже интересовались спиритизмом и нередко проявляли к нему сочувствие и симпатию. Эти организации посвятили много усилий сбору свидетельств и постановке контролируемых экспериментов для наблюдения за манифестациями духов.

Но для тех, кто искренне стремился постичь серьезную теорию спиритуальной науки (в отличие от практикующих медиумов и обществ, претендовавших на научный подход к проблеме), уже и так имелось достаточно материала. Его можно было найти в трудах двух ранних «западных гуру» Эммануэля Сведенборга (1688–1772) и Франца Антона Месмера (1735–1815), также занявших не последнее место в гонке за Универсальным Ключом.

Сын шведского королевского священника Сведенборг⁹ посвятил тридцать лет жизни профессиональной деятельности в горнодобывающей промышленности, однако его истинной страстью всегда оставались естественные науки, математика, философия и религия. Будучи чрезвычайно обстоятельным ученым, он основал первый в Швеции научный журнал, предвосхитил ряд современных изобретений (в том числе

подводные лодки и самолеты), опубликовал трактаты по космологии, наблюдению Луны, химии, физике, кровообращению и чувственному восприятию. Ему принадлежит теория атомной структуры материи, также предвосхитившая современную, где материя описывается как система делимых до неопределенного предела частиц, сгруппированных в кружащиеся вихри.

Эта теория возникла случайно, как побочный результат исследования, которому Сведенборг посвятил многие годы и которое заключалось в определении местоположения человеческой души и доказательстве ее бессмертия. Предположив, что душа идентична жизненной силе, которая истекает из коры головного мозга и циркулирует в крови, Сведенборг приступил к длинной серии подробных анатомических экспериментов, чтобы подтвердить свою теорию. Однако этой работе помешал серьезный духовный кризис, начавшийся в 1743 году с целого ряда видений (многие из которых были на удивление чувственными), в том числе – видения Иисуса Христа. Воспитанный в благочестивой протестантской атмосфере, Сведенборг глубоко ощущал собственную греховность, в частности грех гордыни, выразившийся в стремлении стать крупнейшим ученым своей эпохи. Впрочем, каковы бы ни были причины этого долгого духовного кризиса, он коренным образом изменил жизнь мыслителя. В следующем году Иисус Христос явился Сведенборгу еще раз и повелел ему отказаться от научной работы и заняться толкованием Библии.

Сведенборг так и поступил, в результате чего на свет появилось более тридцати томов комментариев и теологических сочинений. Видения стали посещать его чаще. Он побывал в раю и в аду, общался с духами и ангелами и даже с самим Богом. Он с легкостью перемещался между материальным и духовным мирами, входя в последний через духовные органы восприятия, которые он описывал по аналогии с интуицией и воображением (отсюда его позднейшая популярность среди писателей-романтиков).

На основе своего визионерского опыта Сведенборг разработал теорию соответствий, изложенную в сочинении «Clavis Hieroglyphica» («Иероглифические ключи»), которое в английском переводе под названием «Духовный ключ» было опубликовано в Лондоне в 1784 году. Участвуя в дискуссиях относительно значения египетских иероглифов и о возможности универсального философского языка, Сведенборг утверждал, что каждый символ содержит три смысловых уровня: природный, духовный и божественный. Природный смысл относится к области материальных вещей (включая науку и историю человечества); духовный смысл связан с неосязаемым миром идей и воображения, тогда как божественный смысл ведет к истинной и предельной реальности Бога. Таким образом, каждая материальная вещь – это знак соответствующих духовного и божественного смыслов.

Теория соответствий повлекла за собой серьезные теологические и политические выводы. Особую роль сыграло убеждение Сведенборга, что Вселенная в конечном счете является гармоничным целым, лишь временно нарушенным грехопадением. Отвергнув идеи Страшного суда и вечного проклятия, Сведенборг приравнял грех к ошибке; и эта позиция внесла в его учение явственные нотки социального утопизма.

Видения убедили Сведенборга в том, что рай и ад – это не будущее, ожидающее каждого после смерти, а постоянные реалии, с которыми человек соприкасается в любой момент жизни в зависимости от своего выбора. Из этого Сведенборг заключил, что если бы люди стали развивать интуицию и воображение (а также духовные органы восприятия), перестав возвеличивать роль разума, то последствий грехопадения можно было бы избежать. Ибо разум, по мнению Сведенборга, ведет лишь одной из многочисленных дорог к Истине. Таким образом, Сведенборг ослабляет жесткую связь между наукой и рационализмом, возвращаясь к более старому и более широкому понятию духовной науки как цельного описания космоса, достижимого благодаря применению всех способностей, которыми наделен человек, и благодаря учету иных уровней реальности.

Вскоре после смерти Сведенборга возник целый ряд сведенборгианских церквей и обществ. Некоторые из них процветают до сих пор, хотя сведенборгианство так и не стало особенно массовым. Более явно его воздействие ощущается в литературе: произведения множества авторов – от Блока и Бальзака до Бодлера, Стриндберга, Эмерсона и Йитса хранят его следы. Но самое мощное влияние идеи Сведенборга оказали на различные варианты альтернативных религий, обязанных шведскому визионеру как минимум четырьмя важнейшими чертами: теорией соответствий («сродства»), верой в доступность высшего мира, убежденностью в неизбежности общественного и духовного обновления, а также концепцией единства науки и религии, воображения и разума.

Все эти положения сыграли определенную роль в деятельности Франца Антона Месмера, разработавшего теорию гипноза под влиянием экспериментов в области электричества и магнетизма, которые проводили Гальвани и Вольты¹⁰. Гипноз (в те времена получивший название «месмеризм») часто определяли как животный магнетизм, или электробиологию. Он был в моде в Париже 1780-х годов, после Французской революции пришел в упадок, но пережил возрождение в 1820-х годах, а в 1837 г. достиг берегов Англии. Помимо сведенборгианских идей о «сродстве» тогдашняя теория гипноза основывалась на представлении о том, что все тела окружены и пронизаны магнитной силой, или флюидом (эти два слова использовались как синонимы), и что человек, обладающий соответствующими свойствами («сенситив»), способен почувствовать этот флюид и по своей воле направить его в нужном направлении для достижения терапевтических целей.

Согласно Месмеру, болезнь вызывается препятствиями на пути свободного течения флюида. Эти препятствия сенситив может устранить при помощи пассов с железным магнитом или (при достаточном опыте) просто руками или даже усилием воли. Исцеление зачастую требует погружения пациента в транс, во время которого он подчиняется приказам гипнотизера, а иногда способен рекомендовать методы для лечения своей болезни,

даже предсказывать будущее. (Критики при этом отмечали, что иногда сеансы лечения сопровождались истерическими конвульсиями и обмороками пациентов.) Заявления относительно пророчеств, сделанных в трансе, неизбежно влекли за собой различные выводы о связи между гипнозом и ясновидением. После смерти Месмера многие его ученики утверждали, что поддерживают с ним психическую связь.

Какова бы ни была степень достоверности подобных заявлений, некоторые пациенты, скептически относившиеся к другим видам лечения, свидетельствовали в пользу терапевтической ценности гипноза; среди таких свидетелей – Чарльз Диккенс и популярный писатель Гарриет Мартино, успешно прошедший курс лечения у гипнотизера, которого порекомендовал ему Бульвер-Литтон. Место магнетической силы, или флюида, в общетеоретическом плане было достаточно неопределенным, поскольку эту субстанцию помещали где-то между физическим и духовным мирами, что не мешало выдвигать специфические этические требования к тем, кто способен ею манипулировать. Считалось, что сенситив не только должен обладать властным пронизывающим взглядом, умением сосредоточиться и самоконтролем: в не меньшей мере от него требовались высокая нравственность и духовная ответственность как условие удачи в его изнуряющей работе.

Месмеризм удачно соответствовал также повальному увлечению френологией (или «физиологией мозга», как тогда ее иногда называли), которая претендовала на возможность определения умственных способностей и отклонений путем исследования формы черепа. Доктор Джон Эллиотсон, возглавлявший развитие месмеризма в Англии, в 1824 году основал Британское френологическое общество и оказывал постоянную финансовую поддержку журналу «Зоист. Физиология мозга и месмеризм», организованному в 1843 году и объединившему под своей обложкой оба направления. Вкупе с ясновидением френология и месмеризм образовали могущественное трио, подготовившее почву для возникновения психоанализа – «науки XX столетия», в которой психоаналитик играет роль сенситива.

Казалось, синтез сведенборгианства, месмеризма и спиритуализма прокладывает путь к духовной науке, которая в свое время найдет ключ не только к тайнам жизни после смерти, но и к смыслу всего мироздания. Эти чаяния стимулировали развитие новых версий «научного» христианства, особенно в США. К тому времени в Америке уже сложилась устойчивая традиция автономных религиозных общин, восходящая еще к пуританским корням американцев и зафиксированная в Конституции. По мере того как расширялись границы страны и ускорялся приток иммигрантов, эту традицию чрезвычайно обогатили и усложнили влияния разнообразных европейских учений.

Новые секты, вообще говоря, распадалась на два типа: одни служили восстановлению чистоты христианской доктрины, другие – воплощению воли того или иного харизматического лидера, на личном откровении которого основывалось учение данной секты. Иногда (как, например, у мормонов) эти два фактора совпадали, и влиятельному учителю удавалось создать новую церковь вне культа личности, воплощенного в доктрине. Но каковы бы ни были частные особенности той или иной секты, для ее создания необходимы были два условия: наличие лидера и наличие мистического опыта.

Учение «Христианской науки» принадлежит к первому типу¹¹. Перенесшая в юности много страданий из-за неудачной личной жизни и постоянных недомоганий (в основном психосоматических), Мэри Бэйкер Эдди (1821–1910) начала с безуспешных экспериментов с гомеопатией. Потом ее пытался вылечить Финеас Квимби, методика которого была основана на гипнозе. Некоторого успеха ему удалось добиться, но лишь отчасти. После смерти Квимби Эдди снова заболела – но внезапно выздоровела, прочитав в Евангелии от Матфея о чудесах целительства, которые совершал Иисус. Этот опыт положил начало созданию «Христианской науки», основы которой Мэри Эдди изложила в 1875 году в книге «Наука и здоровье» (в более поздних изданиях – «Наука, здоровье и Ключ к Священному Писанию»). Первая церковь «Христианской

науки» была основана в 1875 году с целью проповеди этого учения.

Эдди, которая в своем учении во многом шла по стопам Сведенборга, отвергла кальвинизм, в суровом духе которого была воспитана, и обратилась к представлениям о Боге, милостивом и милосердном к людям. Она утверждала, что болезнь – это ошибка, результат в корне неправильных представлений о реальности, а зло – нереально, ибо Бог не творит зла и не признает его. Вселенная – гармоничное единство множества сил, и в рамках этой гармонии протекает полноценная жизнь духа. Видимая реальность материального мира – это всего лишь иллюзия, которой люди поддаются под влиянием собственных чувственных желаний. Для исцеления необходим отказ от этих желаний и подчинение божественной милости. А для спасения нужна постоянная бдительность: человек должен быть все время начеку, чтобы замечать и отвергать постоянные поползновения своей брэнной оболочки навязать ему низменные желания. Только так он сможет стать достойным Христа. Подобно Сведенборгу, Эдди полагала, что Царствие Небесное является не целью загробной жизни, а непосредственной духовной возможностью для любого человека, который сможет преодолеть отождествление подлинной реальности с материальным миром.

Мэри Бэйкер Эдди вела аскетический образ жизни. Чистота учения была для нее настолько важна, что ради этого ей пришлось основать собственную церковь. Кстати, эта церковь существует до сих пор и насчитывает около 350 тысяч приверженцев. И хотя основательницу ее весьма почитают, своим успехом церковь Христианской науки обязана не столько личным качествам Мэри Бэйкер Эдди, сколько ее учению. При всей своей целеустремленности и независимости Эдди, видимо, не обладала харизмой.

На другом конце спектра – современник Мэри Бэйкер Эдди Томас Лэйк Харрис (1823–1906), чье учение и образ жизни очень напоминают Г.Дж. Принса. Культ личности Харриса был настолько силен, что основанная им община не пережила смерти учителя.

Харрис родился в Англии, но вырос в Америке¹². Он стал независимым проповедником Универсалистской церкви (которая учила тому, что спасутся все верующие), а затем – учеником медиума Эндрю Джексона Дэвиса. Дэвис был сведенборгианцем, но в учении этого сурового мыслителя его интересовал не столько мистицизм, сколько теория божественной бисексуальности. Согласно Дэвисовой версии этой теории, мужские атрибуты Бога Отца и женские атрибуты Матери-Природы содержатся в духовной конституции каждого человека. Харрис, тяжело переживавший потерю рано умерших матери и жены, нашел утешение в доктрине, позволившей ему обнаружить внутри самого себя источник столь желанной женской любви; однако вскоре он отвернулся от Дэвиса, когда обнаружилось, что его бисексуальная теория была только прикрытием абсолютно гетеросексуальной практики.

Покинув и Дэвиса, и Универсалистскую церковь, Харрис решил попытать счастья в общинной жизни. В 1850 г. он вместе со своим коллегой поселил сотню религиозных искателей в штате Вирджиния, в поместье площадью десять тысяч акров. Там они стали дожидаться Судного дня, предсказанного двенадцатью апостолами, на духовную связь с которыми претендовали все члены общины. Будучи человеком властным и не признавая никакой самостоятельности среди своих учеников, Харрис решил еще больше укрепить свой авторитет, заявив, что впредь он будет единственным посредником между поселенцами и апостолами, но его последователи восстали против такой узурпации своих духовных прав, и община распалась.

В середине 1850-х годов Харрис женился вторично и основал в Нью-Йорке собственную сведенборгианскую церковь. В его конгрегацию вошли Генри Джеймс (отец Уильяма и Генри-младшего), а также Гораций Грили – уже упоминавшийся социалист-утопист, редактор «Нью-Йорк трибюн» и покровитель сестер Фокс. Харрис разработал новую теологию, объявив ее непосредственным откровением, полученным от Бога по образцу видений Сведенборга 1740-х годов. Он утверждал, что, хотя в 1757 году Сведенборгу было дано открыть врата рая в

своих «Arcana Coelestia» («Небесных тайнах»), прояснить сущностный смысл этого труда предназначалось именно ему, Харрису, что он и проделал в огромном сочинении «Тайны христианства», написанном ровно через сто лет после выхода в свет книги Сведенборга и изданном в 1858 году. Обратившись к трехчастному делению мира на материальный, духовный и божественный, Харрис решил, что Сведенборг привел только «небесный» смысл Священного Писания; ему же, Харрису, предстояло произвести более глубокую «духовную» интерпретацию.

Эта интерпретация повлекла за собой ряд любопытных открытий, в том числе – описание жизни на других планетах; заявление о том, что сам Харрис является «краеугольным камнем», от которого зависит спасение рода человеческого; идея тождества дыхания и ключа к божественному милосердию (корни которого, возможно, находятся в каббалистическом представлении о том, что Творение является результатом вдохов и выдохов Бога); учение о бисексуальности Бога, а также анализ истории человечества с точки зрения трех великих кризисов, или поворотных пунктов, а именно – Потопа, Воплощения Христа и появления на свет самого Харриса. Зачатки всех этих идей можно найти у Сведенборга, но Харрис искажает их на манер Принса, помещая себя в центр космической мистерии.

Однако двусмысленная слава Харриса объясняется не столько этими откровениями, сколько учением о «двойниках». Это учение, ставшее Харрисовой версией Универсального Ключа, происходит из сведенборгианства, прочитанного по Дэвису, который проповедовал, что в каждом человеке присутствует как мужской, так и женский принцип. Ко времени написания своих «Тайн христианства» Харрис уже перестал горевать об утрате матери и первой жены: скорбь его развеялась благодаря встрече с той, кого он называл своей «королевой Лили», или «Лили – королевой слияний» (sic!), бессмертной духовной невестой, с которой он общался по ночам во сне наверное, к немалому удивлению своей второй супруги, Эмили Уотерс. Найдя своего «двойника», Харрис

(подобно Принсу) горячо вознамерился помочь своим последователям обрести то же. Для этого требовалось крепко обняться с Харрисом, чтобы истекавшая из него сила породила в ученике видение Христовой любви, из которой и возникала собственная «королева Лили» ученика (или, возможно, «король Лили», поскольку ученики, которых обнимал Харрис, были неизменно женского пола).

В 1861 году Харрис основал еще одну общину – Братство Новой Жизни, члены которой называли ее просто «Польза». Перепробовав несколько мест, Харрис в конце концов обосновался со своими последователями в Броктоне, у озера Эри, и обеспечил себе полный и абсолютный контроль над жизнью сообщества. Поселившись в особняке под названием «Вайнклифф» на берегу озера, он стал вести жизнь сельского джентльмена с несколькими избранницами – в числе которых были мисс Джейн Уоринг, чьи деньги использовались для финансирования предприятия, и миссис Реква, которую Харрис считал ближайшим земным подобием своего небесного «двойника».

Каждый обитатель Броктона получил новое имя. Сам Харрис стал называть себя «Верным», а члены общины обращались к нему «Отец». Миссис Реква носила прозвище «Золотая Роза» – видимо, в знак почтения к «королеве Лили». Миссис Харрис жила отдельно от мужа, но под постоянным наблюдением; стоит ли удивляться, что она, как говорили, была подвержена постоянным сменам настроения и депрессиям. Остальные члены общины (в том числе и мистер Реква, обанкротившийся миллионер, который вскоре умер) жили в хижинах и сараях. Все, кроме Харриса, мисс Уоринг и Золотой Розы, занимались тяжелым физическим трудом, который требовался для содержания поместья. Даже миссис Харрис не была избавлена от этой обязанности.

В действительности община представляла собой плохо управляемую ферму. Когда Харрис был в настроении, работники получали духовные наставления. Их духовный рост зависел от выполнения неприятных заданий, принявших удобную для Харриса форму сельскохозяйственных работ. Харрис полагал,

что ученикам следует смирить гордыню и отказаться от старых привычек. Только таким путем можно было открыть свое истинное «я» и своего «небесного двойника». При этом Харрис проповедовал известную викторианскую доктрину подавления желаний и усмирения плоти ради обновления духа. Сам он в сельскохозяйственных работах не участвовал.

Члены общины не только не возражали против такого обращения с ними, но даже приветствовали его. Один из них много лет спустя писал своей жене: «¹³ удавалось измываться надо мной лучше, чем кому бы то ни было. И поскольку я нуждался в издевательствах, я оставался с ним до тех пор, пока его тирания не принесла желаемого результата... Я чувствовал, что меня надо сломить, и Харрис оказался эффективным инструментом для этого. Более абсурдного тирана, чем он, я не встречал никогда»¹⁴.

Харрис был проницательным психологом. Он никогда не зазывал к себе учеников намеренно и не соглашался принимать в общину богатых искателей истины до тех пор, пока они не начинали умолять его об этом и не выражали готовность абсолютно подчиниться его воле. Харрис требовал также, чтобы супруги, вступившие в общину, спали в одной постели, но не вступали в интимную связь: это должно было способствовать обретению «небесных двойников». Власть этого тирана была настолько сильна, что после его смерти в 1906 году немногие оставшиеся в общине ученики не поверили, что Отец покинул их, и дежурили над его телом, пока оно не начало разлагаться. Среди них была и мисс Уоринг, вышедшая замуж за Харриса после смерти его второй жены в 1895 году и потратившая свое состояние на то, чтобы обеспечить своему супругу достойную жизнь в Калифорнии.

У Харриса было много общего с Принсом. Оба были властными тиранами, оба основали общины, чтобы потворствовать своим низменным желаниям, прикрываясь духовными мотивами. И оба при этом совершенно искренне верили, что нашли ключ к космической тайне, к достижению бессмертия и просветлению через мистический союз с возлюбленной(ым). И несмотря на эксцентричную форму,

которую приняла на практике эта доктрина, она в определенной степени связана с индуистскими и буддистскими учениями. Эти учения мало-помалу становились все популярнее в Европе XIX века, и это – один из признаков глобального обращения к Востоку, повлиявшего на множество отраслей западной науки – от филологии до богословия. К примеру, такие крупные христианские секты, как трансцендентализм и унитариянство, испытали влияние ведического учения с его проповедью единства всего творения и единой реальности духа. Обе эти религии – индуизм и буддизм повлияли отчасти на Принса и Харриса. В своем стремлении обновить христианство оба «учителя» расширили свои доктрины до такой степени, до какой это вообще позволяли пределы христианской веры.

Однако задача сделать еще шаг по этому пути и окончательно освободить «западного гуру» от ограничений христианской доктрины, положив в основу учения иные религиозные традиции, выпала на долю других. Самой значительной из таких «западных гуру» оказалась Елена Блаватская, речь о которой пойдет в следующих главах. Но был и еще один крупный учитель, пошедший в этом направлении, – ученик Харриса Лоуренс Олифант¹⁵. Начав с традиционных учений, Олифант под влиянием Харриса разработал необычный синтез христианства и ислама, который вызвал симпатию даже у королевы Виктории. Кроме того, отношения Олифанта с Харрисом стали образцом для последующего взаимодействия «западных гуру» XX века со своими учениками.

Олифант родился в 1829 году в семье шотландских аристократов, евангелистов по вероисповеданию. Он блистал в высшем лондонском свете, и в числе его близких друзей был принц Уэльский. Он добился выдающихся успехов в бизнесе, литературе, дипломатии и международных интригах, был советником нескольких премьер-министров (в том числе лорда Палмерстона и лорда Джона Расселла), а в 1865 году стал членом парламента¹⁶. В 1860 году Олифант познакомился с Харрисом. В своем романе «Масоллам», повествующем об этой встрече и вышедшем в свет в 1886 г., через много лет после его разрыва с учителем, Олифант утверждает, что Харрис сразу же

произвел на него необыкновенное впечатление. Поначалу он пытался следовать учению Харриса, продолжая вести привычный образ жизни, но вскоре понял, что это невозможно. Харрис потребовал абсолютного и безоговорочного служения, а взамен обещал Олифанту самодисциплину, самооткрытие и (если это вообще интересовало Олифанта) полное обновление жизни. Посетив общину, Олифант решил отказаться от своей блестящей карьеры и присоединиться к Харрису, что и произошло в 1867 году. Чем же было вызвано такое решение? Формальные причины описаны в более раннем романе Олифанта «Пикадилли», изданном в 1865 году – в тот период, когда Олифант находился на перепутье, но еще не пошел за Харрисом. Написанный в форме сатиры на великосветское общество, этот роман, по сути, является историей самого автора. Герой романа, лорд Фрэнк Ванкур, оправившись от странной болезни, порывает со своей возлюбленной и покидает высшее общество, чтобы начать новую жизнь в Америке, под руководством таинственного целителя – «того, чье имя не может быть обнародовано». В «Масолламе», опубликованном уже после мучительного разрыва Олифанта с Харрисом, автор изображает своего учителя зловещим армянином, наделенным необычными способностями. Оба загадочных персонажа – фигуры явно не христианские. Они напоминают суфиев – исламских мистиков, сочетавших в себе роли священника, мага и целителя.

Относительно более глубинных причин для скандального именно своей бескомпромиссностью обращения Олифанта к мистике можно только строить догадки. Не исключено, что в число этих причин входили оккультные силы Харриса и сексуальная податливость его учеников. И Харрис, и Олифант были эмоционально неустойчивы. Оба вели беспокойную, бурную жизнь. Оба были необычайно привязаны к своим матерям; душевная близость Олифанта с матерью была настолько сильна, что леди Олифант сделалась еще более восторженной поклонницей Харриса, чем ее сын, и сменила комфортную лондонскую жизнь на тяготы американской общины. Но глубочайшим мотивом обращения Олифанта к

новому учению была, по-видимому, его вера в то, что община Харриса рано или поздно приведет его к неуловимому источнику власти. Кроме того, Харрис обещал ключ к тайнам бытия: когда герой «Пикадилли» осознает тщету своей жизни, «целитель» обещает внести в нее смысл.

Жизнь в Броктоне была на самом деле трудной. Мать и сын фактически стали рабами: они передали свое немалое состояние Харрису и выполняли все его требования. Хотя леди Олифант в порядке исключения было позволено жить в «Вайнклиффе», ей приходилось готовить еду, мыть посуду и убирать в доме; а ее утонченный сын (которого теперь называли Вудбайн [от англ. Woodbine – лесной хмель.] должен был чистить конюшни, носить воду и разгружать кирпичи – нередко в четыре часа утра в лютый зимний холод. Он обморозил нос и пальцы и питался отбросами.

Через два года Олифант покинул общину и вернулся к прежней жизни, но его мать осталась с Харрисом. Впрочем, и сам он по-прежнему находился под его влиянием. Поначалу Олифант попытался объединить общественную и литературную карьеру с попытками пропагандировать идеи своего учителя среди английской аристократии. Расхождение Олифанта и Харриса началось в середине 1870-х годов, но окончательный разрыв произошел только в 1881 г. Приехав в Америку, чтобы изъять свои средства из общины для финансирования другого дела, Олифант обнаружил, что Харрис и мисс Уоринг переехали в Калифорнию, оставив броктонскую ферму на попечение редущей группы учеников, среди которых находилась и леди Олифант, к этому времени уже тяжело больная раком. Несмотря на болезнь, она отправилась вместе с сыном в Калифорнию, где и произошла встреча с Харрисом. Разыгралась безобразная сцена. «Отец» отказался вернуть деньги. Вскоре после этого леди Олифант слегла, а шесть дней спустя скончалась.

И тогда Олифант сделал шаг, ставший впоследствии типичным для учеников «западных гуру». Вместо того чтобы отказаться от нетрадиционной духовной жизни, испытал отвращение к поведению своего учителя (к этому времени

стали всплывать и другие доказательства нечестности Харриса), он взялся отделять доктрину Харриса от его личности. Заявив, что испорченность и высокомерие этого человека отнюдь не опровергают истинности его учения, Олифант продолжал проповедовать это учение. Так ему пришлось самому выступить в роли учителя. К тому времени он уже давно был активным сторонником сионизма, и логика вещей потребовала основать общину в Палестине. Там Олифант и провел остаток жизни, изучая местные разновидности христианского и исламского мистицизма, объединившиеся идеей единения с Возлюбленным, т. е. с Богом.

Здесь вдохновляемый прекрасной Элис ле Странж, которая стала его женой в 1872 году, Олифант проповедовал доктрину «симпневмы», изложенную в сочинении «Симпневмата, или Силы эволюции, действующие ныне в человеке» (1884). Хотя на обложке книги стоит имя Лоуренса, более вероятно, что настоящим автором ее являлась Элис, ставшая еще более страстной, чем супруг, последовательницей идей Харриса. В этой книге разрабатывается учение о «двойниках» и об идеальном обществе гермафродитов, члены которого размножаются искусственными, несексуальными способами (какими именно – не уточняется). «Симпневмата» стала настоящей сенсацией. Ею весьма заинтересовался друг Олифанта генерал Гордон; а на обеде у королевы Виктории в Балморале во время визита в Англию в 1886 году королева даже попросила Олифанта прислать ей экземпляр его книги.

Вскоре после выхода в свет «Симпневматы» Элис скончалась, и в 1888 году Олифант женился на Розамунде Дэйл Оуэн, внучке Роберта Оуэна. С этого момента Розамунда целиком посвятила себя чтению лекций о необходимости соблюдать целомудрие в браке, и эта пара больше напоминала союз «небесных двойников», чем настоящих супругов. Брак этот продлился недолго. Через несколько месяцев после свадьбы Олифант умер, и Розамунда вернулась в палестинскую общину, где вышла замуж за человека намного моложе себя. Через два года он впал в депрессию и покончил с собой, выбросившись в море с борта корабля. Тогда Розамунда взяла в мужа совсем

юношу, почти мальчика, и счастливо прожила с ним под неумолкающие скандалы вплоть до самой смерти, постигшей ее в Лоурелсе (Уортинг) в 1937 году.

К концу XIX столетия стало очевидно, что западное общество испытывает острую необходимость в новых, экзотических формах религии, стремясь дополнить или даже заменить ими традиционное христианство. Сведенборг показал один из возможных путей поиска, объединив религию и науку. Месмер и спиритуалисты продемонстрировали другой путь, распахнув двери в духовный мир. Интерес к восточным космологиям и оккультизму быстро возрастал, особенно в среде людей, стремившихся к радикальным политическим и социальным переменам. Но обществу требовались не только новые учения. Эпоха жаждала вдохновенных проповедников, и если те не находились, их место пытались занять политические деятели и писатели. Существовали, конечно, и влиятельные религиозные учителя, стоявшие вне традиционных церквей, – наподобие Принса, Харриса и Олифанта; однако они воплощали новые учения в жизнь лишь в незначительном масштабе. Впрочем, «Христианская наука» и мормоны доказали, что возможности создания новой массовой религии все-таки имеются и что, несмотря на весь мужской шовинизм тогдашней эпохи, Учителем и Пророком может стать и женщина. Оставалось только объявиться некоему индивидууму, который смог бы соединить личный авторитет Харриса и Принса и массовую притягательность учения Эдди с новым знанием, синтезирующим элементы всех радикальных альтернативных доктрин. Эра «западного гуру» уже могла начаться.

Глава 2. Мэлони и Джек

Не каждой фотографии можно доверять. Особенно если это фотопортрет XIX века, для которых позировали, стремясь соответствовать традиционным образам: неотразимый красавец, глава семейства, добродетельная жена... Однако фотография Елены Блаватской свидетельствует о ее характере: перед нами коренастая, тучная, уверенная в себе женщина, с сильными руками, двойным подбородком, непокорными волосами, решительно сжатым ртом и большими водянистыми глазами слегка навывкате. Кажется, будто она вот-вот сойдет с фотографии и бросится в атаку на очередного противника! Однако в ее лице различимы и следы пережитых тягот и испытаний. Это лицо настоящего закаленного бойца, много повидавшего в жизни.

Лицо Генри Олькотта с густой бородой и в очках, как положено добропорядочному отцу семейства викторианской эпохи, на первый взгляд кажется более загадочным. Правда, на некоторых портретах Олькотт выглядит глуповато, но в этом, возможно, повинен не он сам, а фотограф. На одной фотографии, где он снялся вместе с Блаватской, она нетерпеливо подалась вперед, к камере, а он скромно держится позади. Поза его несколько неуверенна, взгляд устремлен куда-то внутрь себя. Рядом с Блаватской (и, возможно, по ее вине) Олькотт явно чувствует себя не в своей тарелке. Хотя он выше ее ростом, но кажется менее крепким по сравнению со своей напарницей, такой же широкой в плечах, как он. Худоба Олькотта заставляет предположить, что он вел более аскетический образ жизни (особенно если сравнить его подтянутую фигуру с широким торсом Блаватской).

Эта фотография хорошо отражает характер отношений между компаньонами. Отчасти на ней можно увидеть и разницу в их происхождении и прошлом, ибо Блаватская и Олькотт пришли к одной и той же цели очень разными путями. Каждый из них является, по сути, типичным представителем своей национально-общественной культуры, которые так различны;

Блаватская праздная русская аристократка, ставшая мятежным духовным Учителем; Олькотт – серьезный американский буржуа, ищущий высшей истины. По крайней мере, таковы были образы, которые они пожелали явить миру. Насколько же правдивы эти образы?

Олькотт родился в 1832 году в Нью-Джерси, в семье, возводившей свой род к первым поселенцам¹⁷. Получив строгое пресвитерианское воспитание, он затем по причине «финансовых затруднений» (обычный штрих в биографиях теософов) был вынужден отказаться от высшего образования и заняться сельским хозяйством в Огайо. Он стал специалистом по агрономии и выпустил несколько книг по этому предмету, в том числе – руководство по выращиванию сорго и имфея (два заменителя сахарного тростника), которое выдержало семь изданий. Отклонив предложение правительства Греции, приглашавшего его занять пост научного агронома в Афинах, Олькотт попытался основать «Школу фермера» в Уэстчестере. Но это предприятие окончилось крахом, и в 1859 году Олькотт стал работать редактором в сельскохозяйственном разделе издания «Нью-Йорк трибюн». Вскоре его карьера снова прервалась – на сей раз по причине начавшейся Гражданской войны. Олькотт стал связистом в Объединенной армии.

Выбыв в чине полковника из действующих войск по инвалидности, он стал специальным уполномоченным Военного департамента. В его обязанности теперь входило расследование спекуляций. На этом поприще он добился таких успехов, что после убийства президента Авраама Линкольна в 1865 году Олькотт вошел в комиссию из трех человек, которой было поручено расследование этого преступления. Выйдя в отставку с благодарностями Военного департамента, в конце 1860-х годов Олькотт открыл частную юридическую практику в Нью-Йорке.

Эта, по любым стандартам, несомненно, интересная и разнообразная деловая карьера привела к неожиданным результатам. Профессия юриста, обычно весьма выгодная, почему-то не принесла Олькотту большого успеха. Кроме того, его семейная жизнь, несмотря на рождение четверых детей, не

сложилась. Разведясь в конце концов с женой, Олькотт увлекся спиритизмом. Он всерьез заинтересовался «иным миром» еще на ферме в Огайо: он вступил тогда в масонский орден и занимался гипнозом и духовным целительством. И вот теперь, в Нью-Йорке, он стал спиритуалистом.

В один июльский день 1874 года, устав от работы, Олькотт вышел купить новый номер популярной спиритуалистической газеты «Banner of Light» («Знамя Света»), которая продавалась в магазине на углу, рядом с его конторой. В этом номере была напечатана статья о психических феноменах, наблюдавшихся на ферме семейства Эдди в Читтендене (штат Вермонт), где происходили многочисленные материализации духов. После относительного спада популярности в 1860-е годы, спиритизм в Америке вновь переживал период возрождения, и Читтенден вызывал немалый интерес. Полковник, время от времени сам писавший статьи в спиритуалистские издания, решил оживить скучное нью-йоркское лето поездкой в Вермонт, где можно было применить на деле старые навыки детектива. В августе и сентябре 1874 года он посетил ферму несколько раз, о чем написал в нью-йоркской газете «Дэйли график».

В Читтендене и впрямь было на что посмотреть¹⁸. Мэри Эдди, чья прабабушка-шотландка была некогда повешена как ведьма, сама обладала даром ясновидения и передала своим малышам целый набор сверхъестественных способностей (в том числе – левитацию и умение материализовать духов). Эти способности проявлялись не только непреднамеренно, но зачастую и несвоевременно. К примеру, стоило иногда уложить детей на ночь в постели, как они воспаряли к потолку. В школе детей Эдди окружали духи, барабанившие по их партам, а дома постоянно пугали и доводили до слез всякие призраки.

Самыми выдающимися способностями обладал Уильям. Он нашел им неплохое применение, начав устраивать регулярные публичные спектакли на ферме, на которые порой собиралось до тридцати зрителей. Прячась в закрытом шкафу на возвышении в дальнем конце комнаты для сеансов (это устройство было известно среди клиентов как «лавка духов»), он порождал целый поток феноменов, которых хватило бы для

целого водевиля. В число духов, являвшихся в гости к Уильяму, входили три индейские скво (Хонто, Утренний Рассвет и Яркая Звезда), ряд недавно умерших белых людей и двое покойных детей некой немецкой фрау, постоянно присутствовавшей на этих спектаклях. Все призраки ненадолго показывались перед занавесом, закрывавшим шкаф, в котором сидел Уильям. Некоторые духи говорили, но большинство хранило молчание. Иные пели и танцевали, а два призрака даже сражались на мечах. Место Уильяма иногда занимал его брат Горацио, которому помогал дух-проводник по имени Джордж Дике. Джорджа никогда никто не видел; его можно было только слышать, но этого вполне хватало, поскольку дух-проводник любил подшучивать над публикой и рассказывал неприличные анекдоты.

Уильям устраивал и большие представления, проходившие в темноте. Он вызывал целый индейский оркестр, и тот исполнял популярную в те дни мелодию «Буря на море» (довольно странный репертуар для духов-индейцев, которым было бы проще исполнить какой-нибудь национальный напев, а то и вовсе музыку сфер!). Не исключено, что объяснением этому может послужить тот факт, что муж немецкой фрау был музыкантом и хорошо знал эту мелодию.

Олькотта обуревали сомнения. С одной стороны, эти представления были чрезвычайно убедительны – вплоть до того, что однажды в темноте полковника поцеловали в щеку ледяные губы какого-то невидимого существа. Поцелуй был в той самой мере холодный и влажный, как и подобало ласке загробного существа. Но, с другой стороны, Олькотт был тверд в своем решении не поддаваться на шарлатанские проделки. Поэтому он посетил ферму еще несколько раз, чтобы проверить свои первые впечатления. В один из этих визитов он и встретил Блаватскую. Это произошло 14 октября 1874 года. Блаватская сказала, что ее привлекли в Вермонт статьи полковника в «Дэйли график», подобно тому как сам он отправился сюда под впечатлением от статьи в «Знамени Света». Такой поступок вполне типичен для энергичной, решительной и целеустремленной Блаватской: только-только приехав в

Америку, она без колебаний бросилась в Читтенден, чтобы познакомиться и подружиться с Олькоттом. И эта встреча принесла удивительно богатые плоды.

Если биография и прошлое Олькотта были в общем-то обычными, то об Елене Петровне Блаватской этого не скажешь. Ее отец Петр Алексеевич Ган принадлежал к обрусевшему немецкому дворянскому роду, представители которого давно вошли в русскую административную и военную элиту. Мать Блаватской, известная в свое время романистка, происходила из гораздо более знатного рода Долгоруких. Однако, несмотря на благородное происхождение, родители Елены Блаватской вели беспокойную жизнь, связанную с военной службой отца. Семья постоянно переезжала с места на место. Елена, родившаяся в 1831 году, лишилась матери в одиннадцать лет. Хотя после смерти матери дети [Сестры Елена и Вера (впоследствии В. П. Желиховская) и брат Леонид. Елена была старшей.] долго жили у бабки и деда со стороны матери, вероятно, они успели привыкнуть к бродячей жизни и к постоянным треволнениям¹⁹.

В детстве Елена была своенравной фантазеркой и жила в каком-то своем причудливом и загадочном мире. Позже она рассказывала своему биографу:

«Какое у меня было детство? С одной стороны, меня баловали и портили, с другой – наказывали и тем самым закаляли. Бесконечные болезни до семи-восьми лет, хождение во сне по наущению дьявола. Две гувернантки... Несколько нянь... Помню, как солдаты отца заботились обо мне... Я жила в Саратове, где дедушка был губернатором, а до того он занимал эту должность в Астрахани, где под его началом было несколько тысяч калмыцких буддистов (их было то ли восемьдесят, то ли сто тысяч)»²⁰.

Елена легко училась, прекрасно играла на фортепиано, но не была послушным ребенком. Она имела обыкновение мечтать вслух и рассказывать брату и сестре свои видения – четкие, живые и не менее реальные для нее, чем реальная жизнь. «Она очень любила в сумерки собирать вокруг себя маленьких детей, – вспоминала ее сестра Вера, – вести их в музей бабушки

[Бабушка Е. П. Блаватской Е.П. Фадеева была исключительно образованной женщиной, серьезно увлеченной геологией и зоологией, состоявшей в переписке со многими учеными. Здесь речь идет о зоомузее доисторических ископаемых, птиц и животных, находившемся в саратовском имении Фадеевых.] и там поражать их воображение сверхъестественными рассказами, неслыханными приключениями, в которых главной героиней была она сама. Каждый экспонат музея доверял ей свои тайны, передавал свои предыдущие воплощения или эпизоды из их жизни»²¹.

Далее сестра пишет, что «позже она никогда нам так не говорила, как это было в раннем детстве. Ее источник иссяк». Но, несомненно, г-жа Желиховская тут пошутила, преувеличила либо проявила осторожность. Ведь все, знавшие Елену в зрелые годы, говорят о ней как о блестящей собеседнице, убедительнейшей рассказчице, способной очаровать своим красноречием даже противников. Однако эта способность, проявившаяся в детстве, – способность творить свой собственный мир и убеждать других в его существовании, – сделала Блаватскую эгоцентричной и невнимательной к окружающим.

Сведений о жизни Елены Петровны Блаватской до ее прибытия в Америку немного. Ее брак с Никифором Васильевичем Блаватским, вице-губернатором Еревана, состоявшийся 7 июля 1848 года, когда Елене было семнадцать лет, а ее мужу почти сорок, – это, конечно, несомненный, документально зафиксированный факт, равно как и бегство Елены от мужа несколько недель спустя. Но начиная с этого момента в биографии Блаватской миф и реальность становятся неразличимы. Весьма типично, к примеру, то, что, неоднократно пересказывая впоследствии историю своего брака, она с каждым разом увеличивала разницу в возрасте со своим супругом, пока генерал Блаватский не превратился в старого развратника, домогавшегося юной девочки. Как бы то ни было, очевидно одно: в октябре 1848 года Елена бежала. Отец был согласен принять ее обратно и даже послал за ней слуг, но она села на пароход и отправилась в Константинополь, навстречу

свободе. Возможно, это и определило всю ее дальнейшую жизнь.

Судя по тому, что рассказывала Блаватская своим друзьям и будущим биографам, двадцать пять лет ее жизни до приезда в Америку представляли собой цепь необыкновенных событий – достаточно странных, чтобы вызвать недоверие, хотя и не совсем невероятных. Довольно редко навещая своих родных в России, все это время Блаватская путешествовала по Европе, Азии и обеим Америкам. Не совсем ясно, на какие средства она жила, хотя известно, что отец высылал ей денежное пособие и она сама кое-что зарабатывала, в том числе и проводя спиритические сеансы. Согласно источникам разной степени достоверности, ей довелось выступать наездницей в цирке, совершить турне по Сербии с фортепианными концертами, открыть чернильную фабрику в Одессе, торговать страусиными перьями в Париже и разработать декор интерьера для императрицы Евгении.

Неизвестно, были ли у нее любовники, хотя позднейшие слухи связывали ее и с немецким бароном Мейендорфом, и с польским принцем Виттгенштейном и с венгерским оперным певцом Агарди Митровичем. Блаватская категорически отрицала интимность этих связей, но иногда намекала, что нечто в этих слухах соответствует действительности. Такая уклончивость оказалась небесполезной, когда враги теософского движения попытались скомпрометировать его основательницу, обвинив ее в беспорядочной жизни. Главной их целью был Митрович, которого Блаватская, по ее словам, в действительности спасла от смерти, найдя умирающим от ран наемного убийцы в каком-то переулке не то в Каире, не то в Константинополе. Ходили даже слухи, что у нее якобы был ребенок от Митровича, хотя медицинское свидетельство, предъявленное ею, свидетельствует против такого предположения²².

То, что подобные вопросы стали предметом обсуждения, равно как и вся жизнь этой скрытной и противоречивой женщины, вполне типично для Блаватской. Она старалась заигрывать с общественностью, но не знала, как ею управлять.

О своей жизни она говорила увлекательно и красноречиво, но почти никогда не повторяла дважды один и тот же факт. В ее гипотетическую биографию, позднее составленную коллективом исследователей при участии ее внучатого племянника, входят встречи с краснокожими в Канаде и Соединенных Штатах в 1850 и 1851 годах, путешествие в крытом фургоне по Среднему Западу Америки в 1854 году, участие в битве за Монтану с армией Гарибальди в 1867 году, где Блаватская получила несколько сабельных и пулевых ранений, а также кораблекрушение в Спетсаи у побережья Греции в 1871 году, когда при взрыве «Евмонии» погибло множество пассажиров. В промежутках между этими эпизодами Блаватская встречалась с посвященными в Египте, членами Тайных обществ в Центральной Азии, колдунами-вуду в Новом Орлеане и целителями Мексики.

В общем-то ни один из этих эпизодов не является целиком неправдоподобным. Рассказы Блаватской подкреплены убедительными подробностями и датами, так что отличить правду от вымысла невозможно. Да в конце концов едва ли это имеет значение. Главное состоит в том, что Блаватская смогла убедить немалое число людей в своей версии событий. Некоторые ее поклонники даже попадали в парадоксальную ситуацию: всецело доверяя рассказчице, они не могли поверить в ее рассказы. И хотя истории практически не поддаются проверке, следует напомнить, что XIX век изобилует удивительными биографиями и необычайными путешествиями. Не была Блаватская и первой европейской женщиной, рискнувшей отправиться в самое сердце «темного континента», вооруженная только зонтиком и величайшей самоуверенностью. И если совокупность всех этих историй может потрясти своей невероятностью, то каждая из них, взятая по отдельности, вполне достоверна с поправкой на естественную гиперболизацию. Каждая – за исключением самой главной. Ибо центральным эпизодом «одиссеи» мадам Блаватской – и современной эзотерической истории – была встреча с таинственным жителем Тибета, которого она называла – Учитель Мория.

Главным событием в жизни Блаватской было путешествие в одиночестве по Тибету и пребывание в течение семи лет в этой горной стране. Важность этого периода связана с традиционным представлением о том, что семь лет это необходимое время ученичества для кандидатов, взыскующих посвящения в эзотерические тайны. Блаватская прославилась благодаря своему заявлению о том, что ее не только «избрали» для высочайшей из доступных человеку ступени инициации в оккультной иерархии, но и что своими достижениями она обязана неким «Гималайским учителям», у которых она обучалась. Весьма кстати уже после смерти Блаватской, два британских офицера, служившие в тех местах, подтвердили, что они слышали о европейской женщине, которая в одиночку путешествовала по горам Тибета в 1854 и 1867 годах соответственно²³.

Однако это в высшей степени маловероятно. Даже после экспедиции Янгхасбэнда в 1903 году на Тибет не пускали почти никого, кроме редких путешественников, за действиями которых пристально следили сами тибетцы, а также китайские, русские и британские пограничные патрули, в обязанности которых входило перехватывать потенциальных шпионов²⁴. И если даже упомянутая путешественница действительно существовала, нет никаких оснований идентифицировать ее с Блаватской. Но самый, возможно, сильный аргумент против этой версии – чисто практический: слишком трудно вообразить себе, что тучная, неуклюжая, страдающая одышкой Блаватская смогла бы взбираться на крутые скалы в ужасную погоду, ухитряясь при этом скрываться от опытных наблюдателей. [В 1854 г. Е. Блаватской было 23 года, в 1867 – 36 лет, и она еще не страдала подагрой, ревматизмом и одышкой.]

Впрочем, независимо от реальности путешествия Блаватской по Тибету, эта история чрезвычайно важна: в последние годы XIX века романтический и религиозный символизм этой горной страны возрос пропорционально ее недоступности. Порой этот процесс приобретал весьма любопытные повороты. Так, в 1894 году соотечественник Блаватской Н.А.Нотович утверждал в своей книге «Неизвестная

жизнь Иисуса Христа», что Иисус провел несколько лет на Тибете, где изучил эзотерический буддизм, который впоследствии и преподавал своим ученикам в зашифрованной форме. Гипотеза о том, что основатель христианства путешествовал по Центральной Азии²⁵, связывающая христианскую традицию с буддийской и индуистской, оказалась привлекательной и для тех, кто, подобно самой Блаватской, мечтал синтезировать все мировые религии в единой общечеловеческой мудрости, и для тех, кто по более зловещим причинам стремился отделить Иисуса от еврейских корней. Кроме того, это был очередной симптом смещения центра религиозного притяжения к востоку. Средневековые европейские карты помещали в духовное сердце мира Иерусалим. А к 1900 году этот почетный титул перешел к Лхасе. Бессмертные мудрецы Шангри-Ла в романе Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт» (1933) возникли на основе давно известных легенд. Как мы увидим, популярность этих легенд была во многом делом рук самой Блаватской, хотя первая ее встреча с Учителем Морией произошла, по ее словам, не в Гималаях, а среди городской толчеи Большой Лондонской выставки в июле 1851 года. Блаватская говорила, что в детстве она часто видела рядом с собой астральную форму, которая, казалось ей, появляется во время опасности и спасает ее в самые критические моменты. Она привыкла считать эту астральную форму ангелом-хранителем и чувствовала, что она ей покровительствует и помогает. Но впервые она явилась ей во плоти именно тогда (если вообще можно говорить о плоти применительно к существу, способному материализоваться по своему желанию). Такова, по крайней мере, версия, вошедшая в ее дневник, где говорится: «Nuit memorable. Certaine nuit par un clair de lune qui se couchait a – Ramsgate, 12 Aout [31 июля по старому стилю. – Прим. автора. То есть день рождения Е. П. Блаватской – Прим. пер.], 1851 lorsque je recontrai le Maitre de mes Reves»²⁶ [«Незабываемая ночь. Значительная ночь, когда месяц зашел в Рамсгате, 12 авг. 1851 – я встретила Учителя из моих снов"]. Когда помощница Блаватской, тридцать лет спустя разбиравшая ее бумаги, натолкнулась на эти строки, хозяйка

альбома объяснила их как запись о первой встрече с Морией, добавив, что намеренно указала неверно место, чтобы этой информацией не смогли воспользоваться недоброжелатели. Рамсгит – несомненно достойная выдумка, чтобы сбить со следа кого угодно. Что же касается двусмысленного словосочетания «Maitre mes Reves», то читателю предлагается толковать его по своему усмотрению.

Но кто такой Учитель Мория? Согласно Блаватской, он принадлежит к Великому Братству Учителей человечества, или Махатм. Эти Братья, Учителя, или Махатмы (Блаватская использует все три термина), являются Адептами, или Посвященными. Благодаря суровой дисциплине, сохранению абсолютной чистоты и эзотерической работе в целой серии воплощений они обрели сверхъестественные способности. Они бессмертны и нематериальны, но способны вселяться в материальные или полуматериальные тела по своему желанию (этот момент не совсем ясен), а также перемещаться в любую точку Вселенной. Они наделены множеством других чудесных качеств, в частности ясновидением. Общаясь между собой при помощи своего рода космического радио, они поддерживают связь между человечеством и Божественной иерархией, которая правит космосом.

Позднее, описывая Братство, Блаватская уточняла [Здесь и далее автор приписывает Блаватской сведения о махатмах, их специализации и борьбе с «темными владыками», почерпнутые из самых разнообразных источников значительно более позднего времени, в том числе и литературного жанра «фэнтези»], что во главе иерархии стоит Владыка Мира, который живет в Шамбале в пустыне Гоби²⁷. Владыка Мира прибыл на Землю с Венеры с несколькими помощниками, а в настоящее время обитает в теле шестнадцатилетнего мальчика. В нисходящем порядке полномочий его помощники – Будда, Махагоян, Ману и Майтрейя.

У Ману и Майтрейи тоже есть помощники. Это два Учителя, которые и сыграли решающую роль в жизни Блаватской и в истории Теософского Общества. Помощник Ману – тот самый визитер Блаватской, Учитель Мория, который часто

упоминается в текстах как Учитель М. или просто М. Его обязанность состоит в управлении свойствами Власти и Силы, в особенности – применительно к нациям. Как приличествовало его задаче, Мория избрал для себя темнокожее могучее тело раджпутского принца и живет в уединенной тибетской долине.

Помощник Майтрейи – Учитель Кут Хуми (известный также как Учитель К.Х. или просто К.Х.), в одном из прошлых воплощений был Пифагором. У К.Х. – тело светловолосого, синеглазого и светлокожего кашмирского брамина. Он – лингвист и музыкант; в его обязанности входит надзор за Религией, Образованием и Искусством. Он посещал Лейпцигский университет, много времени посвящает медитациям и работает смотрителем обширного Оккультного Музея, который находится в подземных пещерах рядом с его жилищем, в той же самой долине, где обитает Учитель Мория.

В число остальных Учителей входят Иисус («Сириец», который, как это ни странно, несет ответственность за все религии, а не только за христианство); венгерский Принц Ракоцци, известный также под именем граф Сен-Жермен, ответственный за Магию и в своих прошлых воплощениях бывший и Роджером Бэконом, и Фрэнсисом Бэконом; Илларион, красавец грек, отвечающий за Науку; Серапис – еще более прекрасный обликом золотоволосый и синеглазый грек, в чьем ведении находится Красота; и прекраснейший Венецианский Учитель. Значительно ниже их в иерархии стоит Учитель Двай Хул, на долю которого выпадают мелкие небесные поручения.

Кроме того, в Братство Учителей входят все основатели мировых религий и оккультные учителя прошлого. Среди них – Будда, Конфуций, Соломон, Лао-Цзы, Беме, Роджер Бэкон, Фрэнсис Бэкон, Калиостро, Месмер, Авраам, Моисей и Платон. Ниже на оккультной лестнице (уже на уровне «человеческих» ступеней) стоят архаты – кандидаты на степень Учителя, достигшие промежуточных уровней инициации, и их ученики – чела.

Согласно Блаватской, Братство обычно скрывается от людей. Когда Учителя пытаются передавать свое учение через посредников-людей, этим посредникам почти никогда не верят;

более того, их часто подвергают гонениям люди, находящиеся под воздействием пагубных сил, известных как Темные Силы или Владыки Темного Лица. Поэтому Братья работают в тайне, руководя судьбами Вселенной и охраняя ее от злого влияния Темных Сил. Иногда война между Темными Владыками и Братями выходит на поверхность, достигая кризиса, как это было при распятии Иисуса. Тогда тайное становится явным, эзотерическое – экзотерическим. Но для проницательных людей вся история человечества имеет эзотерический смысл.

Эту космологию Блаватская разрабатывала в течение пятнадцати лет, с середины 1870-х годов до самой своей смерти в 1891 г. Но где же она нашла Кут Хуми и всех прочих? Представляется, что идея Тайного Братства имеет два основных источника: политеизм восточных религий и эзотерическая западная мифология. Изучать азиатские религии в Европе начали еще в конце XVIII века, когда в Лондоне было создано Королевское Азиатское общество и индийские священные писания перевели на французский и английский языки. В 1870-х годах немецкие ученые уже работали над великолепными изданиями и переводами индийских Вед и основного корпуса буддийских текстов.

Не будучи профессиональным ученым, Блаватская тем не менее была обширно образованна. Она была чрезвычайно начитанна и хорошо разбиралась в азиатских священных текстах. В отличие от единобожия иудаистов, христиан и мусульман, индуисты и буддисты поклоняются многочисленным божествам, каждое из которых исполняет особую роль в мировом плане. Центральной чертой их религиозной практики является понятие адептства (на санскрите «адепт» – «махатма»); считается, что человек может добиться огромной оккультной власти посредством тренировок и преданности своей цели. По словам Блаватской, большинство Учителей (хотя и не все) – это бывшие адепты, достигшие чрезвычайно высокого уровня.

Непосредственным источником этой идеи в западном эзотеризме был, несомненно, английский романист Эдвард Бульвер-Литтон (1803–1873), с книгами которого Блаватская

была хорошо знакома. Можно сказать, что ее новая религия фактически выросла на материале этих книг. Один из персонажей Бульвер-Литтона замечает (в строках, предвосхищающих идеи другого великого оккультиста и ученика Блаватской У.Б.Йитса): «В мечтах рождается все человеческое знание, в мечтах преодолевает оно безграничное пространство по первому хрупкому мостику между духом и духом – этим миром и мирами иными...»²⁸ Мечты Блаватской легли в основу великого эзотерического ренессанса современности.

Бульвер-Литтон был не только романистом²⁹. Он сделал успешную карьеру в политике, в 1831 г. стал членом парламента, а в 1858 г. секретарем министерства колоний (за работу в котором был удостоен титула пэра и в 1866 г. стал лордом Литтоном). Но сейчас его помнят только как писателя. Ранние рассказы Бульвер-Литтона написаны в духе аристократической школы фешенебельных романов (так называемых «романов серебряной вилки»). Их герои – денди-преступники в стиле Байрона или Бальзака. Затем Бульвер-Литтон написал ряд исторических романов, в том числе «Последний день Помпеи» (1834), и рассказов о быте и нравах среднего класса. Добиваясь почти немедленно успеха во всех своих начинаниях, он вызвал зависть, восторг и даже подражание таких известных писателей, как Диккенс и Теккереи. Однако сам Бульвер-Литтон среди своих сочинений особенно ценил оккультные романы «Занони» (1842) и «Странная история» (1862).

Бульвер читал труды алхимиков и неоплатоников, был знаком с работами Беме, Сведенборга и Месмера. В его оккультных историях современное научное знание сочетается с древней магией, яркое воображение с удивительным талантом писателя. Из этих составляющих складывается байроническая формула героя, владеющего некоей темной тайной. В магии Бульвер-Литтона в первую очередь привлекали аналогии с современной наукой. И магия, и наука способы достижения власти, но наука доказуема, а магия – нет. Будучи осторожным и скептическим человеком, не верившим в большинство феноменов, столь блестяще описанных в его собственных

романах (впрочем, он с поразительной точностью предсказал открытие атомной энергии), Бульвер-Литтон при этом ничуть не исключал, что рано или поздно наука подтвердит притязания оккультистов на такие силы, как экстрасенсорное восприятие и пророчество.

Разрабатывая эту идею, Бульвер-Литтон принял участие в магических опытах вместе со своим другом, Элифасом Леви (1810–1875)³⁰. Элифас Леви (псевдоним Альфонса-Луи Константа), лишенный сана французский аббат, был основоположником оккультного ренессанса во Франции. Он проповедовал существование некой «тайной доктрины», объединяющей все магические и религиозные системы. [Элифас Леви был теоретиком и практиком высшей магии, знатоком каббалы. Автор «Dogme et Rituel de la Haute Magie» (1856); «Yistoire de la Magie» (1860); «La Clef des Grands Misteres» (1861); «Legendes et Simboles» (1862); «La Science des Esprits» (1865) и др. – Прим. пер.] В своих сочинениях он во многом опирается на восточные источники, в особенности – священные писания индуизма. Результатом его трудов стала смесь ориентализма и оккультизма, чрезвычайно повлиявшая на Бульвера-Литтона, а впоследствии и на Блаватскую; особенно поразила обоих теория Элифаса Леви о том, что носителями тайного учения являются бессмертные Адепты, наделенные магическими силами. Роман Бульвер-Литтона «Занони» повествует о художнике и о его встрече с двумя таинственными персонажами – бессмертными. Герой «Странной истории» – молодой врач, за отказ верить в существование души наказанный ужасным столкновением с безжалостным убийцей, ищущим эликсир жизни. В обоих романах описываются необычные ментальные способности, позволяющие управлять другими людьми на расстоянии при помощи силы воли. Земное бессмертие и эликсир жизни были общим местом в тогдашней романтической беллетристике. Они фигурируют у Бальзака и Чарльза Мэтьюрина, у Эжена Сю и Э.Т.А.Гофмана. Однако различие состоит в том, что Бульвер-Литтон вплетает эти темы в плотную ткань сложных аллюзий на оккультные и философские традиции, заставляя читателя почувствовать, что

в них есть некое зерно истины. «Занони» начинается ссылкой на розенкрейцеров – едва ли не главный западный источник мифа о Тайном Учителе. Ирония судьбы, связанная с влиянием романов Бульвер-Литтона на Блаватскую, усугубляется тем, что розенкрейцеры – тоже выдумка, мистификация, созданная в Германии начала XVII века при помощи серии памфлетов, сообщающих о существовании таинственного братства (fraternitatis) Креста и Розы, названного в честь рыцаря XIV века Христиана Розенкрейца³¹. Розенкрейц, согласно этим памфлетам, изучал труды Парацельса и работал с мудрецами Дамаска. Целью братства являлось объединение знаний всех мудрецов для подготовки к Страшному суду.

Авторами этих памфлетов была группа лютеранских мистиков во главе с Иоганном Валентином Андреа, самостоятельно написавшим четвертый памфлет «Химическая Свадьба» (это алхимическая аллегория мистического союза между Христом и душой). Памфлеты оказали огромное впечатление на всю Европу, несмотря на позднейшее признание Андреа в том, что Розенкрейц – всего лишь выдумка, своего рода шутка. Но публика уже восприняла буквально то, что предполагалось как аллегория духовной жизни. Мифология розенкрейцеров уже успела овладеть умами оккультистов и сохраняет свое влияние до сих пор, несмотря на заключение ученых-исследователей, что такой личности, как Розенкрейц, никогда не существовало. Определенный интерес к розенкрейцерам проявили даже Декарт и Лейбниц, объединившие усилия для поиска таинственного братства. Сведенборг также увлекся мистификацией Андреа, но и он не смог обнаружить никаких следов розенкрейцеров. Считалось, что розенкрейцеры хранили свои знания в строгой тайне, подобно тем древним орденам, от которых они происходили, – гимнософистам, жрецам Изида, пифагорейцам, халдейскому братству, вавилонским магам и хранителям орфических мистерий. Когда один из создателей памфлетов, Генрих Нейхауз, лукаво предположил, что братьев невозможно разыскать, поскольку все они якобы перебрались в Индию и на Тибет, он сделал вопрос об их существовании неразрешимым и

недоказуемым, еще сильнее поощрив популярную веру в братство. Вот эта-то вымышленная смена места обитания розенкрейцеров и стала впоследствии одним из краеугольных камней учения Блаватской.

Другим был масонский орден. В XVIII веке масонские ложи (термин «ложа» Блаватская иногда использовала, говоря о Теософском обществе) превратились из торговой гильдии в нечто среднее между оккультным братством и движением за политические преобразования, чем и привлекли внимание интеллектуалов и аристократов. Хотя родиной масонства считается Шотландия, первая известная масонская ложа была основана в Лондоне в 1717 г. Первоначально ориентированный на просвещение, этот тайный орден быстро распространился по Европе и вскоре стал считаться опасной революционной силой.

В основе учения и организации как реальных масонов, так и мифических розенкрейцеров лежала мифология Рыцарей Храма – тамплиеров, военно-религиозного ордена, сыгравшего важную роль в крестовых походах и уничтоженного затем французской монархией в 1312 г. Король Филипп Красивый и его приближенные подвергли тамплиеров жестоким гонениям (причиной этого почти наверняка была зависть к власти и богатству Рыцарей Храма); их поддержал Папа Римский, заявивший, что орден выродился в тайное общество, предающееся оккультной практике, сексуальным извращениям, политическим интригам и еретическим сношениям с исламом. Тамплиеров обвинили в том, что они хотят создать государство внутри государства и свергнуть законную монархию.

Тамплиеры с давних пор волновали воображение оккультистов, предположивших, что Рыцари Храма также имели доступ к «тайной доктрине». Считалось, что каждый рыцарь перед смертью передает тайну (или скорее, часть великой Тайны) своему товарищу-посвященному. В совокупности все посвященные обладают полным знанием эзотерической мудрости, способной открыть все тайны Вселенной, но это случится лишь тогда, когда все наследники тамплиеров получат возможность обмениваться своими знаниями. Сохраняя тайну, посвященные тем самым оберегают свою власть от

посягательств завистников и прокладывают дорогу к грядущей власти над миром, а возможно, и над всей Вселенной.

Итак, воспользовавшись синтезом восточных религий и западной магии Элифаса Леви в изложении Бульвер-Литтона, подкрепив его собственными обширными познаниями в азиатских священных текстах и опираясь на мифологию розенкрейцеров, масонов и тамплиеров, Блаватская создала гималайское Братство Учителей, которые, по ее словам, избрали ее, чтобы передать миру их учение. Почему была избрана именно она, Блаватская так и не узнала. Но, рассматривая свою жизнь в ретроспективе, она пришла к выводу, что всеми ее с виду бесцельными странствиями в действительности постоянно руководило Братство: Учителя сделали ее и концертирующей пианисткой в Сербии, и амазонкой в Италии, и медиумом в Каире.

Учителя же предписали Блаватской переехать из Парижа в Нью-Йорк летом 1873 г., через двадцать два года после первой реальной встречи с нею. С этого момента вновь начинаются подробные хроники ее жизни. Сев на пароход с деньгами, достаточными лишь для оплаты проезда, она оказалась в Нью-Йорке без гроша в кармане и была вынуждена поселиться в женском рабочем общежитии. Там она с трудом сводила концы с концами, зарабатывая шитьем кошельков и салфеток для вытирания чернильных перьев, до тех пор пока не получила наследство от отца (впрочем, не особенно значительное). К моменту встречи с Олькоттом это наследство уже было истрачено на совершенно бесполезную птицеферму, с помощью которой Блаватская надеялась разбогатеть, хотя не имела ни малейшего представления ни о разведении кур, ни о сельском хозяйстве, ни о том, как правильно вкладывать деньги.

Годы спустя люди, знавшие Блаватскую прежде, чем она добилась известности (в том числе мимолетные знакомые в общежитиях и меблированных комнатах), записали свои впечатления о ней. Неудивительно, что они так хорошо ее запомнили! Один мемуарист сравнивает Блаватскую со Сталиным такое ощущение мощи и уверенности в себе исходило от нее; другой описывает, как она курила гашиш;

третий называет ее крайне отталкивающей личностью; четвертый рассказывает о «дьяки» (что-то вроде элементаров), постоянно подшучивавших над своей хозяйкой, например, привязывая ее ночью к кровати во время сна³².

Ее физическое присутствие трудно было игнорировать. Хотя в то время она еще не растолстела до семнадцати с половиной стоунов (как случилось впоследствии благодаря излюбленной ею жирной пище, в особенности яичнице на сливочном масле), но уже была довольно полная. У нее были светло-каштановые волосы, «скрученные в кудряшки от самых корней и почти до плеч, похожие на овечью шерсть», и сверкающие магнетизмом глаза, которые описывали по-разному: как голубые, серо-голубые или лазурные. Высокие скулы и широкое лицо, «властное, своеобразное и бесстрашное»³³, делали облик Блаватской экзотическим, что еще больше подчеркивалось совершенно фантастическими одеяниями. При первой встрече с Олькоттом на ней была ярко-красная «гарибальдийская» блуза. Позднее Блаватская пристрастилась к плохо сидящей одежде свободного покроя, предпочитая красные фланелевые платья. Будучи заядлой курильщицей, она постоянно носила при себе табак для сигарет в меховом кисете, сделанном из головы какого-то зверька и висевшем у нее на шее. Руки ее постоянно были усеяны кольцами (иногда с настоящими драгоценными камнями), и в целом Елена Петровна, наверное, походила на плохо завернутый блестящий новогодний подарок. Говорила она низким грудным голосом; порой ее речь была остроумна, порой – груба. К сексу она была равнодушна, но рассуждала о нем откровенно и без стеснения; больше любила животных, чем людей; и была чуждой всякому снобизму и претенциозности, скандальной, капризной и довольно шумной, а также вульгарной, импульсивной и добродушной, и никогда никому и ни в чем не уступала ни на волосок.

Именно такая руководительница и была нужна Олькотту, совсем было потерявшему ориентацию в жизни. Подстроив «случайную» встречу с ним в Читтендене, Блаватская стала демонстрировать свое могущество. В ходе очередного спиритического сеанса она вывела на сцену собственную труппу

материализовавшихся духов, среди которых были: ее дядя, две русские служанки, персидский купец и курдский воин. Взяв таким образом в свои руки контроль над сеансами, Блаватская изменила их смысл. Уильям и Горацио Эдди были лишь пассивными проводниками, с помощью которых духи перемещались из мира мертвых в царство живых, тогда как Блаватская претендовала на управление ими по своему усмотрению.

Это различие между властным и покорным медиумом было чрезвычайно важно по трем причинам. Во-первых, оно позволяло Блаватской выгодно противопоставить свое могущество шарлатанству, неадекватности или пассивности соперников. Во-вторых, оно разбивало в пух и прах все обвинения в том, что медиумы по натуре подвержены манипуляции и самовнушению. И в-третьих, оно утверждало медиума как действенную силу, а не как простой канал для связи с иным миром. Позднее Блаватская будет утверждать, что сам по себе контакт с духами умерших не имеет никакой ценности, хотя его легко осуществить для демонстрации психической силы. Важны не спиритические сеансы, а связь с Учителями, которые не имеют ничего общего с духами, хотя их жизнь протекает на ином плане, чем жизнь обычных людей.

Однако события в Читтендене в свое время вызвали обвинения в обмане. Даниэль Данглас Хоум обвинил Блаватскую в шарлатанстве, когда та во время сеанса получила материализацию серебряной пряжки, якобы погребенной в могиле ее отца в России. Опасаясь за свою репутацию спирита, Хоум выстроил свои обвинения не на отрицании возможности материализации находящихся на расстоянии предметов (известной в спиритических кругах под названием «аппорт»), а на утверждении, что русские не кладут украшения в гроб покойника. К тому же он заявлял, что Блаватская уже проделывала такой же трюк в Париже в 1858 году.

Ничуть не смутившись высказанными сомнениями, Блаватская и Олькотт сменили место действия, перебравшись из Читтендена в Филадельфию, где проводили сеансы мистер и миссис Нельсон Холмс³⁴. Их главным духом было

привлекательное «кокетливое привидение» (выражение Блаватской) Кэти Кинг. Кэти и ее родственники были довольно известными среди спиритов персонажами. Кэти считалась духом дочери «Джона Кинга» – духа морского разбойника сэра Генри Оуэна Моргана. Джон и Кэти фигурировали во многих сеансах середины XIX века; Джон Кинг выступал духом-проводником нескольких популярных медиумов.

Юная Кэти оказала такое сильное впечатление на одного из клиентов Холмсов – 73-летнего Роберта Дэйла Оуэна³⁵, – что тот подарил ей несколько драгоценных камней в обмен на локон золотистых волос. Когда Кэти исчезла в конце сеанса, драгоценности испарились вместе с ней, хотя прядь волос осталась на месте. Скандал разразился спустя несколько дней, когда один из спиритов – железнодорожный подрядчик У.К. Лесли – обратился к Оуэну. Он обвинил Холмсов в мошенничестве и предъявил подаренные духу драгоценные камни, подтверждающие его заявление о том, что роль Кэти Кинг исполняла Элиза Уайт, экономка Холмсов, теперь решившаяся во всем признаться и предоставить прессе разоблачения.

Мотивы, которыми руководствовался Лесли в этом деле, неясны, но история с пожилым обожателем Кэти попала на первые страницы всех местных газет. Роберт Дэйл Оуэн был сыном Роберта Оуэна, которого в середине 1850-х годов обратил в спиритизм американский медиум (знаменитому утописту тогда было уже за восемьдесят лет). После откровений Лесли Роберт Дэйл Оуэн сперва попытался сохранить свою веру в спиритизм, утверждая, что разоблаченное шарлатанство Холмсов – лишь печальное исключение, а большинство медиумов – вполне достойные и честные люди. Затем он сменил позицию и выразил радость, когда Олькотт предложил расследовать эту историю с намерением восстановить репутацию Холмсов.

Решив игнорировать Элизу Уайт и назойливого У.К. Лесли, Олькотт начал расследование в конце 1874 г. Он настоял, чтобы в комнате для сеансов соблюдались чрезвычайно жесткие условия. Чтобы предотвратить возможность трюков, медиума –

миссис Холмс – связали и зашили в мешок, запечатанный воском. Все это было сделано на глазах публики. Затем миссис Холмс в мешке посадили в шкаф, в котором полковник простучал все стенки, чтобы продемонстрировать их непроницаемость. Однако феномены продолжались (по крайней мере, к этому выводу пришел полковник). Олькотт перепробовал все способы проверки, однако миссис Холмс выдержала их с честью, и полковник свидетельствовал в пользу чистоты эксперимента. К сожалению, для Оуэна было уже слишком поздно: он не выдержал напряжения этой двусмысленной ситуации и вскоре скончался в психиатрической лечебнице.

К тому времени, когда Блаватская и Олькотт вернулись из Филадельфии в Нью-Йорк, они уже были в дружеских отношениях и называли друг друга Мэлони (Олькотт) и Джек (Блаватская). Полковник обожал прозвища и обращался к своей новой подруге «Маллиган», «Лэтчки» («Отмычка»), «Старая кляча» и «ЕПБ». Последнее имя прижилось. Как показывают эти шуточные имена, отношения между партнерами не имели ничего общего с сексом. Олькотт и Блаватская были не любовниками, а, по удачному выражению полковника, «закадычными друзьями», и эта дружба основывалась на инстинктивном понимании взаимной необходимости. Полковнику не доставало в жизни энтузиазма и цели; Блаватская нуждалась в восхищении и в источнике дохода. Олькотту требовалось, чтобы кто-нибудь убедил его в существовании духовного мира; Блаватской нужен был слушатель, готовый в этом убедиться. Трудно сказать, был ли Олькотт «партнером-заговорщиком» Блаватской или жертвой ее обманов. Вероятнее всего, полковник принадлежал к тому типу людей, чье желание верить почти неотличимо от самой веры.

Поначалу Олькотт и Блаватская жили порознь, но полковник проводил в гостиной своей новой подруги почти все свободное время. Комната ее была завалена рукописями. В дневные часы полковник работал в своей юридической конторе, а по вечерам Олькотт и Блаватская сидели за соседними столами: Олькотт – над своими книгами, Блаватская – над

письмами и статьями. Время от времени в квартире собирались гости, желавшие, как правило, обсудить оккультные проблемы, но «закадычные друзья» оказались совершенно негостеприимными. Не то чтобы они были не рады случайным посетителям; просто гостям приходилось самостоятельно готовить себе чай или кофе и находить свободный уголок среди груд бумаг и книг. Окончив работу, полковник часто распевал веселые песни, а в хорошую погоду ездил с Блаватской в Гемптонс на Лонг-Айленде, где мадам купалась в море.

Комнаты ее были обставлены в позднем викторианском стиле – плюшевыми креслами и пальмами. Однако этот тяжеловесный интерьер оживляла целая коллекция восточных вещей, которая побудила заходивших в гости журналистов (а их было множество!) окрестить жилище Блаватской «ламаистским монастырем». В этой коллекции были китайские и японские шкафчики, механическая птица, веера, ковры, статуэтка сиамского монаха, лакированные шкатулки и золотая статуэтка Будды. И хотя подобные штучки украшали множество других домов, для Блаватской восточные предметы значили больше, чем просто безделушки: они символизировали обобщенное представление о «Востоке», который, в свою очередь, был символом мистерий живой религии (духовная мудрость еще сохраняется в Азии, делаясь все менее доступной западному человеку).

Не менее удивительны были чучела животных: над дверью помещалась львиная голова, из-за углов выглядывали обезьянки и птицы, полки украшали ящерицы, серая сова и змея. Но гвоздем коллекции, несомненно, был большой бабуин на задних лапах, в очках, визитке и галстук, державший под мышкой запись лекции о «Происхождении видов». Выход этой книги Дарвина в свет в 1859 г. породил настоящую моду на карикатуры с обезьянами, и обезьяна стала символом неумолкающих споров об эволюции. Бабуин мадам Блаватской (поименованный на этикетке в честь выдающегося дарвиниста – профессора Фиске) явно выражал ее собственную позицию в этой дискуссии: она ненавидела дарвинизм всей душой.

Выбор бабуина в качестве символа этой позиции был смелым и достаточно рискованным. Бабуин представлял «Глупость современной науки» в противовес «Мудрости истины»; того, кто всего лишь «знает» (или думает, что знает), в противоположность тому, кто «существует»; и в конечном счете самого Дарвина в противовес Блаватской. Но из этого высокомерного презрения к Дарвину (и тому, что Блаватская называла «материалистической наукой» в целом) вытекает нелицеприятное следствие: всякий, кто верит в учение Дарвина, ничем не лучше бабуина – т. е. груб, коварен, вульгарен, глуп, жаден, непристоен и лжив. Однако именно такие обвинения выдвигали против самой Блаватской. И если Дарвин спустя сто лет после смерти был канонизирован светской наукой, то Блаватская через тот же срок оказалась почти забыта. Ее вспоминают, как правило, лишь в качестве примера гуру-шарлатана. И в современной аллегории Мудрости и Глупости она выступает символом последней.

Но в свое время у Блаватской были влиятельные сторонники. И сегодня находятся люди, по-прежнему утверждающие, что Елена Петровна стала одиозной фигурой лишь потому, что клевета всегда сопутствует величию и что великие мученики всегда имеют стигматы. Такая интерпретация, представляющая Блаватскую святой и героиней, базируется на весьма распространенной исторической схеме. Согласно этой схеме, западное человечество отвернулось от религии в XVIII–XIX веках, подпав под влияние науки, посулившей человеку рай на земле. Но эти посулы были лживыми, поскольку наука никогда не сможет полностью удовлетворить потребности человеческой души. Учитывая несостоятельность христианства, не выдержавшего сражения с материализмом, было необходимо, чтобы появился человек, способный разоблачить заблуждения как дарвинизма, выражавшего ложные идеалы прогресса, так и христианства, проповедовавшего ложные мифы спасения. Сторонники Блаватской утверждают, что атака на оба эти лагеря не могла не вызвать ожесточенной реакции в обществе – и, как следствие, злобных нападок на саму Елену Петровну.

Спиритуализм был призван показать новый путь, средний между псевдонаукой и псевдорелигией. Он должен был стать истинной духовной наукой. Однако к 1875 г., когда Олькотт опубликовал свои отчеты о событиях в Читтендене и Филадельфии, спиритуалистическое возрождение в Америке уже пошло на спад и стало понятно, что задачи этого движения так и не будут исполнены. Ограниченность спиритуализма была очевидна всем, кроме самых преданных сторонников этого учения. Танцующие под музыку духи были забавны, но не могли разрешить тайну загробной жизни. Сеансы были зрелищны и эффектно, они утешали отчаявшихся людей, но им не доставало четко выраженной цели, последовательной доктрины, подходящих ритуалов и согласованной организации. Нужно было что-то новое. И это «новое» намеревалась предложить Елена Блаватская.

Глава 3. Вести из ниоткуда

3 марта 1875 г. полковник Олькотт получил письмо. Оно было написано золотыми чернилами на зеленой бумаге, вложено в черный конверт и подписано неким Туититом Беем из Братства «Люксор» (Египет). В Люксоре находилась африканская база Великого Братства Учителей, к которому принадлежал Туитит Бей. Полковнику предложили стать его учеником под руководством мадам Блаватской, которая уже знала об этом предложении, поскольку ей было поручено сопроводить послание Туитита Бея Олькотту своей собственной объяснительной запиской. Более того, корреспондент полковника не стал посылать свое письмо по почте из Египта, а предпочел «передать» его в комнату ЕПБ.

Такого рода «передача» является формой автоматического письма, с помощью которого Учитель передает свои мысли: либо диктуя послание адресату, либо – в исключительных случаях – непосредственно «отпечатывая» его на бумаге. Письмо, полученное Олькоттом, было лишь первым из множества подобных посланий, которые затем стали частенько приходить к разным знакомым его приятельницы и которые сыграли не последнюю роль в возводившихся на нее обвинениях. Поначалу их цитировали в доказательство существования Учителей, но находились люди, утверждавшие, что Блаватская писала эти письма сама или кто-то писал их под ее диктовку. Иногда эти послания вручала адресатам сама ЕПБ, выполнявшая роль, так сказать, духовного почтальона. Другие просто появлялись на столе, падали с потолка и даже возникали в купе движущегося поезда – очевидно, без всякого человеческого вмешательства. Особенно обильным делался поток «передач» в периоды кризисов: послания от Учителей побуждали адресатов исполнять требования Блаватской.

В сопроводительной записке Олькотту (Блаватская написала ее, несмотря на то, что виделась с полковником каждый день) говорилось, что ЕПБ просила Туитита Бея, чтобы тот убедил полковника в существовании Братства,

продемонстрировав ему свои оккультные силы. Она даже предлагала предоставить Олькотту чистый кусок пергамента, «на котором появляются буквы всякий раз, когда подносишь его к глазам, чтобы прочесть, и исчезают, как только послание прочтено». Но, добавляла она, Братья выше таких дешевых трюков, и Олькотту придется довольствоваться обычной бумагой. Далее Блаватская выражала уверенность, что полковник оценит всю важность этого письма, и предостерегала его: «Берегитесь, Генри, и хорошенько подумайте, прежде чем бросаться в эту затею очертя голову... У вас еще есть время, чтобы отклонить предложение. Но если вы сохраните письмо, которое я пересылаю вам, и согласитесь именоваться Неофитом, то считайте, что вы влипли окончательно, мальчик мой»³⁶. Кроме того, Блаватская напомнила полковнику о том, что на предварительную инициацию у нее в свое время ушло семь долгих многотрудных лет. Но поскольку полковник всей душой жаждал «влипнуть», предложение Туитита Бея было принято без малейших колебаний.

И тогда Олькотта засыпал письмами другой представитель Братства Серапис Бей. Он был немногословен в отношении эзотерических таинств, но зато оказался чрезвычайно озабочен Блаватской и ее безопасностью. Серапис пояснял, что ей предстоят тяжелые испытания и что от ее воли и психической энергии, сконцентрированной в ней, зависит ее безопасность в некоем рискованном спуске, однако она совершенно уникальна, выполняет в мире особую миссию и о ней надо заботиться любой ценой, хотя бы и в ущерб личным интересам полковника (даже в ущерб его жене и детям). Однако, добавлял Серапис, за жену и детей ему бояться не следует: за ними приглядят. Так, собственно, и случилось: сыновья полковника нашли себе работу, а миссис Олькотт стала получать вполне достаточное пособие и впоследствии снова вышла замуж. Так что все обернулось к лучшему.

А вот за Блаватской действительно надо было присматривать. Вернувшись в Нью-Йорк после расследования дела с Кэти Кинг, «закадычные друзья» поселились в соседних квартирах, что не помешало ЕПБ заключить недолговечный

брак с другим мужчиной. Мотивы этого брака так же загадочны, как и все, чем занималась Блаватская в зрелом возрасте. Возможно, новый супруг был ее партнером в каких-то деловых затеях, а возможно, Блаватская действительно увлеклась им, хотя и ненадолго. Но, вероятнее всего, она пыталась найти какую-то надежность и защиту. И если это так, то ее брак был обречен с самого начала. Грузин Михаил Бетанелли был соотечественником Блаватской, однако на роль мужа не подходил по нескольким серьезным причинам: он был значительно моложе своей супруги, находился на волоске от банкротства и, не исключено, что был мошенником. Кроме того, новоиспеченная мадам Бетанелли нарушила закон, поскольку генерал Блаватский был еще жив.

Вскоре она раскаялась в своем замужестве, и в письмах полковнику от Сераписа стали появляться просьбы спасти Блаватскую от ее супруга. Вдобавок ко всем неприятностям Елена Петровна повредила себе ногу. Нога опухла и «омертвела». Доктор Пэнкоуст рекомендовал ампутацию, но Блаватская предпочла вылечиться самостоятельно, два дня делая холодные примочки и на ночь прикладывая к ноге белого щенка, как советовал Фрэнсис Бэкон в «Истории жизни и смерти», поскольку от собак исходит целебное тепло. Нога выздоровела, а тем временем Блаватской каким-то образом удалось избавиться от Бетанелли.

Возобновив прежнюю дружбу с Олькоттом, Блаватская целиком посвятила себя спиритуализму. Однако все складывалось неудачно. Сперва она заключила сделку с Эдриджем Джерри Брауном – редактором журнала «Спиричуэл Сайентист». В обмен на финансовую поддержку Браун согласился опубликовать послания, полученные Олькоттом от Сераписа и Туитита Бея. Но у Блаватской и Олькотта скоро кончились деньги, и Браун тут же потерял к ним всякий интерес. Спустя немного времени его журнал закрылся, а сам Браун в 1878 году был объявлен банкротом.

Тогда Блаватская основала «Клуб Чудес» («Миракл-Клаб»), посвященный изучению оккультных феноменов. Но и это предприятие потерпело неудачу. И лишь тогда Елена Петровна

начала осуществлять замыслы, принесшие ей впоследствии мировую известность. Проблема заключалась в том, чтобы найти способ опубликовать послания от Братства Учителей – и тем самым утвердиться на более высоком уровне, чем простые медиумы-спириты. Это было нелегко: многие преследовали ту же цель. В 1870-е годы появился целый отряд бывших спиритов, ныне претендовавших на контакт с тайными силами, превосходящими обычных духов.

Чтобы решить эту проблему, Блаватской необходимо было облечь тайны, полученные от Учителей, в форму, доступную для широкой публики, и сделать очевидным, что последователи этой доктрины автоматически превращаются в духовную элиту. Это было вполне традиционным решением: чтобы осуществить его, надо написать «библию» и основать «церковь». И в 1875 г. Блаватская взялась за то и за другое.

Одной из соперниц Блаватской была ее приятельница Эмма Хардинг Бриттен – популярный нью-йоркский медиум. В том же году Бриттен опубликовала книгу «Искусство магии», в предисловии к которой утверждала, что на самом деле является не автором этой книги, а лишь стенографисткой. Она якобы лишь записывала слова некоего «Шевалье Луиса» – адепта, или духовного существа, похожего на Учителей Блаватской. Цель Шевалье состояла в том, чтобы вступить в контакт с теми немногими людьми, кто способен понять его послание. Его исключительность подчеркивалась заявлением Бриттен, что она намерена ограничить распространение этой книги избранным кругом серьезных исследователей. «Знамя Света» сообщило, что миссис Бриттен отказалась продать экземпляры книги «молокососам», которых она сочла недостойными тайного знания³⁷.

Естественно, Олькотта нельзя было назвать «молокососом». Ему позволили приобрести два экземпляра «Искусства магии» ценой по 5 долларов. Но полковника разочаровал как текст книги, так и портрет автора, который миссис Бриттен показала ему под условием строжайшей секретности. В своих мемуарах Олькотт отмечает: «Всякий, кто встречался лицом к лицу с настоящим Адептом, при виде этого

женоподобного неженки был бы вынужден заподозрить, что либо миссис Бриттен по ошибке показала фальшивый портрет подлинного автора, либо что эта книга была написана вовсе не «Шевалье Луисом"...»³⁸. Едва ли кто-то мог бы поспорить против такого заключения.

«Искусство магии» было якобы порождением «астрального света» понятия, по-видимому, изобретенного Элифасом Леви и в среде спиритуалистов обозначавшего источник их силы и знаний. Американские оккультисты любили ссылаться на то, что их сочинения продиктованы божественными силами; их поощряли к этому спиритуалисты и интерес к пророческим книгам Библии. Самым знаменитым в XIX веке оккультным практиком такого рода был Джозеф Смит – юный работник фермы в Новой Англии³⁹.

Однажды, гуляя в поле, он был удостоен видений Бога Отца и Бога Сына. При этом Смита предостерегли, велев ему ни в коем случае не присоединяться ни к одной из существующих церквей – по той причине, что «все их вероучения отвратительны». И тогда Смит основал собственную церковь при помощи ангела по имени Морони, явившегося ему в сентябре 1823 г. и сообщившего, что под каким-то холмом неподалеку зарыты некие «Золотые Пластинки» с неизвестной Библией на древнем языке. Вместе с пластинками лежали два волшебных камня – Туммим и Урим, прикрепленные к магическому нагруднику, который Смит должен был надевать во время перевода Евангелия. Смит нашел пластинки, спрятал их у себя под кроватью и вскоре создал перевод «Книги Мормона». При этом он иногда прибегал к помощи Урима и Туммима, а иногда просто прятал лицо в шляпу и совещался с магическим камнем, которым он прежде безуспешно пользовался для поиска кладов. Полуграмотный Смит диктовал свой перевод писцу, но с пластинками он всегда сверялся втайне, стоя за занавеской (писец сидел в другом углу комнаты).

Вскоре у Смита появились приверженцы, которых он привел в «Обетованную Землю» – Карфаген, маленький симпатичный городок на берегу реки Миссисипи. Вскоре туда стали стекаться

тысячи новообращенных. Но дальнейшая деятельность Смита (отмеченная, помимо прочего, присвоением себе генеральского чина и введением многоженства) внезапно оборвалась в 1844 г., когда разъяренная толпа линчевала его вместе с преданным учеником братом Хайремом в карфагенской тюрьме, куда Смит попал по обвинению в государственной измене. Приверженцев Смита изгнали из города, и его преемник, Брайем Янг, повел их в Юту. К 1875 году мормоны основали колонию с центром в Солт-Лейк-Сити.

Подобно «Искусству магии» и «Книге Мормона» (которую Марк Твен назвал «хлороформом на бумаге»), большие фрагменты «библии» Блаватской просто появились «ниоткуда». После крепкого ночного сна Блаватская просто подходила утром к столу и обнаруживала стопку бумаги листов в тридцать, исписанную невидимой рукой. Иногда же Учитель овладевал ее телом и писал ее рукой. Спору нет, эта помощь была очень актуальна, поскольку речь идет о книге объемом в полмиллиона слов. В таких случаях Олькотт наблюдал поразительные изменения в почерке Блаватской. Кроме того, его приятельница получила доступ к своего рода астральной библиотеке, откуда черпала материалы, и нередко Олькотт заставлял ее сидящей в кабинете и глядящей в пространство словно в поисках очередной цитаты. Цитаты не заставляли себя ждать – и при позднейшем исследовании оказались примечательно близкими к печатным вариантам, большая часть которых была впоследствии обнаружена на полке в кабинете Блаватской. В случае расхождений с общепринятыми версиями ЕПБ намекала, что ошибка содержится в печатном варианте, а не в «оригинале», переданном ей непосредственно от Учителей, связь с которыми у нее становилась все более тесной. Олькотт даже заметил, что иногда во время этих астральных диктовок голос Блаватской становился глубже, а каштановые выющиеся волосы чернели и распрямлялись, словно она превращалась в индуса; комнату же при этом заполняли разнообразные духи и даже слышался звон небесных колокольчиков.

«Разоблаченная Изида» – это изложение египетского оккультизма и культа Великой Матери. Она разделена на две

части под названиями «Наука» и «Теософия». Первая часть начинается с критики Хьюма, Дарвина и Гексли, которые обвиняются в сужении рамок науки до изучения наглядных законов, управляющим материальной вселенной. Блаватская утверждает, что в природе есть и другие законы, неизвестные простому смертному, но доступные оккультному прозрению, и что эти законы также должны быть предметом науки. Вторая часть «Изиды» – эссе по сравнительному религиоведению; буддизм представляется здесь как учение мудрости, в границах которого возможно объединение науки и религии.

Олькотт сравнивал Блаватскую с Дарвином, и ее книга является сознательным вызовом этому ученому, чью эволюционную теорию она высмеивает, утверждая, что эволюция обезьян в людей – это лишь один этап длинной цепи, в ходе которой человек должен развиться в высшее существо. Таким образом, Блаватская превращает учение об эволюции из ограниченной социобиологической теории в объяснение всего мироздания – от атомов до ангелов. Вместо того чтобы противопоставлять религию фактам викторианской науки, она пытается объединить эти факты в некий синтез, делающий религиозную мудрость не врагом научного познания, а его конечной целью.

Первое печатное издание «Изиды» тиражом в тысячу экземпляров было распродано почти мгновенно, несмотря на нападки ученых и критиков, называвших эту книгу «ни на что не годным хламом» («Нью-Йорк сан») и «грандиозной и бессмысленной мешаниной» («Спрингфилд Републикен»). «Нью-Йорк таймс» вовсе проигнорировала ее. Макс Мюллер, профессор-санскритолог из Оксфордского университета, обвинил Блаватскую в научной некомпетентности, а еще один критик выявил в «Изиде» более двух тысяч неподтвержденных цитат. Блаватская невозмутимо приводила эти цитаты как свидетельство своей оккультной силы.

Впрочем, «Разоблаченная Изида» предназначалась вовсе не для ученых и обозревателей. Аудиторией ее должны были стать страстные искатели духовной истины, слишком озабоченные поиском ответов на важные вопросы, чтобы

вступать в академические споры об аутентичности и внутренней согласованности текста. Книга Блаватской отзывалась на глубочайшие нужды времени, когда сомнения в традиционных формах религии породили первую великую эпоху массового образования. В конце XIX века появилось множество полуобразованных читателей, жадно стремившихся к познанию и не страдавших интеллектуальным снобизмом. Для них-то и предназначалась «Разоблаченная Изида». Именно эту эпоху так живо изобразили в Англии Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Джордж Гиссинг и Хэйл Уайт: то был век самоучек, грошовых газетенок, еженедельных энциклопедий, вечерних школ, публичных лекций, рабочих институтов, общедоступных библиотек, содержавших популярную классику, социалистических обществ и клубов любителей искусств; бурлящий и рвущийся к знаниям век, когда читатели Рескина и Эдварда Карпентера получили возможность расширить свое образование, а идеалисты из рядов среднего класса могли им в этом помочь; когда проповедь нудизма и оздоровительных диет неожиданно нашла общий язык с учением об Универсальном Братстве и оккультной мудрости.

Именно на этот мир «светских храмов» и общеобразовательных институтов сделала ставку Блаватская, когда, еще в процессе работы над «Изидой», она принялась обдумывать создание собственной церкви. Теософское Общество сформировалось почти случайно, когда 7 сентября 1875 г. мистер Дж. Г.Фельт читал лекцию на квартире у Блаватской. По крайней мере, именно так представляет это событие Олькотт. Лекция Фельта называлась «Забытый Канон Пропорции египтян». Она была посвящена математической формуле, которой пользовались люди древности для планировки строений – в частности, египетских пирамид и греческого Акрополя. Мистер Фельт утверждал, что эта формула была известна только посвященным, которые положили ее в основу эзотерической духовной науки. Мистер Фельт хотел найти эту формулу и оживить древнее учение.

В числе слушателей были миссис Бриттен с супругом; некий судья с женой-поэтессой; адвокат; прогрессивный священник;

английский барристер, увлекавшийся спиритизмом и месмеризмом; розенкрейцер; президент Нью-Йоркского Общества спиритуалистов; отставной фабрикант; доктор, изучавший каббалу; два журналиста, вопреки своей профессии обозначенных как «джентльмены»; масон; синьор Бруццези – бывший секретарь Мадзини [Мадзини Джузеппе (1805–1872) – выдающийся итальянский революционер]; клерк из юридической фирмы; а также хозяева квартиры. Все молча слушали мистера Фельта, но вдруг каббалист (тот самый доктор Пэнкоуст, которому не удалось вылечить Блаватской ногу) спросил, можно ли использовать эту формулу для призвания духов.

Все восторжались. Мистер Фельт, к всеобщей радости, ответил, что можно, и предложил вызвать несколько призраков в подтверждение. Завязалась оживленная дискуссия о вызывании духов. И тут, прежде чем лектор успел вступить в беседу, полковник Олькотт, обменявшись записками с мадам Блаватской, поднялся и произнес речь. Суть речи состояла в том, что все эти идеи настолько интересны, что следует организовать общество для их изучения. Как только Олькотт сел на место, все присутствующие единодушно проголосовали за его предложение.

Намереваясь основать свое общество на строго рациональных и демократических предпосылках, члены новоиспеченной организации тут же принялись выбирать комитет и уполномоченных. Клерк юридической конторы Уильям Джадж предложил сделать президентом полковника Олькотта. Олькотт в качестве ответной любезности выдвинул кандидатуру Джаджа на пост секретаря. Оба предложения были приняты единогласно. На этом собрание было объявлено закрытым, и члены общества разошлись по своим делам до следующего вечера, когда мистер Фельт должен был читать очередную лекцию. Однако лекция не состоялась, а мистер Фельт, взяв у общества сто долларов «на расходы», вскоре покинул своих друзей и уехал из Нью-Йорка в Лондон, где попытался организовать собственное Общество Оккультных Исследований. Из этой затеи ничего не получилось.

Нью-йоркские же товарищи Фельта, ничуть не смутившись его исчезновением, продолжили работать над структурой нового общества. Поначалу оно было безымянным. На последовавших за первым собраниях его предлагали назвать «Египтологическим», «Герметическим», «Розенкрейцерским», но ни одно название не показалось подходящим, пока кто-то из членов общества, перелистывая страницы словаря, внезапно не наткнулся на слово «теософия». Оно-то и стало именем новорожденной организации. Таким образом, возникновение Теософского общества следует датировать 13 сентября 1875 г., хотя первое официальное собрание его состоялось только 17-го числа. Участники этого собрания возложили на себя нелегкую задачу по сбору и распространению знаний о законах, управляющих Вселенной. Так началась история организованного оккультизма на Западе.

Первоначальные трудности в выборе названия весьма симптоматичны: они свидетельствуют о том, что члены общества весьма смутно представляли себе свою цель. Трудно сохранить четкое разграничение между оккультной практикой и объективным изучением оккультных феноменов, если вы уже по определению верите в существование иного мира и возможность его манифестаций в «этом мире». Олькотт часто повторял, что теософия должна стать не новой религией, а наукой. И при этом он продолжал высказываться в пользу существования психических феноменов, а ЕПБ продолжала демонстрировать их.

Кроме того, теософия утверждала существование Тайной Универсальной Доктрины, которую и намеревалась изучать. Эта доктрина начиналась с предпосылки о том, что фундаментальные истины и ценности универсальны во всей Вселенной и что все религии являются, в сущности, разновидностями единого, универсального знания. На этом этапе Теософское общество начинало усложнять задачу, провозглашая гуманистические социальные идеалы: изучение духовной науки должно было идти рука об руку с пропагандой братства всего человечества. [Автор ошибается, при основании Общества этой задачи еще не было. О ней не упоминалось до

1878 г., когда Теософское Общество вступило в тесный контакт с Арья Самадж в Индии, и эта задача обрела актуальность. Тогда и было заявлено, что Общество помогает установить Братство человечества, при котором все хорошие и чистые люди любой расы относятся друг к другу как равные сотрудники одного Бесконечного, Всеобщего, Безграничного и Вечного Дела.] Поначалу такая путаница никому не мешала и даже была на пользу: ведь чем шире была формулировка целей нового общества, тем легче было привлечь в него неофитов. Но попытка примирить конфликтующие религиозные, научные и политические цели в конце концов была обречена на серьезные проблемы.

Частью этих проблем, вероятно, было само слово «теософия», означающее священную науку, божественную истину или мудрость. Первыми теософами, очевидно, были филалетийцы («любители истины») – александрийские философы III века, продолжившие традицию пифагорейцев, платоников и неоплатоников, а также испытавшие влияние утерянных орфических и египетских мистерий. Последний крупный всплеск учения теософов пришелся на эпоху Ренессанса, когда различные авторы (в том числе и знаменитый сапожник-мистик Якоб Беме⁴⁰) обозначали этим словом свою собственную смесь мистицизма, эзотерики и космологии. Однако представления об «истине» и «науке» у этих ранних теософов были чрезвычайно далеки от рациональных стандартов объективности, точности, беспристрастности и нейтралитета, характеризовавших истину и науку по мнению ученых XIX столетия. С одной стороны, Олькотт и Блаватская пытались оперировать именно этими стандартами; с другой стороны, они стремились доказать, что догматическая приверженность этим стандартам вредит познанию.

Размышляя над задачами Теософского общества, Олькотт в то же время нашел другую необычную возможность воплотить на практике свою давнюю мечту: принести на Запад восточную мудрость.

Одним из первых членов общества был барон де Пальм – европейский аристократ, переживавший трудные времена. Он

обитал в меблированных комнатах, пока полковник и его подруга не предложили ему переселиться в их квартиру. Барон, к тому времени уже тяжело больной, вскоре умер и оставил все свое имущество Олькотту с тем условием, что полковник организует его кремацию.

Хотя в Азии обряд кремации был весьма распространен, в Европе и Америке его почти не практиковали. Правда, Общества кремации появились в 1873 г. в Нью-Йорке и в 1874 г. в Британии, но пока они еще не успели сжечь ни одного трупа. Полковник был членом нью-йоркского общества. Он решил, что может убить двух зайцев, предварив кремацию покойного де Пальма специальной теософской заупокойной службой.

Трудностей на этом пути было множество. Прежде всего возникли проблемы с тем, каким способом сжечь тело. Крематориев в Америке не существовало, а сжигать барона на большом костре в индийском стиле казалось неприличным. Кроме того, городской совет Нью-Йорка отнесся ко всей этой затее с большим подозрением. Пока Олькотт пререкался с властями, набальзамированное тело барона лежало непогребенным и неотпетым. В конце концов, члены Общества кремации тоже испугались и пошли на попятную, решив не компрометировать себя связью с сомнительной мадам Блаватской и ее новой религией. Олькотт был вынужден на собственные средства сложить печь. Все это многотрудное предприятие завершилось неожиданным успехом: набальзамированное тело сгорело быстро и легко, что сыграло свою роль в популяризации нового обычая.

Похоронный обряд вызвал не меньше проблем, чем сама кремация. О церковной службе, разумеется, не могло быть и речи. Поэтому полковник арендовал зал и самостоятельно разработал экуменическую литургию и подходящие к случаю молитвы. Однако торжественная церемония обернулась фарсом. Публика не поняла и осмеяла ритуал. Поднялся ужасный гвалт, когда во время одной из молитв, описывающей Бога как «Несотворенную Первопричину», некий методистский священник вскочил с места с криком: «Это – ложь!» И все же затея Олькотта привлекла внимание прессы.

Полковник, очевидно, не сомневался, что даже комическая пародия на церемонию, напечатанная в нью-йоркской газете «Уорлд», будет полезна для своеобразной пропаганды теософии. Завещание барона, передававшее Олькотту замки и земли в Европе, оказалось пустышкой: покойник не оставил денег даже на то, чтобы оплатить кремацию. Единственной полезной вещью в сундуке де Пальма оказались рубашки, да и те принадлежали самому Олькотту, хотя с них и были спороты именные нашивки.

Несмотря на популярность «Разоблаченной Изиды» и на сенсацию с похоронами барона, Теософское общество прозябало. За два года после его основания большинство первоначальных членов покинуло его ряды, а новых людей присоединилось очень мало. К концу 1878 г. основатели остались почти в одиночестве. Книга Олькотта о его духовных исследованиях «Люди с того света» не имела успеха у публики; денег катастрофически не хватало; вообще стало очевидным, что Нью-Йорк не сулит особой удачи. Поэтому Блаватская и Олькотт решили отправиться в Индию.

Этот рискованный с виду шаг был весьма логичен по двум причинам. Во-первых, основатели Теософского общества уже наладили связь с восточным Ведийским обществом «Арья Самадж», учение которого было сходным с доктриной теософов. А во-вторых, Теософское Общество во многом покоилось на ориентализме – что на практике означало индуизм и буддизм. Ибо вопреки заявленной задаче извлекать универсальные элементы из всех религий, теософия была настроена против ортодоксального христианства, а исламу и иудаизму уделяла не слишком много внимания. Индуизм же неизбежно указывал на Индию, где несколько сотен миллионов человек ждали обращения в теософскую веру.

И все же неожиданное решение Блаватской и Олькотта имело мало общего с логикой. Ведь логика должна была направить их в Египет – на родину Туитита Бея, Сераписа и Братства «Люксор». Эта смена ориентации может быть объяснена только общим смещением интереса в оккультных кругах от Египта к Гималаям.

После 1878 г. Блаватская все же упоминает о египетских Учителях. Кроме того, быть может, Индия оставалась единственным местом, которое Блаватская еще не опробовала? Или, быть может, теперь, когда европейцы освоили Ближний Восток (и по милости Томаса Кука начали регулярно ездить в Египет), нужно было подобрать для Тайны более экзотическое и менее доступное обиталище? Или это просто было еще одной причудой, наподобие бегства Блаватской из России в 1848 г.? Ведь как бы хорошо она ни ориентировалась в космических и астральных просторах, ощущение земной географии было у нее весьма смутным. В своих причудливых рассказах о путешествиях Блаватская нередко сочетает описания различных частей света. Индия, Египет... не все ли равно?!

Олькотт, более озабоченный практической стороной дела, нашел, что переезд в Индию выгоден с финансовой точки зрения. В его честолобивые планы разбогатеть (частью которых были инвестиции в разработку венесуэльских серебряных копей) включился проект создать в Индии бизнес-синдикаты. Однако все эти планы не принесли никакой выгоды. И тогда Олькотт сделал ставку на дипломатический паспорт и туманную лицензию на развитие индо-американских культурных и коммерческих связей. Скептически настроенная ЕПБ написала по этому поводу своему другу, что ее компаньон «преисполнился надежд ступить на земли Бомбея с правительственной печатью на задку»⁴¹. Полковник же по-прежнему был убежден, что духовный мир – на его стороне; и эта уверенность подтвердилась, когда на его банковском счету внезапно «появилась» тысяча долларов – точь-в-точь как появлялись у него в комнатах письма от Сераписа Бея.

Впрочем, каковы бы ни были практические причины этого шага, Олькотт и Блаватская единодушно утверждали, что перебраться в Индию им велели Учителя. Более того, их предостерегли, что, если они не покинут Нью-Йорк к 17 декабря 1878 г, на них обрушатся оккультные несчастья. Над компаньонами действительно нависала беда: она приняла материальную форму наседавших кредиторов, но для тех, кто считает земные события знаками, полными божественного

смысла, этого было вполне достаточно. Однажды осенним вечером к Олькотту, читавшему в своей комнате, явился высокий смуглый незнакомец, оказавшийся одним из Великих Учителей, или Старших Братьев. На этот раз он был не из Люксора, а с Гималаев. Олькотт к тому времени уже привык общаться с Учителем Мориа, которого называл в своем дневнике «Папочкой». Этот же незнакомец, в тюрбане янтарного цвета и белых одеяниях, возложил руку на голову полковника и сообщил ему, что в жизни его настал решающий момент: ему и ЕПБ предстоит совершить великую работу на благо человечества. Оставив Олькотту на память янтарный тюрбан (его фотография фигурирует в мемуарах полковника), незнакомец бесследно исчез⁴².

9 декабря – ровно через пять месяцев после того, как Блаватской предоставили американское гражданство, – содержимое «ламаистского монастыря» распродали на аукционе. А 17-го Олькотт и Блаватская отплыли в Индию. Они двигались против стабильного потока эмиграции, шедшего с Востока на Запад; они были уже немолоды и не располагали практически никаким капиталом. Все их связи на субконтиненте зависели от авторов писем, с которыми они никогда не встречались, и от официального письма, весьма туманно рекомендовавшего Олькотта американскому консульству (едва ли оно могло оказаться полезным в стране, колониальная власть которой считала США своим главным торговым и политическим соперником). Практически умирающее нью-йоркское Теософское Общество препоручили заботам генерала Эбнера Даблдэя, позднее прославившегося как изобретателя бейсбола.

Компаньоны прибыли в Бомбей в середине февраля 1879 г., после краткой остановки в Лондоне, где они жили у писательницы Мэйбл Коллинз и где к Олькотту еще раз явился гималайский гость – что само по себе не было бы странным, не повстречайся с ним ЕПБ в то же самое время в совершенно другом месте. Очевидно, это существо могло пересечь Атлантику без помощи корабля и появиться одновременно в Сити и на окраине Лондона. Это было наглядной демонстрацией

оккультной силы Учителя – куда более впечатляющим, чем все аргументы, которыми располагало тогда крохотное Британское Теософское Общество.

В Индии Блаватская и Олькотт сразу же почувствовали себя как дома. Полковник дошел до того, что по прибытии в Бомбей упал на колени и поцеловал пристань. Разумеется, именно такой настрой требовался для того, чтобы завоевать симпатии местного населения. Впрочем, он не помог компаньонам наладить отношения с их корреспондентом Харричандом Чинтамоном, членом «Арья Самадж». В письмах он уговаривал их приезжать в Индию, всячески выражал радушное гостеприимство и обещал устроить грандиозный прием. Прием он действительно устроил, но затем вручил гостям огромный счет за все и в том числе за свою собственную пригласительную телеграмму. Кроме того, он до сих пор держал у себя деньги, которые Блаватская и Олькотт некоторое время назад переслали в «Арья Самадж» как добровольный вклад и свидетельство дружбы. Отобрав у Чинтамона эти деньги, невзирая на его злобные выпады и угрозы, Блаватская и Олькотт покинули негостеприимный дом и обосновались сами в индийском квартале Бомбея Гиргаум Бэк-роуд.

Невзирая на этот конфуз и на подозрения со стороны английского правительства, приставившего к американским гостям комично неуклюжего шпиона по имени майор Хендерсон (который ходил за компаньонами по пятам, пока Олькотт не выразил по этому поводу свой протест), дела стали идти на поправку. В апреле 1879 г. Блаватская и Олькотт открыли журнал «Теософ», который вскоре начал приносить прибыль. За три месяца тираж подписки возрос до 600 экземпляров. Компаньоны начали путешествовать по стране, посещая святыне места и Учителей. Они познакомились с еще одним членом «Арья Самадж» – Свами Даянанда Сарасвати, который практиковал йогу и развивал в себе оккультные силы. В число этих способностей входила левитация, способность занимать чужое тело, продление жизни и преображение материи. Свами проводил тщательное разграничение между этими серьезными эзотерическими дарами и фокусами, которые так забавляли

европейцев. К примеру, он считал, что умение заставить вещи исчезать и появляться зависит не от основательной религиозной практики, а от ловкости рук; это не наука, а практика ремесла.

Могущество йоги не должно опускаться до подобных трюков, хотя любой йог с легкостью способен проделать такой фокус, если это необходимо для конкретной цели.

Разумеется, ЕПБ тоже была готова выступить в роли Учителя, и подтвердила свою готовность демонстрацией различных феноменов, основанных именно на упомянутой ловкости рук. К концу декабря 1880 г., вернувшись в Бомбей из своих странствий, компаньоны переехали в новый дом – «Воронье гнездо», находившийся в лучшей части города. Тут-то и начались демонстрации. На цветочной клумбе внезапно появлялись брошки; чашки возникали прямо из воздуха; время от времени начинала играть музыка без видимого источника звука. В англо-индийских кругах такие «феномены» весьма ценили, и Блаватская в конце концов получила туда доступ. Однако многие утверждали, что ее демонстрации – именно то, что Свами Даянанда презрительно называет «тамаша», то есть трюк. Возможно, разграничение, которое проводил Свами между проявлением подлинных оккультных сил и обычными фокусами, было слишком трудным для европейского восприятия?!

Со временем такие феномены, как «передача» писем, стали предметом ожесточенных разногласий в Теософском Обществе. Многие сторонники Блаватской допускали, что некоторые производимые ею феномены действительно ловкие трюки, но настаивали на том, что большинство ее демонстраций – подлинные оккультные явления, и что четкую грань между ними провести невозможно. Вопрос не в том, считали они, шарлатанка ЕПБ или нет; вопрос в том, прибегает ли она к дешевым трюкам на потребу публике, компрометируя свои истинные силы? Сама Блаватская в поздние годы выдвигала два предположения: либо что среди ее демонстраций действительно были как истинные, так и фальшивые, и что фальшивые порождала низменная часть ее натуры, а истинные возникали под руководством Учителей; либо что

сомнительность некоторых ее трюков была частью некоего общего, недоступного пониманию простых смертных плана. В чем заключается этот план, она не уточняла, и все ее притязания неизменно наталкиваются на опровергающие свидетельства. К примеру, брошка, обнаруженная на клумбе, была отдана в залог неким жителем Бомбея, а ЕПБ выкупила ее.

Хотя Блаватскую обычно не приглашали на большие официальные собрания, поскольку с нее так и не было снято подозрение в шпионаже, мало-помалу она приобрела множество связей и влиятельных знакомств (среди них был и майор Хендерсон, следивший за нею и Олькоттом в первые недели их пребывания в Индии). Блаватской удалось даже завоевать некоторую славу среди англичан и местных жителей. И этой славой она во многом была обязана Альфреду Перси Синнетту (1840–1921) и Аллану Октавиану Хьюму (1829–1912).

Альфред Синнетт прежде работал журналистом в Лондоне и Гонконге, а теперь был редактором главной индийской газеты – аллахабадского «Пионера». Его дом в Аллахабаде был настоящим интеллектуальным салоном, и в числе его друзей был отец Редьярда Киплинга. Синнетт и его жена Пэйшнс были увлеченными спиритуалистами, обожали спиритические сеансы и манифестации духов. Они отличались определенным снобизмом, и Синнетт, любивший представлять ЕПБ как «графиню», с готовностью предоставил ей место в своей газете (по мнению его работодателей, этого места оказалось слишком много, и в конце концов они уволили его за то, что по его вине в газету попадали весьма нежелательные во всех отношениях теории). В декабре 1879 г. Олькотт и Блаватская навестили Брайтлэнд – дом Синнеттов в Симле. Олькотт вел себя сдержанно и любезно, но у Блаватской сложились искренне дружеские отношения с обоими супругами. На протяжении следующего десятилетия она вела с ними переписку и снабжала Альфреда материалами для своей биографии.

А.О.Хьюм также владел большим домом в Симле – внушительным «Замком Ротни». Помимо прочего, он был специалистом по индийской орнитологии. Он был примерным

служащим Ост-Индской компании, служил в индийской армии и имел чин полковника. На имперской гражданской службе он также добился высокого поста, став секретарем правительства Индии. Но, будучи сыном английского либерала Джозефа Хьюма, он унаследовал от отца непокорный нрав. Во время появления Блаватской в Индии он серьезно поссорился со своими начальниками, и хотя официальными поводами последовавшей за этим отставки были названы личные конфликты и неспособность выполнять приказы, действительные причины, по-видимому, лежали гораздо глубже. Хьюм, с точки зрения колониального правительства, чересчур симпатизировал местному населению. Он глубоко увяз в националистической политике и способствовал созданию Индийского Национального Конгресса, первое собрание которого состоялось в 1885 г. Менее доверчивый, чем Синнетт (с которым его объединял интерес к буддизму), Хьюм был обидчив, раздражителен и порывист. Но его также заинтриговали Блаватская и ее Учителя.

Хьюм и Синнетт страстно желали довериться своим новым друзьям, но вскоре они поняли, что это нелегко. «Хотя время от времени мне отчаянно хочется сказать себе, что вы – мошенница, – писал ей Хьюм в 1881 г., все-таки, кажется, вы – лучшая среди них всех, и я люблю вас больше всех»⁴³. Такое, не особенно оригинальное, отношение к Блаватской породило еще одно ее прозвище – «Старая Леди» (англ. «Old Lady»). Блаватская с удовольствием приняла его и даже стала подписывать свои письма «OL», охотно разыгрывая роль безрассудной, своенравной и непредусмотрительной, но очаровательной старой дамы, склонной ставить других людей в неудобные ситуации.

Кроме того, она потешалась над этими двумя корректными англичанами. Без зазрения совести она смеялась над ними за глаза (и это было действительно опрометчиво), сравнивая, например, Хьюма в письме к Синнетту с «Юпитером, предлагающим себя, словно стадо коз, в жертву богу Гермесу, дабы научить последнего хорошим манерам... Бедная сухая травинка, падающая с пирамиды Хеопса»⁴⁴. Синнетта она

характеризовала попросту «простофилей». Исполненная неисчерпаемого запаса насмешек по поводу претензий британского правительства Индии, Блаватская то ставила себя выше королевы Виктории по благородству происхождения, то в шутку собиралась принять британское подданство и украсить себя именем «миссис Снукс или Тафматтон»⁴⁵. Вдобавок она не уставала веселиться по поводу здравого смысла англичан, которые «больше верят в невидимое присутствие русских в Индии, чем в существование невидимых Махатм»⁴⁶, но все же одержимы «ненасытной» жаждой видеть психические феномены. Гордясь своим скептицизмом, они безгранично доверчивы, стоит им хотя бы раз убедиться в реальности потустороннего мира.

Судя по письмам Синнетта и Хьюма, им доставляла удовольствие склонность Блаватской к насмешкам: обширная переписка между этими тремя корреспондентами (а также между ЕПБ и Пэйшнс Синнетт) полна разнообразных сплетен и постоянного обыгрывания мысли о том, что в конце концов Блаватская все же может оказаться мошенницей. Она постоянно провоцировала и опровергала эти обвинения, чтобы они появлялись вновь и вновь. Новые друзья ЕПБ переняли у нее фамильярный тон. «Если они все-таки не существуют, – пишет ей Хьюм об Учителях, – то какая же великолепная романистка могла бы из вас получиться! Ваши персонажи на удивление последовательны. Когда наш добрый старый Христос – я имею в виду К.Х., снова появится на сцене? Он наш любимый актер...»⁴⁷.

По поводу доверчивости англичан Блаватская была совершенно права. Хотя Хьюм в конце концов заартачился, Синнетт подчинился Блаватской целиком и полностью. Чтобы развеять последние сомнения, она решила позволить им вступить в контакт с Учителем. Хьюм и Синнетт горячо устремились к этой привилегии, надеясь стать учениками-чела в Братстве; но поскольку все послания от Мории и Куга Хуми проходили через руки Блаватской, создалась весьма запутанная ситуация. Блаватская предвосхищала письма и составляла ответы на них, либо непосредственно, либо

посредством «психической передачи». Иногда письмо возвращалось к адресату с пометками, сделанными рукой Учителя (зачастую – в живом стиле, свойственном самой ЕПБ)⁴⁸.

Контроль над контактами с Братством был источником авторитета Блаватской, но весьма ненадежным.

В конце концов проблемы, возникши в связи с этой перепиской, привели к разрыву между Хьюмом и ЕПБ. Хьюм и Синнетт вскоре перестали довольствоваться ответами, которые они получали от Кут Хуми. Вместо того чтобы отвечать на метафизические вопросы, Учитель буквально засыпал их указаниями обходиться с ЕПБ по-доброму и с пониманием. «Не бойтесь быть снисходительными к ней», – писал им Кут Хуми⁴⁹, и некоторое время они его слушались. Но к 1882 году, видимо, заподозрив Блаватскую в обмане, они решили написать непосредственно Учителю в обход своей посредницы, с предложением обходиться и впредь без ее услуг. К сожалению, переслать это письмо Хьюм и Синнетт могли, как обычно, только при помощи Блаватской. «Старая Леди» удалилась с этим посланием в свою комнату – намереваясь поиграть на фортепиано, пока запечатанный конверт будет «передаваться» по назначению, – но несколько минут спустя из-за двери послышалась отнюдь не музыка: разгневанная Блаватская с криками выбежала из комнаты, прочитав письмо и обнаружив предательство.

С этого момента и без того шаткая вера Хьюма в Блаватскую окончательно рухнула. Явным мошенничеством ЕПБ профанировала все свои реальные или мнимые оккультные силы, самолично отвечая на письма к Учителям и выдавая эти ответы за оккультные послания. В Учителей Хьюм по-прежнему продолжал верить и поначалу отвергал лишь самозванку-посредницу, называя ее лгуньей, притворщицей, посредственностью и хронической хвастуньей. Впрочем, через несколько месяцев Хьюм окончательно вышел из Теософского Общества, окрестив Учителей «эгоистичными азиатами»⁵⁰. В последующие годы эта схема первоначального увлечения ЕПБ и дружбы с нею, сменяющихся быстрым разочарованием,

повторится неоднократно. Однако Синнетт продолжал верить Блаватской и после ее смерти даже стал вице-президентом Теософского Общества. Его жена осталась подругой ЕПБ, но после ухода Хьюма отношения между Синнеттом и ЕПБ стали более напряженными, и в поздних письмах Блаватской можно встретить немало едкой иронии в адрес «тупости» и «ничтожества» Синнетта.

Беда была в том, что сколько бы Блаватская ни отстаивала свою правоту и как бы она ни желала быть принятой в англо-индийском обществе, ей не удавалось удержаться от подтруниваний над ханжеством и важной щепетильностью английских официальных кругов. «Моя грациозная величаявая персона, облаченная отчасти по-тибетски, отчасти – в подобие ночной сорочки, – писала она из Оотакамунда в 1883 году, – восседает во всей своей неотразимой калмыцкой красоте на званых обедах у губернатора и Кармайкла; за ЕПБ ухаживают адъютанты! Старая Упасика [Еще одно прозвище Блаватской. – Прим. автора. Упасика (сакс.) женщина – чела ученица Махатм. – Прим. пер.] чудовищным кошмарным видением ходит под ручку с изящными членами Совета в вечерних фраках, бальных туфлях и шелковых чулках, так благоухающими бренди с содовой, что в их окрестностях свалился бы замертво тибетский як»⁵¹.

Возможно, Блаватская знала, что скандал не самый худший способ запомниться публике. Во всяком случае, ей этот способ подошел прекрасно, и Теософское Общество процветало, невзирая на разочарование отдельных его членов вроде Хьюма. Кроме того, Блаватская обнаружила, что нелады с англо-индийскими кругами ничуть не вредят отношениям с местными жителями: на каждого отворачивавшегося от нее европейца приходился десяток индийцев, встававших на ее сторону. И к тому же, вероятно, ЕПБ чувствовала, что скандальная слава – одно из ее орудий как учителя и общественного деятеля. Если бы она вписывалась в традиционные представления, то никто бы не обратил на нее внимания; а правильно использованные противоречия с обществом могли оказаться плодотворными, создавая вокруг Блаватской обстановку, постоянно

наэлектризованную ожиданием. Но, к сожалению, она умела лишь создавать эти противоречия, но не использовать их.

Постоянные неурядицы в конце концов вынудили Олькотта отдалиться от своей старой приятельницы и начать самостоятельную деятельность. Ведь он был президентом Теософского Общества, а Блаватская – всего лишь секретарем-корреспондентом; и об этом факте полковнику приходилось напоминать ей время от времени. Еще более остро осознать свое положение заставили Олькотта постоянные напоминания Блаватской о том, что она, дескать, «избранный сосуд», одаренная ясновидица, которую оценили по достоинству сами великие Учителя, а полковник всего лишь ее ассистент. Когда же полковник пытался отстаивать свои права, ЕПБ писала своим корреспондентам, что Олькотт – тщеславный болван, ничтожество, раздувшееся от спеси. Поставленный в известность об этих нападках, Олькотт упрекал свою подругу в нечестности и интриганстве.

Возможно, Блаватская и Олькотт были изначально несовместимы друг с другом по характерам и связывали их лишь взаимная нужда и вера полковника в оккультные силы Блаватской. Оказавшись вместе с Олькоттом в чужой, негостеприимной стране, торопливая и неумная Блаватская все больше и больше раздражалась по причине медлительности и нерешительности полковника, а тот, в свою очередь, не находил себе места от страха из-за непрерывных выходов своей приятельницы. С возрастом Блаватская стала еще беспокойнее. Когда ее трюки разоблачали, она иногда впадала в ярость, а иногда с добродушным смешком соглашалась, что смошенничала. Свидетельства против нее накапливались день за днем, и Олькотт (хотя ему было еще сложнее, чем Хьюму и Синнетту, поверить в то, что она – обманщица: чего стоили бы тогда его собственные притязания на оккультную мудрость?) все более склонялся к мнению, что его старая подруга – в лучшем случае весьма сложная и непредсказуемая особа, а в худшем – серьезное препятствие на пути его добросовестной и полезной работы. Поэтому полковник имел все основания держаться

подальше от дома и от постоянных склок между ведущими теософами.

К декабрю 1882 г. доходы Общества от подписчиков журнала «Теософ» возросли настолько, что Блаватская и Олкотт смогли перебраться из «Вороньего Гнезда» в небольшое поместье в Адьяре, близ Мадраса, где и по сей день размещается штаб-квартира теософов. Старые друзья уютно устроились в новом доме, окруженном живописными ландшафтами устья реки Адьяр. Однако к этому моменту союз между ними уже висел на волоске. Олкотт все больше времени проводил в миссионерских путешествиях по Бирме, Северной Индии и Цейлону (особенно по Цейлону, где теософия стала весьма популярной – не в последнюю очередь благодаря увлечению полковника буддизмом).

Блаватская и Олкотт вместе провели на Цейлоне два месяца – с мая 1880 г. Олкотт почти сразу же превратился в туземца: он стал одеваться в дхоти и сандалии, как брамин, и соблюдать местные традиции. На острове появились семь сингалезских филиалов Теософского Общества, и Олкотт начал отстаивать буддистские традиции в борьбе с христианскими миссионерами, запленившими в то время Цейлон и навязывавшими религиозное единообразие. Только христианские браки считались на Цейлоне законными. Вся система образования была прохристианской (805 христианских школ против четырех буддистских), и авторитет школы зависел от преподавания Библии. Поскольку для поступления на гражданскую службу требовался документ об образовании, для нехристиан все пути к государственной деятельности были закрыты.

Цейлонские буддисты уже некоторое время выступали против такого положения. В 1860-х годах эти протесты дошли до вооруженных столкновений, и когда Олкотт и Блаватская, прибыв на Цейлон, приняли «пансил» – своего рода буддистскую конфирмацию, – это означало, что они встали на сторону мятежников. В Канди им показали самую священную реликвию – зуб Будды, оправленный в золотую проволоку. ЕПБ бестактно заметила позже, что, судя по размерам, он некогда

принадлежал аллигатору. Олькотт проявил большую дипломатичность, сказав, что этот зуб наверняка восходит к тому периоду, когда Будда переживал инкарнацию в облике тигра. Вдобавок, полковник выступил на нескольких публичных митингах в пользу равенства христианства и буддизма, поддержал требование развития буддийской системы образования до уровня официальной сети школ, а оказавшись в Лондоне, сделал заявление в Иностранной службе от лица цейлонского жречества. Используя свой немалый организационный талант, Олькотт основал Комитет по защите буддизма и научил монахов отстаивать свои права политическими средствами. Но, пожалуй, самым большим его достижением была публикация в июле 1881 г. «Буддийского катехизиса» на английском языке, выдержавшего много изданий и переиздающегося до сих пор.

Конечные результаты деятельности полковника оказались впечатляющими. К 1960-м годам нашего века, когда система образования на Цейлоне была национализирована, буддийское Теософское Общество располагало четырьмя сотнями школ, многие выпускники которых занимали важные посты в государстве. Старания Олькотта обеспечили Теософскому Обществу один из первых и весьма примечательных социальных триумфов; в процессе своей деятельности теософы оказали также огромное влияние на цейлонский национализм.

Это были вполне реальные, ощутимые и стабильные успехи, ставшие едва ли не самым прочным монументом теософскому движению. Имя Олькотта по сей день помнят на Цейлоне, где в его честь даже названа улица. В 1967 г., на шестидесятую годовщину смерти полковника, власти страны выпустили памятную почтовую марку, а премьер-министр назвал «приезд полковника Олькотта в страну важнейшей вехой в истории буддизма на Цейлоне»⁵².

Глава 4. Неприятности

На протяжении 1880-х годов Теософское Общество устойчиво росло⁵³. К 1885 г. была зарегистрирована 121 ложа; 106 из них находились в Индии, Бирме и на Цейлоне, где сосредоточилась основная масса теософов. За десять лет со дня своего основания Общество успело привлечь тысячи сторонников; в число его членов вошли такие знаменитости, как поэт Элла Уилер Уилкоккс, сотрудник Дарвина Альфред Рассел Уоллес и изобретатель Томас Эдисон. Но рост организации, при всех своих приятных моментах, означал и усложнение административной системы Общества, отягощенное конфликтами между Блаватской и Олькоттом, их удаленностью от Европы и Америки, а также амбициями местных руководителей.

Эти проблемы усугублялись недостатками структуры Общества. Оно состояло из лож по масонскому образцу. Поначалу каждая ложа была напрямую подчинена Адьярскому центру, и члены общества принимали свои решения демократическим путем на основе голосования. Но по мере расширения Теософского Общества ложи превращались в независимые национальные филиалы с собственным правлением. Первый такой филиал возник в Америке под руководством Джаджа в 1886 г.; за ним последовали ложи в Англии (1888), Индии (1891), Австралии и Швеции (1895), Новой Зеландии (1896), Нидерландах (1897) и Франции (1899). За следующие тридцать лет то же произошло с остальными ложами. Хотя правление выбиралось членами лож, каждый такой совет руководителей вскоре начинал навязывать ложе собственное понимание целей и задач в противовес установкам Адьярского центра в Адьяре. В результате складывалось трехстороннее противостояние между Адьяром, местными ложами и советами национальных филиалов. Это вызывало серьезные внутренние осложнения в Обществе, нередко сопровождавшиеся скандалами.

В корне этих противоречий лежала некоторая неопределенность целей и задач теософии. С первых дней своего существования Общество придерживалось трех основных целей, обозначенных в 1896 г. как:

1. Создание универсального братства людей без различия национальности, вероисповедания, пола, касты и цвета кожи.

2. Поощрение занятий сравнительной религией, философией и наукой.

3. Изучение необъясненных законов природы и потенциальных сил и способностей человека.

Эти цели менее прямолинейны и менее совместимы друг с другом, чем может показаться. К примеру, очевидна возможность разногласий по поводу точного смысла первой из них. В какой мере это политическая программа, а в какой – просто декларация универсальной терпимости? И так ли эта терпимость универсальна, как кажется на первый взгляд? Трудно представить себе, например, как можно принадлежать к Теософскому Обществу, не веря в божественную силу хотя бы какого-то рода.

Неоднозначно и толкование второй цели. Имеются ли в виду сравнительная религия, сравнительная философия и сравнительная наука? Или же речь идет о философии, науке и сравнительной религии?

Третья цель представляет изначальный импульс для создания Общества, но ее расплывчатая формулировка оказалась прикрытием для самых возмутительных мошенников.

И, наконец, все эти три заявления в целом подразумевают, что Теософское Общество объективно и не допускает слепого фанатизма. Но это, разумеется, нонсенс. Разве можно говорить об объективном изучении оккультных феноменов силами объединения, заведомо принимающего их существование и направленного лишь на то, чтобы зафиксировать и объяснить их?

И если даже по отдельности эти три цели неоднозначны, то взятые все вместе они и подавно противоречат друг другу. Предполагается, что идеальный результат работы теософа состоит в том, что потенциальные силы и способности человека,

развитые посредством оккультного изучения науки, философии и религии, являются идеальным путем к социальной гармонии и равенству, которые предвосхищают и отражают божественную гармонию. Но эти три цели не всегда совместимы между собой. Они даже сформулированы на различных уровнях: первая является предписанием, а вторая и третья, по видимости, нейтральны и «научны». И в действительности они выражают не всеобщие нужды и закономерности, а лишь политические преубеждения буржуазного слоя.

Административные и доктринальные разногласия в Обществе поначалу были его сильной стороной: чем обширнее цели и расплывчатее их формулировки, тем больше можно привлечь членов в новую организацию. Но, как мы уже видели, рост Общества неизбежно привел к возникновению конфликтов. Правила Теософского Общества благоразумно оговаривали, что все его члены пользуются свободой совести, поскольку цель теософии состоит не в проповеди какого-либо учения, а в «научном» исследовании всех доктрин. Однако поддерживать такую заявку стало сложным, когда выяснилось, что притягательная сила Общества для новых членов покоится в первую очередь на сенсационных претензиях Блаватской на оккультное общение с Великим Братством Учителей. И хотя позднее было принято, что вера в Учителей также не является условием приема в Общество, эта казуистика ничего не значила для среднестатистического теософа, куда менее заинтересованного в теологических диспутах, чем в контакте с Правителями Вселенной.

Еще сильнее ситуация усугублялась тем, что Общество особенно влекло всевозможных невротиков, истериков и даже сумасшедших. До некоторой степени с этой проблемой сталкиваются все организации, зависящие от энтузиазма и противостоящие традиционным мнениям; однако в случае с теософией она приобрела поистине грандиозные масштабы. Постоянные жители Адьяра в 1880 – 1890-е годы были весьма типичны. Вздорное сборище мелких английских аристократов, богатых американских вдов, немецких профессоров, индийских мистиков и всяческого рода прихлебателей, все они пытались

отвоевать себе место под солнцем (особенно в длительные периоды отсутствия Олькотта), и все были готовы в любой момент перессориться друг с другом.

Но первые признаки серьезных проблем проявились не в Адьяре, а в Лондоне, где 7 января 1883 г. президентом и вице-президентом Лондонской ложи были избраны соответственно Анна Кингсфорд и Эдвард Мэйтленд. Миссис Кингсфорд к тому времени уже была известной фигурой в эзотерических христианских кругах⁵⁴. Она была сильной, даже харизматической женщиной, и ее отношения с теософией (и, в частности, с Блаватской) складывались непросто с самого начала. В результате ее теософская карьера оказалась недолговечной (продлившись около восемнадцати месяцев) и ярко отразила трудности, с которыми столкнулось Теософское Общество.

Мэйтленд, переживший свою подругу и коллегу и написавший ее биографию, сообщает, что Анни Кингсфорд, урожденная Бонас, родилась в 1846 г. в Сити в семье богатого торговца французского происхождения. Отличаясь с детства талантами, она уже в юные годы начала публиковать стихи и рассказы. В двадцать один год она достигла финансовой независимости, унаследовав от отца, умершего в 1867 г., годовой доход в 700 фунтов стерлингов. В том же году она вышла замуж за священника из Шропшира Уильяма Кингсфорда. Анни была волевой и своенравной, увлекалась охотой и спортом; родители и супруг чрезвычайно ей потакали. Анни вела свое собственное дело, что в конечном счете и привело к радикальной перемене в ее жизни: в ходе борьбы за имущественные права замужних женщин она случайно встретила некую спиритуалистку, давшую ей экземпляр спиритического журнал «Хьюман Нэйчур», где (весьма типично!) содержались также статьи о реформе одежды, то есть дискуссии в пользу отмены корсетов, кринолинов и узких туфель – обычной женской одежды середины викторианской эпохи. Миссис Кингсфорд немедленно примкнула к этим движениям, превратившись в заядлую спиритку и в борца за введение

более здоровой и удобной одежды. Так началось ее увлечение альтернативными религиями и оздоровлением быта.

Будучи изящной, хрупкой и весьма миловидной особой, Анни страдала от множества органических и психосоматических заболеваний. Хотя она и родила дочь, ее связывали с мужем по большей части платонические отношения. Уильям предоставил своей жене невиданную по тем временам свободу: она перешла в католичество и открыла в Лондоне собственное издание под названием «Газета для леди». Впрочем, эта газета, боровшаяся за радикальные социальные перемены, скоро обанкротилась по причине недостатка в рекламе (большую часть рекламодателей отвергали по идеологическим причинам), и миссис Кингсфорд стала сражаться за свои идеалы другими способами.

Суфражизм и борьба за права женщин вскоре оказались на втором месте среди этих идеалов: первое место заняла страсть к животному и духовному миру. Анна (как ее теперь называли) посвятила остаток своей недолгой жизни религиозной деятельности и борьбе против вивисекции. Чтобы иметь возможность лучше заботиться о благополучии животных, она решила стать врачом. Будучи женщиной, она должна была для этого пройти первоначальную подготовку в Лондонском университете, а затем окончить медицинский факультет в Париже – единственное в Европе учебное заведение этого рода, куда принимали женщин.

В это время Анна познакомилась и начала переписываться с Эдвардом Мэйтлендом, который был гораздо старше ее и нашел в ее лице одновременно музу и идеальную возлюбленную. Хотя на фотографиях Мэйтленд выглядит совершенно флегматично, в действительности он был весьма влюбчивым человеком. В биографии Анны он застенчиво упоминает о своем служении нескольким другим «благородным дамам». Но даже без описаний золотых волос, длинных ресниц и карих глаз Анны Кингсфорд (Мэйтленд именует ее «белокурой богиней»⁵⁵), по каждой странице этой биографии совершенно очевидно, что автор был обворожен ею и до конца оставался верным рыцарем ее крестового похода.

Мэйтленд был представителем высших слоев среднего класса и ветераном калифорнийской «золотой лихорадки» 1849 года. В 1857 г. он вернулся в Англию после трудной и богатой приключениями жизни в Меланезии и не менее интересной жизни в Австралии, где его кузен был генерал-губернатором. На путешествия его толкнули личные и духовные проблемы (Мэйтленд называет себя «избалованной заурядностью»), которые так и остались неразрешенными. В Европу он возвратился по-прежнему в поисках романтической любви и истинной религии. Его духовным идеалом была христианская доктрина, дополненная твердыми логическими основами – настолько твердыми, что отрицать их было невозможно; однако такая доктрина, по убеждению Мэйтленда, должна была одновременно продемонстрировать фундаментальное единство всех великих религий, черпая силу в конечном итоге из своей универсальности. В то же время он рассматривал эту доктрину как личное откровение и индивидуальную связь с Богом. Подобно множеству своих современников, Мэйтленд жаждал интеллектуальной и духовной определенности, с презрением отвергая в то же время «материализм духовенства» – церковную иерархию (как католическую, так и протестантскую), которая, по его мнению, призывала паству к поклонению идолам вместо познания внутренних духовных реалий.

Анна с энтузиазмом согласилась со своим другом, что величайший недостаток традиционных религий – тенденция принимать символы за реальность. В ее представлении вся видимая и осязаемая Вселенная была лишь символом высшей духовной структуры, доступной лишь экстраординарным людям, к числу которых принадлежала и она. Анна была убеждена, что ортодоксальные религии никогда не смогут дать человеку духовного просветления по той простой причине, что «...Истина никогда не бывает феноменальной; она всегда ноуменальна»⁵⁶. Душа может воспринимать мудрость только субъективно. Но все это не имело ничего общего с вульгарными спиритическими сеансами. Кингсфорд слышала внутренний голос и имела видения, но всегда (столь же тщательно, как Блаватская) ограничивала свой опыт от заурядных феноменов разных

медиумов и ясновидцев. Постоянно сохраняя связь с высшим миром, она получила заверения от его обитателей в том, что является пророком, а не медиумом; что ее тело – сосуд для древнего духа, которого она называла своим гением. Иначе говоря, вдохновение к ней приходило не снаружи (как у медиумов), а изнутри. Анна поднялась неизмеримо выше примитивного спиритизма и ясновидения – на ступень озарения или гнозиса, непосредственного откровения духовной истины.

Это мнение поддерживали и другие духи, говорившие Эдварду (разумеется, через Анну), что он никогда не должен обижать ее и оспаривать то, что она сказала или написала, «будучи во власти вдохновения», поскольку такие сообщения священны. Впрочем, подобные инструкции были излишни. Эдвард почитал ее оккультные способности не меньше, чем обожал их носительницу, и считал полученные Анной откровения неизмеримо более высокими, чем «смутные намеки на божественную истину», которые можно встретить у Платона или в Библии. И даже если бы духи не предписывали Мэйтленду уважение и послушание, Анна все равно с легкостью возобладала бы над своим другом. У нее был куда более сильный характер, чем у Эдварда. Эта властная и капризная женщина командовала Мэйтлендом без всякого сопротивления с его стороны, и это неудивительно, учитывая силу ее ума. В ходе кампании против экспериментов над животными миссис Кингсфорд утверждала, что усилием воли умертвила нескольких знаменитых французских вивисекторов. После того как один из них скончался от лихорадки, Анна заявляла в своем письме: «Воля может убивать и убивает... Я убила Поля Берта, как и Клода Бернара; я убью Луи Пастера...»⁵⁷.

Эдвард и Анна вскоре начали тесно сотрудничать с благословения мистера Кингсфорда, который попросил Мэйтленда сопровождать Анну в Париж, поскольку сам он был связан обязанностями приходского священника в Шропшире. За пределами Парижа друзья жили то в Шропшире вместе с Уильямом Кингсфордом, то в Лондоне, где Анна снимала дома в Мэйфэре. Духовность не была помехой светской жизни, и миссис Кингсфорд принадлежала к избранному кругу, в который

входили почтенный Роден Ноэль, лорд и леди Маунт Темпл (лучшие друзья Лоуренса Олифанта, весьма грубо пытавшиеся привлечь миссис Кингсфорд к своему делу), леди Рибблсдэйл, леди Теннант, леди Арчибальд Кэмпбелл и почтенные мистер и миссис Перси Виндхэм. Кроме того, в кружок входила родившаяся на Кубе графиня Кэйтнесс, которая жила во дворце на Ниле и одевалась как королева Мария Шотландская (утверждая, что является ее реинкарнацией)⁵⁸. Считаясь подругой всех выдающихся теософов и оккультистов, леди Кэйтнесс писала им страстные духовные письма и устраивала грандиозные приемы (не приглашая их туда!) в своих домах в Париже и на юге Франции.

Анна была не менее энергичной, хотя не столь яркой особой. В свободное от занятий медициной и видениями время она ставила пьесы о Будде в изысканных салонах. Вскоре под ее влиянием Эдвард тоже развил свои скромные психические способности. Он научился заглядывать в душу деревьям и повстречался с духом своего давно умершего отца. Дух признал себя виноватым в том, что при жизни часто ссорился с сыном.

Считая себя двумя половинами духовного единства, Эдвард и Анна отлично сотрудничали, хотя миссис Кингсфорд явно была главной в этом партнерстве. Мэйтленд записывал то, что диктовала его подруга, время от времени вставляя от себя живописные детали. Видения приходили к Анне во время транса или сна и были весьма диковинными. Иногда она видела свои внутренние органы, благодаря чему могла диагностировать болезни. Ее посещали Жанна д'Арк, Дева Мария и Анна Болейн, дух Сведенборга, мимоходом упомянувший, что Иисус возродил конфуцианство; а также некий американский дух, сообщивший ей, что в партнерстве с Мэйтлендом она играет роль мужчины, а Эдвард – женщины. Несомненно, миссис Кингсфорд было приятно это узнать.

Более того, она была удостоена откровения целой новой доктрины, приходившей к ней по частям – словно серии космической «мыльной оперы». Эта доктрина была основана на сведенборгианском представлении о том, что доступный нашим чувствам мир состоит из символов и что религия, таким

образом, является формой герменевтики – науки интерпретации. В результате Анна отвела Гермесу покровителю интерпретаторов – более высокое место в своем экуменическом пантеоне, чем Иисусу, и много писала об истинной интерпретации мифологии, духовных и литургических текстов, придерживаясь учения о карме и реинкарнации.

Учитывая сложность и полноту ее собственной теологии, трудно понять, что нашла Кингсфорд в теософии. Позднее она утверждала, что не доверяла Теософскому Обществу и его основателям с самого начала, присоединившись к ним лишь в тщетной надежде реформировать Общество изнутри. Весьма вероятно, что она стремилась стать во главе Теософского Общества (по крайней мере, в Англии) и воспользоваться этой организацией для пропаганды своих личных воззрений. Для приема в Общество ее порекомендовал один из ранних его членов – идеалистически настроенный барристер С.С.Мэсси, который, подобно Мэйтленду, искал благородную женщину в противовес ненадежной ЕПБ. Вскоре Анна заняла видное место в Лондонской ложе и за удивительно короткий срок добилась президентского кресла.

Однако вскоре миссис Кингсфорд пожалела, что связалась с теософией. Виной тому, впрочем, была на сей раз не Блаватская, а А.П.Синнетт, издавший две книги о теософии, вызвавшие шумный скандал. В первой из этих книг, «Оккультный мир» (1881), он опубликовал (по предложению самого Учителя) письма, полученные от Кут Хуми через мадам Блаватскую. Книга широко распространилась в спиритических кругах и попала в поле зрения американского медиума Генри Киддла, который написал Синнетту полное упреков письмо, заметив, что Кут Хуми почти слово в слово воспроизвел фрагмент из какой-то речи самого Киддла. Синнетт не смог ответить на это письмо, и тогда Кидал опубликовал свои обвинения в шарлатанстве в спиритическом журнале «Лайт». Разразился скандал. Блаватская отнеслась к этому высокомерно: «Кут Хуми украл у Киддла! Господи помилуй... Украсть у «ЗНАМЕНИ СВЕТА»!! – у этой сточной канавы духов!»⁵⁹. Признавая сходство между двумя упомянутыми

фрагментами (и, по-видимому, опасаясь дальнейших неприятных разоблачений), она высказала предположение, что Кут Хуми неким образом уловил по «астральному радио» часть речи Киддла, а затем забыл об этом, подобно тому как человек может иногда неосознанно повторять чужие фразы. Это вносило пикантный аспект в представление о непогрешимости Учителя, поэтому Блаватской поверили лишь немногие.

Ко времени скандала с Киддлом в 1883 г. Кингсфорд и Мэйтленд уже всерьез сомневались в теософии, но окончательно разъярила их вторая книга Синнетта – «Эзотерический буддизм», где теософия выступала синонимом весьма своеобразной интерпретации автором буддийских текстов. Анне это не понравилось, тем более что ее еще раньше смущала тенденция Теософского Общества отвергать христианство в пользу восточного оккультизма. Дополнительно усугубляло проблему то, что Синнетт сосредоточился на том, что Анна считала чисто «эстетической» стороной буддизма: на психических феноменах, бодхисаттвах («малых буддах») и явлениях духов. Тем самым Синнетт, с точки зрения Кингсфорд, впадал в ужасный грех: он принимал символы за реальность. Эта книга была, по мнению Анны, весьма далекой от эзотерики, насквозь порочной и материалистичной, а также чувственной во всех смыслах этого слова. Если таков был официальный курс теософии (а ЕПБ поддерживала Синнетта), то Анна Кингсфорд не желала иметь с ней ничего общего. Синнетт теперь жил в Англии (он вернулся из Индии в 1883 г. после увольнения из аллахабадского «Пионера») и был членом Лондонской ложи, которая уже раскололась на две партии: одни теософы поддерживали Синнетта, другие стояли на стороне Кингсфорд.

В феврале 1884 г. ЕПБ и Олькотт отправились в Англию улаживать скандал. Описав последователей Анны как «панургово стадо, следующее за надушенными жоками из жокей-клуба»⁶⁰, Блаватская не собиралась идти на мировую со своей соперницей. Ворвавшись на собрание Общества (при виде ее некоторые экзальтированные теософы упали на колени), ЕПБ попыталась покорить своей воле Мэйтленда и Кингсфорд, испепелив их взглядом, однако те не сдались и

обвинили Блаватскую в том, что она пытается заколдовать их. Полковник, испугавшись, что подспудный скандал может перерасти в нечто худшее, разрядил обстановку, добродушно попросив ЕПБ не «гипнотизировать» оппонентов.

Впрочем, мятежники быстро успокоились, когда 9 апреля 1884 г. Анна основала новую Герметическую ложу. Таким образом, члены Лондонской ложи получили возможность выбирать между ортодоксальной и новой группировками. Но даже этого Анне показалось недостаточно. Уже через несколько дней, все больше убеждаясь в порочности Теософского Общества, она решила отколоться от него и отстоять свою чистоту, авторитет и независимость. 22 апреля Кингсфорд основала свое собственное Герметическое Общество. Заявленные цели нового Общества – изучение восточной и западной мифологии и интерпретация священных текстов – были близки к теософским, однако, как отметила Анна, в них не было никакого вздора о Тибетских Учителях.

Конфликт между Блаватской и Кингсфорд был не только доктринальным, но и личным. Эти две сильные женщины, у каждой из которых был доверчивый и кроткий помощник-мужчина, не могли не вступить в схватку. Характеризуя Мэйтленда и Кингсфорд как «неугомонных близнецов на Пути Совершенства», ЕПБ яростно обрушилась на свою соперницу, обвинив ее в «невыносимом снобизме», назвав ее «змеей, рогатым аспидом среди роз, эгоистичным, тщеславным и медиумическим созданием»⁶¹. Сознвая претенциозность Анны и ее привлекательность для противоположного пола, Блаватская насмеялась над чувством вкуса и литературным стилем своей соперницы, над «научной чепухой» и «глупыми интерпретациями»⁶² «Кингсфорд, вырядившейся, словно зебра»⁶³. Анна пользовалась менее красочными, но столь же язвительными определениями.

Таким образом, шанс на примирение был упущен, и это обидно. Ведь две соперницы могли бы прекрасно дополнить друг друга. Если Анна превосходила ЕПБ красотой, богатством и социальным положением, то Блаватская держала под контролем международную организацию. Однако разногласия

были чересчур глубоки. Сама Анна определяла их как противостояние восточного оккультизма западной мистике, и в последующие годы этот конфликт породил немало расколов в Теософском Обществе. Если ЕПБ презрительно называла Кингсфорд «медиумом», то в книге Анны ее соперница представлена «оккультисткой» – а оккультисты стояли куда ниже на духовной ступени, соприкасаясь с высшим миром лишь опосредованно.

Незадолго до своей смерти Анна Кингсфорд заявила, что ей снилась встреча с Блаватской в буддийском раю. Блаватская по-прежнему курила отвратительные сигареты, но ей пришлось просить об этом дозволения у покровителя Анны Гермеса (чье присутствие в буддийском раю не совсем понятно). Эта сцена весьма символична. Раскол между западной и восточной верой (прозвучавший интересным отголоском в разделении христианских церквей, которое произошло много веков назад) был первым, но далеко не последним бунтом в среде тех, кто чувствовал, что теософия слишком увлеклась Востоком, отойдя от христианства. Критики теософии считали это не признаком религиозного универсализма, а предательством родной веры ради чуждой.

На этом этапе Теософское Общество было достаточно сильным и собранным, чтобы справиться с кризисом, а ранняя смерть Анны в 1885 г. устранила опасность крупного конфликта. Однако серьезные доктринальные разногласия в Лондоне не шли ни в какое сравнение с трагикомедией, разыгравшейся в Адъяре. где обыкновенная эконожка, занимавшаяся в штаб-квартире хозяйством, внезапно оказалась сильным и куда более страшным врагом, чем блестящая аристократка Анна Кингсфорд.

Англичанка Эмма Каттинг познакомилась с Блаватской в Каире в 1872 г., когда Блаватская пыталась открыть спиритический центр, укомплектованный местными медиумами. Это предприятие потерпело неудачу, поскольку медиумов обвинили в шарлатанстве, и мисс Каттинг выручила свою новую приятельницу деньгами. Впоследствии Эмма сама попала в затруднительное положение, хотя вышла замуж за француза

Алексиса Куломба и предприняла несколько попыток открыть гостиницы в разных странах. Эти попытки не увенчались успехом, и в 1879 г. Куломбы оказались на Цейлоне без гроша в кармане. Прочитав в газете сообщение о приезде Блаватской в Индию, они ухватились за эту соломинку. Мадам Куломб немедленно написала Блаватской, и та пригласила супругов к себе. Билеты до Бомбея им оплатил французский консул, видимо, стремившийся от них поскорее избавиться.

Позднее последователь Блаватской, доктор Франц Гартманн, описывал Эмму Куломб в своем злобном памфлете как «ужасную ведьму с морщинистым лицом, пронзительным взглядом и уродливым телом... Казалось, она считала долгом чести вмешиваться в личные дела других людей»⁶⁴, а ее супруга изображал «отвратительным на вид французом, похожим на помойный бак, к которому прицепили бороду. Один его глаз был стеклянным и пялился сквозь собеседника, сбивая его с толку, а второй окидывал вас с вежливым вниманием, окончательно сбивая с толку»⁶⁵.

Куломбы обосновались в штаб-квартире Теософского Общества. Эмма стала бесплатно работать экономкой, а ее муж сделался подручным работником. Хотя сами супруги не участвовали в управлении Обществом, они были причастны ко многим делам. При этом мадам Куломб чувствовала себя униженной черной работой и покровительственным отношением бывшей подруги. Она была надменной, мстительной и сварливой женщиной, и вдобавок мелкой воровкой, не гнушавшейся красть деньги, выданные на ведение хозяйства. Алексис же был полностью под каблуком у своей злоязычной и тщеславной жены, компенсировавшей униженное положение тем, что на каждом шагу заявляла: если бы не ее преданность Блаватской, она давно уже разоблачила бы кое-какие странности, творившиеся в доме. Она не лгала: оценив ее незаменимую помощь при постановке сложных «феноменов», Блаватская необдуманно сделала Эмму доверенным лицом.

Это могло бы сойти с рук, если бы растущая ненависть Эммы не подогревалась мощными атаками со стороны других врагов. Общества христианских миссионеров в Мадрасе и на

Цейлоне были в бешенстве от деятельности теософов и открытой неприязни Блаватской к иезуитам. Хотя христианство и не исключалось из синтеза теософской мудрости, явная склонность полковника к буддизму и равнодушие ЕПБ ко всем религиям, кроме собственного учения, были очевидным выпадом против имперской власти. Официальным вероисповеданием правящей власти в Индии было англиканство, но британское правительство не навязывало свою веру местным жителям. И это еще больше выводило из себя христианских миссионеров. Добившись за целое столетие весьма скромных успехов на субконтиненте (не шедших ни в какое сравнение с достижениями в Африке), они не собирались терпеть такого влиятельного соперника, как Теософское Общество. Ректор Христианского колледжа в Мадрасе, многие студенты которого неожиданно встали на сторону ЕПБ и Олькотта за их позицию по национальному вопросу, был особенно заинтересован в дискредитации теософии.

И как раз в это время по роковому стечению обстоятельств Лондонское Общество психических Исследований решило изучить теософские феномены в Адьяре. Основанное в 1882 г., оно приобрело авторитет, и в его рядах были Джон Рескин, лорд Теннисон, У.Э.Гладстон и Уильям Джеймс, а также некоторые теософы, в том числе – Эдвард Мэйтленд и Альфред Рассел Уоллес⁶⁶. Эта организация, как и Теософское Общество, посвятило себя «объективному изучению оккультных явлений», однако Общество психических Исследований предпочитало исследовать загадочные феномены, а не производить их.

Перед своим отъездом ЕПБ подлила масла в огонь, поссорившись со своей экономкой. Как обычно, ссора была связана с деньгами. Эмма попыталась вытянуть деньги из многообещающего неопфита – принца Ранджитсинджи, и это был далеко не первый подобный случай. Эмме уже давно строго-настрого запретили обращаться к членам Общества за деньгами. Находясь в Лондоне, ЕПБ узнала, что Эмма снова взялась за старое, и вместе с Олькоттом написала ей письмо, пригрозив наказанием. Это письмо лишь усилило ненависть

экономки. Она захотела отомстить Блаватской за унижение и одновременно нажиться.

Условия были самые благоприятные: сама ЕПБ отсутствовала. Ситуация в Адьяре уже была к тому времени напряженной. Квартира Теософского Общества оставалась на попечении Совета управителей, в число которых входили Сент-Джордж Лэйн Фокс (богатый энтузиаст, в прошлом – инженер-электрик, выходец из богатой английской семьи) и Франц Хартманн – острый на язык врач-немец, прежде живший в Америке. Хотя в Совет входило и несколько индийцев, европейцев было гораздо больше, и мадам Куломб решила сыграть на расовой неприязни. Владея ключами от комнаты своей хозяйки, она нашла способ шантажировать Гартманна и Лэйна Фокса, смертельно боявшихся скандала.

Сперва она заявила, что имеет в своем распоряжении компрометирующие письма от ЕПБ (многие из них были подписаны еще одним прозвищем Блаватской – «Меланхолическая Луна»). Адресованные Эмме, эти письма свидетельствовали, что ЕПБ намеренно инсценировала феномены, поручив своей экономке устраивать их и в ее отсутствие. Эмма помогала ей и в «мысленной передаче» писем, и в материализации блюдечек, и в организации «видений» Учителей.

Г-жа Куломб поставила перед Гартманном и Лэйном Фоксом простой ультиматум: либо они дают ей деньги, либо она разоблачает мошенничество Блаватской. Когда теософы стали колебаться, Эмма предоставила новые доказательства. Она показала им, как ЕПБ с ее помощью изготовила куклу по прозвищу Кристофоло, насаженную на длинный бамбуковый шест, чтобы в полумраке выдавать ее за явление Учителя. Затем Эмма вывалила на головы теософов «мысленно переданные» письма из отверстий в потолке и объяснила, что ее супруг сделал раздвижные панели и потайные двери в комнату для демонстраций, чтобы Блаватская могла незаметно входить туда и подменять брошки, блюдца и другие предметы, фигурировавшие в ее материализациях.

Эта комната для демонстраций, где происходило множество теософских «чудес», примыкала к спальне ЕПБ и представляла собой своего рода шкаф с замком, куда имели доступ только сама Блаватская и ее экономка. Эмма утверждала, что из спальни в это «святилище» ведет потайная дверь. Выяснилось, что Блаватская устраивала весьма грубые трюки. В одном из компрометирующих писем рассказывается о том, как она одурачила некоего генерала, который остался в убеждении, что разбитое блюдо само собой восстановилось, находясь внутри шкафа. В действительности Эмма просто-напросто заменила его целым, убрав осколки.

Совет управляющих поначалу сопротивлялся, угрожая Куломбам немедленным увольнением за клевету и шантаж. Однако их вера в феномены Блаватской разлетелась на тысячу кусков, подобно генеральскому блюду, когда они вошли в «святилище» для проверки. Один теософ постучал по стенке шкафа со словами: «Смотрите – он же сплошной»⁶⁷; и в ту же секунду средняя панель распахнулась, подтвердив слова Эммы. На следующий вечер члены Совета сожгли компрометирующий шкаф и вступили в переговоры с Куломбами.

Поначалу Гартманн предложил им свою долю акций в колорадских серебряных копиях, намекнув, что супругам стоило бы лично отправиться в Америку и проконтролировать передачу пая. Куломбы благоразумно отказались от акций в пользу денег, но их обуяла жадность: они потребовали слишком большую сумму. Члены Совета управляющих обвинили их в вымогательстве – в конце концов, против Блаватской и так уже было выдвинуто немало обвинений, и новое уже не играло большой роли. Наконец, летом 1884 г. Эмма и Алексис Куломбы покинули Адъяр с пустыми руками, после того как Лэйн Фокс ударил Эмму кулаком на глазах у полицейского, который оштрафовал его за это на десять фунтов стерлингов.

Тем временем письма от Учителей и их посредников-людей продолжали поступать. ЕПБ потеряла контроль над корреспонденцией между Братством и миром. Сначала Учитель Кут Хуми прислал Гартманну письмо с приказом не прогонять

Куломбов. Затем Учитель Мория потребовал совершенно противоположного. Олькотт получил анонимное письмо, которое сперва было сочтено посланием к Эмме Куломб от Гартманна, обвинявшего Блаватскую в шарлатанстве, а затем оно оказалось подделкой, но кто ее прислал и с какой целью? Сама ЕПБ писала всем подряд (по крайней мере, некоторые ее адресаты были уверены, что письма исходят от нее), стараясь защититься от всех прошлых, настоящих и будущих обвинений. Но казалось, что все ее креатуры, как земные, так и божественные, вышли из-под контроля.

Однако худшее было впереди, и снова источником неприятностей оказались письма. До поры до времени скандал не выходил за пределы адьярского штаба. Но все изменилось, когда Эмма, изгнанная из этого рая, продала подборку писем от ЕПБ злейшему врагу Блаватской – почтенному Паттерсону, ректору Христианского колледжа в Мадрасе и издателю журнала «Христианский колледж». Паттерсон, ненавидевший теософию за ее антихристианскую и антиевропейскую направленность, был готов воспользоваться любыми средствами, чтобы дискредитировать Общество. Удачно рассчитав время, он опубликовал первую порцию писем в сентябре 1884 г., то есть как раз в тот момент, когда Ричард Ходжсон из Лондонского Общества Психических Исследований должен был проверить обвинения, выдвинутые против теософов.

Блаватская и Олькотт все еще были в Лондоне, где улаживали скандал с Кингсфорд. Общество Психических исследований взяло у них интервью. В Адьяр они собирались возвратиться только в декабре 1884 г. Таким образом, у Ходжсона была масса свободного времени, чтобы опросить в Индии всех интересовавших его людей. Проблема Махатм его не интересовала. Его задача сводилась к исследованию феноменов, происходивших в адьярской штаб-квартире: астральных колокольчиков, музыки сфер, движущихся предметов, «мысленно переданных» писем и т. п. Первоначальный отчет Ходжсона, опубликованный в конце года и в основном опиравшийся на показания супругов Куломб,

естественно, оказался обвинительным. Все феномены были признаны в нем фальшивкой: либо сознательным мошенничеством и обманом со стороны ЕПБ, либо галлюцинациями и неправильным пониманием со стороны части очевидцев, в особенности Олькотта, которого Ходжсон назвал (в чуть более мягких выражениях) легковерным старым дураком. Разделяя мнение ЕПБ об Олькотте как о «мешке, полном тщеславия»⁶⁸, саму Блаватскую Ходжсон определил так: «Ее нельзя назвать ни глашатаем тайных ясновидцев, ни вульгарной авантюристкой; представляется, что она – самая образованная, остроумная и интересная обманщица, которую только знает история, так что ее имя заслуживает по этой причине быть переданным потомству»⁶⁹.

Но не столько это определение вывело Блаватскую из себя, сколько намек на то, что она за плату действовала в Индии в «русских интересах»⁷⁰. Это совпадало с распространенным в британских правящих кругах по ее поводу подозрением, которое только подкреплялось ее умеренной, но все же неблагоразумной критикой колониального режима, откровенной поддержкой индийского национализма и постоянными заявлениями о том, что, несмотря на суровое обращение с политическими противниками, российское правительство значительно более либерально в национальной политике, чем британское. Когда Олькотт уговорил ее недвусмысленно выразить свою позицию, Блаватская написала Синнетту и прочим письма, протестуя против обвинения в шпионаже и утверждая, что и в мыслях не имела ссориться с британским правительством. Однако подозрения против нее сохранились. Своей чудовищной кульминации они достигли, когда Эмма Куломб, укравшая страницу рукописи ЕПБ, написанную на непонятном языке, продала ее в мадрасский Христианский колледж, откуда этот текст передали в полицию Калькутты как предполагаемую шпионскую шифровку. Полиция изучала эту страницу несколько месяцев, но так ничего и не поняла. Неудивительно! – Ведь текст был написан на «сензаре» – тайном жреческом языке, который Блаватская якобы изучила под руководством Учителей.

Со временем Ходжсон отказался от обвинений ЕПБ в шпионаже, но его «Отчет» вызвал бурю гнева в Теософском Обществе. Все принялись винить друг друга. ЕПБ утверждала, что Эмма Куломб подделала ее письма, а Алексис Куломб изготовил вставные доски в шкафах, когда она была в Лондоне. Кроме того, она обвинила Гартманна во лжи и интриганстве и сообщила Синнетту, что не доверяет Олькотту. Олькотт упрекал свою приятельницу в неосторожности. Лэйн Фокс и Гартманн возложили всю вину за скандал на некомпетентность индийцев, входивших в Совет управляющих, а индийцы укоряли европейцев за недоверие к ним.

Суждение Ходжсона о ЕПБ вызвало неумолкающие споры в теософских кругах. Теософы указывали, что Ходжсон составил свой отчет в одиночку, что его методы сбора доказательств были более чем сомнительны, и говорили о его предвзятости, потому что он предпочел довериться единственному и в высшей степени ненадежному свидетелю (мадам Куломб), проигнорировав мнение всех других. Кроме того, они утверждали, что Общество Психических Исследований было изначально предубеждено против спиритуализма и психических феноменов. Однако во вступлении к своему «Отчету» Ходжсон благоразумно отметил: «Все мои предубеждения – недвусмысленно в пользу оккультизма и мадам Блаватской»⁷¹.

Может быть, и заблуждаясь насчет личной позиции Ходжсона, теософы были правы, говоря об антагонизме между своей организацией и Обществом Психических Исследований. Последнее разделялось на три партии: одна группа симпатизировала спиритуализму, другая относилась к нему враждебно, а третья (самая немногочисленная) была настроена на полностью беспристрастное научное исследование. Лидировала враждебная к спиритуализму партия, состоявшая из кембриджских интеллектуалов. В их числе были президент Общества Психических Исследований – Генри Сиджвик (профессор философии в Кембридже) – и Фрэнк Подмоур, основатель Фабианского общества. Придерживаясь метода научного исследования, Ходжсон тем не менее принадлежал к партии проспиритуалистов и был огорчен разоблачением

Блаватской. Позднее под влиянием американского медиума Леноры Пайпер он начал сам принимать духовные послания от возлюбленной своей юности. Он умер рано, в 1905 г., и стал первым исследователем психических явлений, в честь которого была названа университетская организация – Товарищество Психических Исследований имени Ходжсона в Гарварде.

ЕПБ так и не восстановила свою репутацию в англо-индийских кругах после двойного удара, нанесенного Обществом Психических Исследований и журналом «Христианский колледж». Но этот скандал привлек на ее сторону еще больше индийцев, поскольку он лишний раз подчеркнул антагонизм между индийскими националистами и христианскими миссионерами, что, в свою очередь, было частью более крупного конфликта между колонизаторами и колонизованными. Блаватская твердо придерживалась проиндусской линии в Индии, точно так же, как Олькотт – пробуддистской линии на Цейлоне. Таким образом, любой выпад со стороны миссионерских обществ или западных организаций, наподобие Общества Психических Исследований, в глазах индийских сторонников оказывался клеветническим.

Вернувшись в Мадрас из Англии в декабре 1884 г., ЕПБ была принята местным населением с распростертыми объятиями. Среди ее сторонников оказалось множество студентов Христианского колледжа, взбунтовавшихся против ректора. Воодушевленная теплым приемом, Блаватская решила призвать своих врагов к ответу за клевету, но Олькотт придерживался другого мнения. Он прекрасно сознавал, что любой начатый ею судебный процесс превратится в суд над теософией и верхушкой Теософского Общества, и британское имперское правосудие будет не столь благосклонным, как националистски настроенные толпы. Созвав совет Общества, чтобы высказаться во всеуслышание, полковник подтолкнул их к решению запретить Блаватской подавать судебный иск, и ее общественный триумф обернулся личным поражением. Признав, наконец, что игра проиграна и что скрыть свое мошенничество даже от ближайших соратников невозможно, Блаватская оставила пост секретаря-корреспондента и в марте

1885 г. уехала в Европу по решительному настоянию Олькотта. Так окончилось их личное тесное сотрудничество.

К этому времени ЕПБ уже сильно болела. В 1882 г. она писала миссис Синнетт: «Боюсь, скоро вам придется пожелать мне счастливого пути – на Небеса или в Ад... На сей раз можно не сомневаться – почечная болезнь Брайта; и вся моя кровь превратилась в воду, и язвы прорываются в самых неожиданных местах; кровь или что бы там ни было образует мешки, как у кенгуру, и прочие милые излишества, и *et cetera*... Я протяну еще год-другой... но... могу откинуть копыта в любой момент...»⁷². К 1884 г. она называла себя «старым, морально и физически выжатым лимоном, годным разве для Старого Ника [Старый Ник – английское прозвище дьявола] ковыряться под ногтями...»⁷³. Она жаловалась: «Я распадаюсь на кусочки; крошусь, как старый бисквит; и все, что я успею еще, – собрать и объединить все мои многословные фрагменты и, склеив их воедино, дотащить эту старую развалину до Парижа...»⁷⁴.

Ее болезненное состояние усугублялось гротескной тучностью до такой степени, что по временам ЕПБ вообще не могла передвигаться. На корабль в Мадрасе ее подняли в кресле с помощью веревок и ворота.

Подобно этому последнему индийскому эпизоду, большая часть жизни Блаватской была сплошной великолепной комедией, что зачастую подтверждает тон ее писем; но для тех, кто доверял ЕПБ, эта комедия влекла за собой трагические последствия. В 1886 г., когда Блаватская сравнительно неплохо жила в Германии, Олькотт получил письмо от Кут Хуми об одном из самых преданных теософов – Дамодаре К. Маваланкаре, молодом брамине, оставившем свою жену, чтобы стать рьяным защитником интересов Общества.

Весной 1885 г. Дамодар уехал из Индии на Тибет, чтобы лично разыскать Учителей в высоких горах Сиккима. Последние этапы этого путешествия он проделал в одиночестве. Согласно письму Кут Хуми, Дамодар достиг своей цели, несмотря на множество испытаний и страданий, и ему было позволено пройти инициацию, чтобы стать Адептом. В живых же его больше никто не видел, и даже когда был найден его труп,

Олькотт предположил, что это была «майя», иллюзия, предназначенная для того, «чтобы создать впечатление, будто паломник погиб»⁷⁵.

Глава 5. Апостольская преемственность

После публикации полного отчета Общества Психических Исследований в декабре 1885 г. в адьярскую штаб-квартиру посыпались письма с отказами от членства в Теософском Обществе, а пресса принялась поносить Блаватскую на все лады. Скандал следовал за ней по пятам и во время путешествия по Европе в поисках места, где можно было бы спокойно обосноваться. В Германии ЕПБ остановилась в Эльберфельде в доме фрау Гебхардт – бывшей ученицы Элифаса Леви; но затем разразился новый скандал – один из ее спутников сошел с ума и принялся грозить, что разорвет Блаватскую на куски⁷⁶. Некоторое время она жила в Остенде (Бельгия) со своей сестрой Верой Желиховской и графиней Констанцией Вахтмайстер. Когда ЕПБ серьезно заболела, ее посетили с неудавшейся целью примирения Анна Кингсфорд и Эдвард Мэйтленд; кроме того, к ней явился Учитель Мория, предложивший Блаватской выбирать между покоем смерти и жизнью, полной борьбы. Насчет борьбы он оказался прав. Избрав жизнь, ЕПБ принялась сражаться с новой объемной книгой и с хронической нехваткой денег.

Постоянные требования денег, с которыми Блаватская обращалась в адьярский штаб, тщательно контролировал Олькотт, знавший, что его соратница способна растратить всю казну общества, если дать ей волю. Он посоветовал Блаватской «хранить деньги на хлеб»⁷⁷, объяснив, что Общество не может допустить расточительность. Кроме того, Олькотт прямо заявил своим коллегам, что необходимо принять «суровое решение» – не иметь больше ничего общего с феноменами и с нападками на личности (плохо завуалированный намек на привычку ЕПБ ссориться с каждым, кто ее обидит). Понимая, что это – «все равно что отказаться дышать», полковник тем не менее просил «не поднимать шума и спокойно продолжать работать», опасаясь, что новые скандалы могут безвозвратно уничтожить Теософское Общество.

Блаватскую было нелегко выносить в качестве гостя, и нередко ее визиты оканчивались печально. Не помогала и свита, с которой она путешествовала. В эту свиту входила недалекая ирландская девушка, которую ежедневно посещали видения Учителей, и маленький индус, в конце концов сошедший с ума в Германии. Но больше всего неприятностей принес третий спутник ЕПБ – красавец брамин по имени Мохини Мохандас Чаттерджи (1858–1936). Он вступил в связь с некой мисс Леонард, воспылавшей к нему страстью.

Мисс Леонард была не единственной женщиной, подпавшей под чары Мохини. Блаватская, не жаловавшая секс, писала миссис Синнетт: «В группе гете и другие; и не одна, а целых четыре, проявивших скандальную, звериную страсть к Мохини – с той жаждой старых гурманов, любителей неестественной пищи, прогнившего лимбургского сыра с червяками, чтобы пощекотать пресыщенное нёбо, – или любопытных стариков, ищущих запретный плод десятилетних девственниц! О грязные животные! святотатственные, лицемерные блудницы»⁷⁸.

Индийцы оказались сексуально привлекательными для многих европейек, увлеченных теософией. Одна девица даже послала Мохини письма якобы от Учителя, предлагая ему пользоваться ее телом по своему усмотрению. ЕПБ также принялась рассылать глупые письма, обзывая мисс Леонард Мессалиной и женой Потифара, пока адвокаты мисс не пригрозили ей судом за клевету. Выяснилось, что и сам Мохини писал мисс Леонард любовные послания, и ЕПБ пришлось извиниться под страхом судебного преследования. Возмущаясь английскими законами и глупостью своих спутников, Блаватская жаловалась Синнетту: «Похотливая старая дева влюбляется в индуса с воловьими глазами, и в результате... третью сторону, совершенно неповинную во всем этом вздоре от начала до конца, – я имею в виду себя, – насильно втягивают в скандал»⁷⁹.

В конце концов Мохини принес не меньше беспокойства, чем столь же привлекательная Анна Кингсфорд, а ЕПБ так хотелось бы свести их друг с другом, как Хуана де ла Крус и святую Терезу. Она наверняка была лучше осведомлена о его

похождениях, чем сообщала своим корреспондентам. Узнав о письме ЕПБ к мисс Леонард и о грозящем судебном процессе, Олькотт написал своей старой приятельнице: «Я знаю о скандале с Мохини... Ваша теория о «миссис Потифар» грандиозна! Если, конечно, Мохини не свалял дурака в самом деле...»⁸⁰. Впрочем, когда скандал действительно разразился, полковник переменял тон: «Я еще никогда не видел такого количества обнародованной частной переписки, которую следовало бы держать в секрете! Мои письма к Хаббу и Гебхардтам, к Гофману и прочим; мое письмо к Л.Л., отправленное с целью объединить усилия в критический момент и пересланное миссис Кавелл в нью-йоркскую газету! Письма Ледбитера к Синнетту или к мисс А.; а теперь еще и ваше письмо к мадам де Морсье...»⁸¹.

Мохини вышел сухим из воды, но его отношения с мадам Блаватской были безнадежно испорчены. Мохини порвал с Теософским Обществом и начал собственную карьеру духовного учителя. Проведя несколько лет в Лондоне, он вернулся в Индию, где окончил свои дни на посту попечителя приюта для падших женщин.

Испытывая определенную неприязнь вообще к мужчинам, ЕПБ тем не менее представляла существенный интерес для представительниц своего пола: ее влияние пробуждало в женщинах скрытые психические силы. Одну ее ученицу, в течение часа с лишним разглядывавшую портрет Учителя Мории, на следующую ночь Мория посетил во сне. Некоторые женщины в присутствии Блаватской слышали астральные колокольчики. Некоторые даже получали личные послания от Учителей. Констанция Вахтмайстер, англо-итальянка, вдова шведского графа Карла Вахтмайстера, отличалась особенной восприимчивостью к потустороннему миру и была не только ясновидящей, но и яснослышающей. Когда она увидела, как от принадлежавших ЕПБ часов с кукушкой исходят потоки астрального света, Блаватская объяснила ей, что это – «духовный телеграф», с помощью которого Учителя снабжают ее энергией для работы над книгами. Производительность труда

над новой огромной книгой – «Тайной Доктриной»⁸² – ничуть не снижалась из-за неладов со здоровьем.

Другие знакомые ЕПБ были настроены более скептически. Русский писатель Вс. С.Соловьев, яростный ее противник, утверждал, что поймал ее за производством «феномена» со звоном астральных колокольчиков. Он также писал, что обнаружил в ящике ее стола стопку неиспользованных конвертов, в которых Учителя присылали письма⁸³. Само по себе это не доказывало ее шарлатанства, поскольку предполагалось, что «мысленно передается» не бумага, а только текст письма. Но других улик не понадобилось: Блаватская со свойственной ей потребностью в хвастовстве и с неблагоразумной доверительностью якобы призналась Соловьеву, что феномены были поддельными, добавив, что людей нужно обманывать, чтобы иметь возможность управлять ими. Соловьев не смог восхититься ее макиавеллиевской позицией. ЕПБ в ответ назвала его «Яго от теософии»⁸⁴. Такие разоблачения едва ли могли нанести ущерб ее безнадежно испорченной репутации, и нельзя винить ее за желание немного поразвлечься. Жилось Блаватской тяжело: помимо других недомоганий, она страдала одышкой, и подниматься вверх по лестницам было для нее настоящей пыткой. Но она не сдавалась.

После странствий по Европе весной 1877 г. она наконец обосновалась в Лондоне, где ее поддерживали богатые друзья-аристократы – леди Кэйтнесс, графиня Вахтмайстер, мисс Франческа Арундейл и дядя и племянник Кейтли. Они помогли ей открыть журнал «Люцифер» и специальное отделение Теософского Общества в Лондоне – Ложу Блаватской. ЕПБ наслаждалась вниманием новых поклонников, но только лишь удовлетворенного тщеславия ей было мало. Поэтому она решила организовать мощную базу в Европе в противовес адьярской.

Ехать в Лондон ей не хотелось. «Что толку звать меня в Лондон? – писала она своей британской последовательнице. – Что я сделаю, что я смогу сделать среди ваших бесконечных туманов и эманации высокой цивилизации?»⁸⁵. И, будучи

благодарной мисс Арундейл за предложение гостеприимства, Блаватская тем не менее предсказывала: «...через семь с четвертью минут я стану невыносима, если приму его и осчастливорю Англию своей громоздкой персоной»⁸⁶. Предсказание, похоже, было вполне оправданным, поскольку вскоре ЕПБ называла мисс Арундейл и двух ее приятелей «теософско-этической урной с двумя ручками-чела»⁸⁷.

Поначалу она поселилась в южном пригороде Лондона вместе с популярной писательницей-теософкой Мэйбл Коллинз, и продолжила работу над своей новой книгой. Рукопись была в полном хаосе. Секретарь Лондонской Ложи Бертрам Кейтли и его дядя Арчибальд (две «ручки-чела») взялись редактировать ее, но пришли в отчаяние, увидев груды исписанных бумаг в три фута высотой и без всякого разумного порядка. Они начали решение задачи с того, что перевезли Блаватскую в свой дом в Холланд-Парк по Лэнсдаун-роуд, 17, где могли наблюдать за ее работой.

Здесь ЕПБ посещало множество выдающихся гостей, в том числе У.Б.Йитс, который позднее сравнивал Блаватскую со старой ирландской крестьянкой, одновременно набожной, печальной и лукавой. Йитс очень серьезно относился к возрождению восточной мудрости и занимался разнообразными эзотерическими дисциплинами: хирософией (пальмистрией), небесной динамикой (астрологией), хромопатией (целительством при помощи цвета) и полиграфией (формой автоматического письма). Заинтересовавшись теософией после прочтения «Эзотерического буддизма» Синнетта, однако сомневаясь в существовании Учителей, он вступил в Теософское Общество при содействии Мохини Чаттерджи, который приехал в Дублин в 1885 г. «с маленькой сумкой в руках с «Марием-эпикурейцем» в кармане»⁸⁸. На следующий год Мохини еще раз приехал в Ирландию, чтобы связаться с недавно основанным Йитсом Герметическим обществом⁸⁹. Он сказал поэту, что «жители Востока» имеют совершенно иное представление об истине, чем европейцы⁹⁰. Йитс не услышал в этом заявлении иронии – видимо, потому, что нашел «юного брамина» очаровательным.

Позднее Йитс рассказывал, как трудно было освободиться от чар, которые Мохини распространял на всех, с кем встречался. Поклонявшийся красоте поэт предпочитал Мохини и Анну Кингсфорд Блаватской, которую он считал менее интуитивной, хотя и более добродушной. Впрочем, ЕПБ послужила прототипом миссис Аллингема в его романе «Пестрая птица», в котором также фигурирует и Анна Кингсфорд. Анна тоже была очарована Мохини. Человек, которому с такой легкостью удалось покорить Йитса, Кингсфорд и вульгарную мисс Леонард, явно представлял силу, с которой трудно было не считаться.

Хотя Йитс, видимо, никогда особенно не доверял Блаватской, она восхитила его после личного знакомства: поэт почувствовал, что наконец встретил человека, способного преодолеть скучную расплывчатость большинства оккультных писаний и предоставить убедительные свидетельства психических феноменов⁹¹. В поисках таких свидетельств в декабре 1888 г. он вступил в недавно открытую Эзотерическую школу. Кроме того, он вместе со своими друзьями поставил ряд оккультных опытов. Поначалу они пытались возродить из пепла дух сожженного цветка. Затем каждый член группы положил немного пепла себе под подушку и записал приснившийся сон. Хотя результаты получились жалкие, Йитс не был разочарован. Однако продолжать свои эксперименты ему пришлось за пределами Эзотерической школы, откуда в 1890 г. Блаватская изгнала его по неизвестным причинам⁹². Обратившись к Ордену Золотой Зари – магическому братству, основанному на заповедях розенкрейцеров, – Йитс почувствовал, что это его больше устраивает. Он начал понимать разницу между рациональными научными организациями вроде Общества Психических Исследований и тайными магическими орденами, члены которых составляют уникальное мистическое целое. По его мнению, Теософское Общество серьезно заблуждалось, пытаясь совместить в себе и то, и другое⁹³.

Пока Йитс наносил визиты ЕПБ на Лэнсдаун-роуд, ее гостеприимные хозяева сражались с новой книгой. Дядя и племянник Кейтли разделили беспорядочную рукопись на

четыре части и осенью 1888 г. издали за свой счет первые две из них – «Космогенезис» и «Антропогенезис». Читать «Тайную доктрину» нелегко. Предположительно основанный на страницах из «Книги Дзиан», написанных на «сензаре» (языке, не известном ни одному лингвисту), текст Блаватской содержит эти страницы и комментарии к ним. В «Космогенезисе» объясняется происхождение Вселенной. «Антропогенезис» повествует об истории Человека. ЕПБ с такой же уверенностью, как и Дарвин, утверждает, что предки людей не были людьми. По сути, весь второй том представляет собой спор с Дарвином. В нем говорится, что человечество произошло от духовных существ с другой планеты (Луны), которые постепенно приобрели физическую форму, пройдя через ряд «коренных рас». Человеческая история – лишь одна из стадий в длинной цепи перерождений духа, движущегося через космос от планеты к планете.

Первая из этих коренных рас представляла собой что-то вроде размножающихся клеток – бесполой, эфирных и бессмертных созданий. Очень медленно и постепенно эти клетки обрели материальную форму. Затем с Венеры прибыли некие Сыны Мудрости или Владыки Пламени, помогшие примитивным земным созданиям перейти на более высокую стадию развития. В этот период возникли, а затем были разрушены катаклизмами различные континенты и цивилизации: Лемурия, где обитали Адам и Ева, и Атлантида, воспоминания о которой сохранились в коллективной памяти человечества как Золотой Век. Каждый этап космической эволюции проходил отдельный цикл развития по образцу смены ночи и дня. В настоящем, к примеру, мы живем в период Кали-Юги (темного века) пятой коренной расы, начавшейся со смертью Кришны, который был убит стрелой 16 февраля 3120 г. до н. э.

Хотя «Тайная доктрина» хорошо распродавалась, ученые критики были настроены к ней враждебно и презрительно, считая труд ЕПБ очередной, ничем не примечательной мешаниной буддизма и оккультизма.

Впрочем, была и хвалебная статья – в журнале «Обозрение обозрений», который выпускал У.Т.Стед⁹⁴. Этот популярный

журналист, выступавший на стороне различных движений (в том числе социалистических и социальных реформ), был энергичным и эмоциональным человеком, видимо, болезненно одержимым идеей греховности. Он увлекался автоматическим письмом и фотографированием духов. После смерти юной американки, с которой Стек познакомился в Швейцарии, его вначале поверхностный интерес к оккультизму превратился в настоящую страсть. Когда дух этой умершей девушки, Джулии Эймс, стал отвечать на послания своего иллинойского друга, тот сразу же связался со Стеком, и Стек сам вступил в контакт с Джулией. В результате явились «Письма от Джулии», опубликованные в 1897 г. Сын Стека, скончавшийся в 1908 г., тоже начал общаться со своим отцом; а потом и сам Стек, погибший при крушении «Титаника» в 1912 г., стал посылать весточки своей дочери-спиритуалистке Эстелле.

В кружке интеллектуалов и реформаторов, собравшихся вокруг Стека, были Герберт Уэллс, Джордж Бернад Шоу и большинство ранних фабианцев, а также Анни Безант, которой он поручил сделать для «Обзора обзоров» рецензию на «Тайную доктрину». Результат оказался поразительным. Описав книгу Блаватской в восхищенном тоне, миссис Безант решила встретиться с ее автором – и в итоге вступила в Теософское Общество.

Будучи достаточно известной фигурой даже за пределами радикальных кругов, миссис Безант⁹⁵ казалась новым слепком другой «теософской Анни» – Анны Кингсфорд. Как и Кингсфорд, Анни Безант (урожденная Вуд) была полукровкой: ирландской крови в ней было больше, чем английской. Идеалистическая, привлекательная и волевая Анни Вуд родилась в 1847 г. в довольно известной семье из Сити; отец ее принадлежал к младшей, обедневшей ветви рода. Мистер Вуд умер рано, оставив семью в стесненных обстоятельствах, и Анни недоставало в жизни руководства сильного мужчины. Впрочем, ей повезло: ее взяла на воспитание богатая и образованная старая дева – подруга ее матери. Эта дама убедила миссис Вуд отпустить Анни жить к ней, и в результате девочка получила блестящее, хотя и эклектическое воспитание.

В ранние годы Анни, подобно Анне Кингсфорд, мечтала служить человечеству и пострадать за веру. Она была глубоко религиозным ребенком, но после неудачного брака с суровым англиканским священником мистером Безантом растущие религиозные сомнения и семейные неурядицы оттолкнули миссис Безант от веры. В возрасте двадцати семи лет она оставила дом своего супруга в Линкольншире.

Получая от мистера Безанта ежегодное содержание в 110 фунтов стерлингов (сравнительно неплохая сумма для покинувшей дом жены в XIX веке!), Анни попала в лондонские радикальные круги и вскоре стала близкой подругой и сотрудницей Чарльза Брэдлоу – председателя Национального Секулярного Общества⁹⁶. Брэдлоу успел прославиться участием в самых разнообразных кампаниях, и вскоре все стали считать, что Анни Безант – его любовница (на том основании, что вольнодумцы должны вести свободный образ жизни). Но, по-видимому, публика заблуждалась. Будучи с интеллектуальной точки зрения радикалом, республиканцем и атеистом, Брэдлоу тем не менее придерживался строгих моральных принципов – вплоть до ханжества. Он принимал социальные условности своего времени и старался приспособиться к стандартам среднего класса. Он твердо верил в парламентские принципы и с презрением относился к идее революционного насилия. В личной жизни Брэдлоу был вежливым и мягким человеком и безропотно заботился о своей жене-алкоголичке, а затем и о ее брате-алкоголике (который, очевидно, назло Брэдлоу, обратился к евангелической церкви).

Брэдлоу был блестящим, безжалостным и неутомимым оратором, способным обуздать любую аудиторию. Даже оппоненты единодушно признавали его выдающиеся полемические способности. Под его руководством Анни Безант тоже развила дар красноречия и научилась справляться с огромными толпами слушателей. Брэдлоу и Безант рука об руку провели несколько реформаторских кампаний, и цели, за которые они боролись (свобода печати, устранение цензуры, права женщин и свободомыслие), приковали к себе внимание викторианской Англии. В 1876 г. одного бристольского

книготорговца арестовали за распространение «непристойной литературы» «Плоды философии» представляли собой трактат о контроле над рождаемостью, замаскированный невинным названием. Со времени первого ее появления в 1833 г. эту книгу несколько раз переиздавали в Британии и в Америке, но упомянутый книготорговец вставил в нее несколько вспомогательных диаграмм, превративших и без того сомнительный текст в переходящий все пределы дозволенного. Издателя книги оштрафовали.

Брэдлоу и Безант вступили в игру, опубликовав «Плоды философии» после суда над издателем. Вскоре они также предстали перед судом, и блестящие оправдательные речи не помогли. Хотя исполнение приговора отложили, поскольку оба подсудимых прекрасно разбирались в судебном крюкотворстве и подали апелляцию, сам факт судимости дал мистеру Безанту возможность получить, наконец, долгожданную опеку над двумя детьми и перестать выплачивать Анни содержание.

В последующие годы Анни двинулась от свободомыслия к социализму и от Брэдлоу – к Шоу и Эдварду Эвелингу. Анни была весьма привлекательной и женственной особой; и ее обаяние и мягкость в личном общении повергали в недоумение всех, кто слышал ее зажигательные речи на публике. При этом Анни была чрезвычайно подвержена мужскому влиянию, и эволюцию ее убеждений невозможно отделить от смены привязанностей. Эвелинг был эгоистичным и жестоким типом; к счастью для миссис Безант, он переключил свое внимание на дочь Карла Маркса Элеонору, которая позднее покончила жизнь самоубийством – несомненно, по его вине. Шоу был добрее, но отличался большой осторожностью. Вопрос о браке с Анни сперва повис в воздухе, а затем и вовсе растаял. В Стеда Анни тоже, по-видимому, влюбилась.

Бернард Шоу описывает жизнь Анни в юмористическом тоне⁹⁷, полагая, что она представляла себя в новой восхитительной роли, как только ей надоедала старая. Это звучит жестоко, но точно, хотя следует добавить, что сам Шоу постоянно ей подыгрывал. Ему принадлежит яркий и трогательный портрет Анни, изображенной в пьесе «Оружие и

человек» (Раина). То обезоруживающе откровенная, то абсурдно драматичная, Раина сознается, что сомневается в своих романтических идеалах даже в то время, когда провозглашает их; такое признание едва ли можно было услышать от Анни. Но зато у Анни несомненно взят «взволнованный голос», которым говорит Раина: миссис Безант, будучи достаточно скромной в домашней обстановке, на трибуне принимала роль куда более уверенной в себе особы. При этом Шоу считал Анни искренней, страстной и сердечной женщиной.

Впрочем, между Анни и ее вымышленным двойником есть существенное различие. Если Раина в реалистические моменты может провести грань между полетом романтической фантазии и своей настоящей личностью, то Анни, судя по всему, этого не могла. Каждая новая роль поглощала ее без остатка – и поэтому она с такой легкостью меняла их, несмотря на кажущуюся противоположность некоторых ее образов.

Идеалы теософии и фабианского социализма не так уж сильно отличаются друг от друга. Мы уже говорили о том, как часто тогда радикальные политики шли рука об руку с религиозными. Роберт Оуэн и его сын совмещали в себе политический радикализм и спиритуализм. Вторая жена Лоуренса Олифанта, Розамунда Дэйл Оуэн, основала группу, положившую начало Фабианскому движению. В старости Шоу также любил поговорить о своей религиозности. Разумеется, у него не было времени и желания соблюдать все условности христианства, которые он считал примитивными варварскими суевериями. Но при этом, с точки зрения Шоу, человек не может жить без цели и смысла. Он был убежден, что «существование религии – вопрос жизни и смерти для цивилизации»⁹⁸. Он был согласен с Блаватской в том, что ощущение цели, некогда обеспечивавшееся верой в Бога, оказалось уничтоженным по вине материализма и дарвинизма. Однако, по его мнению, это уничтожение – лишь прелюдия к возникновению новой разумной веры.

Утверждая, что эта новая религия должна быть одновременно наукой «метабиологии» и называя ее

«Творческой Эволюцией» – религией XX века, Шоу описывал ее до удивления похожим на теософию образом.

Он не требовал от людей, чтобы они поклонялись жизненной силе, обеспечивающей Творческую Эволюцию, и Бессмертным Существам, порождавшим эту жизненную силу; однако он хотел, чтобы люди стремились понять эти Существа. Иными словами, он стремился к «возрождению религии на научной основе». Испытание догмы, говорит он в предисловии к «Назад, к Мафусаилу», это ее универсальность. Люди должны собрать воедино религиозные легенды всего мира, чтобы образовать цельный корпус художественной мудрости. Наука, искусство и религия – не враги друг другу, а различные формы выражения одного и того же. Религия должна быть одновременно серьезной и общедоступной. Шоу даже признает научную возможность ясновидения. Фактически, если отбросить «феномены» Блаватской и фокусы с восстанавливающимися блюдечками, в теософской доктрине остается очень мало, против чего Шоу мог бы протестовать. Возможно, именно это позволило ему отнестись к обращению Анни Безант в теософию довольно снисходительно.

Чтобы объяснить, казалось бы, невероятное преображение Анни Безант из атеистки, республиканки и социалистки в сторонницу теократического, иерархического, элитарного мира теософии, один комментатор воспользовался даже юнговским понятием энантиодромии – перехода явлений в свою противоположность; впрочем, есть и менее экзотические объяснения⁹⁹. По собственному ее признанию, миссис Безант созрела для теософии к 1889 г. Она уже знала к этому времени труды Синнетта и других теософов, а позднее заявляла, что убедилась в реальности спиритизма, ясновидения и яснослышания еще до того, как прочла «Тайную Доктрину», лишь утвердившую ее растущую веру в духовный мир и снабдившую ее разумной основой.

Нельзя отрицать, что Анни Безант всегда нуждалась в чем-то (или в ком-то), чему можно верить. Ей было необходимо дело, за которое следует сражаться с миром, но не меньше нужна была и моральная и эмоциональная поддержка. Мадам

Блаватская обеспечила ей эту поддержку. Анни потеряла отца в возрасте пяти лет, а вскоре была разлучена и с обожаемой матерью. Миссис Вуд умерла вскоре после ухода ее дочери от мистера Безанта, а несколько лет спустя Анни лишилась и детей, попавших под полную опеку отца. Затем последовал ряд трудных, несчастливых связей с мужчинами. И вот, наконец, в лице мадам Блаватской Анни нашла старшую подругу, обладавшую одновременно чертами борца за великое дело и заботливой матери; женщину, которая, подобно самой Анни, пожертвовала всем ради Истины; которая смогла заменить ей в эмоциональном отношении мать и отца, мужа и детей.

Встретившись с ЕПБ на Лэнсдаун-роуд весной 1889 г., Анни испытала глубокое потрясение. Она пришла в гости к Блаватской со своим другом Гербертом Берроузом, некоторое время оказывавшим на Анни сильное влияние. Прежде сотрудничавший с Безант и Брэдли в ходе кампаний за различные социальные реформы, Берроуз, как и многие его современники, обратился к религии. Это произошло с ним после смерти горячо любимой жены. В 1888 г. он вступил в Теософское Общество, побудив Анни последовать за ним. Возможно, он сыграл значительно большую роль в ее обращении к теософии, чем «Эзотерический буддизм».

В «Автобиографии» миссис Безант вспоминает, что хотя мадам Блаватская говорила с ними энергично и увлеченно, она не сказала «ни слова об оккультизме, ничего мистического» до того момента, пока гости не поднялись, чтобы распрощаться с ней. В этот момент ЕПБ пристально взглянула Анни в глаза и произнесла с «особой» интонацией: «О, моя дорогая миссис Безант, если бы вы только стали одной из нас!...»¹⁰⁰. Это был мастерский психологический ход.

Когда Блаватская показала Анни отчет Ходжсона и попросила высказаться на его счет, Анни не только восхитилась откровенностью ЕПБ, но и с негодованием оттолкнула этот отчет, [А. Безант пишет, что прочитала и перечитала его еще раз. – См., напр., Анни Безант. Весна 1889, Лондон, Англия. – Оккультный мир Блаватской. М., 1996, с. 419–420] – настолько она была убеждена в честности своей новой знакомой. И все же

обращение в теософию потребовало от нее огромной храбрости. Пресса, давно уже подметившая, с какой легкостью Анни переключается с одного дела на другое, просто возликовала. Кроме того, новая вера Анни требовала публичного отречения от самой знаменитой из ее прошлых кампаний – борьбы за контрацепцию. Кут Хуми был против контроля за рождаемостью, и официальная точка зрения Теософского Общества на этот вопрос гласила, что контрацепция способствует животным страстям, препятствующим человеку подняться к высшему «я».

Еще более досадной была реакция друзей Анни, особенно Брэдлоу и Шоу¹⁰¹. Поначалу миссис Безант оставалась членом исполнительного комитета Фабианского общества и даже приняла участие в Международном конгрессе рабочих, состоявшемся в Париже в 1889 г., пропустив, впрочем, несколько собраний, чтобы навестить Блаватскую, отдыхавшую неподалеку, в Фонтенбло. Шоу, как обычно, отреагировал двойственно, посмеявшись над Анни и в то же время посочувствовав ей. Эта двойственность вполне объяснима, учитывая духовные взгляды, развившиеся у него позднее. Однако непонятно, почему позднее Шоу настаивал, что экземпляр «Тайной доктрины», так резко изменивший жизнь Анни, послал ей именно он, а не Стед. Некоторое время Шоу также посещал лекции по теософии, проводившиеся в доме миссис Безант. Возможно, он был собственником в большей степени, чем сам хотел думать; а может быть, его привлекала идея изменения будущего Теософского Общества одним случайным поступком. Брэдлоу оказался менее снисходительным. Он был потрясен теософским обращением Анни, и хотя после его смерти в 1891 г. его старая подруга писала о нем с симпатией, эта симпатия относилась к прошлому.

Если Брэдлоу было неприятно, что Анни поддалась ЕПБ, то ученики Блаватской, напротив, возмущались влиянием миссис Безант на свою учительницу, которая стала регулярно обращаться к Анни за советами и поддержкой¹⁰². Знаменитая неофитка вскоре стала ежедневно посещать дом на Лэнсдаун-

роуд и превратилась в ближайшую сподвижницу ЕПБ. Слухи о лесбийской любви между ними совершенно необоснованны (обе они с недоверием относились к сексу), но отношения Блаватской и Безант были очень тесными. Анни обратилась к теософской работе со всей присущей ей энергией и энтузиазмом. Вскоре она стала вторым редактором «Люцифера» и президентом Ложи Блаватской. Незадолго до этого, в гостях у Блаватской в Фонтенбло, ее посетило видение Учителя, хотя, как и Йитс, на этом этапе своего теософского служения миссис Безант была склонна считать Учителей порождениями индивидуальной психической силы, а не реальными существами. Кроме того, Анни сделала свой дом в Сент-Джонс-Вуд филиалом лондонского штаба Теософского Общества, распорядившись пристроить к нему просторную и соответственно обставленную «Оккультную комнату». В июле 1890 г. ЕПБ покинула квартиру по Лэнсдаун-роуд и поселилась вместе с Анни в доме 19 по Эвенью-роуд, который вскоре стал теософским центром деятельности в Лондоне.

Тем временем Блаватская активизировала свою деятельность на Западе. Она вознамерилась взять в свои руки полный контроль над теософией на Западе, и к этой цели было два пути. Прежде всего, в 1889 г. ЕПБ убедила полковника согласиться на открытие Эзотерической школы, которая стала закрытой группой внутри Теософского Общества, доступ в которую получали только продвинутые ученики, находившиеся под непосредственным руководством ЕПБ. Олькотт спокойно смирился с существованием Эзотерической школы, не представлявшей угрозы его административной власти. Однако, когда в июле 1890 г. Британский филиал Общества назначил ЕПБ президентом над европейскими ложами, Олькотт наложил вето на решение Британского филиала. В ответ Блаватская пригрозила уйти в отставку и выйти из Общества. Олькотт отреагировал предложением о своей отставке. ЕПБ прекрасно понимала, что такой шаг расколется все Общество на две враждебные партии. Рискованная стратегия Олькотта до поры до времени оказалась успешной. Бывшие друзья пошли на компромисс: Олькотт остался на своем месте со всеми

полномочиями, однако предоставил большую автономию национальным филиалам и Эзотерической школе. Но мир продлился недолго. Через несколько месяцев, 8 мая 1891 г., когда Анни ездила с лекциями по Америке, ЕПБ умерла в Лондоне. И после ее смерти началась жестокая борьба за власть между Олькоттом и его бывшим помощником Уильямом Куаном Джаджем¹⁰³.

Джадж был одним из «отцов-основателей» Теософского Общества. Он остался в Америке, когда Блаватская и Олькотт отправились в Индию. Он организовал Американский филиал, посвятив ему множество времени и усилий. Численность членов его филиала постоянно росла (к моменту его смерти в 1896 г. в Американском филиале насчитывалось около шести тысяч человек), и в конце концов Джадж устал от подчиненной роли и решился объявить войну Олькотту. Как мы уже видели, принципы организации Общества не препятствовали возникновению подобных конфликтов: как только Олькотт доверил национальным филиалам большие полномочия, конфликты стали неизбежны. Теоретически Теософское Общество до сих управлялось президентским советом во главе с Олькоттом. Но фактически власть все очевидней переходила в руки национальных отделений, влияние которых зависело от численности и соответственно от величины взносов. Олькотт был полновластным хозяином в Адьяре, но Британский, Американский и Азиатский филиалы шли своими путями. Президент Теософского Общества правил в Индии и на Цейлоне, Блаватская – в Лондоне, а Джадж – в Америке. Кроме того, позиции Олькотта ослабились в 1888 г. после назначения Джаджа вице-президентом всего Общества. Если бы с полковником что-нибудь случилось, Джадж автоматически занял бы его место.

После смерти Блаватской Джадж располагал сильной финансовой и политической властью. Американский филиал был самым богатым среди всех; кроме того, журнал этого филиала «Путь» пользовался самой большой популярностью из всех теософских изданий. Джадж представлял себя «хранителем духа Блаватской» в противоположность

педантичному полковнику, отдававшему все силы организации и администрированию. Джадж намекал на то, что сама Блаватская бунтовала против подобного корпоратизма, удушавшего духовную миссию Теософского Общества и уводившего в сторону от изначальных целей теософии. Тем самым Джадж проводил грань между ролью ЕПБ как «духаводителя» Общества и низменной административной функцией Олькотта. Это сравнение, недооценивающее решающую роль Олькотта в ранние дни существования Общества, было частью процесса канонизации Блаватской, начавшегося после ее смерти. На него будут ссылаться в последующие годы лидеры различных разрозненных групп. Все малоприятные черты ЕПБ вскоре будут забыты и заменены образом Великой матери и вдохновенного Учителя, сам образ которой придает смысл Теософскому Обществу. Наследие ЕПБ станет основой Общества.

Кроме того, Джадж завоевал поддержку Анни Безант: во время ее путешествия по Америке они стали большими друзьями. Вернувшись в Лондон в конце мая 1891 г. и узнав, что ЕПБ завещала ей возглавить Эзотерическую школу, Анни с готовностью прислушалась к критике, которую Джадж обрушил на голову Олькотта. Незадолго до того Блаватская создала своего рода внутренний кабинет из числа членов Совета Эзотерической школы, Внешней Главой которого была сама ЕПБ, а Внутренними Главами – Махатмы. Выбранный Блаватской Совет Эзотерической школы состоял из самых влиятельных фигур Общества. Он часто конфликтовал с национальными советами и Верховным Советом Теософского Общества. Джадж предложил Анни распустить Совет Эзотерической школы и объявить себя и его Внешними Главами, сосредоточив всю власть в своих руках (с расчетом на то, что в конечном счете он останется один во главе Общества).

Олькотт, которому все это, естественно, не понравилось, тоже принял достаточно остроумное решение. Несколькоими годами ранее Синнетт и Хьюм убедили Блаватскую в минуту слабости подписать ордер, назначающий президента. Олькотт, вскоре вернувшийся в Адьяр из своих путешествий, заставил ее

аннулировать этот ордер. Возможно, это сомнительное происшествие и послужило основной причиной, по которой ЕПБ пришлось уехать из Индии. И теперь, после ее смерти, полковник не собирался слагать полномочия (а тем более передавать их Джаджу), несмотря на то что Учителя, по-видимому, были против него, поскольку стали появляться письма от Старших Братьев в поддержку Джаджа, который претендовал на прямой доступ к ним. Одна записка такого рода, скрепленная личной печатью Учителя Мории, даже появилась среди личных бумаг Анни. В ней говорилось: «План Джаджа верен». Поначалу Анни приняла сторону Джаджа. Ее так впечатлили эти послания, что она совсем потеряла голову. 30 августа 1891 г., во время своей прощальной речи в Национальном Секулярном Обществе, миссис Безант в присутствии Олькотта объявила, что ЕПБ до сих пор передает письма с того света.

Однако у Олькотта были свои соображения на этот счет. Помчавшись в Лондон, чтобы завоевать поддержку Анни прежде, чем Джадж успеет окончательно настроить ее против него, полковник намеревался разоблачить главу Американского филиала. Во-первых, раньше Джадж неоднократно просил полковника помочь ему связаться с Учителями. Как же случилось, что теперь ему удалось добиться этого самостоятельно? Более того, «печать Учителя Мория» Олькотт сам изготовил в Пенджабе в 1883 г. и подарил Блаватской, а несколько лет спустя она таинственно исчезла. Под угрозой раскрытия этих неоспоримых улик мошенничества Олькотт потребовал, чтобы Джадж прекратил свою кампанию. Джадж в ответ пригрозил отрезать организацию от американских фондов. Кроме того, он намекнул, что если Олькотт поднимет вопрос о письмах Джаджа, члены Общества могут быть шокированы истинным происхождением печати Учителя Мории, которую они – с молчаливого согласия Олькотта – принимали за подлинную.

Скандал разгорался, достигнув полного абсурда, когда Джадж убедил Анни в том, что Олькотт намерен отравить ее. Тогда в январе 1892 г. Джадж и Безант попытались уговорить Олькотта уйти в отставку, то есть сделать шаг, который принес

бы Джаджу пост президента. Учитель Мория написал Олькотту письмо с требованием сохранить за собой этот пост, а Учитель Кут Хуми обратился к Джаджу, поддерживая его в борьбе с полковником. Олькотта обвинили в порочных связях, и в конце концов он сперва отказался от поста президента в пользу Джаджа, а затем аннулировал свою отставку. Европейский филиал пригласил Джаджа на пост главы Общества, но также порекомендовал Олькотту оставаться в своей должности. Анни долго колебалась между двумя соперниками, но наконец, после приезда в Индию в ноябре 1893 г., отвернулась от Джаджа, убедившись, что Олькотт прав. После этого она стала преследовать Джаджа обвинениями в шарлатанстве и подлоге и убедила Олькотта созвать юридический комитет Общества, чтобы возбудить дело против Джаджа.

Олькотт еще раз приехал в Лондон в июле в 1894 г., чтобы созвать комитет. Однако члены комитета решили не возбуждать дело на том основании, что Джадж действовал как частное лицо (т. е. не от лица главы Американского филиала) и, следовательно, не подпадает под юрисдикцию Общества. Более того, комитет заявил, что оснований для обвинения нет, поскольку вера в существование Учителей – личное дело каждого, а не часть доктрины Теософского Общества. Стремясь ко всеобщему примирению, Олькотт согласился с этим заявлением, прибавив, что Джадж может вернуться к временно приостановленному исполнению обязанностей вице-президента. Следствием этого решения стала комичная ситуация: было поставлено под сомнение само существование Братства Учителей, на откровениях которого покоилось Теософское Общество. Как заметил один остряк-журналист, «каждый теософ отныне мог в свое удовольствие рассылать приятелям письма от Махатм, и ни один теософ не смел усомниться в их подлинности»¹⁰⁴. Такая ситуация в корне противоречила изначальной установке Общества на объективность.

Весь этот скандал был настоящим подарком прессе – тем более что повелительные послания, в подделке которых Безант теперь обвиняла Джаджа, были использованы ею самой на лекции 1891 г. в Национальном Секулярном Обществе как

свидетельство посмертных сообщений от Блаватской. Недовольные члены Теософского Общества, разгневанные кто на Безант, кто на Джаджа, сообщали журналистам пикантные подробности, а «Вестминстерская газета» опубликовала серию статей под заглавием «Слишком разоблаченная Изида». Сед защищал Анни, а Джадж защищался сам, но волну издевательских статей и сатирических карикатур уже невозможно было остановить.

Так обнаружилась ахиллесова пята в организации Общества: слабо скрепленная туманнейшими социальными и духовными идеалами, теософия оказалась полем ожесточенных личных сражений, замаскированных под оккультные поиски. В годы после смерти Блаватской Теософское Общество будет претерпевать все новые и новые расколы, его лидеры будут то и дело обвинять друг друга в мошенничестве, а затем снимать свои обвинения. Этот абсурд достигнет своей кульминации, когда Анни попытается наладить отношения с Джаджем, смягчив форму обвинения до «облечения в неадекватную материальную форму подлинно принятых сообщений»¹⁰⁵. Эта уступка не принесла пользы. В конечном итоге Безант и Джадж торжественно изгнали друг друга с поста руководителя Эзотерической школы.

Глава 6. Второе поколение

Каковы бы ни были теософские основания для смены курса Анни Безант, за ее разрывом с Джаджем и союзом с Олькоттом стояли серьезные причины. Джадж советовал ей не ездить в Индию, но первый визит Анни в эту страну в 1893 г. стал для нее настоящим откровением и началом большого дела, которому она посвятила всю оставшуюся жизнь. В страданиях индийского народа и в величии его древней культуры миссис Безант наконец увидела цель, достойную самых высоких устремлений. Уверенность Анни в том, что ей удастся с честью осуществить свое служение, подкрепилась приемом, который ей оказали в Индии. В середине ноября она приехала в Коломбо, где ее встретил Олькотт с внушительной свитой, состоявшей из буддистов и крупных британских должностных лиц. Путешествие миссис Безант по субконтиненту напоминало королевский кортеж. Вслед за 18-м съездом Теософского Общества, прошедшим в Мадрасе после Рождества, Олькотт устроил своей гостье экскурсию по индийским теософским ложам, где Анни выступила с многочисленными речами, превратив свое путешествие в настоящий лекционный тур: ее аудитория достигала шести тысяч человек – цифра, сравнимая с численностью всего Американского филиала Общества. Такой роскошный прием пробудил в миссис Безант все миссионерское рвение, которое она некогда посвящала мирским проблемам контрацепции или школьной реформе.

Однако по иронии судьбы ее популярность покоилась на ложных представлениях, общих для Анни и большинства ее публики, а именно на неумении провести грань между индуизмом и индийским национализмом. Проповедь духовного освобождения в терминах местной религии, которую предлагала миссис Безант, казалась ее слушателям призывом к национально-освободительной революции, и она ничуть не старалась это опровергнуть. Имперское правительство Индии и Теософское Общество встревожились в равной степени. Разумеется, теософия неофициально выступала на стороне

националистических движений еще со времен прибытия в Индию Олькотта и Блаватской; однако до сих пор она не породила ни одной крупной политической фигуры. Деятельность Олькотта на Цейлоне была локальной, а А.О.Хьюм, беззаветно трудившийся над организацией Конгресса, вышел из Теософского Общества прежде, чем националистическое движение, в котором он участвовал, по-настоящему набрало силу. Однако с Анни Безант избранной наследницей Блаватской и яркой политической деятельницей – все обстояло иначе.

При дворе вице-короля Индии отлично знали об ирландском происхождении миссис Безант и о ее прошлом участии в радикальных кампаниях, а также о речах за независимость Ирландии и, что еще хуже, за реформы в колониальной империи¹⁰⁶. Само собой, британское правительство было не в восторге от того, что в постоянно напряженную атмосферу индийской политики вторгся белый борец за права местного населения. Беспокойство колониальных властей было вполне оправданным. Националистические газеты, ознакомившиеся с политическим кредо Анни Безант, восхитившиеся ее талантом агитатора и польщенные ее симпатией к индуизму, превозносили ее как свою спасительницу и призывали ее возглавить кампанию против колониального правительства. Иногда местные журналисты даже величали ее божеством – аватарой индийской богини-матери.

Ситуация еще больше осложнялась тем, что при всем своем радикализме Анни была также членом правящей элиты в Индии – благодаря своему статусу англичанки из верхних слоев среднего класса и политическому влиянию на своих старых друзей, которые сейчас стали крупными фигурами в Британской Либеральной партии (среди них был, например, виконт Халдейн – будущий лорд-канцлер). Эти социальные и политические связи миссис Безант всерьез смущали вице-короля и его двор, тем более что Анни, в свою очередь, пользовалась ими без колебаний.

Олькотт тоже беспокоился. Помимо проблем с правительством, которые могла создать Анни, существовал еще

и деликатный вопрос межрелигиозных отношений, который нельзя было сбрасывать со счетов. На практике игнорируя ислам и христианство, теософия тем не менее декларировала религиозный нейтралитет. В общем-то сам Олькотт смог несколько отдохнуть от проблем с ЕПБ и Джаджем, развязав кампанию за распространение экуменического буддизма по всему Востоку. Полковник мечтал объединить северных и южных буддистов под эгидой единого учения. Эта мечта довела его до Японии, где он побывал дважды – в 1889 и 1891 годах, – встретившись с премьер-министром. Но несмотря на свои личные пристрастия (и на свою кампанию в пользу неприкасаемых, отчужденных от высших каст), Олькотт был твердо убежден в том, что теософия – это религиозное и общественное движение, а не политическая партия. Поэтому он попросил миссис Безант следить за своими словами.

Как и прежде в жизни Анни, в эту ситуацию был снова вовлечен мужчина. В 1893 г., незадолго до отбытия в Индию, миссис Безант посетила Всемирный Религиозный Парламент в Чикаго как личный представитель Олькотта. В этой поездке ее сопровождал еще один делегат от Теософского Общества Гьянандра Нат Чакраварти, брамин и профессор математики, по пути из Адьяра заехавший в Лондон. Блестящий оратор, ревностный индуист и привлекательный мужчина, Чакраварти очаровал Анни точь-в-точь как Мохини когда-то покорила мисс Леонард и миссис Кингсфорд. Миссис Безант сообщила своим друзьям, что наконец-то нашла своего личного гуру. Она настолько потеряла голову, что даже стала говорить, будто дочь Чакраварти является реинкарнацией недавно умершей мадам Блаватской¹⁰⁷. И то, что Чакраварти жил в Индии, возможно, и стало основной причиной того, что Анни не последовала совету Джаджа и отправилась на родину своего «гуру». Зная о чрезмерной впечатлительности миссис Безант, Джадж обвинил Чакраварти в том, что тот загипнотизировал ее. Но на самом деле очаровательный брамин был лишь очередным в ряду, включавшем Брэдли, Стеда, Эвелинга, Шоу, Берроуза и, может быть, самого Джаджа.

Итак, Джадж отвернулся от миссис Безант из-за того, что она переметнулась на сторону Олькотта, а Олькотт – из-за ее политической деятельности. Анни оказалась в одиночестве. Она поселилась не в Адьяре, а в Бенаресе, где купила дом на деньги своего друга. У Анни был настоящий талант добывать деньги и привлекать богатых покровителей; вероятно, именно эта способность принесла ей влиятельное положение в Теософском Обществе. Бенарес вскоре превратился в штаб-квартиру Индийского филиала Общества, Адьяр же остался международным теософским центром. Олькотт управлял Обществом и боролся за распространение буддизма, а миссис Безант укрепляла Эзотерическую школу, сделавшись теперь ее Внешней Главой. Кроме того, она начала учить санскрит и основала в Бенаресе Центральный индуистский колледж, национальный курс обучения в котором приобрел западный теософский оттенок: в колледже преподавали естественные науки и прикладные искусства. Этот колледж поддерживали махараджи Кашмира и Бенареса, а также различные благотворители, число которых резко возросло, когда имперское правительство обвинило колледж в поощрении индийского национализма¹⁰⁸.

В десятилетие, прошедшее от поселения Анни в Бенаресе в 1896 г. до смерти Олькотта в 1907 г., миссис Безант поровну делила свое время между теософией, социальным реформаторством и политикой. Такое сочетание было постоянным источником конфликтов, особенно среди ветеранов Общества. Многие теософы, уже давно обозленные собственническим отношением миссис Безант к ЕПБ, пришли в настоящую ярость, когда Анни взяла в свои руки контроль над литературным наследием Основательницы, опубликовав следующий том «Тайной доктрины», отредактированный ею самой на скорую руку. Кроме того, большинство британских теософов были представителями среднего класса, верными империалистической политике, и не имели ни малейшего желания связываться с индийским национализмом. Братство всех людей было достойным девизом, однако теософы не видели причины, по которой это братство должно быть менее

иерархичным, чем Великое Братство, на котором покоилась их вера.

Олькотт старел, молча уступая Анни все большую власть, и жалобы становились все громче. Основным предметом полемики был вопрос о наследстве. Кого можно считать полноправным наследником Блаватской? Миссис Безант полагала, что знает ответ на этот вопрос, и в доказательство предъявляла завещание ЕПБ, назначавшее ее главой Эзотерической школы. Однако другие придерживались иной точки зрения. В результате возникло несколько движений под лозунгом «Назад – к Блаватской», развернувшихся в полную силу незадолго до смерти Олькотта. Их возглавляли ученики ЕПБ, появившиеся в Теософском Обществе до Анни Безант, – в том числе Элис Клизер и ее друг Уильям Кингсланд, ведшие в Британии постоянную борьбу против миссис Безант¹⁰⁹. Клизер и Кингсланд утверждали, что преждевременная смерть Блаватской нанесла непоправимый ущерб Теософскому Обществу, павшему жертвой причуд Анни Безант, с легкостью дарившей свою преданность то одному, то другому мужчине.

Однако они были еще не самыми могущественными врагами Анни. В 1895 г. Элис Клизер примкнула к более успешной сопернице миссис Безант американке Кэтрин Тингли, сменившей Джаджа на посту главы Американского филиала¹¹⁰. Тингли и Безант были ровесницами. Во многом схожие друг с другом по характеру, они составили бы весьма интересное трио с Анной Кингсфорд. Тингли родилась в 1847 г., рано вышла замуж, вскоре оставила мужа и стала актрисой в захудалом театре, где приобрела вкус к пышным нарядам и дешевым украшениям. Второй ее брак в 1880-е годы с железнодорожным инспектором оказался бездетным, и Кэтрин усыновила детей своего первого мужа от его второй жены, но это не принесло ей счастья. Когда очередной сирота, которого она пыталась опекать, удрал из дому, Тингли – с несколько большим успехом – взялась за благотворительную деятельность в тюрьмах и больницах, а затем обратилась к спиритуализму.

В 1888 г. она вышла замуж в третий раз – за мистера Фило Тингли; однако встреча, резко изменившая всю ее жизнь,

произошла лишь шесть лет спустя, в 1894 г., когда Кэтрин познакомилась с Уильямом Куаном Джаджем на благотворительной кухне для бастующих рабочих в Нью-Йорке. Почти сразу же она вступила в Теософское Общество. Несчастливая в личной жизни, Тингли нашла в теософии приложение для всех своих духовных, материнских и филантропических потребностей. Кроме того, она и Джадж почувствовали нужду друг в друге и не скрывали этого. Джадж обеспечил миссис Тингли организацию, в которой она могла воплотить свои честолюбивые планы, а Тингли оказала ему моральную поддержку. Кроме того, в дневниках Джаджа говорится, что Кэтрин, применив свои психические силы, помогла ему войти в контакт с ЕПБ (это стало серьезным преимуществом в войне с Адьяром).

К моменту встречи с Тингли вице-президент Теософского Общества уже был серьезно болен и жить ему оставалось недолго. Когда в следующем году Джадж отделился от Адьяра, забрав с собой около шести тысяч членов Общества, Тингли уже была самой доверенной его помощницей, и после смерти Джаджа в марте 1896 г. она немедленно взяла в свои руки контроль над Американским Теософским Обществом. Она столкнулась с мощной оппозицией, но отстояла свое право на апостольскую преемственность от ЕПБ на том основании, что Блаватская (никогда с ней не встречавшаяся) однажды спросила у Джаджа в письме: «Как насчет появления нового чела?»¹¹¹. Кто еще мог подразумеваться под новым чела, спрашивала Тингли, как не она сама?! Кроме того, Кэтрин утверждала, что покойный Джадж продолжает общаться с ней из потустороннего мира и требует лишь одного – чтобы все его бывшие последователи повиновались Тингли. Слова Джаджа передал его приверженцам Огаст Нерешаймер – нью-йоркский торговец бриллиантами, к тому времени практически превратившийся в покорного раба Тингли (по схеме, которая будет неоднократно повторяться на протяжении последующих тридцати лет).

Тингли укрепила свои позиции еще больше, добившись во время своего визита в Индию аудиенции с одним из Учителей.

Другие члены группы, путешествовавшие вместе с ней (особенно ее главный соперник, Эрнест Харгроув), хотели также принять участие в этой аудиенции, однако Тингли не собиралась делить с кем бы то ни было свою исключительную привилегию. Однажды утром, когда путники стояли лагерем близ Дарджилинга, Харгроув проснулся – и обнаружил, что Кэтрин исчезла. В это время она находилась на личной встрече с Кут Хуми, позднее описанной ею в книге «Боги ждут».

Вскоре Харгроув вместе с другими недовольными последователями Джаджа вышел из общества Тингли и организовал свое собственное. Однако Пурпурную Мать (как теперь звалась миссис Тингли) это уже не беспокоило, поскольку теперь она добилась известности и прочно держала под контролем своих приверженцев. Среди них был Готфрид де Пуруккер – юный швейцарско-американский теософ, которому предстояло сменить Кэтрин на посту главы Общества тридцать пять лет спустя. Учтивый, педантичный и аскетичный Пуруккер, бывший почти на тридцать лет моложе Тингли, быстро сделался ее правой рукой и заменил ей сына¹¹².

В течение следующего десятилетия Кэтрин завоевала полную власть над Американским филиалом (теперь носившим имя «Универсальное Братство и Теософское Общество»), устранив соперников и закрыв большую часть лож, фонды которых были экспроприированы на реализацию ее собственных планов. Кроме того, Тингли начала всемирный крестовый поход за укрепление позиций Универсального Братства за рубежом. Несмотря на все таланты Кэтрин, эта кампания не принесла успеха. Более того, она даже нанесла вред американскому Братству, когда Анни Безант в ответ также стала выступать с речами в других странах. Анни была куда более красноречивым оратором, и вскоре ей удалось перенести борьбу на территорию самой Тингли – в Соединенные Штаты, где в первую же свою поездку миссис Безант завербовала около тысячи неофитов для Адьяра. Восхищенные американские журналисты назвали эту борьбу «Битвой прекрасных теософов»¹¹³. Тингли ответила на удар новыми поездками по Европе и даже смогла сделать особо удачный ход, приобретя бывший дом Безант на Эвенью-руд.

Однако зарубежные путешествия добавили ей немного приверженцев. Впрочем, это не имело особого значения для главного плана Тингли, заключавшегося в создании новой общины в Америке.

Тингли разделяла озабоченность Анни Безант социальными реформами, однако ее целью было не усовершенствование существующих общественных институтов, а создание некоего альтернативного общества, которое послужило бы основой для преобразования всей американской жизни. Это должен был быть «белый город», жители которого приняли бы для себя новые религиозные и политические обязательства. Альтернативные общества стали традиционной чертой Америки XIX века. Можно сказать даже, что вся Америка сама по себе была своего рода альтернативным обществом. Однако утопия Тингли, воплотившаяся на Пойнт-Лома (на калифорнийском побережье близ Сан-Диего), была самой продуманной и искусной из всех, более напоминавшей Голливуд, чем Иерусалим.

Формально провозглашенная на большом конгрессе в апреле 1899 г., включившем в себя религиозные обряды, лекции, выставки, спектакли и закладку ирландского краеугольного камня, новая община расположилась на живописном мысе, вдававшемся в Тихий океан. Это романтическое место вскоре покрылось столь же романтическими постройками. По распоряжению Тингли на склонах холмов выросли мусульманские мечети и индуистские храмы вперемешку с египетскими арками и греческими театрами. Смысл такой пестрой мешанины состоял в идее, по которой универсальная религия должна отражаться в универсальной архитектуре.

Строительными работами занимались сами члены растущего общества, культурное и эстетическое процветание которого Тингли принимала столь же близко к сердцу, как и духовное развитие. Образцом для Пурпурной Матери служил театр Вагнера в Бэйрете и вагнерианские представления о художественном синтезе музыки, текста, движения и пластики во всеобъемлющем духовном опыте. Центром общественной жизни на Пойнт-Лома стал театр как святилище, директором,

верховой жрицей и примадонной в котором была Кэтрин Тингли.

Кроме того, Тингли удалось удовлетворить свою давнюю тягу к воспитанию молодежи. Детей на Пойнт-Лома окружали особой заботой. Тингли открыла несколько школ, применяя в них новые оригинальные методы обучения. Здесь ей еще раз пригодился опыт работы в театре. Главными предметами в школах стали театральное искусство, музыка, йога и танцы; особый упор делался на постижение прикладных искусств, развитие творческих способностей и медитацию. К 1910 г. в школах на Пойнт-Лома насчитывалось около трехсот учеников, среди которых были взятые на воспитание «трудные подростки» и малолетние правонарушители. Учиться в таких школах было непросто. Хотя телесные наказания к ученикам не применялись, от детей требовали строгой дисциплины. Работать и есть они должны были в полном молчании. Тем не менее эта система оказалась популярной – не только среди родителей, но и среди детей. Участие в организации медицинской помощи пострадавшим на Кубе после испано-американской войны 1898 г. подсказало Тингли идею принять в свою школу нескольких кубинских сирот, а затем и открыть несколько подобных школ (получивших название «школы раджа-йоги») на самой Кубе. Заведующей этими школами стала английская последовательница Джаджа Нэн Герберт, дочь крупного английского политика Оберона Герберта. Помимо этого, Тингли основала приюты для нищих детей, а в 1919 г. открыла Теософский университет.

Одной из основных целей общины стала деятельность Школы Древности, соединявшей серьезные археологические исследования с теософскими фантазиями. Один из ученых, работавших на Пойнт-Лома, Уильям Гейтс, изучал иероглифы майя и надеялся воспользоваться Школой Древности как базой для научных исследований. Тингли всячески поддерживала его, но ее интерес к науке был довольно поверхностным. Вернувшись к тому, с чего в свое время начинала Блаватская, Тингли решила, что Египет был куда более древней цивилизацией и более важным оккультным центром, чем Индия.

Это мнение хорошо сочеталось с ее решимостью сократить до минимума влияние Адьяра.

К тому же Тингли подхватила модные идеи, связанные с ранними американскими поселениями и миграцией рас. Она была уверена, что раскопки в местах, где когда-то обитали майя и другие народы Центральной Америки, рано или поздно докажут, что «американская» цивилизация – древнейшая в мире; древность же можно приравнять к эзотерической значимости. Учитывая одно положение теософии, восходящее к рассуждениям Блаватской о «коренных расах», – о том, что Калифорния могла находиться неподалеку от одного из центров мировой цивилизации (а следовательно, и космической эволюции), местонахождение Пойнт-Лома становилось еще более важным. Но, как и в прочих направлениях деятельности Тингли, серьезная работа в Школе Древности со временем заглохла и свелась к изощренным ритуалам (пристрастие Тингли к ним все росло и росло).

Сравнение с Адьяром, также находившимся в живописном месте на берегу моря, было неизбежным, но утопия Тингли без труда выдерживала его. Некоторое время ее школы процветали, их методики обучения приобрели популярность за пределами общины, а сама община чрезвычайно разрослась и стала весьма динамичной и разнообразной. Кроме построек, на Пойнт-Лома были большие сады, орошавшиеся специально созданной ирригационной системой. Члены общины так увлеклись плодоводством, что разработали новые методы в этой области и вывели новые сорта фруктов в собственных сельскохозяйственных лабораториях. Ничего подобного в Адьяре не было, не говоря уже об обширной промышленной программе, включавшей ткачество и окраску тканей, производство черепицы и частную типографию.

Однако за блестящим фасадом скрывалось множество проблем. Страсть Пурпурной Матери к грандиозным проектам превышала ее способность финансировать их; большинство видов деятельности, к которым она обратилась, требовали больше вложений, чем приносили дохода; и все планы Тингли

осуществлялись лишь до тех пор, пока их кто-нибудь спонсировал.

К примеру, несмотря на все усилия и достижения в области сельского хозяйства, община не могла обеспечивать себя питанием, и даже процветающие плодовые фермы были убыточными, поскольку на ирригацию приходилось тратить очень много денег. Закрытие большей части лож в Обществе Тингли на некоторое время спасло положение, но на поверку оказалось катастрофой, поскольку община лишилась основного источника дохода. Пришлось полагаться на пожертвования от богатых членов общества – таких, как Нерешаймер, который со временем финансировал проекты Тингли все более неохотно.

Корень проблемы следовало искать в чересчур властном характере Пурпурной Матери. Она не терпела никакой оппозиции внутри общины и нередко по своей прихоти устанавливала непопулярные законы. Например, дети на Пойнт-Лома получали блестящее образование, но только при условии, что они будут жить отдельно от родителей под непосредственным наблюдением Тингли. С другой стороны, жители Сан-Диего стали возмущаться слишком сильным влиянием общины на их жизнь. А влияние это было весьма значительным. Когда в 1901 г. Олькотт попытался остановиться в местном отеле, Тингли заставила управляющего отказать ему под угрозой своей немилости. Кроме того, она выступала против духовенства и ссорилась с владельцами местных газет за то, что они представляли Пойнт-Лома в невыгодном свете (впрочем, ее нападки только подогревали их антипатию к общине).

Более того, Тингли тиранизировала даже своих близких друзей, взваливая на них ответственность за собственные ошибки. С годами Тингли приобрела привычку надолго уезжать за границу, оставляя своих помощников расхлебывать финансовые и хозяйственные проблемы, возникшие по ее вине. А возвращаясь, она заставляла их проводить сложные ритуалы, единственной целью которых было прославление Пурпурной Матери. Эти церемонии обязаны были посещать все обитатели Пойнт-Лома; одеваться им следовало при этом в нелепые

греческие одеяния – всем, кроме самой Тингли, которая всегда наряжалась по моде.

Общинники возмущались и бунтовали, а некоторые даже покидали Пойнт-Лома. Один разочарованный последователь Тингли подытожил чувства многих своих единоверцев по поводу «этого капризного Восточного Двора на Пойнт-Лома... Некоторое время я все это выдерживал. Я носил в ее присутствии длинные юбки и нелепые шляпы и пытался участвовать в дурацких церемониях, веря, что в них есть какой-то смысл. Но очень скоро я понял, в чем состоит этот смысл: все мы должны ползать перед миссис Тингли на четвереньках...»¹¹⁴.

К началу Первой мировой войны дела общины уже неостановимо катились под гору. Школы на Кубе закрылись, попытка производить шелк на Пойнт-Лома оказалась неудачной, сады пришлось вырубить из-за недостатка средств, строительные работы почти прекратились. Впрочем, Пурпурная Мать продержалась еще пятнадцать лет, опираясь на веру в свои силы и на необходимость соперничества с Анни Безант. Всего через несколько лет после смерти Тингли община прекратила свое существование. И стало понятно, что энергия и честолюбие Тингли не только воздвигли Пойнт-Лома, но и разрушили его.

Тем временем Анни Безант обрела нового помощника. Ее дружбе с Чакраварти мешала неспособность Анни разделить его рьяный индийский национализм, а также то, что он был женат. Подобно Кэтрин Тингли, миссис Безант мечтала о мужчине, который стал бы для нее одновременно мужем и сыном; но у нее была более чувствительная и ранимая душа, чем у Пурпурной Матери, и желания ее были, соответственно, более утонченными. Тингли либо становилась госпожой над мужчиной, либо прогоняла его. А Безант нуждалась в сотрудничестве с партнером, в возможности подчиниться ему в некоторых отношениях, но удержать за собой инициативу в других. В частности, она хотела контролировать ход событий, предоставив партнеру создавать идеологическую основу для

них. И встреча с Ч.У.Ледбитером стала ответом на ее молитвы¹¹⁵.

По словам самого Чарльза Уэбстера Ледбитера, он родился в 1847 г. – в том же году, что Анни Безант и Кэтрин Тингли¹¹⁶. Его рассказ о своей жизни звучит так. Чарльз был выходцем из аристократической семьи, его фамилия восходила к нормандскому роду Ле Батр. Детство у него было вполне счастливым и обеспеченным; в 1859 г. отец Ледбитера – директор железнодорожной компании, – перевез Чарльза и его брата Джеральда в Южную Америку. Там мальчики пережили много приключений: они помогали поймать беглого преступника-кассира в скоростном локомотиве, пытались найти золото инков и подвергались нападению индейцев в Бразилии.

Атаку индейцев они отразили успешно, однако затем их поймали повстанцы и потребовали, чтобы отец и двое сыновей присоединились к их отряду. Мистер Ледбитер-старший отказался, заявив, что англичанину не пристало участвовать в мятеже. Он бежал в джунгли, и тогда повстанцы убили Джеральда и подвергли Чарльза пытке – жгли стопы его ног. Несмотря на испытываемые страдания, Чарльз держался благодаря поддержке духа его брата, который советовал ему не поддаваться на требования мятежников. В конце концов Чарльза спас его отец, которому помогал преданный слуга-негр. Втроем они напали на мятежников и победили их главаря генерала Мартинеса в сражении на мечах. Мартинеса расстреляли, а Ледбитеры получили награду от благодарного правительства. Вернувшись в Англию, Чарльз учился в Оксфорде (в другом варианте – в Кембридже) и однажды встретился с волками-оборотнями на Оркнейских островах. В 1866 г. его семья обнищала в результате банкротства банка «Оверенд Гарни», и Чарльз был вынужден оставить университет. Через некоторое время он принял сан священника и стал викарием в Гемпшире.

Действительности соответствует только последний факт этого красочного повествования, хотя детали его в различных версиях неоднократно фигурировали в официальных изданиях Теософского Общества. На самом деле жизнь Ледбитера была

куда менее экзотической. Чарльз родился в 1854 г. в Стокпорте, в семье железнодорожного служащего. Затем семья переехала в Лондон, где отец Чарльза умер в 1862 г. Юного Ледбитера растила мать, и жили они в весьма стесненных условиях. Сменив несколько черных работ, он наконец добился рукоположения и в 1878 г. стал викарием в Брэмшотте благодаря приходскому священнику, который был дядей его жены.

Последователи Ледбитера по-разному объясняют расхождения между вымышленной и действительной историей его жизни. Некоторые ссылаются на оккультное вмешательство; другие предполагают одновременное существование двух Чарльзов Ледбитеров, жизни которых неким причудливым борхесианским образом сплелись между собой. Но правда значительно проще. Подобно тому как Блаватская рассказывала диковинные сказки, а Безант сменяла одну за другой экзотические роли, так и Ледбитер попытался перекроить свою жизнь на более привлекательный лад. Даже его противники (а их было немало) признавали за ним необычайный дар рассказчика. Ледбитер умел заводить детей историями о привидениях и приключениях, и этот талант сказочника оказал влияние на всю его жизнь.

Он любил общаться с детьми, посвящая им много времени. В Брэмшотте Ледбитеру удалось сочетать все свои увлечения: ритуализм, спиритизм, тягу к элитарности и к молодому поколению. Он вступил в Братство Благословенного Причастия – тайное общество, верившее в реальное присутствие Христа при причастии¹¹⁷ и запрещенное англиканской церковью. Он вел занятия в воскресной школе, читал много оккультной литературы и долго жил под впечатлением от «Оккультной доктрины» Синнетта. Помимо всего он особо заинтересовался двумя братьями, проявлявшими необычайные психические способности.

Все эти увлечения Ледбитера превратились в настоящую страсть после смерти его матери в 1882 г. А на следующий год Синнетт пригласил его стать членом Теософского Общества. Как и многие другие теософы, Ледбитер стремился войти в

личный контакт с Учителями. Сначала он попробовал посещать сеансы знаменитого медиума Эглинтон, чей духовный проводник Эрнест согласился принимать сообщения для него. Ледбитер оставил письмо, вложенное в несколько конвертов, и через несколько дней ему вернули эти конверты с нетронутой печатью. Письма внутри не было; оказалась лишь записка, говорившая, что Учитель Кут Хуми получил послание и в должное время ответит на него.

Разочаровавшись в посредничестве медиума, Ледбитер набрался храбрости и обратился непосредственно к Блаватской. ЕПБ быстро устроила ему послание от Учителей, ободрив молодого викария. Учителя сообщили ему, что он принят в ученики и, в качестве особой милости, избавлен от обычных семи лет послушания. Вместо этого он должен выдержать испытание подмастерья сопровождать Блаватскую в Адьяр. Ледбитер направился было в Лондон, где должен был совершить богослужение, но ЕПБ передала ему еще одно письмо от Кут Хуми, предписывавшее немедленно отплыть в Индию. Ледбитер оставил место викария, уладил свои дела и сел на пароход до Каира, где встретился с Блаватской, чтобы доставить ее в Адьяр.

Это испытание оказалось сложнее, чем он предполагал. Правда, Кут Хуми милостиво передал еще одно сообщение, велел ЕПБ: «Скажите Ледбитеру, что я доволен его рвением и преданностью»¹¹⁸; а Учитель Двадж Кхул даже материализовался перед ним, когда Ледбитер сортировал бумаги в каюте ЕПБ на пароходе; однако Блаватская оказалась суровой надсмотрщицей. Она обращалась с Ледбитером почти как с рабом и поручала ему трудные задания. К примеру, она заставила его пройти по палубе на глазах у всех пассажиров с ночным горшком в руках.

Позднее Ледбитер описал жизнь в Адьяре как идиллическую картину. Однако письма его говорят совсем о другом¹¹⁹. Он чувствовал себя одиноким и жалким, другие обитатели теософской штаб-квартиры игнорировали его или обходились с ним покровительственно. Не спасали положения даже несколько европейцев, оставшихся в Адьяре после

скандала с Куломбами. Когда в 1886 г. Ледбитера послали на Цейлон, он наверняка вздохнул с облегчением. Он прожил на Цейлоне три года в крайней нищете, издавая еженедельную антихристианскую газету «Буддист», посвященную честолюбивым планам Олькотта сделать Цейлон царством теософии.

Там же, на Цейлоне, Ледбитер познакомился с красивым мальчиком по имени Курупумулладж Джинарадждаса. Он так увлекся этим подростком, что даже попытался похитить его у бдительных родителей, вплавь добравшись с ним до лодки, ожидавшей их в гавани Коломбо. В последнюю минуту родители мальчика настигли их и принялись угрожать Ледбитеру револьвером и судебным преследованием; однако услышав заверения Ледбитера в том, что он заботится лишь о благе мальчика и намеревается отвезти его в Англию и дать ему достойное образование, родители смягчились и отпустили обоих¹²⁰.

Вернувшись в Англию в 1889 г., Ледбитер стал наставником сына Синнетта и Джорджа Арундейла – племянника Франчески Арундейл, когда-то принимавшей ЕПБ в своем доме. Он учил этих двух мальчиков и Курупумулладжа, пока не разразился скандал. Что его вызвало – осталось неясным. Одни говорили, что Синнетту просто стал не по карману наставник для сына, но другие обвиняли Ледбитера в аморальности. Впрочем, как бы то ни было Ледбитер и его цейлонский ученик остались ни с чем и снова оказались в крайней бедности. Вдобавок от него отвернулась ЕПБ. Слишком разившиеся психические силы Ледбитера становились угрозой для ее собственного авторитета. С присущими ей грубоватым чувством юмора и склонностью к розыгрышам, она прислала ему экземпляр «Голоса безмолвия», подписанный: «У.Ч.Ледбитеру» ["W.C. Leadbeater"].

Однако удача вновь улыбнулась ему в 1890 г., когда Ледбитер встретился с Анни Безант. Между ними быстро возникла взаимная симпатия, не носившая, впрочем, сексуального характера. Как заметил один из его недоброжелателей, вкусы Ледбитера ограничивались

мальчиками и пудингом из тапиоки. Женщин он находил настолько отталкивающими, что не мог даже здороваться с ними за руку и находиться в комнате наедине с какой-либо особой женского пола, за исключением Анни. Однако, по мнению женщин, он был весьма привлекателен. Высокий рост, крепкое телосложение, блестящие голубые глаза, пышная борода и громкий голос свидетельствовали о большой жизненной силе, здоровье и самоуверенности. Позднее одна обожательница сравнивала его с огромным львом.

Несколько портили общее впечатление, пожалуй, только длинные острые зубы, придававшие Ледбитеру жутковатое сходство с вампиром.

Эта безграничная самоуверенность помогла ему добиться превосходства над Анни, которая была более незащитной, чем казалась на первый взгляд. Решающими факторами их отношений стали, по-видимому, впечатлительность миссис Безант и тот эффект, который произвели на нее психические силы Ледбитера, столь уязвившие ЕПБ. Хотя у Анни тоже были смутные видения Учителей, они не шли ни в какое сравнение с красочными образами, явившимися Ледбитеру и послужившими основой теософской литературы на следующие четыре десятилетия.

Развернувшись в полную мощь под опекой своей новой покровительницы, Ледбитер стал звездой Теософского Общества. Однако влияние Анни было не единственной причиной его успехов как писателя и оратора. Ледбитер был талантлив, трудолюбив, вынослив и жизнерадостен. Однако подняться на верхушку Общества, несмотря на множество скандалов, каждый из которых уничтожил бы любого другого, окажись он на его месте, Ледбитер смог только благодаря поддержке преданной миссис Безант. Ледбитер стал для Анни тем же, чем был Олькотт для Блаватской, Мэйтленд – для Анны Кингсфорд и Джадж – для Кэтрин Тингли. Отношения во всех этих парах были различными – от приятельства между Блаватской и Олькоттом до эротического обожания, которое питал Мэйтленд к Анне Кингсфорд; однако ключевым для их

успеха всегда оставалось одно и то же соотношение мужского и женского, пассивного и активного начал.

В 1895 г. Ледбитер и Джинараджадаса переехали в штаб-квартиру Лондонской ложи – в дом Анни Безант на Эвенью-Роуд, где Ледбитер стал заместителем секретаря Европейского филиала. Он продолжал писать и издавать книги. Первая из них – «Астральный план» – появилась в 1894 г. при странных обстоятельствах. Велев Джинараджасе, который был теперь его личным секретарем, подготовить чистовик из черновиков на оборотах старых конвертов, на которых он писал свою книгу, Ледбитер сообщил своему преданному ученику, что рукопись попросил у него сам Учитель Кут Хуми, пожелавший поместить ее в Хроники Великого Братства. По мнению Кут Хуми, «Астральный план» был «вехой в интеллектуальной истории человечества»¹²¹. Джинараджаса положил рукопись под грудку книг на столе покойной матери Ледбитера, служившем своего рода астральным почтовым ящиком. На следующее утро пачка бумаги исчезла, а автор сказал своему изумленному секретарю, что ночью во сне он лично доставил рукопись Учителю.

Ледбитер проявлял феноменальную энергию. Продолжая писать и публиковаться, он совершил несколько миссионерских поездок в Америку, Европу и Азию, добившись таких успехов, что Олькотт несколько раз выносил ему специальную благодарность на теософских конгрессах. Кроме того, Ледбитер проводил «духовные уик-энды», уединяясь в деревенском домике с Анни Безант, Джинараджадасой и котом Джинараджадасы, которого звали Джи. Позднее Анни утверждала, что ее прежде ограниченные психические способности поразительно возросли за одну ночь после знакомства с Ледбитером, а «духовные уик-энды» в конце концов привели к появлению ряда книг, написанных Анни и Ледбитером в соавторстве.

Эти книги затрагивают самые разнообразные проблемы. Ледбитер и Безант переписали заново геологию и историю мира, исследовали оккультными методами Атлантиду и Лемурию и древние расы человечества. Они воссоздали истинную историю христианства, открыв, что Христос был

египетским адептом и родился в 105 г. н. э. В «Оккультной химии» они проникли в тайну атома, описав структуру каждой молекулы. Это была нелегкая работа. Хотя несколько своих химических открытий Безант и Ледбитер совершили, сидя на скамейке на Финчли-роуд, как это часто случается при научных исследованиях, нужные материалы не всегда оказывались под рукой, и Ледбитеру пришлось нанести несколько астральных визитов в стеклянные шкафы музеев, где были выставлены образцы редких металлов и минералов. Авторы старались изо всех сил, а Джинараджадаса помогал им чем мог. Вклад кота в общее дело нигде не уточняется.

Самое удивительное и имевшее далеко идущие последствия открытие Ледбитера было связано с изучением прошлых воплощений. ЕПБ в «Разоблаченной Изиде» ничего не говорит о реинкарнации, однако в «Тайной доктрине» перевоплощение занимает значительное место. Именно «Тайная доктрина» и стала отправной точкой для оккультных трудов Ледбитера. В 1894 г. с помощью благосклонных Учителей он приступил к исследованию истории прошлых жизней членов Теософского Общества. Кроме того, он применил психометрию – технику распознавания свойств предмета с помощью простого контакта с ним. Предметом могла быть как личная вещь, принадлежавшая человеку, так и нечто менее осязаемое – к примеру, сновидение. Здесь можно указать на связь с психоанализом, который работает со столь же тонкими материями на столь же сомнительных основаниях. Теософский аналог коллективного бессознательного – акашический (т. е. нетленный) рекорд (своего рода астральная библиотека всего, что когда-либо происходило в коллективной духовной истории).

Эту смесь психологии и спиритизма Ледбитер обильно приправил снобизмом и фамильной гордостью, которая должна была привлечь внимание классово-ориентированной публики поздней викторианской эпохи. Выяснилось, что все члены Теософского Общества были не только реинкарнациями знаменитостей прошлых веков, но и оказались связанными между собой в причудливых комбинациях. Более того, реинкарнации происходили в различных местах пространства,

поскольку души путешествовали с планеты на планету и даже из одной вселенной в другую. Для каждого теософа Ледбитер проследил шестнадцать прошлых жизней. В среднем одно воплощение длилось пятьдесят пять с половиной лет, а между реинкарнациями проходило 1264 года. Оказалось, что во всех случаях первые три и последние семь воплощений были мужские, а средние шесть – женские. Таким образом, ничуть не удивительно, что сам Ледбитер был дочерью Анни Безант на Марсе и ее свекровью в Древнем Египте.

Но самой большой страстью Ледбитера было все же не прошлое, а будущее – в форме работы с молодыми людьми. В 1897 г. он начал писать статьи в журнал «Люцифер» о духовном обучении детей, а в 1902 г. Теософское Общество выдало ему ордер на открытие всемирной ложи «Лотос» и одноименного журнала, посвященных молодежному теософскому движению. Кроме того, Ледбитер лично интересовался судьбой своих подопечных, и рядом с ним, как правило, находились один-два юных мальчика, доверенных ему родителями на воспитание. Эти мальчики и стали причиной его краха.

25 января 1906 г., когда Ледбитер был на пике популярности в Обществе, миссис Хелен Деннис из Чикаго, мать одного из любимцев Ледбитера – Робина Денниса, написала Анни Безант письмо, обвинив ее партнера в том, что тот учит мальчиков мастурбировать под видом оккультных упражнений, и намекнув, что эта мастурбация – только прелюдия к удовлетворению гомосексуальной похоти¹²². Это письмо было завизировано несколькими должностными лицами Американского Теософского Общества, из чего следовало, что Робин – не единственный мальчик, пострадавший от действий Ледбитера. Таким образом, на Ледбитера пало подозрение в злоупотреблении доверием, аморальности, разврате, обмане и извращении доктрины Учителей, по сравнению с чем проступки Джаджа выглядели невинной детской шалостью. Один мальчик сказал по этому поводу: «Думаю, что хуже всего в этом то, что он каким-то образом заставил поверить меня, что все это – теософия»¹²³.

Поначалу Анни не желала верить всем этим обвинениям, но враги Ледбитера внутри Общества заподозрили его в дурном оккультном влиянии на миссис Безант. Припомнив ее страстную борьбу за контроль над рождаемостью, они намекнули также, что практика мастурбации – один из способов ограничить рост населения, так что поддержка, которую миссис Безант оказывает Ледбитеру, неудивительна. Перед лицом этих новых обвинений Анни наконец перестала безоговорочно защищать его, допустив, что Ледбитер впал в заблуждение, но не осудив его за это. Когда миссис Безант спросили, почему же ее оккультные способности не предостерегли ее против Ледбитера, она неудачно сослалась на тот факт, что сама ЕПБ некогда пригласила Оскара Уайльда вступить в Теософское Общество, не заподозрив о его увлечении юношами. Если даже Блаватскую подвели оккультные способности, спрашивала Анни Безант, то почему ее собственные силы должны быть непогрешимыми?¹²⁴ Неодобрительно настроенная публика проигнорировала этот риторический вопрос, акцентируя внимание на том, чем закончилась история Уайльда.

Анни Безант оказалась в весьма неловком положении. В течение нескольких лет она вместе с Ледбитером регулярно по ночам посещала Учителей в астральном теле. С этими визитами было связано много важных моментов, поскольку все серьезные решения в Теософском Обществе должны были получить одобрение Учителей. Анни часто ссыалась на эти санкции. Но согласно теософской доктрине, Посвященными могли стать только люди, чистые сердцем, разумом, духом и телом; а общаться с Учителями могли только Посвященные. Инициация была очень трудным испытанием, требовавшим идеального физического и душевного здоровья, целомудренного образа жизни, абсолютного бескорыстия, благочестия, сострадания к людям, правдивости, храбрости и безразличия к физическому миру. Если Ледбитер был грешен, он не мог стать Посвященным, а если он не был Посвященным, то никаких визитов к Учителям быть не могло. Что же тогда означали красочные воспоминания Анни о совместных с Ледбитером беседах с Учителями?!

В этот момент уборщик в отеле нашел зашифрованное письмо, написанное бывшим викарием Брэмшотта одному из его подопечных. Когда послание расшифровали, обнаружились следующие строки: «Мой дорогой мальчик... Дважды в неделю это позволительно, но вскоре ты поймешь, что дает наилучший эффект... Спонтанные проявления нежелательны, и их следует избегать. Если это происходит само по себе, надо тереть его чаще; но не слишком часто, иначе станет трудно... Ощущение будет очень приятное. Тысяча поцелуев, дорогой...»¹²⁵.

Раздались требования изгнать Ледбитера. Его противники намекали, что он не только давал мальчикам советы. Согласившись, что скандал зашел слишком далеко, Олькотт и Безант созвали юридический комитет Общества для слушания дела. Ледбитер выступил перед комитетом, но прежде, чем судьи успели вынести вердикт, он попросил отставки, заявив, что враги опутали его черной магией. Он утверждал, что разъяснением сексуальных вопросов он намеревался сохранить целомудрие своих подопечных, перенаправить их эротическую энергию на более высокий духовный план и освободить их от чувства вины. Далее подсудимый еще больше запутал дело, настаивая, что записи комитета о признании им своей вины являются в действительности ошибками стенографиста.

Анни, отлично сознававшая, в какую неприятную историю втянул ее Ледбитер, сначала тоже попыталась уйти в отставку, но затем отменила свое решение. Осуждая своего друга в частных беседах с Олькоттом, на публике она тем не менее пыталась доказывать, что между неблагоприятными советами и настоящей испорченностью существует четкая граница. Суть ее защиты Ледбитера сводилась к тому, что он впал в заблуждение, обучая мальчиков мастурбации с благой целью. И хотя на некоторое время старые друзья отдалились друг от друга и Ледбитер перестал работать в штаб-квартире Теософского Общества, связь между ним и Анни не прервалась. Анни отчаянно нуждалась в его поддержке, и в августе того же года они уже были в Германии и снова погрузились в оккультное исследование реинкарнации.

Олькотт также рассчитывал на Ледбитера, причиной чему были ухудшившееся здоровье и влияние его новой подруги – миссис Мари Руссак. Богатая американская вдова, миссис Руссак, встретила полковника в Саутгемптоне, во время его последнего визита в Британию, сообщением о том, что ее направило к нему духовное послание от покойного отца Олькотта. Узнав, что Олькотт тяжело страдает от подагры, она предложила присматривать за ним вместе со своей служанкой мисс Ренда. Полковник с благодарностью принял это предложение и взял обеих женщин с собой в Адьяр, где они с энтузиазмом занялись теософией. Миссис Руссак немедленно принялась обустраивать за свой счет помещение штаб-квартиры.

Осудив Ледбитера и избавившись от его сторонников (в том числе и от преданного Джинарадждасы), Олькотт вскоре пожалел о своем поспешном решении, и Братство Учителей единодушно призвало его раскаяться. Кут Хуми, Мория и Серапис являлись к постели больного не только, когда он был один, но и в присутствии Анни, миссис Руссак и мисс Ренда. Учителя советовали Олькотту простить Ледбитера и даже продиктовали ему письмо, которое можно назвать шедевром уклончивости и туманности. Кроме того, они предложили полковнику назначить Анни своей преемницей, что он и сделал.

Оба поступка вызвали всеобщее неодобрение, особенно – второй. У миссис Безант к тому времени было множество врагов внутри Общества. Кроме того, Олькотту напомнили, что у него нет полномочий назначать кого бы то ни было президентом: по уставу Общества, он мог лишь выдвинуть кандидата. Тогда Олькотт поспешил предоставить очередное письмо от имени Учителей, исправив свою терминологическую ошибку. Но это уже не играло никакой роли. Через шесть недель Олькотт умер, а четыре месяца спустя, 28 июня 1907 г, состоялись выборы президента.

Анни была неоспоримой кандидаткой на этот пост, хотя А.П.Синнетт, бывший с давних пор вице-президентом Общества и контролировавший ситуацию в период «междоцарствия», недолго любил ее. Он выгнал ее из Адьяра, заявив, что ее

«сбили с пути истинного Темные Силы»¹²⁶ (читай – «Ледбитер»). Однако это ему не помогло. Анни Безант давно уже стала самой влиятельной фигурой Теософского Общества, и Олькотт на смертном одре благословил ее. Она предусмотрительно пообещала, что не станет реабилитировать Ледбитера до истечения двухлетнего срока, а затем восстановит его в рядах Общества, но только если об этом попросят другие теософы и если он отречется от своего учения, связанного с сексуальностью. После этого миссис Безант была избрана на пост президента подавляющим большинством голосов. К тому времени в Обществе насчитывалось тринадцать тысяч членов (не считая, разумеется, теософов с Пойнт-Лома); Анни получила около десяти тысяч голосов.

Последняя вспышка мятежа выразилась в том, что в ноябре 1907 г. Британский филиал отказался восстановить Ледбитера в рядах Общества. Однако к концу того же года его преданная подруга, ныне занимавшая пост президента, сумела убедить Генеральный Совет Общества реабилитировать его на тех же основаниях, что и Джаджа, – напомнив о свободе слова и совести, то есть о том, что Ледбитер, как и прочие, имеет право говорить и делать все, что ему вздумается. После его восстановления многие теософы и даже целиком вся Сиднейская ложа в Австралии (самая большая в мире после откола приверженцев Джаджа) в знак протеста вышли из Общества. Даже А.П.Синнетт и ее старый друг Герберт Берроуз решили пойти отныне своими путями, как и бывший секретарь Блаватской Дж. Р.С.Мид. Однако Анни Безант это ничуть не встревожило. Она хотела превратить теософию в крупнейшее экуменическое религиозное и социальное движение и успешно добивалась своей цели.

Глава 7. Мальчики и боги

Теософия – духовная наука в двух смыслах этого слова. Она представляет собой корпус религиозных знаний (или догм), полученных оккультными методами, и учит духовным техникам, нацеленным на достижение просветления (в них входят изучение эзотерической мудрости, молитвы и медитация). Ледбитер развивал оба эти аспекта; однако, поощряя членов Общества практиковать преданность и послушание, развитие психических способностей он оставлял в основном для себя. Подобно Блаватской, он понимал, насколько важен контроль над контактами с Учителями.

В основе его учения лежала идея «пути», следуя по которым человек может развиваться духовно¹²⁷. Эта идея всегда играла важную роль в теософии, даже во времена Блаватской. Но если ЕПБ была склонна подчеркивать, как трудно простому смертному следовать «пути», то Ледбитер искусно вывернул эту формулу наизнанку, заявив, что ни один тесно связанный с ним человек не может быть простым смертным и что, следовательно, все его окружение фактически следует «пути». Таким образом среди теософов появилась своего рода система духовных достоинств, к которым должны были постоянно стремиться друзья и ученики Ледбитера. К огорчению противников Ледбитера внутри Общества (а таковых было немало), Анни Безант не только мирилась с этим, но и всячески поощряла Ледбитера.

Сама же она предалась собственной страсти создавать внутри Общества новые организации. За период от выбора ее на пост президента в 1907 г. до начала Первой мировой войны в 1914 г. Анни Безант сформировала или активно поддержала следующие общества: «Теософский Орден Служения», «Сыны Индии», «Дочери Индии», «Комитет Теософской Деятельности», «Орден Восходящего Солнца», «Орден Звезды Востока», «Комитет помощи нуждающимся индийским студентам», «Храм Розы и Креста», «Теософский Орден Санньясис», «Подготовительная Лига Целителей», «Лига св. Христофора»,

«Слуги Слепых», «Лига Современной Мысли», «Орден мира во всем мире», «Братство Искусств», «Молитвенная Лига», «Искупительная Лига», «Лига Исследований Человека», а также не меньше дюжины буддийских школ и Теософский Банк в Финляндии.

Результатом энтузиазма миссис Безант в отношении нарождающихся организаций и интереса Ледбитера к посвящениям, орденам и ритуалам стало гигантское разрастание теософской символики. Хотя в своих ранних книгах Анни Безант (подобно Анне Кингсфорд) ставила акцент на внутреннем развитии человека и рекомендовала не принимать внешнее за реальность, к своей внешности она относилась весьма внимательно и обожала украшать себя регалиями различных теософских орденов, основанных ею совместно с Ледбитером. Чем дальше, тем больше они увлекались церемониями и ритуальными одеяниями, обрядами и значками.

Не менее свободно Ледбитер обращался с чудесами и предсказаниями. ЕПБ, не устававшая производить оккультные феномены, становилась осторожнее, когда речь заходила о пророчествах, касавшихся крупных духовных событий. Она утверждала: «Ни один Учитель Мудрости с Востока не появится в Европе или в Америке и никого не пошлет туда... до 1975 года»¹²⁸. К этому времени, разумеется, уже никто не смог бы призвать ЕПБ к ответу за несбывшееся предсказание. Но ее самозванный ученик не внял ее запретам и без всякого смущения оспорил авторитет Основательницы. Он заявил, что Господь Майтрейя (отождествлявшийся им с Иисусом) вот-вот объявится среди людей, чтобы возвестить начало новой эры, и что он, Ледбитер, ищет орудие для предстоящей манифестации нового Мессии – Учителя Мира¹²⁹. Это дало ему возможность испытать множество привлекательных мальчиков, подходивших на такую роль. Одному из них – Хьюберту ван Хуку – стали поклоняться как будущему Спасителю.

Отец Хьюберта, доктор ван Хук, живший в Чикаго, был самым преданным защитником Ледбитера в Америке во время суда над ним в 1906 г. А в ноябре 1909 г. миссис ван Хук привезла юного Хьюберта в Адьяр, чтобы тот приступил к

исполнению своей миссии. Это требовало постоянного общения с Ледбитером, который должен был руководить каждым шагом мальчика. Но к тому времени, когда ван Хуки вместе с миссис Руссак добрались до Мадраса, события уже успели опередить их, и Хьюберту пришлось обучаться вместе с другим мальчиком, появившимся раньше его. Ледбитер обнаружил другой, более многообещающий, «сосуд», чтобы вместить Мессию.

История появления на сцене Кришнамурти – один из центральных эпизодов теософской мифологии. Он излагается следующим образом. Вскоре после возвращения Ледбитера в Адьяр из Европы в феврале 1909 г. Анни надолго уехала в Лондон, поручив ему заботиться о штаб-квартире. Два его помощника – Эрнест Вуд и Иоганн ван Манен – обычно купались по вечерам в море, и Ледбитер иногда ходил на море вместе с ними, оставаясь на берегу, пока они плавали. В число его оккультных способностей входило умение воспринимать ауру – окрашенное в различные цвета силовое поле, которое, согласно Месмеру, окружает все предметы, оставаясь невидимым для обычного человеческого зрения. Одним весенним вечером 1909 г. Ледбитер увидел, что одного индийского мальчика, плескавшегося на мелководье, окружает совершенно необычная аура. Мальчик был грязный и неухоженный. Кроме того, он, словно сумасшедший, пытался без причины ударить нескольких человек, включая Вуда, прежде помогавшего ему делать уроки. Поэтому не исключено, что в тот момент гомосексуальные предпочтения Ледбитера уступили место подлинному прозрению. Так или иначе, мальчик привлек его внимание, и через несколько дней Ледбитер сообщил своим последователям, что именно этому ребенку предстоит стать великим Учителем – даже более великим, чем сама миссис Безант.

Джидду Кришнамурти был сыном отставного государственного служащего Джидду Нарьяньяха – увлеченного теософа, который жил в крайней бедности на окраине Адьяра. Ледбитер попросил Нарьяньяху как-нибудь в субботу привести к нему в гости юного Кришну (как все называли этого мальчика). Мальчик и его новоявленный покровитель уселись рядом на

диване, и Ледбитер положил Кришне ладонь на голову, чтобы изучить его прошлые воплощения. Эти исследования продолжались несколько суббот, и в конце концов Ледбитер сообщил Анни Безант, а затем и в Европу, что у Кришны «лучший набор воплощений, чем даже у Хьюберта, хотя, по моему, не столь сенсационный»¹³⁰. Решив, что мальчик действительно является аватарой Господа Майтрейи, Ледбитер немедленно взял его под свою опеку. Кришну вымыли, одели подобающим образом и принудили к строгому режиму обучения и гигиены. Кроме того, мальчик стал проходить оккультное послушничество у Учителя Кут Хуми, которого он посещал каждую ночь в астральном теле для пятнадцатиминутных наставлений.

Тем временем Ледбитер диктовал результаты своих субботних исследований Вуду и ван Манену. Так появилась серия статей под названием «Прорези в покрывале времени», публиковавшиеся в журнале «Теософ». Позднее эти статьи были изданы в виде книги «Жизнь Алсиона». Эти «прорези» далеко превосходили по своей важности все, с чем когда-либо прежде сталкивался Ледбитер, и вскоре все Теософское Общество с увлечением принялось обсуждать его открытие. В общей сложности воплощений Кришнамурти насчитывалось тридцать; они охватывали период от 22662 г. до н. э. до 624 г. н. э. Каждое было представлено в форме биографии Алсиона (имя, которое Ледбитер дал сущности, ныне занимавшей, по его мнению, тело Кришнамурти) и снабжено рассказом о его знакомых и друзьях. Оказалось, что в каждой из этих предыдущих жизней фигурировали все нынешние соратники Ледбитера в различных воплощениях. Некоторые были выдающимися историческими личностями, а кое-кто даже жил на Луне или на Венере.

Так, в 40000 г. до н. э. Ледбитер был женой Анни Безант, а Кришнамурти – их ребенком; а в 12000 г. до н. э. Ледбитер сочетался браком с Франческой Арундейл в Перу и детьми их были Бертран Кейтли и А.П. Синнетт. В другие эпохи миссис Безант имела двенадцать мужей, которым готовила на обед жареных крыс; а Юлий Цезарь состоял в браке с Иисусом

Христом. Короче говоря, Ледбитер породил грандиозную мыльную оперу космических масштабов, в которой действовало более двух сотен персонажей. Неудивительно, что в такой сложной системе время от времени попадались противоречия и несоответствия. Как только ассистенты Ледбитера находили нечто подобное, они сообщали ему об этом. Тогда Ледбитер немедленно впадал в легкий транс и исправлял ошибку.

Результаты его исследований стали так популярны, что члены Теософского общества даже обеспокоенно спрашивали друг друга: «А есть ли вы в «Жизнях»?» – а порой соперничали между собой за место в свите бессмертных духов, из века в век сопровождавшей Господа Майтрейю, время от времени принимая материальную форму. В связи с системой Ледбитера возник ряд проблем.

Никто не хотел выступать в качестве отрицательных персонажей – и обычно в них угадывались те, кто выступал против Ледбитера во время скандала 1907 г. Некоторые недоброжелатели заметили поразительные несовпадения¹³¹. Стоило Ледбитеру заинтересоваться новым мальчиком, как он сразу появлялся в «Жизнях»; со временем роль Кришнамурти возрастала – в соответствии с тем, как рос к нему интерес Ледбитера – и число его инкарнаций все увеличивалось. Однажды Вуд и Маннен обнаружили в комнате своего начальника доказательства подлога – листы бумаги с заранее сочиненными текстами «акашических откровений». Они были так взволнованы этой находкой, что убедили издательство Теософского Общества приостановить публикацию книги на неопределенный срок. (Преданный Джинараджадаса полностью опубликовал «Жизни» в 1923 г., но к тому времени интерес к ним был уже утерян.) Энтузиазм Ледбитера по отношению к Кришнамурти не нашел отклика у остальных. Он был нетерпеливым и властным учителем, для которого Кришнамурти являлся лишь предметом фантазий, если так можно выразиться. Другие учителя часто жестоко наказывали мальчика за его глупость и невнимательность. Однажды сам Ледбитер ударил его, и Кришнамурти запомнил этот эпизод на всю жизнь. Он явно не отличался особенными способностями к обучению.

Через двадцать лет он признался, что никогда не мог прочитать ни одну теософскую книгу от начала до конца, не говоря уже о том, чтобы понять содержание. Хотя для тех, кто сам пробовал продираться через премудрости «Тайной доктрины» или «Астрального света», это вряд ли покажется удивительным.

Однако у Кришнамурти оказался талант к общению с Учителями, которых он видел постоянно, начиная с первого сеанса с Ледбитером до того дня, когда он намеренно прошел через одного из них и те решили больше не появляться. Из-за этой способности Ледбитер был готов простить ему многое. В декабре 1910 г. появилась книжечка «У ног Учителя», в которой повествуется о встречах Кришны с Кут Хуми и о тех наставлениях, которые тот ему преподавал, – поразительный подвиг для отсталого шестнадцатилетнего паренька, с трудом говорившего по-английски. Объяснить этот факт можно только участием сверхъестественных сил (если, конечно, не знать, что большую часть книги написал за него Ледбитер). Как заметил позже Вуд, книга «напоминала написанное мистером Ледбитером по своему стилю»¹³², хотя его бывший начальник говорил о том, что это довольно естественно ведь мальчик находился под его руководством – и что это вовсе не умаляет собственных заслуг автора. Читатели с ним согласились. За очень короткий промежуток времени книжечка «У ног Учителя» пять раз была переиздана по-английски и двадцать два раза на других языках; имя Кришнамурти стало известно широкой аудитории. Она издается и сейчас, через восемьдесят лет после ее написания.

Оккультные способности Кришнамурти развивались с поразительной быстротой. Менее чем через пять месяцев испытания он стал полноправным учеником – «самый быстрый период испытания, о котором я когда-либо слышал», заявлял Ледбитер¹³³. Под бдительным руководством своего наставника, Кришна «вспомнил» и описал некоторые из визитов Учителя специально для миссис Безант, которая предусмотрительно вернулась из Англии в Адьяр для того, чтобы увидеть новую знаменитость. Казалось, оккультные предчувствия вновь не

обманули дорогого брата Ледбитера: перед ними в действительности был Мессия, Учитель Мира.

По возвращении в 1909 г. Анни сразу же привязалась как к Кришне, так и к его брату Нитье, который жил вместе с ним в Адьяре. Кришна сполна платил ей признательностью. Она так давно не видела своих детей, а он потерял свою мать в возрасте десяти лет. Несмотря на дальнейшие политические и идеологические разногласия, оба брата всегда любили Анни Безант, вплоть до самой ее смерти двадцать пять лет спустя.

Но если Кришнамурти и Нитья смогли найти в Анни вторую мать, то вряд ли это можно сказать про Ледбитера – на роль отца он совсем не годился, тем более что у них был настоящий отец. Новый образ жизни отдалил их от Нарьяньяха. Этот человек, будучи членом Теософского Общества, оставался также и набожным индуистом, и его немало волновали нарушения священных норм и ритуалов, которые неминуемо влекло за собой подобное образование. Европейские представления об умывании, например, противоречили как индуистской традиции, так и естественному чувству стыда. Нарьяньях знал о скандальной репутации Ледбитера и потому вдвойне беспокоился от того, что тот руководил жизнью его детей. В довершение всего, чрезмерное почтение, оказываемое Кришнамурти теософами по вине Ледбитера, могло выставить на посмешище всю его семью в глазах индусов, которые лучше всяких европейцев были знакомы со своими богами.

Серьезные затруднения начались в марте 1910 г., когда Анни убедила Нарьяньяха отказаться от опеки над Кришной и его братом. Нарьяньяха почти сразу же пожалел о содеянном и принялся жаловаться на чрезмерную зависимость своих детей от Ледбитера... Анни не обратила внимания на его жалобы и увезла детей в Шанти Кунья, в свой дом возле Бенареса, где их окружили заботой ее избранные компаньоны. Их обучали такие учителя, как Ледбитер, Джордж Арундейл, ставший ректором Центрального индуистского колледжа, и А.Е. Вудхауз, брат П.Дж. Вудхауза, преподаватель английского языка в колледже. В свободное от занятий время мальчики играли в теннис и крикет, ездили на велосипедах и читали Киплинга, Шекспира и

баронессу Орси. За исключением оккультных дисциплин их образование строилось по образцу английских школ: много развивающих игр, немного классики и легкого развлекательного чтения.

Верная своей склонности к основанию новых организаций, Анни основала в Бенаресе «Группу Желтой Шали», а в ее составе – «Пурпурный Орден». Роль руководителя обеих организаций исполнял Кришна. Каждый член носил знаки отличия – желтую шаль и пурпурную ленту, что давало немало поводов для насмешек со стороны. Предполагалось, что в них входят те немногие посвященные, которые должны способствовать Кришнамурти в выполнении его миссии на Земле в качестве Учителя Мира. В 1911 г. был основан еще более претенциозный «Орден Восходящего Солнца», который позже переименовали в «Орден Звезды Востока» (ОЗВ). В него посвящались те, кто верил в особое предназначение Кришнамурти – необязательно члены Теософского Общества, хотя, как правило, они входили в ряды обеих организаций.

Для более успешного выполнения миссии Анни решила отвезти мальчиков в Лондон. Для этого требовалось разрешение их отца. Легко себе представить чувства Нарьянъяха, когда Анни обратилась к нему с подобной просьбой. Мало того что у него отобрали сыновей и воспитывали в традициях чужой культуры – теперь их собирались увезти на другой конец света, то есть навсегда отдалить от него. Однако им предоставлялся шанс преуспеть в жизни, и потому Нарьянъях хоть и неохотно, но дал согласие на две поездки в 1911 и 1912 гг., поставив условие, что их будут держать как можно дальше от сомнительного влияния Ледбитера. Анни Безант согласилась на его условия, чтобы почти сразу нарушить их.

Ледбитер взял Кришнамурти и его брата под свою опеку, стараясь осуществлять свое руководство практически в любой стороне их жизни. Он предписывал им диету, распределял дневные обязанности, учил плаванию. Когда-то было обнаружено, что они страдают от недоедания; тогда диета и определенный образ жизни помогли им. Но теперь, когда их

здоровье и внешний вид, в общем, улучшились, не все перемены оказались благотворными. Безант и Ледбитер старались давать им «укрепляющую» пищу (по английским меркам) – овсяную кашу, яйца и много молока. В результате у мальчиков появились симптомы несварения желудка, поскольку они не привыкли к такой плотной пище. Вездесущий Ледбитер также наблюдал и за их гигиеной. Принимая во внимание, что иницилируемые должны быть абсолютно чисты, Ледбитер следил за их физической и духовной чистотой. Он требовал, чтобы они как можно меньше общались с лицами женского пола, и даже сам следил за их умыванием. Неудивительно, что Нарьянх жаловался.

Все эти события достигли критической точки, когда мальчики вернулись из первой поездки в Англию. На собрании «Ордена Звезды Востока» в декабре 1911 г. было объявлено, что Кришнамурти как первый председатель Общества должен вручать присутствовавшим свидетельства о членстве в Обществе. Согласно Ледбитеру, собравшиеся были свидетелями чудесной трансформации, подобной сошествию Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы; и обычное земное собрание стало причастным к Божественным таинствам. Многие члены, в том числе и Нитья, пали ниц перед стопами Кришнамурти, осознав случившееся, хотя нашлись и такие, которые просто смотрели на «смущенного индийского юношу, протягивающего бумажки странно ведущим себя людям»¹³⁴, а некоторые даже заметили, как миссис Безант жестами призывала других пасть ниц, тогда как сами они с Ледбитером продолжали сидеть на своих местах.

В феврале 1912 г. Анни Безант и мальчики отправились во вторую поездку по Англии – с еще более неохотного согласия Нарьянх; к фарсу, разыгравшемуся на собрании нового Общества – а Нарьянх был свидетелем добавились укрепившиеся подозрения в том, что Ледбитер по-прежнему контролирует жизнь его сыновей. Отец решил действовать. К этому его подстрекали экстремистски настроенные индийские националисты, которые теперь выступали против Теософии, воспринимая ее как очередное средство культурного угнетения.

Некоторые из них рассматривали политическую кампанию Анни Безант как компромиссную и чересчур покровительственную. Со своей точки зрения они были правы. Пылкие мечты об автономии Индии умерялись в ней британским патриотизмом и упорным стремлением поступать по-своему. Поддерживаемый националистической газетой «Пионер», Нарьянх решил снова добиться опеки над сыновьями. Последовало странное и безуспешное судебное разбирательство, в котором фигурировали такие обвинения, как «обожествление» и содомский грех.

Анни Безант, всегда питавшая уважение к законным формам выяснения отношений, с удовольствием взялась за дело. Она знала законы, обладала опытом, да и к тому же немалые средства Общества были на ее стороне. Она ни на мгновение не задумалась о том, можно ли отбирать детей у отца; она верила в свою правоту и потому не задумывалась о нормах морали. Несмотря на действительно прочувствованные заявления о приверженности идее всемирного братства и искренние признания в любви к индийскому населению, она оставалась в душе верной патриоткой, полагавшей, что центром мира является Лондон, что бы там ни говорило Гималайское Братство Учителей. Хотя она и обладала нестандартными взглядами и познаниями, при всем при том она мыслила довольно обыденно – ей хотелось, чтобы Кришнамурти закончил Оксфорд и мог считать себя образованным европейцем – несколько странные требования для будущего мессии. Готовя его к выполнению своей роли, она отрывала его от родных корней.

Но отрыв не был полным – да и не мог бы быть таковым. Кришнамурти суждено было стать одним из миллионов, лишенных своего привычного образа жизни, но не привязавшегося ни к какому другому. В детстве он потерял мать; теперь ему предстояло потерять отца, семью и родину. Впоследствии он станет свободным человеком, не испытывающим никаких особых привязанностей или чувства ответственности перед другими. Такие условия якобы должны были стать источником его огромного морального и духовного

авторитета. Они же стали и источником его ошибок и безмерных душевных переживаний.

Приемным матерям суждено было играть особую роль в жизни Кришнамурти. Когда Анни со своими подопечными в мае 1911 г. прибыла на вокзал Чаринг-Кросс, среди встречающих стояла и леди Эмили, жена известного архитектора Эдвина Леттенса. Леди Эмили родилась в 1874 г., она была дочерью первого графа Литтона, вице-короля Индии, и правнучкой Бульвер-Литтона, романы которого вдохновляли в свое время самую мадам Блаватскую. Таким образом, она заранее была готова стать последовательницей оккультизма с индийским оттенком.

Застенчивая, некрасивая и неловкая женщина, презиравшая свое окружение, она была также по-своему – по-аристократичному – некоторым подобием Анни Безант. В детстве она отличалась набожностью и верила, что Второе Пришествие произойдет при ее жизни; она даже переписывалась с неким церковным деятелем по этому поводу и эти письма были позднее опубликованы. Став взрослой, она находила семейные обязанности, уход за Детьми и работу мужа довольно скучными и потому увлеклась социальными проблемами сексуальным просвещением, законом о проституции, посещениями венерологических больниц. Она была членом Фабианского Общества и рьяной суфражисткой, как и ее сестра, леди Констанция Литтон, которую даже задержали и судили за то, что она швырялась камнями в окна во время демонстрации протеста против ущемления прав женщин.

Именно в Фабианском Обществе в 1910 г. леди Эмили впервые услышала выступление Анни Безант. В том же году она вступила в Теософское Общество, но ее разочаровала прозаическая атмосфера собраний, на которых обсуждались текущие вопросы, тогда как ее душа жаждала откровения. Миссис Безант, облаченная в белоснежные одеяния, так удивительно гармонизировавшие с ее светлыми волосами, а также ее пламенная речь возродили утраченный было леди

Эмили энтузиазм. С этого момента в течение почти двадцати лет она была предана теософии душой и телом.

Ее внимание привлек также и Кришнамурти. Встречу тридцатилетней женщины и шестнадцатилетнего подростка, происшедшую на вокзале Чаринг-Кросс, можно смело назвать случаем любви «с первого взгляда». В ней пробудились материнские чувства при виде хрупкой, экзотической фигуры, несущей на своих плечах духовное бремя всего мира – в том числе и ее. Несмотря на то, что любовь эта по большей части была материнской и романтической, в ней присутствовали и эротические элементы, хотя прошло несколько лет, прежде чем Эмили призналась себе в этом. Она не была счастлива со своим мужем – очаровательным, остроумным, светским и таким обычным человеком, рядом с которым ей предстояло играть роль всего лишь преданной жены. Кришнамурти же был темнокожим, экзотическим, ранимым, красивым, властным, требующим почитания и одновременно благословляющим.

В такой любви женщины могли чувствовать себя в безопасности. Кришнамурти, как потенциальный Учитель поклялся воздерживаться от чувственных страстей, ведь нельзя представить себе, что Учитель Мира любит кого-то или собирается жениться. Поэтому женщины безо всякого риска могли показывать ему свою преданность – или, по крайней мере, так казалось. Ему предстояло возбуждать различные чувства – смесь поклонения, зависимости и покровительства – в разных женщинах на протяжении шестидесяти лет. Первой их испытала Анни Безант, второй – Эмили Летъенс.

Чувство было взаимным. Кришнамурти однажды показал леди Эмили страницу, вырезанную из «Дейли миррор». На картинке был изображен маленький мальчик, сидящий на скамейке в парке и воображающий, что находится у матери на коленях. Кришнамурти ощущал себя именно таким мальчиком. Ему тогда было почти семнадцать лет.¹³⁵

Несмотря на настороженное отношение Ледбитера, немолодые женщины с самого начала играли важную роль в теософском воспитании Кришнамурти. В юности за ним

присматривали не только Анни и леди Эмили, но и две новообращенные подруги Эмили. Леди Мюриел Брасси, еще одна «теософская леди», давно рассталась со своим мужем, лордом Де Ла Барром и питала пристрастие к тому, чтобы, как писала Эмили, «устраивать жизнь окружающих». Кришнамурти не был исключением. Проявляя радушие, она тем не менее заставляла его соблюдать диету и не терпела возражений.

Американская подруга леди Де Ла Варр – весьма богатая мисс Додж, с которой они жили вместе на Сент-Джеймс-Плейс и в Уимблдоне, была менее строга. Она отличалась щедростью, которую вполне могла себе позволить¹³⁶. Ходили слухи, что ее годовой доход достигает миллиона долларов в год – наследство, доставшееся от отца, железнодорожного магната. В те времена даже десятая часть подобной суммы считалась целым состоянием. Мисс Додж поддерживала теософские издания, предоставляла средства на осуществление проектов Общества и лично Кришнамурти, включая годовое содержание, делавшее его независимым от Общества. К другим пожертвованиям мисс Додж относилась менее внимательно, хотя ей случалось даже покупать шелковое белье для служащих-мужчин в одной из дочерних организаций Общества.

Она была самой щедрой из покровительниц, хотя и другие не намного отставали от нее. В 1927 г. Анни Безант лично внесла 25 тысяч долларов. Ее приятельницы и знакомые светские дамы тоже оказывали всяческую помощь – Эстер Брайт, у которой мальчики останавливались в Лондоне; тетка Джорджа Арундейла Франческа, домоправительница Кришнамурти во время Первой мировой войны; д-р Мария Роке, врач.

Не все эти женщины обладали проницательным умом, зато у всех была сильная воля, побуждавшая их принимать близко к сердцу образование Кришнамурти и его быт. Большинство из них были не замужем, разведены или вдовы. Они искали себе цель в жизни и готовы были даже заплатить за нее. Но некоторые надеялись на личные и духовные достижения в обмен на щедрость. Каждая из них ревностно относилась к общему любимцу и пыталась отстоять свое право на него.

Сейчас довольно забавно читать описания их ссор и конфликтов, но для молодого человека, приехавшего из другой части света, чтобы возглавить местное духовное движение, их борьба должна была выглядеть довольно странно, если не неприятно. Неудивительно, что он часто жаловался: «Почему во всем свете они выбрали именно меня?» – если попадался кто-нибудь, способный выслушать его.

Властные покровительницы решили, что их подопечный должен получить академическое образование, приличествующее европейскому джентльмену. Никакое почтение перед восточной религиозной мыслью не могло искоренить в них предубеждения в превосходстве западной цивилизации. Что касается внешнего образа жизни, то перенять его не составляло особого труда. Гарольд Бейли-Уивер, пожилой адвокат, объяснял мальчикам, как следует вести себя, и покупал им одежду на Севиль-роу и Джермин-стрит. Обувь они приобретали у Лобба, костюмы у «Мейера и Мортимера» (впоследствии Кришнамурти стал клиентом Хантсмана), рубашки у «Бейла и Инмана», а галстуки в «Либерти». Само собой разумеется, что стриглись они в «Трамперс». Кришнамурти всю свою последующую жизнь относился к одежде с особым вниманием; особенно его заботили туфли, доставлявшие беспокойство его изящным, узким стопам. Леди Эмили, естественно, сразу оценила контраст между его аристократической манерой одеваться и пристрастием к твиду и сандалиям, свойственным большинству теософов.

В общем, юные индийцы вели образ жизни, типичный для представителей высшего слоя среднего класса того времени. Бейли-Уивер водил Кришнамурти с братом в театр – и это им нравилось, особенно музыкальные пьесы и легкие комедии. В парке они сначала ездили верхом, а затем на мотоциклах; играли в гольф, крокет и теннис; мило беседовали с девицами, которые влюблялись в них точно так же, как и более зрелые матроны. Кришнамурти, как и его брат, отвечал определенной любезностью на обожание, но, поскольку не могло быть и речи о женитьбе Кришнамурти – в свете его инициации – эти отношения не выходили за рамки обычного легкого флирта, тем

более что вокруг него всегда было много зрелых женщин, и их любовь была более безопасной.

С образованием же возникли некоторые трудности. Братья продолжали посещать уроки арифметики, алгебры, санскрита и английского языка. Нитья обладал хорошими способностями и потому легко сдавал экзамены, но Кришнамурти, сколь он ни старался, не мог их сдать, поэтому вопрос об университетском образовании отпал сам собой. Возможно, это и к лучшему. Как заметила Мэри Летъенс, дочь леди Эмили, в 1920-х годах Оксфорд мог бы и отказать в приеме человеку с темной кожей, которого к тому же называли Мессией, а собственный отец подозревал в содомии.

Тем временем Ледбитер и Анни Безант продолжали организовывать поддержку Кришнамурти, необходимую для выполнения его миссии. Эзотерический филиал уже до этого укрепил свои позиции, и его члены должны были отчитываться непосредственно перед президентом и таким образом готовиться к приходу Учителя Мира. Раньше цели Филиала конкретно не разъяснялись, но теперь, когда стало известно, кто является этим Учителем, Филиал должен был посвятить свою работу именно ему; для чего были разработаны соответствующие стадии посвящения со своими знаками отличия лентами и медалями. Орден Звезды Востока стал более многочисленным, а в целом количество членов Общества увеличилось с тринадцати тысяч в 1907 г. до шестнадцати тысяч в 1911-м когда в него каждую неделю принимали новых кандидатов. Вскоре выяснилось, что фигура Учителя Мира поразительным образом сказалась на популярности теософии. В 1920 г. слава Кришнамурти помогла увеличить число членов Теософского Общества до тридцати шести тысяч, а в 1928 г. их стало сорок пять тысяч.

Несмотря на впечатляющий рост, многие из старых теософов с тревогой наблюдали за тем, как Анни Безант, побуждаемая Ледбитером, превращает Общество в своего рода театр с пышными декорациями, сложными ритуалами, яркими костюмами и блестящими украшениями. Поэтому, как кажется, они вздохнули с облегчением, когда в 1914 г. Ледбитер, в ответ

на нападки индуистской прессы и не желая подчиниться Анни Безант, уехал из Адьяра и обосновался в Австралии. Но вскоре выяснилось, что его тлетворное влияние распространилось почти на полмира.

В Сиднее Ледбитер познакомился с Джеймсом Уэджвудом. Ранее они были врагами, возможно, потому, что Уэджвуд казался пародией на самого Ледбитера, обладая тем же пристрастием к магии, церемониям и юношам, а также необъяснимым воздействием на женщин средних лет. Он родился в 1883 г., получил хорошее образование и стал неутомимым путешественником. Его обошли стороной агностицизм и увлечение спортом, увлекшие большинство его соотечественников под влиянием Гексли, Дарвина и Арнольдса. Обратившись на некоторое время к официальной церкви, в дальнейшем он вступил в Теософское Общество и в 1911 г. стал секретарем его английского отделения.

Как и Ледбитер, Уэджвуд восхищался англиканскими церемониями и находил теософию недостаточно красочной. В 1912 г. он постарался исправить дело, учредив Храм Розы и Креста, основанный на розенкрейцеровских традициях, с ритуалами, вдохновленными образом магистра графа Сен-Жермена. В число его приверженцев входили леди Эмили Летъенс и старая подруга Олькотта, миссис Руссак, переехавшая в Лондон. Они посещали церемонии, облачившись в длинные атласные платья, сделав «тамплиерские» прически и препоясавшись мечами, зажигая свечи в честь различных богов, – достаточно безобидное занятие, хотя оно и дало повод Джорджу Арундейлу иронически переосмыслить девиз тамплиеров «Lux Veritatis» как «Looks Very Silly» ["Выглядит очень глупо» (англ.). – Прим. пер.].

Поразительно, насколько руководителей Общества волновали различные мелочи. Когда Анни Безант не беседовала с Учителем Мира, она могла посвятить размышлениям о голубом оттенке ленты для членов Ордена Звезды Востока все свое время. Прошло восемнадцать месяцев, прежде чем она нашла три тысячи ярдов нужной материи в Париже, сообщив об этом событии в письме к леди

Эмили, как нельзя более точно передающем энтузиазм, деловитость и наивность президента: «Пожалуйста, выделите достаточное количество людей, чтобы порезать материю на куски длиной в четверть ярда. Затем попросите Кришнамурти намагнитизировать их все целиком. Пусть каждый секретарь получит столько ярдов, сколько ему нужно, исходя из расчета по 1 ярду на 4 человека. И пусть они оплатят 25 % стоимости ленты, которую я сообщу позже; членам же она обойдется по доллару за ярд. Эту ленту следует носить только со значками трех ступеней».

Муж Эмили, Эдвин, немало огорченный тем, что его жена занимается такими пустяками, заявил, что ему не нравятся «намагниченные ленты голубые или какого-либо еще цвета»¹³⁷. Его больше не привлекала идея Храма Креста и Розы. Старейшие представители Теософского Общества тоже были недовольны. Сам Ледбитер был настроен против Храма – очевидно, потому что его основали без его ведома, хотя и с благословения Анни. В 1914 г. последовала неизбежная развязка; Учитель Кут Хуми приказал закрыть Храм устами Ледбитера конечно же.

К этому времени Уэджвуд переехал в Австралию и стал членом Масонского Ордена, в котором достиг высокого положения. Этот Орден, основанный во Франции в 1893 году, тоже был дочерней организацией Теософского Общества. Он позаимствовал оккультные представления и ритуалы у исторического масонства, принимая в свои ряды также и женщин. Анни Безант вступила в него одной из первых, быстро достигнув звания Очень Просвещенного и Наиболее Могущественного Великого Начальника Британской Юрисдикции. Тем временем Ледбитер, продвигаясь в чинах среди «антиподов», стал Генеральным Администратором Австралии. Согласно Ледбитеру, масонство тесным образом связано с фигурой Учителя Графа.

Более запутаны отношения Общества со Старокатолической Церковью, которая сама по себе является достаточно темным учреждением. Эта небольшая церковь, основанная в 1870 г. несогласными с догматом о

непогрешимости Папы, принятом католиками в том же году, нашла приверженцев в Голландии и Англии. Она претендовала как на автономию, так и на апостольскую преемственность; по вине архиепископа Мэтью, согласившегося посвятить в духовный сан Уэджвуда, она вступила в контакт и с теософией. В 1915 г., прочитав правила Общества, он решил, что членство в этой организации несовместимо с членством в Старокатолической Церкви. Уэджвуд организовал переворот, в результате которого большинство священников и паствы образовало новую церковь – Либеральную Католическую, а Мэтью вернулся под юрисдикцию Рима.

Вскоре по прибытии в Австралию Ледбитер понял, что Уэджвуд – полезный союзник и опасный враг. В 1916 г. он стал священником в новой и независимой Либеральной Католической Церкви, а спустя всего семь дней, с быстротой, достойной средних веков, его посветили в епископы. С тех пор он предпочитал, чтобы его называли «епископ Ледбитер», и стал носить пурпурные одежды, огромный нагрудный крест и аметистовый перстень. Обо всем этом он чистосердечно писал Анни Безант: «Мой собственный Учитель... сказал: «Ты думал, что оставил все мечты об епископстве, когда тридцать два года тому назад бросил свою церковь и последовал за Упасикой [То есть Блаватской. – Прим. автора]; но говорю тебе, что ты бы достиг его тогда же, если бы остался, так что ты ничего не потерял, за исключением доходов и общественного положения, достиг же многого, во многих областях. То есть кто нам служит, никогда не проигрывает!» Это меня очень поразило, я никогда не задумывался об этом»¹³⁸.

Уэджвуд предложил считать церковь орудием Учителя Мира, вопреки возражениям многих теософов, указывавших на то, что ЕПБ особо порицала апостольскую преемственность как «грубый и очевидный обман»¹³⁹. Ледбитер тем не менее настаивал на своем. Под оккультным руководством Учителя Графа он составил сборник гимнов и новую литургию – довольно трудное занятие, поскольку писать ему приходилось на средневековой латыни. Австралийская паства умножалась. В Сент-Олбене начали строить собор, а в Сиднее – здание

совета. Некоторые лидеры теософии, в том числе и Джордж Арундейл, заинтересовались этой церковью и после Первой мировой войны ее филиалы появились в Европе. Но Ледбитера Европа уже не интересовала. Однажды он уже провозгласил, что новая раса возникнет в Калифорнии, теперь же он предрекал это в отношении «антиподов»¹⁴⁰. Австралии предстояло стать родиной нового поколения, и Либеральная Католическая Церковь должна была способствовать этому.

Однако слава епископа оказалась недолгой. Некоторые теософы, призвав «вернуться назад к Блаватской», сделали его основной мишенью своих нападок. Ему припомнили и подпорченную репутацию. Наиболее активно выступал Х.Н. Стоукс, редактор ведущего теософского журнала «ОЕ Либрари критик». Особенно он протестовал против намерения Ледбитера трактовать ЕПБ как своего рода Иоанна Крестителя, провозглашавшего приход Христа. Заодно он критиковал и Анни. Оба они, как писал Стоукс, используют теософию в своих нуждах – Анни занимается социальной пропагандой, а Ледбитер потворствует своим оккультным амбициям. Они даже советовали новым членам читать свои собственные сочинения (а точнее, даже полные собрания своих сочинений), прежде чем приступать к изучению Блаватской, и посмели «отредактировать» «Тайную доктрину», внося в нее тысячи поправок перед третьим изданием. Как предположил Стоукс, три великих цели теософии «обогатились» тремя новыми задачами: «Первое. Сформировать ядро для разговоров о Всемирном Братстве человечества, возможность же на практике воплотить его в жизнь предоставить другим. Второе. Поощрять изучение работ Анни Безант и Чарльза У. Ледбитера и отбивать охоту сравнивать их с другими религиозными, философскими или научными авторами, включая основателей Общества. Третье. Принимать на веру без всякой критики заявления ясновидящих о существовании необъяснимых законов природы и высших сил, которые они приписывают самим себе»¹⁴¹.

Стоукс был не единственным критиком. Бхагаван Дас, бывший секретарь Индийского филиала и близкий коллега Анни Безант также высказывал тревогу по поводу ее политических

амбиций, претензий Ледбитера и обожествления Кришнамурти. Предприняв попытку лично поговорить с миссис Безант, он обнаружил, что ее невозможно переубедить и что ее бывшее добродушие сменилось эгоизмом с тех пор, как она стала президентом Общества.¹⁴² Активную кампанию против Безант и Ледбитера развернула Элис Клизер. Она уличала Анну в том, что хотя та и отреклась от своих взглядов на проблему контролирования рождаемости при вступлении в Общество, но вновь обратилась к ним, чтобы поддержать Ледбитера с его рассуждениями о мастурбации. Самого Ледбитера Элис называла не иначе как «сексуальным извращенцем и псевдоокультистом»¹⁴³. Она также издевалась над потребностью Анни в мужском посреднике для общения с Учителями и утверждала, что Ледбитер с его покровительницей просто вампиры, которые одержимы жаждой власти и питаются преданностью и поклонением, как граф Дракула питался кровью своих жертв.

В теософских сражениях заложников не брали. Кэтрин Тингли поддержала боевую кампанию в целом против Адьяра и Ледбитера в частности, разоблачив некоторых представителей Индийского Общества, ранее связанных с Ледбитером. Алекс Фуллертон даже был обвинен ею в гомосексуальном насилии и помещен позже в психиатрическую больницу по ее настоятельному требованию. Джозеф Фассел также поддержал войну против епископа Ледбитера.

Битва еще более разгорелась, когда войска Пурпурной Матери оставили ее и перешли на сторону противника; большинство из них устало от непрерывной войны с Адьяром. В 1904 г. она потеряла (или изгнала из своих рядов, если верить ее собственным высказываниям) Роберта Кросби, считавшегося ранее одним из ее самых преданных сторонников. В 1909 г. он сформировал свою собственную Объединенную Ложу теософов. Устав этой организации особо предупреждал о недопустимости культа отдельных личностей – даже ее официальная история публиковалась анонимно, и в ней не было иерархии. Вскоре привлекла сторонников Тингли и перебежчиков из Адьяра. За Кросби последовали другие.

Тингли не собиралась терять свои позиции и продолжала жестокие атаки на Безант, начиная с критики ее политики и кончая насмешками над ее нарядами. Среди многих памфлетов, направленных против миссис Безант, можно назвать «Эволюцию миссис Безант» Т. М. Нейра и «Неотеософию» Ф. Т. Брукса. Критика строилась по одному и тому же образцу: с одной стороны, став президентом, Безант внесла в теософию нелепые культы, ритуалы и идеи о собственном высоком предназначении, с другой стороны, она использовала Общество в своих политических целях, которые, какими бы благими они ни были, не имели ничего общего с теософией и наследием мадам Блаватской. Некоторые критики цитировали нелепое заявление Ледбитера: «Я стоял вместе с вашим президентом рядом с Верховным Руководителем Эволюции на Земле... планы, которые она претворяет в жизнь, это¹⁴⁴ планы благоденствия для этого мира...»¹⁴⁵.

Но Анни, казалось, не обращала никакого внимания на критику. Она спокойно отмахивалась от атак и продолжала заниматься своими делами в Индии, где в ноябре 1913 г. она встретила Учителя Риши Агастью, члена Великого Белого Братства, ответственного за Индию. Он проводил ее в Шамбалу и устроил встречу с Повелителем Мира. Повелитель просил миссис Безант добиваться самоуправления для Индии, и она согласилась. Сообщение об этой встрече только усилило недовольство тех теософов, которые были против руководства Анни. Вспоминая о том, что ЕПБ последовательно исключала политику из сферы деятельности теософии, Стоукс, Дас и Клизер говорили, что президент Общества должен уделять более внимания духовному благу его членов и менее своим грандиозным политическим целям. До них также дошли слухи из Австралии о том, что Ледбитер снова попал под подозрение в безнравственном поведении – и на этот раз им интересуется полиция.

Глава 8. Ариман и Люцифер

Теософский миф повествует о существах, называемых Повелителями Темного Лица, злых ангелах, роль которых заключается в том, чтобы сбивать людей с пути истинного. У ранних теософов они были неопределенными «темными силами», которые безуспешно сражаются с Великим Белым Братством Учителей. В работах теософа второго поколения, австрийского философа Рудольфа Штейнера (1861–1925) они получили более конкретное оформление. Согласно Штейнеру, главные враги человечества – Люцифер и Ариман, воплощения духа гордыни и духа материализма¹⁴⁶. Ариман искушает людей тем, что заставляет отрицать духовное и предлагает доверять лишь разуму и чувствам, являясь, таким образом, своеобразным духом, отрицающим дух. Он покровительствует современной науке и технике, в частности, тем, кто заявляет, будто бы человек ничем не отличается от животных. Люцифер, «несущий свет», еще более тонко уводит людей с истинного пути, соблазняя их верой в свои исключительные духовные силы и побуждая их приниматься за такие дела, какие им не по плечу. Он покровительствует современной литературе, философии и искусству.

Для теософов не представляло труда обвинить своих противников в том, что те, какими бы благими намерениями они ни руководствовались, тем не менее способствуют Темным Силам. Со временем в этом обвинили и самого Штейнера, когда он отошел от теософии и основал свое общество. Он вовсе не походил на бунтовщика: невысокий, тихий, серьезный и аскетичный философ, трудолюбивый ученый, увлеченный немецким идеализмом. Несмотря на то что он некоторое время возглавлял Германский филиал Всемирного Теософского Общества и, несомненно, стал бы одним из ведущих теософов, Штейнер оставил Общество сразу, как только осознал, что оно мешает его собственным идеям. Он был не только духовным лидером, но также и художником, архитектором, политическим теоретиком и интеллектуалом, мечтавшим о построении нового

мирового порядка, основанного на идеях, почерпнутых им из мира духовного.

Но на основании этой характеристики не следует думать, что он был полностью оторван от реальности. Штейнер был не только романтиком, украшавшим свой непритязательный костюм пышным артистическим галстуком, но и реалистом, создавшим своего рода империю, превзошедшую теософию по популярности и могуществу. Его высказывания заострили внимание на проблемах, существовавших внутри Общества. И хотя он написал множество работ, способных соперничать по своей фантастичности с тем, что писал Ледбитер, нельзя представить себе более резкого контраста между декадентской фривольностью круга Ледбитера – Уэджвуда и возвышенной философией Штейнера и его стремлением к серьезной работе.

Возможно, единственной чертой, связывающей Ледбитера со Штейнером (за исключением членства в Обществе, разумеется), было то, что их отцы работали на железной дороге¹⁴⁷. Штейнер родился в семье станционного смотрителя в далеких от цивилизации горах Штирии и был воспитан на Австро-Венгерской границе, в деревне, где не очень приветливо относились к чужакам. Его родители – крестьяне из поместья Хорн к северу от Вены бежали от своего господина, графа фон Хойос Шпринценбурга, запретившего им жениться. Жили они бедно, и юному Рудольфу приходилось ходить в школу за несколько миль пешком, часто по глубокому снегу.

Одиноким, серьезным и задумчивым ребенком, Штейнер с ранних лет стал «провидцем» – общался с духами, обитавшими на близлежащих холмах. Позже он стал таким взрослым, о котором мечтал Вордсворт: никогда не теряющим ощущения присутствия другого мира, скрытого за повседневной реальностью и видимого духовным взором. Внутреннее око у многих закрывается во взрослом возрасте, но у некоторых остается на всю жизнь. Когда Штейнер понял, что принадлежит к этому меньшинству, он решил посвятить себя обучению других этой способности духовного ясновидения – хотя странно, что он стал не поэтом, подобно Вордсворду, а философом в духе

Канта, проповедовавшего рационализм и отстраненный взгляд на объективную реальность.

Как мыслитель, Штейнер отличался медлительностью, тщательностью и педантичностью, и эти свойства только усилились от знакомства с немецкой академической традицией. Он обожал своего отца, который мечтал об успехе сына: желая сделать из него образованного техника, он настоял на том, чтобы Рудольф поступил в университет. Но через несколько лет карьера технического специалиста закончилась, не успев начаться, – юноша познакомился с классической немецкой литературой и философией. Книги он брал в библиотеке местного доктора – довольно эксцентричного человека, принимавшего проезжих пациентов на железнодорожной платформе.

Гете, Шиллер и Лессинг – столпы немецкой литературной традиции оказали на него влияние тем, что научили задумываться о высоких моральных идеалах и ценить внутренний духовный мир. Первый серьезный урок он получил приблизительно в возрасте пятнадцати лет, когда понял, что для большинства людей «духовный мир» является понятием отвлеченным, связанным исключительно с фантазией и воображением. Это открытие заставило его задуматься над сравнительной ценностью повседневных, доступных восприятию большинства знаний и своего собственного «провидческого» опыта, который был для него так же реален, как и обыденный мир. Неужели он все только воображал, размышлял он, или же все-таки есть что-то на самом деле? Если да, то какие выводы следует сделать из этого?

Задавая себе такие вопросы, Штейнер инстинктивно подошел к древнему философскому и религиозному противопоставлению видимости и сущности и нашел подобные вопросы в работах Канта. Пытаясь опровергнуть Хьюма, заявлявшего о неспособности человеческого ума обладать определенным знанием мира, Кант говорил, что это в принципе возможно; но при этом ему пришлось создать теорию двух миров: феноменального и ноуменального. Феноменальный мир – это мир кажущегося, который воздействует на наши органы

чувств, заставляющие мозг сделать предположение о том, что это и есть настоящая реальность. Но за этим миром скрывается царство истинной реальности, или ноуменов, – того, что называется «вещью-в-себе» и никогда не может быть понято нашим разумом.

Эта формула предлагала Штейнеру решение его проблемы. Кант был прав, постулируя существование ноуменов, но неверно определял их как принципиально непознаваемые. Ибо Штейнер чувствовал, что его духовные видения на самом деле были отражением высшей реальности, и он отвергал мнение Канта о том, что нельзя познать «вещь-в-себе». Другие бы остановились на этом, но Штейнер, заразившись страстью Канта к доскональному исследованию природы познания, хотел получить объяснение, каким же образом можно воспринять эти видения, если обычные органы чувств тут не годятся. Ему нужна была философская теория, которая бы связала феноменальное и ноуменальное.

Ко времени поступления в университет он открыл некоторые предварительные, на его взгляд очень важные, ответы на эти вопросы. Во-первых, он пришел к заключению, что духовный мир реален, а не иллюзорен; во-вторых, что единственный способ узнать о нем и изучить его это наблюдать за ним, подобно тому как ученый наблюдает за материальным миром; в-третьих, что единственные пределы его восприятия заключены в способностях наших органов чувств; и в-четвертых, что должны существовать особые органы чувств, которые просто-напросто атрофированы у большинства людей. Согласно его представлениям, эти органы – нечто вроде духовного аппендикса. Отсюда логически следовало отрицание превосходства материализма, объясняющего любое знание как результат работы органов чувств.

Такие взгляды серьезно противоречили духу прагматического материализма, царившего в Техническом Университете Вены, где самым влиятельным идеологом считался австрийский дарвинист Эрнст Геккель¹⁴⁸.

Штейнер не мог принять материалистическую теорию эволюции, и это вполне объяснимо. Более необычно то, что он

отрицал механические теории тепла и света в физике, поскольку ни одна из этих теорий не принимала во внимание духовные факторы. Позиция довольно экстремистская, поскольку большинство христиан вполне согласны с существованием подобных теорий, полагая что Бог мог создать, какие Ему угодно законы физики. Но противопоставление духа и материи порождало такие проблемы, которые Штейнер мог разрешить, только признав главенство духа и его приоритет перед материальным миром. Точно так же он отрицал эпистемологические теории: в царстве духа знание и опыт суть одно и то же.

В своей борьбе против материализма он мог призвать на помощь Гете не как поэта и драматурга, а как ученого и философа. Его знакомство с трудами Гете разрешало проблемы, поставленные Дарвином и Геккелем¹⁴⁹. Теория света Гете (антиньютонова и потому обычно отрицаемая учеными) предлагала считать свет посредником между чувственным и сверхчувственным, а теория растительных метаморфоз предполагала, что низшие формы эволюционируют в высшие посредством духовной или сверхчувственной силы. Кроме того, Гете были свойственны дух универсализма и чувство целостности всего мироздания. Он желал найти точку опоры, которая объединила бы разделенные феноменальный и ноуменальный миры Канта и отсюда его идея духовных метаморфоз – некое подобие теории эволюции Ламарка, в которой признается существование творческой силы Вселенной и говорится, что различные виды это иллюзия, воспринимаемая нами вместо беспрерывно изменяющегося потока из-за кратковременности человеческой жизни.

Для Штейнера, как и для Шоу, эволюция была скорее всего именно метаморфозами, и позже (в лекции, прочитанной им в 1905 г.) он признал, что спорит не с неodarвинизмом, но всего лишь с его материалистическими положениями. Согласно Штейнеру, Геккель и его коллеги не могли включить в свои теории такие явления, как, например, чудо Христа¹⁵⁰. Некогда наделенный даром ясновидения, человеческий род с течением времени потерял эту способность, подвергнувшись

«инволюции», то есть все более тесной связи с материальными телами, пока из духовного мира не явился Христос и не показал ему вновь истинный путь эволюции. Эволюция, в понимании Штейнера, должна сопровождаться ростом способности к пониманию Высшей Реальности и к прозрению. Такого явления, как чисто материальная эволюция, просто не существует: сам факт, что нечто эволюционирует, предполагает (на самом деле, даже доказывает) присутствие духа, цели и по меньшей мере зарождающегося сознания.

Штейнер знал, что Гете отрицал туманный мистицизм и субъективизм в пользу ясного размышления и объективного изучения сверхчувственных феноменов. При этом Штейнер вновь вспоминал об идее науки. Его встречи с духами, как он верил, были даны ему как знание, полученное посредством органов духовного восприятия, равнозначных с другими органами чувств. Следовательно, он отрицал спиритуализм, как предвзятый и иррациональный. Медитация, предпринимаемая им в целях развития психических органов, действовала точно так же, как тренировки активизируют физические органы. Таким образом, благодаря Гете, Штейнер взглянул на науку не как на препятствие духовному развитию, но как на помощника на пути к нему.

Штейнер верил, что на Гете серьезное влияние оказали розенкрейцеры и другие эзотерические традиции, находившиеся в тени общественной жизни, начиная с эпохи Ренессанса. Эта вера убедила его в том, что правильный путь для европейцев – это не восточная ветвь теософии, но нечто называемое им «западным эзотеризмом», – подобная формулировка была и у Анны Кингсфорд. Этот эзотеризм был доминирующей философией в три эпохи: во время Пифагора и Платона, в эпоху Ренессанса и в наше время, начавшееся в конце девятнадцатого столетия. В других случаях он находился в тени. Теософия – это всего лишь знак его возрождения.

Оставив университет в 1884 г., Штейнер стал учителем четырех сыновей Паулины и Ладисласа Шпехтов в Вене. Один из мальчиков страдал водянкой мозга и отставал в психическом развитии. Штейнер шесть лет довольно близко общался с этой

семьей, и учительский опыт помог разработать ему теорию лечебного обучения, которая легла в основание его школ и духовной педагогики. Штейнер обнаружил, что концентрация ребенка и его способность к восприятию были чрезвычайно ограничены; его следовало надлежащим образом подготовить к тому, чему предстояло обучить. Эта подготовка занимала больше времени, чем сам процесс обучения. Их отношения представляли забавный контраст к обучению Ледбитером Кришнамурти, которого многие – в том числе и сам Кришнамурти считали умственно отсталым. К сожалению, Штейнер не уделял особого внимания тому, чтобы фиксировать свои методы, хотя, как кажется, они состояли в основном в расположении к себе ученика и установлении с ним близкого психологического контакта. Важным открытием для самого Штейнера явилось, во-первых, то, что учитель должен учитывать связь между телом, умом и душой; и, во-вторых, осознание неповторимости и уникальности каждого ребенка. Эти открытия, как кажется, каждый великий педагог должен делать заново, хотя они имеют исключительно важное значение в эпоху механической зубрежки, когда старая гуманистическая педагогика пришла в упадок, не оставив после себя хоть сколько-нибудь последовательной и всесторонней теории образования.

На протяжении шести лет Штейнер работал в тесном сотрудничестве с матерью детей – Паулиной, влияние которой заметно способствовало прогрессу ребенка и самого Штейнера. На протяжении жизни он не раз встречался с сильными волевыми женщинами, начиная с жены своего профессора в Вене, и, хотя он любил настаивать на абсолютном несоответствии между его собственным развитием и духовными откровениями, очевидно, что здесь можно заметить некоторую связь. Каждая стадия его карьеры знаменуется знакомством с новой женщиной.

В 1890 г. он дал согласие переехать из Вены в Веймар для работы с архивом Гете по приглашению Великого Герцога Саксонии. Саксонское правительство собиралось выпустить полное собрание сочинений Гете и предложило Штейнеру стать

редактором его научных трудов. В Веймаре он не только вошел в круг людей, интересовавшихся культурой и социальными проблемами, но встретился с третьей женщиной, сыгравшей немаловажную роль в его жизни – Анной Эвникой. В 1897 г. он последовал за овдовевшей фрау Эвникой в Берлин, где, снимая квартиру в ее доме, зарабатывал на жизнь журналистикой и преподаванием.

В 1899 г. они поженились. Она была простой женщиной с материнскими инстинктами, которая заботилась о своем муже, готовила ему пироги и печенья, чтобы скрасить его аскетическую жизнь. Штейнер всегда оставался крайне сдержанным человеком, позволяя себе единственную вольность – носить своеобразные галстуки и иногда простоту манер, показывающих его простонародное происхождение¹⁵¹. Хотя впоследствии он приобрел многочисленных покровителей из аристократической среды, в гостиных он чувствовал себя неловко. Даже те, кто находил его неординарным человеком, говорили, что иногда он бывает молчалив и неразговорчив, даже после сорока лет, проведенных в «порядочном» обществе. В сущности, Штейнер был человеком из народа и черпал в нем свои незаурядные силы. Проведя молодые годы среди интеллигентов Вены, Веймара и Берлина, часто посещая салоны и кафе, он тем не менее сознательно сохранял определенную дистанцию, оставаясь самим собой и не идя ни на какие уступки. Из-за этого отчуждения он и казался либо загадочным, либо чересчур эгоистичным (в зависимости от точки зрения наблюдателя).

Вскоре после женитьбы на фрау Эвнике Штейнер начал преподавать в берлинском колледже для рабочих, основанном бывшим соратником Маркса Вильгельмом Либкнехтом, основателем Германской социал-демократической партии. Этот колледж давал рабочим возможность получить высшее образование, и Штейнер преподавал в нем философию и литературу. В этом ему помогала фрау Эвника, посещая некоторые его лекции и радушно принимая у себя дома учащихся. Но ее, как и марксистское руководство колледжа, беспокоил возрастающий интерес Штейнера к теософии.

С теософией Штейнер познакомился в 1880-х годах, прочитав сочинения Синнетта и Блаватской. Со временем большинство из теософских работ он отверг, сделав исключение для «Тайной доктрины», которую он рассматривал как наиболее примечательный из всех современных эзотерических текстов (кроме своих). Эти книги предоставили ему по крайней мере частичное объяснение психических феноменов, испытываемых им с детства. Кроме того, они укрепили его веру в возможность установления связи между наукой и религией посредством учреждения нового типа знания. В 1889 г., после психического и духовного кризиса, он начал постепенно отходить от преподавательской деятельности и уделять все больше внимания своему духовному призванию. Этот процесс достиг высшей точки в июле 1902 г., когда, посетив теософский конгресс в Лондоне и познакомившись с Анни Безант, Штейнер возглавил Теософское Общество Германии, Швейцарии и Австро-Венгерской Империи.

Переход от неопределенных социалистических симпатий к явному пристрастию к теософии объяснить нелегко. Как и Анни Безант до этого, Штейнер стал объектом критики и насмешек со стороны своих бывших коллег-социалистов. О перемене своих взглядов он объявил на лекции, обращенной к бывшим студентам, в которой он восхвалял мадам Блаватскую, всячески подчеркивая отличие ее идей от спиритуалистических и вспоминая немецкого философа И. Х. Фихте, заявившего о том, что задачей немецких гуманитариев должно стать превращение философии в новую теософию (Фихте действительно использовал это понятие). Но говорить публично о происшедшей с ним перемене и не было необходимости. Студенты и так заметили, что он вернулся из Лондона, сббив усы и приобретя шляпу-котелок. Этим он словно показывал, что отныне он интересуется не тем, что внизу, но тем, что наверху. Во время лекции его глаза были устремлены куда-то в пространство. Вскоре он перестал читать лекции рабочим.

На конгресс 1902 г. его сопровождала Мария фон Сиверс¹⁵², аристократка, изучавшая драматургию, работавшая вместе с ним с 1900 г. В 1903 г. он переехал из дома Анны Эвники в

берлинскую штаб-квартиру Теософского Общества, где жила и фрейлейн фон Сиверс. С этих пор она стала его постоянным спутником, организуя его деловую жизнь и слушая его лекции. Поначалу эти лекции привлекли немногочисленную аудиторию. Но Штейнера это не заботило – он утверждал, что лекции посещают также невидимые духовные существа и духи умерших, желающие приобщиться к оккультному знанию. (В Ином Мире, очевидно, это было им недоступно.)

Следующие шесть лет для Штейнера ознаменованы сложными взаимоотношениями с миссис Безант. Несмотря на осознаваемые обоими идейные разногласия, поначалу они оставались друзьями. Анни посетила Берлин в 1904 г., и Штейнер переводил ее работы на немецкий. Однако Штейнера привел в недоумение скандал с Ледбитером, ему не нравились ориенталистские тенденции Анни, да и она не слишком доверяла его преданности Обществу. Между ним и его немецкими коллегами также наметились трения, которые выразились в их нежелании находиться у него в подчинении. К тому же многие не интересовались эзотерической ветвью христианского мистицизма. При жизни Олькотта с его политикой взаимной терпимости все филиалы еще сохраняли перемирие, но на теософском конгрессе 1907 г., спустя три месяца после смерти полковника, когда Анни Безант выставила свою кандидатуру в качестве его преемника, стало очевидно, что раскол неизбежен.

Конгрессом в Мюнхене руководил сам Штейнер, и ему представился случай ясно высказать свое отношение к теософии. Он украсил зал печатями, упомянутыми в «Апокалипсисе», и бюстами своих героев философов-идеалистов Гегеля, Фихте и Шеллинга. Ничто не указывало на Учителей или индуистских богов, почитавшихся Безант. Напротив, центральным событием конгресса стало представление-«Священной Элевсинской Драмы» Эд. Шюре¹⁵³, переведенной с французского Мари фон Сиверс и отредактированной самим Штейнером. Намерения его были очевидны: он хотел переместить фокус внимания с Востока на Запад.

Шюре предпринял попытку воскресить древнегреческие мистерии. Штейнер дополнил его текст собственным «розенкрейцеровским» символизмом, и спектакль вызвал бурные дискуссии. Штейнера обвинили в использовании Общества для пропаганды своих неохристианских идей. Сам же Штейнер был серьезно обеспокоен тем, что он рассматривал как культ личности нового президента. На публике Анни была подчеркнута молчалива, но в частных беседах недвусмысленно высказывала свое неодобрение. Поначалу они согласились идти каждый своим путем, но в 1910 г. вступили уже в открытый конфликт.

Расколу способствовало судебное преследование Анни Безант, начатое отцом Кришнамурти. Штейнер и его друзья были согласны с Нарьяньяхом, Ледбитер подверг серьезному сомнению репутацию не только его семьи, но и всего Общества. Однако для самого Штейнера наиболее серьезное оскорбление заключалось в том, что Ледбитер отождествлял Повелителя Майтрейю, предположительно воплотившегося в Кришнамурти, с Иисусом Христом. Вся космология Штейнера была основана на фигуре Христа: он рассматривал его не как особого человека (тенденция гуманистической теологии) и не как очередное воплощение мирового духа; для него Иисус Христос был уникальным субъектом всей духовной истории. Штейнер также проводил различие между человеческим телом Иисуса и духом Христа, вошедшим в это тело за три года до его смерти. Таким образом, он не мог принять идею того, что Кришнамурти является самым последним – и, следовательно, наилучшим – воплощением Христа в этом мире, или что этот дух подчиняется Повелителю Мира, обитающему в Шамбале.

Орден Звезды Востока должен был пропагандировать именно эти идеи, и критический момент настал, когда Штейнер отказался допустить функционирование этого ордена в Германии, требуя от немецких теософов выйти из его рядов. Он послал телеграмму Анни Безант в Адьяр, предлагая ей отказаться от поста президента Общества. Она ответила тем, что закрыла Германский филиал и исключила Штейнера из рядов основного Общества. Тогда он порвал все связи с

теософией и в феврале 1913 г. основал Антропософское Общество. Многие немецкие теософы последовали за Штейнером, а оставшиеся перешли под опеку старого друга ЕПБ, доктора Шлейдена, мюнхенского фабриканта.

Но история с Кришнамурти была лишь внешним поводом для разрыва Штейнера с теософией; за ней крылись более глубокие причины. Штейнер давно убедился, что Общество страдает от двух важных недостатков, которые он безуспешно пытался преодолеть. Во-первых, назрела необходимость интеграции теософской доктрины с ценными элементами европейской философской традиции. Смесь восточной терминологии и персональных откровений, характерная для ранней стадии, сослужила свою службу – заставила Запад осознать брешь в своем понимании реальности, нанесенную материализмом и атеизмом, но этого еще недостаточно. По-настоящему всеохватывающая доктрина должна опираться на традиции конкретной местности. Нельзя просто так отбросить европейские формулировки духовной истины. При этом нужно отделить зерна от плевел, но для этого необходимо создать настоящую гуманитарную науку.

Вторая проблема – вопрос духовной педагогики. Как мы видели, Блаватская, а позже и Ледбитер попытались сделать нечто в этой области, но их методы были расплывчаты и основывались на личном авторитете. Не существовало четко сформулированных методов и традиций, кроме тайных инициаций Ледбитера, которые были слишком церемониальны и субъективны. Честно говоря, согласно Ледбитеру, это и являлось отличительной чертой эзотерической традиции, которая по определению передает тайное знание, а не общепризнанные вещи; она поэтому и должна существовать в тайне и быть значимой только для учителя и ученика. Тем не менее Штейнер предполагал, что если теософия не желает оставаться смесью неопределенных доктрин и обещаний сомнительной чести быть удостоенным приобщения к Учителям под руководством своевольных вождей, то ей потребуется нечто большее, чем несколько одаренных педагогов. Этим «нечто», по мнению Штейнера, должен был стать педагогический метод:

комплекс познавательных приемов и способов их адекватной передачи. Была необходима духовная практика, которая объединила бы различные доктрины, доступные западным ученикам, с методом изучения этих доктрин.

Предполагалось, что эту практику предоставит антропософия, что указывалось уже в самом названии, отличном от «теософии». Она оставила важный принцип теософии представление о духовной науке. Штейнер понимал слово «наука» в обоих смыслах: как комплекс знаний и как методологию. Для него это было одной из отличительных черт западной эзотерики по сравнению с восточным оккультизмом – последний старался перевести все материальное в область духовного, первая же рассматривала человеческую жизнь как часть материального развития и говорила на материальном языке. Человек – это именно то существо, в котором объединены чувственное и сверхчувственное; этим он отличается и от животных, и от ангелов. Важно не только сверхчувственное, но и чувственное – реальность составляют обе эти сферы. Антропософия изучает место человека в этой реальности. Это не мудрость богов, которая недоступна нам по определению, но менее возвышенная человеческая мудрость, или мудрость о человеке.

Если новое общество отличалось от старого своими идеями, то внешний вид поначалу оставался прежним. Большую часть «антуража» Штейнер получил от Теософского Общества: важные матроны, экзальтированные леди и юные девицы, богатые идеалисты и чудаки различных сортов. Однако сама атмосфера в Антропософском Обществе была более возвышенной, чем в теософском, и с самого начала Штейнера окружали почтение, серьезность и оптимизм. На фоне вульгарности и надменности теософии антропософия была подчеркнута естественна и склонна к простому образу жизни. Многие теософы были вегетарианцами, реформаторами моды или защитниками животных, но только «штейнерианство» могло включить все эти идеалы как органичные. Распорядок жизни, основанный самим Штейнером, задавал тон каждому аспекту жизни Общества – от цвета аур до цвета кухонных шкафов,

поскольку он сам лично заведовал всем – от духовной жизни своих последователей до их питания.

Среди альтернативных духовных учителей Рудольф Штейнер представлял особый тип: педантичный и весьма образованный западный интеллеktуал. Еще одним претендентом на лидерство в построении философского базиса для теософии стал в тот период Петр Демьянович Успенский¹⁵⁴. Как утверждал сам Штейнер, образование, полученное им, сделало его более восприимчивым к духу Аримана, который пытался убедить его принять позитивистскую науку. Самоучку Успенского же должен был соблазнять дух Люцифера, представляющего ему картины века будущего, когда человечество, – благодаря его усилиям, будет воспринимать богов такими, какими он видел их сам. Эти два человека были взаимодополняющими типами, отличаясь средствами достижения своих целей. Но в конечном итоге цель у них была одна опровержение теософии. Штейнер действовал изнутри, Успенский снаружи – и их пути положили начало новым эзотерическим традициям, который с тех пор стали довольно влиятельными.

Сейчас имя Успенского мало кому известно вне эзотерических кругов. Он не оставил после себя ни школ, ни учреждений, носящих его имя. Он не был аристократом, ведущим богемный образ жизни, или экзотическим медиумом, а, напротив, довольно серьезным обывателем-горожанином, не основавшим собственного общества и умершим, признав свое поражение. И все-таки его книги до сих пор издаются на одном только английском языке тысячными тиражами каждый год и пользуются хорошим спросом. Не будучи официальным членом Теософского Общества (которое было разрешено в России только в 1908 году), он тем не менее с огромным вниманием читал теософские работы и использовал многие его идеи при построении собственного странного синтеза кантианского идеализма, математики четырех измерений, суфизма и буддизма. Со временем он тоже разочаровался в Обществе по тем же причинам, что и Штейнер, находя его доктрину непоследовательной и педагогику неадекватной. Однако он

предлагал решить эти проблемы совсем другими способами, нежели Штейнер.

Успенский, выходец из высшего слоя среднего класса, родился в Москве, в 1878 г. Его родители, земельный инспектор и художница, умерли, когда он был еще ребенком, и его воспитывала бабушка. Он рос ленивым, мечтательным и своевольным. Из школы он был исключен и на этом закончилось его официальное образование. После он сам занимался философией, физикой и математикой – единственными предметами, которые его интересовали. Возможно, именно недостаток общего образования побудил его впоследствии искать законы, управляющие человеческим существованием.

Художественное описание его детства можно найти в сочинении Успенского «Странная жизнь Ивана Осокина», а воспоминание о годах молодости в книге – «В поисках чудесного», герой которой раздираем противоречиями. Успенский был не только ленивым, но и беспокойным; не только скептиком, но и доверчивым; сильным духом и нуждавшимся в поддержке, волевым и подчиняющимся чужой воле, логическим мыслителем и мечтателем, общительным и одиноким, не терпящим возражений и ищущим хороших собеседников, сибаритом и аскетом. Внешне он был невысок, крепко сложен, с массивной головой, бычьей шеей, тонкими губами и пронзительным взором. Он любил кошек и вино, одевался со вкусом, днем вел образ жизни профессора, а ночью – представителя богемы. Его часто посещали ощущения «дежавю» – «уже виденного» – и он в равной степени интересовался математикой и мистицизмом. Обе эти области, как казалось, предоставляли ключ к пониманию многих вещей: первая посредством чисел, а вторая посредством видений. И язык они использовали схожий – недоступный для большинства.

Математику четвертого измерения Успенский изучал в надежде выяснить причины чувства «уже виденного». В то время в фантастической литературе эта идея была довольно распространенной – достаточно упомянуть роман Е.А. Аббота «Флатландия» (1884) и популярные научные работы С.У.

Хинтона¹⁵⁵. Флатландия – эта некая страна, населенная существами, живущими в двух измерениях и каждое проявление третьего измерения воспринимающими как чудо. По аналогии, существа, живущие в трех измерениях (люди), не могут не считать чудесным любое появление существ из четвертого измерения. Успенский писал об этом в своей первой книге «Четвертое измерение», постулируя существование четвертого, пятого и, возможно, большего количества недоступных для нашего восприятия измерений.

Четвертым измерением он называет собственно время, об истинной природе которого люди могут догадываться только в моменты повышенной чувствительности сознания. Но, как и его современников – Пруста, Бергсона, Фрейда, Эйнштейна, Уэллса, Джойса и Элиота (на последнего он впоследствии оказал некоторое влияние), Успенского интересовало не столько время, сколько вне- или сверх-временные явления, с ним связанные¹⁵⁶. Успенский исследовал их на практике посредством анализа сновидений и использованием изменяющих сознание наркотических веществ, выяснив, что сновидения могут продолжаться и в дневное время. Согласно Успенскому, мы спим все время, даже когда думаем, что бодрствуем: то, что мы принимаем за сознание, на самом деле есть только сон. Ощущения «уже виденного», моменты прозрения во сне, галлюцинации – все это знаки реальности, к которой мы можем приобщиться, только полностью проснувшись. Так как же мы можем проснуться по-настоящему? На что похожа истинная реальность? Чье сознание может ее воспринять?

Математика не давала ответов на такие вопросы, и Успенский искал их в модных тогда теориях Ницше о вечном круговращении и перерождении душ. Ницше говорит, что если мы хотим почувствовать хотя бы малое подобие свободы, мы должны жить в духе веселого приятия всего, как если бы нам хотелось повторять даже самые болезненные моменты снова и снова. Только тогда мы победим самих себя и сознательно примем необходимость, станем истинными личностями¹⁵⁷.

Для Ницше образ вечного круговращения – это необходимая метафора. Успенский же понимал ее буквально. Ссылаясь на восточные представления о реинкарнации, карме и колесе судьбы, Успенский доказывал, что мы уже не раз жили и будем жить в будущем – бесконечно, если только не найдем способ выйти из круга. Для этого мы должны повысить уровень сознания так, чтобы постоянно знать, что на самом деле происходит с нами, и увидеть высшую реальность (такое представление Ницше назвал бы абсурдным и противоречащим самому себе).

Но и в этом случае оставались проблемы. Как и математика, ницшеанство не предлагало никаких духовных и психологических техник достижения такого состояния. Тут на помощь Успенскому пришла теософия. В 1907 г., работая журналистом в московской газете «Утро», он постепенно заполнил все ящики своего рабочего стола теософскими публикациями. Среди них были книги Синнетта («Оккультный мир») и Штейнера («Атлантида и Лемурия»). Предполагалось, что он должен заниматься текущей европейской политикой, но на деле он все больше интересовался оккультной литературой.

Теософские идеи как нельзя лучше подходили российской эсхатологической атмосфере, царившей в начале XX века, и ими интересовались многие интеллектуалы и писатели, включая Блока, Пастернака, Бердяева, Соловьева, Розанова, Флоренского, Мережковского и более всех известных на Западе Белого и Скрябина. Успенский принадлежит к поколению родившихся между 1870 и 1900 годами взросление и воспитание которого происходило в ожидании грядущей революции, приход которой предрекали еще за полстолетие до 1917 г. Эту революцию совершили ровесники Успенского, которому на тот момент было тридцать три года. Многим из этого поколения пришлось эмигрировать или погибнуть в сталинских лагерях.

Не все считали, что революция должна принимать политическую форму. Наследие Гоголя и Достоевского было велико: оба они предвидели грядущее преобразование страны в религиозную общину при содействии обновленной

Православной Церкви. Андрея Белого (1880–1934), как и Успенского, интересовала взаимосвязь науки и мистицизма, но в качестве исхода революционной ситуации он ожидал скорее не прогрессивных перемен, а появления варварских орд, что описано в его романе «Петербург». Композитор Александр Скрябин (1872–1915) был ближе к традиции Гоголя – Достоевского. Пылкий музыкант ожидал неизбежного конца привычного мира и надеялся сопроводить это событие (и по возможности ускорить его) грандиозной «Мистерией», которая осталась незаконченной.¹⁵⁸

По сравнению с этой позицией Успенский обладал более умеренными взглядами. Для него все очарование теософии сводилось к систематизированной космологии, позволявшей применить ряд положений математики четвертого измерения, ницшеанской теории вечного возвращения, символизма и психологии к личному опыту и объяснить любой феномен бытия. Для человека, вооруженного лишь фрагментарными познаниями и одержимого жаждой систематизации, это было неким подобием философии, сохраняющей картину мира целостной. С помощью теософии можно было приобщиться к тайной традиции.

Но даже этого было недостаточно. Несмотря на свои обещания, теософия оставалась чересчур абстрактным построением, и даже интеллект Успенский желал чего-то более конкретного. В 1908 г. это желание побудило его отправиться на Восток, чтобы дать журналистское описание этой поездки. Путешествие было мало чем вознаграждено, кроме мистических видений на борту корабля в Мраморном море. Этот момент был скоротечен, как и впечатления от посещения Сфинкса, Тадж-Махала и Будды с изумрудными глазами на Цейлоне. Но это путешествие убедило его в существовании некой эзотерической истины, намеки на которую были даны в теософской литературе. Но если тайное знание существует, то где его истоки и можно ли прикоснуться непосредственно к этим истокам?

Успенский был убежден, что в одиночку не добиться истины. Нужно примкнуть к какой-то «школе», наподобие

Братства Учителей. Таких школ много, и важно найти «истинную». Это вопрос не только отделения «настоящего» от «подделки»: нужно отличать также и «настоящие», но не эзотерические школы от тех, что прямоком ведут к источнику космической мудрости.

В Индии он посетил учеников Рамакришны и других йогов, но пришел к выводу, что медитация и почитание богов не есть истинный источник просвещения. Оккультная мудрость, как ему казалось, лежит в активной деятельности, а не в простом созерцании. Дервиши Константинополя и Шкутари казались ему находящимися ближе к Истине, и то, что Штейнер нашел в эзотерическом христианстве, Успенский искал в мистических сектах ислама. Особенно его интересовали танцы дервишей, объединяющие математику и движения в едином символическом языке, отображающем переживания Бытия, если только этот язык вообще можно перевести. Кроме того, загадочные высказывания и трудная практика ученичества исламских мистиков подозрительно напоминали следы настоящей школы. Но многие секты конкурировали между собой, и если даже предположить, что все они обладают частичным доступом к Источнику, то сами они этим Источником быть не могли. Таким образом, оставался вопрос – как распознать Источник и Истинную школу?

В 1913 г. Успенский вновь отправился на Восток, на сей раз в Адьяр, где был удостоен чести остановиться на первом этаже дома, в котором жили некогда сама Блаватская и другие члены Эзотерической школы. Как и все в Обществе, личные комнаты соответствовали принципу иерархии: руководители жили на верхних этажах, над школой, их ближайшие помощники во флигелях, а слуги обитали в обыкновенных индийских хижинах, расположенных вокруг главного дома. К 1913 г. поместье в Адьяре стало прототипом современной процветающей коммуны: смесью ашрама и воскресного отеля, где останавливались проезжавшие через Мадрас путешественники. В Теософской Эзотерической школе Успенский увидел слабое отражение того, что искал.

В Адьяре он встретил немецкого философа-мистика, графа Германа Кезерлинга, который занимался точно такими же поисками¹⁵⁹. Встреча оказалась знаменательным событием для обоих. Признав за Теософским Обществом право считаться первопроходцем, открывшим восточную духовную мудрость жителям Запада, они тем не менее пришли к выводу, что объект их поисков не может быть найден внутри Общества. Они решили объединиться и продолжить поиски сообща. Однако этому союзу не суждено было быть долгим, поскольку тем временем на родине каждого произошли политические события огромной важности. Через несколько месяцев после их встречи оказалось, что они являются подданными враждующих государств.

Глава 9. Военные игры

Война 1914 года оказалась неприятной неожиданностью для теософии и доставила ей определенные затруднения. В то время как теософия официально провозглашала братство и религиозный универсализм, в Общество тем не менее прокрался шовинизм и каждая группа теософов, как все прочие люди, считала, что Бог находится именно на их стороне.

Некоторые пошли еще дальше, извлекая личную выгоду из самой катастрофы. Империалистически – до фанатизма – настроенный Ледбитер не только отождествил немцев с Темными Силами, но совершенно в духе вульгарного дарвинизма заявил, что война является частью эволюционного процесса, формой диалектики, которая приведет к высшему синтезу человечества¹⁶⁰. Он даже цитировал мусульманскую книгу, чтобы доказать, что убить немецкого солдата – это значит сделать ему благо, предоставляя ему возможность перерождения на более высоком духовном уровне, тогда как быть живым «гунном» совершенно бесполезно. Победа Британии таким образом способствовала бы претворению божественного плана.

На другом берегу Северного моря Р. Штейнер соглашался с Ледбитером, что войну развязали Темные Силы вопреки всем стараниям лучших политических деятелей¹⁶¹, но утверждал, что победить их суждено лишь великой Тевтонской культуре и что немецкий народ выполняет высшую духовную миссию¹⁶². Хотя сам он был достаточно благоразумен, чтобы не восхвалять милитаризм и национализм, многие его последователи с готовностью возлагали всю ответственность за ужасное кровопролитие на Британию. В антропософских кругах было широко распространено мнение о том, что легкомыслие Эдуарда VII и его разлагающая франкофилия лежали в корне всех европейских проблем – вариация общераспространенного среди немецкой интеллигенции взгляда на англичан как на нацию себялюбивых бакалейщиков, находящихся по моральному и духовному развитию ниже своих двоюродных

саксонских братьев. (По иронии судьбы, сами англичане считали Эдуарда высокомерным германцем.) Что бы ни говорили апологеты Штейнера, его личные предвоенные высказывания по поводу европейской политики дали все основания для появления подобных безумных идей. Мистическое представление о некоем заранее предназначенном пути для наций, вписывающимся в космическую схему, делало почти невозможным различие между восхвалением тевтонской культуры и самыми крайними формами национализма. Штейнер, например, разделял мнение Геккеля и Фихте о том, что немцы – самая философская нация, превосходящая в этом всех остальных европейцев. Это мнение основано, в свою очередь, на том представлении, что философия есть высший вид духовной деятельности и потому немцы более развиты, чем все другие народы.

Штейнер также развил представления своих философских наставников об «исторических задачах» каждой нации, добавив от себя теорию о руководстве каждой нацией свыше особым архангелом, отражающим в некоторой степени дух этой нации. Принц Макс Баденский, последний канцлер Германской Империи, особо просил предоставить ему копии лекций по этому вопросу¹⁶³. Согласно этой теории другие европейцы должны развивать один из «аспектов» развития человечества в качестве вклада во всеобщую эволюцию – достаточно интересное предположение, умаляемое, однако, банальностью конкретных выводов Штейнера о том, что итальянцы представляют чувство, французы мысль, англичане – сознание и тому подобное. Естественно, только немцы объединяют в себе все эти качества на самом высшем уровне.

К началу войны Штейнер находился в Швейцарии, где в декабре 1914 г. женился на Марии фон Сиверс. Во время войны он придерживался некоторого нейтралитета, стараясь в своих лекциях придать войне космическое освещение и подчеркнуть роль всех участвующих сторон; но читал он их в Германии и Австрии, и нейтралитет публики конечно же был весьма сомнителен. К тому же он был советником и другом семьи главы Германского Генерального Штаба Гельмута фон Мольтке, и

знакомство это вряд ли способствовало сохранению отстраненного взгляда на события. Хотел того Штейнер или нет, но антропософия ассоциировалась с германскими военными действиями так же, как теософия – с политикой союзников. Правда, во время войны среди членов Антропософского Общества насчитывалось несколько англичан, но они хранили глубокое молчание.

Поначалу Штейнер, как и многие, считал, что в результате конфликта родится нечто новое, светлое и чистое в отношениях между нациями; но по мере того как война принимала все более ужасные формы, его инстинктивный национализм переходил в размышления о более глобальных перспективах. После войны он был готов поддержать Лигу Наций и в поздних работах он особо подчеркивает различие между политическим и духовным.¹⁶⁴ Начиная с 1919 г. он меньше говорит о духовной миссии Германии и все больше о политической мощи Германии, которой приходится удерживать равновесие между Англией и Америкой на Западе и Россией на Востоке¹⁶⁵. Эта идея – не настолько уж и оригинальная – возникла как результат увеличивавшегося интереса Штейнера к социальной и политической организации общества. Его мышление строится на традиционном сравнении политической системы с человеческим телом, в котором все члены и органы должны функционировать согласованно.

Споры о национальном характере были частью более старого и запутанного спора об арийцах и подчеркивали расистскую сторону оккультизма. В XIX веке исследователи доказали, что большинство европейских языков и народностей родственны между собой, и потому возникло предположение о том, что существовал единый народ – арийцы, говорившие на санскрите, – который со временем растворился (или «загрязнился», как считали некоторые), среди другого населения, продвигаясь через всю Европу на Запад. Поскольку различные теоретики, от Руссо до Гобино, утверждали, что чистота означает силу и энергию, все нации претендовали на то, чтобы считаться прямыми потомками арийских предков¹⁶⁶.

Это соперничество привело к неожиданным последствиям. В конце XIX века немцы, разрываясь между тевтонской гордостью и завистью к более преуспевшим англичанам, кровь которых была загрязнена кельтскими и романскими примесями, заявили, что самые великие англичане, например, Шекспир, на самом деле были германцами. Французы утверждали, что их франкские и галльские предки тоже были германцами. Но все при этом не сомневались в своем превосходстве перед евреями и славянами.

Это презрение, приведшее к страшным последствиям в гитлеровской Германии и сталинской России, очень странным образом отражалось в оккультных построениях. Стараясь каким-то образом отделить Иисуса Христа от евреев, Штейнер, как и расистский теоретик Хьюстон Стюарт Чемберлен, предполагал, что Иисус сочетал в себе еврейские и арийские черты, приближаясь таким образом к доброкачественному германскому типу¹⁶⁷. Следующим шагом было полное отрицание еврейского происхождения Христа, и немалое количество людей охотно согласились с этим. Даже гималайские Учителя теософии обладали не только приятной индийской внешностью, но и светлой европейской кожей.

Таким образом, война имела под собой не только политическую или экономическую подоплеку. Она была также и дарвинистской борьбой за расовое, моральное и духовное превосходство. Подобные идеи, возможно, вовсе не интересовали солдат в окопах, но тем не менее они были популярны среди политиков, которые их туда посылали, а также поддерживали ура-патриотическую публику, ратовавшую за усиление военной мощи своих стран.

Невзирая на свои дела в Либеральной Католической Церкви, с 1915 г. Ледбитер включился в военную полемику. Одним из способов оказать заметное влияние было знакомство с властью предержащими. Рудольф Штейнер знал генерала фон Мольтке и принца Макса Баденского; Анни Безант и Эмили Летъенс имели влиятельных друзей в Британии. Но Ледбитер, который не довольствовался полумерами и всегда стремился опередить соперников, вовремя показав, что у него имеется

козырной туз оккультных карт, заявил, что имеет связи не только с ныне живущими влиятельными лицами, но и с великим человеком из прошлого – он встречается на астральном плане с Отто фон Бисмарком, который довольно подробно обсуждает с ним военные проблемы.

В результате оказалось, что бывший правитель Германии, которого можно было сравнить разве с самой Блаватской по оккультным способностям, был одним из Повелителей Темного Лица, пособников зла, которые в XX веке развязали войну против Европы так же, как тринадцать тысяч лет назад они разрушили Атлантиду. Эта борьба носила отнюдь не только духовный характер – согласно Ледбитеру, Бисмарк установил в четырех углах Германии особые магнитные талисманы, чтобы подавить возможное сопротивление «Фатерлянду», но все его магические операции, как впоследствии оказалось, были обречены на провал. Ледбитер твердо знал, что никакие хитрости – ни в этом мире, ни в будущем – не помогут «гуннам» (хотя их махинации являются частью Божественного плана Второго Пришествия). Почему Повелители Темного Лица так охотно решили открыть свои планы противнику, Ледбитер не объяснял.

Что касается практической стороны дела, то Ледбитер, разумеется, и не думал пойти на фронт, поскольку мог сделать нечто более полезное. Епископ великодушно согласился наблюдать с помощью своего астрального тела за событиями на фронтах из своей австралийской цитадели и вести души погибших в загробное царство, подобно мифологическому Харону. К 1914 г. уже существовал такой теософский вид деятельности и даже была организация, специально посвященная этому, – «Невидимые Помощники»¹⁶⁸. Одной из самых активных помощниц стала Эмили Летъенс, хотя из-за своего пацифизма и отказа ненавидеть врагов она оказалась в затруднительном положении, когда Ледбитер потребовал, чтобы помощники в первую очередь сопровождали души союзников. Сам епископ терпеть не мог пацифизм и в конечном итоге сместил Эмили Летъенс с поста редактора «Геральд оф зе стар» под тем предлогом, что она слишком симпатизирует

немцам. Этот журнал, как считал его сотрудник Джинараджадаса, должен был «недвусмысленно выступать на стороне Братства», то есть союзников¹⁶⁹.

Кришнамурти, который во время Второй мировой войны официально заявлял о своем пацифизме и абсолютной незаинтересованности, в 1914 г. тоже оказался в затруднительном положении. Он был готов сражаться, да и возраст ему это позволял, но Анни Безант не разрешила ему включаться в какой-либо вид военной деятельности – не потому, что его могли убить, а потому, что армейский рацион предполагал потребление мяса, тогда как его призвание (не говоря уже о брахманских запретах) требовало, чтобы он оставался вегетарианцем. Однако его более расторопный брат Нитья успел какое-то время побыть мотоциклистом при Красном Кресте во Фландрии, пока Анни не остановила и его. Большую часть войны братья провели в Лондоне, готовясь к экзаменам или гуляя по окрестностям.

Впрочем, Анни Безант не была единственным препятствием готовности юных индийцев помочь фронту. Работать в «Эндслей Палас-Отель», превращенном на время войны в госпиталь, им бы не позволили из-за цвета кожи. Предполагалось, что пациенты могут возражать, если их будет обслуживать индеец, да еще претендовавший на роль Мессии. То, что в нем привлекало духовно настроенных аристократов, было бы отталкивающим в глазах среднего класса. Кришнамурти и Нитье было не привыкать к насмешкам и расовой дискриминации, и они старались относиться к некоторым инцидентам дипломатически. Труднее сдерживать свои чувства было леди Эмили, разделявшей страсть королевы Виктории ко всему индийскому.

Постоянное вмешательство Анни Безант вкупе со странным окружением, эксцентричное поведение его английских воспитателей и надсмотрщиков, чрезмерное напряжение жизни начинали надоедать и досаждают Кришнамурти. Сражения шли своим чередом, а он пребывал в стороне, и обыденная частная жизнь – если, конечно, возможно применить такой эпитет к его жизни становилась невыносимой. Как любого человека, его

глубоко волновали военные события и соответствующие идеи времени. В те дни Пруст, например, писал, что люди воспринимали войну как мистику, с помощью которой описывают жизнь в Боге. Война захватывала все внимание людей, не оставляя энергии ни на что другое¹⁷⁰.

К концу войны европейские страны оказались в еще более тяжелой экономической и политической ситуации; ко всему прочему добавился еще и эмоциональный вакуум. Отдельные люди и общественные организации настолько привыкли направлять всю энергию на борьбу не на жизнь, а на смерть, что, когда война кончилась, им просто нечем стало жить. Возникла потребность в реконструкции – социальной, политической, а также и личностной, но у всех на уме был только один вопрос: насколько мы действительно хотим реформировать систему, которая привела нас к такой катастрофе? Не лучше ли построить новый мир? И каким он должен быть? Новый мир по определению неизвестен. Не существовало еще никаких образцов его построения. Каждый искал его во тьме по-своему.

Теософия и антропософия выиграли от духовного голода конца войны и от смутного ощущения, что старые религиозные и политические институты окончательно дискредитировали себя. Оба общества активно развивались в 1920-х годах и привлекали все новых членов. Но тот же духовный голод породил и другое альтернативное направление и учителей, хотя и более обязанных теософии, чем они это признавали, но угрожавших заменить ее туманные общие места чем-то более конкретным и эффективным. Это направление вновь заявило о «Востоке», но на этот раз вместо некоего синтеза религий и философий, о котором писала мадам Блаватская, это был воинствующий ислам. Это учение затронуло больное место европейцев. Казалось, что жестокости войны переместились с полей сражений в частную жизнь. Фрейд уже начал исследовать психическую подоплеку человеческой жестокости и ее подавления¹⁷¹. Война, по его мнению, была следствием не военного инцидента или политических ошибок, а неосознанного массового стремления к жестокости, которое не могли усмирить

моральные и социальные нормы. Теперь религиозная подоплека этого бессознательного желания масс могла быть выявлена. Эра кроткого Христа подходила к концу.

Ни одна страна не понесла таких чудовищных потерь во время войны, как Россия, и они были отягощены жертвами последовавшей революции и войны между Белой и Красной Армиями. Удивительно, что чаще эту страну ассоциировали с варварским началом не столько из-за солдат, сколько из-за танцоров. В довоенной Европе одним из самых выдающихся культурных событий было появление Русского балета, который вскоре стал ведущим направлением сцены и возглавлял авангард – с момента появления в Париже в 1906 г. и до смерти в Венеции в 1929 г. его основателя, Сергея Дягилева¹⁷².

Дягилев был несравненным импресарио. Ничего подобного Русскому балету не видели со времен французской оперы-балета, созданной для прославления Людовика XIV. В своих работах Дягилев достиг того синтеза искусств, о котором только мечтал Вагнер, одновременно преобразив вагнеровский серьезный реализм XIX века в ослепительную смесь фантазии, комедии, сказки, варварской пышности и зрелищности. Центральное место в его мистериях занимал танец, и этот вид искусства иногда соотносили с побочной ветвью развития оперных интерлюдий и варьете. Уже Чайковский обогатил театральные возможности балета, но только Дягилев со своей труппой произвел революцию в танце и преобразовал его в новый вид искусства.

Сам Дягилев обладал бурным темпераментом – обаятельный, вероломный и изысканный дилетант-гомосексуалист, завоевывавший известность благодаря скандалам; без всяких усилий он приобретал расположение как своих артистов, так и богатых покровителей, в то же время презирая все нормы обыденной морали и социального поведения. Наблюдая за его отношениями с его любовником и главным танцором, несчастным Нижинским, некоторые сравнивали его со Свенгали, другие – с Распутиным.

Дягилев был, однако, не единственным влиятельным русским импресарио того периода. Ныне известный как

духовный учитель, Георгий Иванович Гурджиев любил называть себя учителем танцев, и, действительно, в его учении танец занимает важное место. Когда Дягилев с триумфом разъезжал по Европе, Гурджиев безуспешно старался поставить свой балет, «Битва магов», в Москве и Санкт-Петербурге.

Ничего не может быть более далекого от теософских добродетелей и братской любви, чем учение Гурджиева. Несмотря на ряд идеологических разногласий, все теософские и антропософские группы продолжали проповедовать мир и братство всего человечества! Несмотря на то, что во время войны они разделились на два фронта, к 1919 г. эти идеалы вновь вернулись в официальные программы. Гурджиев не примкнул ни к одной из этих групп. Если теософия отражала идеалистические тенденции самого начала XX века, приведшие к созданию Лиги Наций, организациям социальной демократии и молодежным движениям, то Гурджиев развивал другую традицию – варварский примитивизм, положивший начало такому явлению, как фашизм, и отразившийся во многих произведениях искусства: от романов Лоуренса до ранних композиций Стравинского. Центральное место в доктрине Гурджиева занимала война и основным методом обучения была продуктивная борьба, в которой все средства хороши.

Однако, несмотря на сознательный отход от теософии, Гурджиев разработал внешне похожую на теософскую универсальную доктрину с детально разработанной космологией и даже с Братством Учителей. Невозможно сказать, насколько глубоко он черпал свои идеи из работ ЕПБ, но первые два десятилетия века теософия процветала в России – как раз тогда, когда Гурджиев формулировал свое учение¹⁷³. Разница была в том, что тайное Братство, которое Блаватская помещала в Египте и Гималаях, Гурджиев нашел и в мистических доктринах Центральной Азии, где он и родился. Этот факт, возможно, даже укреплял веру в то, что все мировые религии происходят из одного источника. Принимая во внимание большое количество оккультных обществ и тайных братств, распространившихся в конце XIX века, было бы ошибкой утверждать, что Гурджиев заимствовал идеи

исключительно у Блаватской, тем более что методы учительства у них были разные.

Но вряд ли кто-то решится отрицать поразительное сходство их характеров и некоторых фактов их жизней. Привлекают внимание параллели между забавным (и зачастую дилетантским) мифологизированием собственной жизни ЕПБ и мастерским изобретательством в этой области Гурджиева. То, что Гурджиев был хорошо знаком с трудами ЕПБ и ее репутацией, известно из разрозненных высказываний и замечаний ученикам. При случае он даже шутливо заявлял, что у него были даже кое-какие личные отношения со Старой Леди. Иногда создается впечатление, что он брал ее жизнь за образец, но в любом случае каждое его изобретение оказывалось рангом выше. Если Блаватская просто путешествовала по таинственной Азии, то Гурджиев там даже родился; если Блаватская основала общество для изучения феноменов, то Гурджиев основал настоящую практикующую эти феномены эзотерическую школу; если она встречалась с Учителями, то Гурджиев сам называл себя Учителем. Если в данном случае речь и не идет о прямом наследстве, то, по крайней мере, можно сказать о некоторой наследственности или о том, что философ Людвиг Виттгенштейн назвал семейным сходством: набор признаков, предполагающих родство, но не обязательно доказывающих его.

Первые сорок лет жизни Гурджиева скрыты во мраке неизвестности и загадочности, который он рад был сгустить при каждом удобном случае¹⁷⁴. Подобно Блаватской и Ледбитеру, он обладал даром рассказчика и ничто не давало такой превосходной возможности его проявить, как наличие белых пятен в его собственной жизни. Даже дата его рождения неизвестна. Один из недавних исследователей называет 1873 год, другой 1877, третий – 1866, тогда как четвертый, указывая на 1874, все же считает наиболее достоверным промежуток между 1870 и 1886 гг. Неопределенность, которую Гурджиев никогда не стремился прояснить, способствовала его загадочной ауре. Как-то раз на американской таможне обнаружили, что в его паспорте вместо года рождения стоит

отдаленная будущая дата. «Это не ошибка, – сказал таинственный путешественник во времени, – исправляться придется вам»¹⁷⁵.

Что касается других дат жизни между рождением и встречей с Успенским, случившейся незадолго до революции, то мы располагаем только его собственными сообщениями, большинство из которых, кажется, заимствовано из фольклора Центральной Азии и «Тысячи и одной ночи». Однако, видимо, он, действительно, был сыном грека и армянки, родился в Александрополе (впоследствии Ленинакан в Советской Армении) и воспитывался в «отдаленном и очень скучном городке» Карее близ российско-турецкой границы.

Хотя городок и мог казаться его обитателю скучным, но регион был весьма беспокойным и опасным. В течение многих веков на него претендовали Российская и Османская империи, его пересекали кочевники и торговцы, здесь часто возникали межэтнические столкновения, политические конфликты и стихийные бедствия. Население в нем очень неоднородно по этническим, религиозным и языковым признакам – возможно, поэтому Гурджиев обладал способностями к языкам, даром перевоплощения и космополитическим духом. В маленьких городках, расположенных между долинами и горами, жили греки, армяне, турки, русские, курды, кавказские татары и грузины; местные религии охватывали очень широкий спектр – от несторианства до суфизма, от буддизма до шаманизма и даже почитания дьявола.

Гурджиев описывал своего отца как потомка некогда богатого и древнего рода, унаследовавшего огромное стадо, сильно поредевшее во время мора и разорившего своего владельца. После этого он занимался различного рода деятельностью – в том числе был и плотником, но все его затеи оканчивались неудачами, потому что Гурджиев-старший был слишком горд, чтобы наживаться на обмане. Сын не объяснял, рассказывая об этом, почему удачное предпринимательство обязательно должно основываться на махинациях (что, однако, делается понятным, если принять во внимание его собственный опыт).

Более важно то, что его отец был также и «ашугом», или поэтом и рассказчиком, знавшим наизусть большие куски эпических сочинений, включая и поэму о Гильгамеше. Ощутимая связь с прошлым действительно является таким наследством, с которым не сравнятся никакие богатства. Как говорил сам Гурджиев, он приобрел культурный опыт, который интерпретировал как сохранение Древней Мудрости в формах и ритуалах, значение которых давно забыто. Мы не можем знать наверняка, на самом ли деле Гурджиев в детстве слушал поэму о Гильгамеше – эта история вполне может оказаться плодом его богатого воображения. Но, как и в случае с Блаватской, это не так уж и важно. Важнее та роль, которую Гурджиев отводил собственному отцу в своей мифологии: благородный дикарь в духе Руссо, приобщенный к древнейшему источнику жизни.

Эта роль объясняет также и самый дорогой дар отца сыну: строгие правила воспитания, научившие его выживать в любом, даже враждебном, окружении. Раннее пробуждение и умывание холодной водой сопровождались суровыми наказаниями за непослушание. Идеи старшего Гурджиева о воспитании характера порой напоминают шутки о том, как школьников заставляют встать, подсунув им жабу в кровать, или о том, как сын должен держать ядовитую змею в руке, пока папа не закончит завтракать, – жестокость, за которую впоследствии люди благодарны своим воспитателям. Эти строгие методы позже ощутили на себе и его последователи.

Таким образом, молодой Гурджиев должен был вырасти человеком, умевшим постоять за себя. Как все города в том регионе, Каре и Александрополь делились на районы согласно социальному положению жителей, их обычаям и религиям, и мальчик, видимо, рано стал понимать эти различия. Несмотря на заявления о знатном происхождении, он вырос в бедности и вскоре научился браться за любую подвернувшуюся работу – от починки обуви до гипноза, приобретая по ходу дела ловкость, позже поражавшую интеллектуалов из среднего класса, собиравшихся вокруг него.

Образование ему пришлось получать самому, из разных источников. Сам он говорил, что посещал церковную школу в

Карее, пока настоятель собора не посоветовал отцу взять его из школы и давать ему уроки на дому, под тем предлогом, что программа школы якобы не подходит такому одаренному ученику. Его учителем стал сам настоятель, преподавший ему десять основных принципов правильной жизни (точность в цифрах характерна для Гурджиева), в числе которых были безоговорочное предписание почтительного отношения к родителям, добросовестность в работе, «бесстрашие к чертям, змеям и мышам» (достаточно непонятный принцип).

Закончив свое недолгое формальное образование, Гурджиев принялся путешествовать. Как ранее Блаватскую, дорога его привела (а может быть, и нет) в Тибет. Об этом рассказывается, что он действовал там инкогнито, под видом тибетского ламы, будучи вовлечен в какие-то политические интриги в качестве тайного агента русского царя. Называется даже его псевдоним Овше Нарзунов. По крайней мере, один современный автор отождествляет Гурджиева и Нарзунова. Его биограф более сдержан в своих предположениях, хотя и он не отрицает того факта, что Гурджиев мог работать тайным агентом под тем или иным именем¹⁷⁶.

Гурджиев не считал нужным распространяться на сей счет и говорил только, что был ранен в Тибете в 1902 г., когда изучал там оккультные дисциплины. Встретив через много лет в Нью-Йорке Ахмеда Абдуллу, члена небезызвестной экспедиции Янгхасбэнда, Гурджиев дал ему понять, что был тайным агентом (впрочем, свидетельства Абдуллы не менее сомнительны, чем высказывания самого Гурджиева)¹⁷⁷. Наверняка мы знаем только то, что ему нужно было на что-то жить, что он часто вовлекался в теневые дела и вполне мог быть связан с политическими интригами и мог выжить практически без всяких средств к существованию. Он умел привлекать к себе внимание различными тайнами и загадками.

Сам Гурджиев рассказывал, что юные годы провел в поисках таинственных Учителей Мудрости. Он описывает, например, во «Встречах с выдающимися людьми» свое намерение найти их в Египте, руководствуясь некоей загадочной картой, случайно обнаруженной им в отдаленном

селении. В этой книге перечисляются более или менее вероятные приключения, в которых даже курдская овчарка автора оказывается удивительным феноменом. Но археолог профессор Скридлов, духовный пилигрим князь Любоведский, Еким-бей, Богаутдин, Богачевский и другие так называемые Искатели Истины, встретившиеся ему на пути, важны сейчас только как аллегорические фигуры архетипического жизненного пути. Поскольку они скрыты за псевдонимами, то сейчас невозможно выяснить, существовали ли они на самом деле.

Фокус книги постепенно перемещается с Египта в Центральную Азию и северную Индию, где Гурджиев повстречал некоего отца Джованни, бывшего христианского миссионера, а ныне «полусвободного» монаха, члена некоего ордена в Кафиристане, одного из четырех орденов, существующих в Памире и Гималаях. Отец Джованни рассказывает о ритуалах и доктрине ордена «Мирового Братства», хотя непонятно, являются ли его члены искомыми Учителями Мудрости.

Путешествия Гурджиева напоминают о странствиях Блаватской. Единственное отличие заключается в том, что аристократке Блаватской вряд ли было легко исчезать с глаз публики и она не придавала особого значения правдობодобию своих рассказов, тогда как неизвестное происхождение Гурджиева, родившегося в Азии, позволяло ему сочинять любые истории о том, что с ним было, пока он не появился в поле зрения публики, и снабжать свои истории правдоподобными деталями. Очевидно, очень просто обозначить некоторые периоды своей биографии, когда его фигура не привлекала внимания широкой аудитории, годами оккультного ученичества или поисков Истины, если никто не знает о том, что было с ним «на самом деле»; но даже если и есть некие свидетели, то можно сказать, что они не знают происходившего «на самом деле», поскольку оккультизм по определению является тайным знанием. Это очень благодарная почва для различного рода притязаний. Нам говорят, что главное не видимость, но реальность, не феномен, а интерпретация, не исторический факт, а его значение. Подобные

заявления невозможно опровергнуть, если даже они и заставляют серьезно задуматься.

Ученики Гурджиева, старающиеся объяснить путь постижения Истины своим Учителем, по-разному описывали карту его путешествий и поисков как некую реальность, как притчу или как метафору духовных поисков. Сам он не давал по этому поводу никаких конкретных пояснений, и последователи считали, что его двусмысленные ответы на этот вопрос являются тоже своего рода испытанием, предназначенным для отделения глупцов от умных посредством определения их способности к интерпретации. Те, кто мог уловить истину в фантастических историях Учителя, тот и имел право обладать ею. Удивительно ли, что Гурджиев относился к своим ученикам как к овцам, предназначенным для стрижки шерсти?

В начале 1912 г. Гурджиев оказался в Москве, где обосновался в качестве торговца коврами и азиатской утварью. Впервые он вошел в историю, когда в своей биографии его упомянул англичанин Поль Дьюкс¹⁷⁸, а также в анонимном очерке «Проблески Истины»¹⁷⁹. Дьюкс, студент Московской консерватории, ставший агентом британской разведки, прочитал «Тайную доктрину» и экспериментировал со спиритуализмом. Его учитель по классу фортепьяно познакомил его с теософией и, посетив несколько эзотерических сект, он встретил Гурджиева и стал его первым иностранным учеником. Дьюкс и автор [авторами «Проблесков Истины», повести, целью которой было ознакомление читающей публики с некоторыми идеями Гурджиева, были два его ученика. См. об этом: П. Д. Успенский. В поисках чудесного. Гл. первая] «Проблесков Истины» похоже описывают свою встречу с Учителем – один в загородном доме, другой на грязной улице возле Николаевского вокзала – в обстановке полной секретности.

После того как они прибыли на место встречи, их провели темными переходами в плохо освещенное помещение, украшенное коврами и шальями, которые на восточный манер скрывали потолки; комната вообще была обставлена по-восточному. Анонимный автор упоминает лампу со стеклянным абажуром в виде лотоса и шкафчик со статуэтками из слоновой

кости, изображавшими Моисея, Магомета, Будду и Христа – пантеон тайных Учителей. В глубине комнаты, на оттоманке, глядя на посетителя проницательным, но отнюдь не недоброжелательным взором, сидел, скрестив ноги, молчаливый человек средних лет и курил кальян. Дьюкс при первой встрече застал Учителя игравшим в шахматы с загадочным бородатым гостем с высокими скулами и раскосыми глазами. Затем Гурджиев продемонстрировал ему дыхательные и голосовые упражнения, пропев молитву так, что у Дьюкса осталось ощущение легкого электрического удара.

В этом описании имеются параллели с Томасом Лейком Харри, которые возрастали по мере увеличения авторитета Гурджиева, но многое в сценах кажется заимствованным через Блаватскую у Бульвер-Литтона; очевидно, в то время Гурджиев культивировал образ неопределенного мистического «восточного человека» наподобие вымышленного Фу Манчу или реальной Блаватской. Позже Гурджиев отбросил театральные декорации и предпочитал производить впечатление исключительно своими личными силами, хотя сохранил слабость к персидским коврам. Театр много значил в жизни Гурджиева. Он словно всегда играл на сцене. Если такое поведение и порождало сомнения у некоторых окружающих, то оно же производило на других чарующее впечатление. Несмотря на дилетантизм обстановки, уже тогда учение Гурджиева базировалось на вполне серьезных вещах. Он обучал дыханию и постановке голоса Дьюкса, который продолжал посещать его занятия в течение нескольких лет.

Первая встреча Успенского с Гурджиевым была не столь многообещающей. В конце 1914 г. Успенский вернулся из довольно длительного путешествия по Египту, Цейлону и Индии в Москву и продолжил редакторскую работу в газете, для которой писал статьи из Индии. Однажды, готовя очередной номер, он обнаружил в одной из газет упоминание о сценарии балета «Борьба магов» и включил перепечатку этой статьи в свою газету. Однако познакомились они только весной следующего года при содействии их общего друга, скульптора

Меркулова (который, возможно, был двоюродным братом Гурджиева)¹⁸⁰.

Они встретились весной 1915 г. в небольшом московском кафе, на шумной, хотя и не центральной улице. Успенский увидел «человека восточного типа, уже немолодого, с черными усами и пронзительными глазами; более всего он удивил меня тем, что производил впечатление переодетого человека, совершенно не соответствующего этому месту и его атмосфере... с лицом индийского раджи или арабского шейха...»¹⁸¹.

Гурджиев, сразу же произведший на Успенского впечатление человека, «который знал и мог сделать все»¹⁸², излагал свои идеи обдуманно, размеренно и с чувством собственного достоинства. Он оказался не только знающим, но более того, он знал, что является важным, а что нет. Когда он рассказывал о чем-то, то все казалось взаимосвязанным; он говорил так, словно ощущал целостность мироздания; каждая реплика предполагала наличие единой последовательной системы, вырастающей из самой природы реальности. Безо всяких церемоний он охотно обсуждал самые глубокие проблемы с новым знакомым и высказывания его находили отклик у Успенского, одержимого поисками эзотерической школы. Гурджиев дал понять, что Успенский наконец-то нашел нужного человека: он действительно связан с истинной эзотерической традицией.

Но хотя личность Гурджиева и привлекала Успенского, сомнения не оставляли его. Такое отношение станет обычным для последующих лет. Стремясь понять это противоречие и чувствуя, что его новый друг – актер, никогда не показывающий своего настоящего лица, Успенский был смущен не на шутку. Любая игра обычно пахнет фальсификацией и обманом; в случае с Гурджиевым она только усиливала его авторитет. Этот человек создавал впечатление такой силы и достоинства, которые подавили привередливого Успенского и его неприязнь к тому, что иначе он мог бы назвать шарлатанством, – чрезмерно «загадочная» манера поведения, намеки на оккультное знание, самоуверенность. Невозможно было отличить силу от слабости,

и Успенский не мог определить, является ли эта театральность своего рода свидетельством подлинности, потому что самозванец давно бы уже запутался в собственных построениях. Позже он пришел к заключению, что к Гурджиеву нельзя применить обычные стандарты, что шутки и неопределенности входят в его план испытания посвящаемых и что источник силы Гурджиева лежит в его естественности и простоте.

И все же, когда они оставили кафе, чтобы встретиться с последователями Гурджиева в большой пустой квартире, расположенной над школой городской управы, Успенского поразило странное несоответствие между грандиозной целью пути к чудесному и учениками Гурджиева, представлявшими собой небольшую группу молодых людей из небогатой московской интеллигенции. Когда Успенский спросил их о том, какую систему они изучают, они давали самые неопределенные ответы, говоря же о «работе над собой», не объясняли, в чем она заключается. Успенский даже ощущал в них нечто рассчитанное и искусственное, словно они играли заранее выученные роли. Гурджиев также сообщил, что в Москве у него две, не связанные между собой группы учеников, и он берет с них плату на том основании, что люди обычно не ценят то, что достается бесплатно.

Эта непонятная встреча с учениками Гурджиева только усилила сомнения Успенского. Он понимал, что Гурджиев старается произвести на него впечатление как на преуспевающего литератора, редактора газеты и известного лектора по эзотерическим темам. Понятно, что публикации о школе никому не известного Гурджиева могли бы послужить неплохой рекламой. Было также совершенно очевидно, что у его учеников нет тех денег, которые необходимы Гурджиеву. Успенский сомневался: уж не используют ли его для привлечения более богатых учеников? Но несмотря на все подозрения, он признал Гурджиева Учителем. Потому что все разумные доводы меркли перед экстраординарным чувством: присутствие Гурджиева заставляло этого обычно уравновешенного интеллектуала смеяться, кричать и петь,

«словно я сбежал из школы или из какого-нибудь исправительного учреждения»¹⁸³. Вскоре он стал встречаться с Гурджиевым каждый день.

На этих встречах выяснилось, что «работа над собой» подразумевает не только изучение системы Гурджиева – что было практически невозможно: каждый раз, когда казалось, что ты наконец все понял, появлялись новые повороты. Гурджиев делал это намеренно – было бы ошибкой делать процесс познания истины слишком легким. Он также требовал от учеников подчинения его воле, и чем охотней они подчинялись, тем требования его становились агрессивней и капризней. Успенский узнал об этом на собственном опыте, когда зимой 1915 г. он приехал в Петербург, чтобы сформировать группу для воплощения принципов Гурджиева на практике. Через каждые две недели его учитель приезжал из Москвы, чтобы произнести речь, а организацию места встречи и собрание публики оставлял на усмотрение Успенского или бросал его в последнюю минуту, отправляясь в ресторан или решив заняться продажей ковров. Привыкшему к порядку Успенскому это, вероятно, было настоящей пыткой. Тем не менее ему удалось собрать группу из 30–40 человек. Некоторые вскоре стали преданными учениками Гурджиева, другие покинули группу.

Чем же занимались эти ученики? Большую часть времени они слушали Гурджиева, объяснявшего им космологию и психологию, как это описано в книге Успенского «В поисках чудесного». Система Гурджиева поразила Успенского тем, что она соответствовала тому, что он искал: детальная, размеренная, связная и всеобъемлющая. Казалось, что Гурджиев в буквальном смысле слова обладает ответами на все вопросы и может показать, как одно явление связано с другим. Но более важна была практическая часть обучения.

Объясняя, почему Успенский не мог найти подобной практики, Гурджиев говорил, что с древних времен индусы обладали монополией на духовную философию, египтяне – на духовную теорию, а персы или жители Месопотамии на духовную практику. Регион «Туркестан», из которого был родом

сам Гурджиев, был, таким образом, причастен к духовной практике, и, значит, Гурджиев наследовал древнюю традицию.

Чтобы доказать это, он давал ученикам задания. Эти задания, входившие в понятие «работа над собой», о которой говорили Успенскому в первый раз, включали в себя пение и дыхательные упражнения, описанные Дьюксом, а также различные движения, призванные скоординировать умственные, духовные и физические способности. Эти упражнения составляли важную часть обучения и указывали на значительный разрыв с теософией. Ядро доктрины Гурджиева составляет представление об интеграции всех жизненных сил в целях обеспечения их гармонии друг с другом и со всем космическим порядком, так, чтобы каждый ищущий научился по-настоящему быть. Эта идея привлекала Успенского, который некогда принимал теософский идеал эзотерического знания как пути к духовному просветлению. Но реальное знание, согласно Гурджиеву, есть функция бытия. То, что человек знает непосредственно, зависит от того, что он собой представляет. Делая различие между истинным бытием и поверхностным существованием личности, Гурджиев рассматривает свои упражнения как способ ослабить влияние приобретенных в процессе социализации черт характера и восстановить фундаментальный смысл бытия, адекватно воспринять которое нам мешают ложная личность и формирующие ее привычки¹⁸⁴.

А тем временем все более беспокойной делалась жизнь в условиях предреволюционной России. Бытовые трудности, несогласованность, некомпетентность гражданских и военных властей, ужасные жестокости войны все это провоцировало бунты и социальные волнения. Доверие населения к правительству, и без того неустойчивое, пропало окончательно. В самом деле, не кажется ли странным, что находились люди, интересовавшиеся эзотерикой, когда стало проблемой простое выживание и обеспечение своего будущего?

Или же именно это беспокойство и провоцировало интерес к учению Гурджиева? Может быть, люди искали человека, способного объяснить хаос, придать ему видимость

закономерности или даже – что более важно – помочь поставить себя выше всех повседневных забот.

Гурджиев, как и Штейнер, видел причину войны в действии оккультных сил, точнее во враждебном планетарном влиянии¹⁸⁵, но заявлял к тому же, что люди, будучи такими, каковы они есть, не могут влиять на ход событий, независимо от того, крестьяне они или министры. События происходят сами собой¹⁸⁶. Большинство людей ведут себя как марионетки или лунатики, бессмысленно направляясь к пропасти. Поэтому в этих условиях единственно правильным было игнорировать внешний хаос и стараться сохранить порядок внутри себя. Только освободив себя от необходимости так или иначе оценивать внешнее, можно надеяться на обретение чего-то подлинного посредством переживания бытия. Влияние этой утешительной и фаталистической доктрины у учеников подкреплялось верой в Учителя. Его поведение могло временами им казаться своевольным, но только потому, что логика его поступков была им недоступна. Лишенные других средств поддержки, они не видели никаких оснований для того, чтобы не верить Гурджиеву.

Несмотря на активное увлечение, Успенский оставался скептиком. Проходили месяцы, а методы Гурджиева не приносили ему ожидаемых результатов. Тем более что они были крайне странными. По мере роста группы в 1916 г. Гурджиев сменил практику бесед интенсивной групповой терапией. Ученикам, приходящим за эзотерическими знаниями, говорилось, что все их мысли об оккультизме и мистицизме были сущей ерундой, что они не обладают никакими профессиональными достижениями и личными талантами, а потому единственное, что им остается, это отказаться от всяких претензий и надеяться познать свою настоящую сущность. Этого знания не получить с помощью медитации или обучения, а только посредством прилежной работы в группе и выполнения указаний Учителя. Им также показывали движения, с которыми Гурджиев якобы познакомился в отдаленных монастырях во время своего путешествия по Центральной Азии, а также более изнурительные умственные и физические упражнения. По мере

ухудшения общего положения в стране практика Гурджиева становилась тоже все более строгой. Более того, он заставлял учеников признаваться в своих недостатках – иногда наедине с ним, но чаще всего публично, требуя исповеди в своих ошибках и особенно оскорбляя тех, кто пытался ему угодить. Он даже поощрял их ссоры, как средство отхода от обычных представлений, являющихся частью сковывающей человека индивидуальности.

Целью этих методов было включение самонаблюдения и «самосознания», пробуждение от сна и понимания своей истинной сущности. Только осознав свою сущность, человек мог перестать быть человеческим механизмом. Различие, проводимое Гурджиевым между сущностью и личностью (ложной индивидуальностью, формируемой внешними условиями и окружением), имеет под собой то основание, что большинство людей воспринимает себя ложно, будучи восприимчиво к внешним влияниям. До тех пор, пока человек не догадывается о своей ложной личности, он не может узнать своей истинной «сущности». Это отнюдь не легкий и совсем не приятный процесс. В его осуществлении человеку способны помочь только стресс, боль, напряжение и конфликты. Таким образом, можно сказать, что режим Гурджиева был чем-то вроде шоковой терапии.

Его ученики приходили в замешательство. Эти методы радикальным образом отличались от увлекательного изучения оккультизма или теософии, с которыми многие были знакомы, и потому большинство скоро покидало Гурджиева. Другие соглашались с тем, что ученики должны во всем подчиняться Учителю, сколь внешне нелепыми ни казались бы его требования, лишь бы это способствовало духовному прогрессу. Такая слепая вера, по мнению Гурджиева, сама по себе была очередным барьером, который следовало преодолеть, но и знаком готовности к «работе». Успенский оказался в числе тех, кто согласился с требованиями, хотя и не мог до конца отделаться от интеллигентских сомнений по поводу абсолютного подчинения.

Летом 1916 г. ядро группы переехало в финский загородный дом, принадлежавший одному из членов для интенсивного обучения. К этому времени среди учеников Гурджиева были математик А. А. Захаров, специалист по психическим болезням доктор Стюрнваль, который стал (по словам его жены) новым преданным рабом Учителя; один из пациентов доктора Стюрнваля; подруга Успенского Софья Григорьевна и г-жа Островская из Польши, ставшая впоследствии женой Гурджиева.

Атмосфера в Финляндии была напряженной. Небольшая компания стала объектом нездорового любопытства и вызвала нелепые слухи, которые сопровождают такие группы даже в лучшие времена, тем более что во главе ее находился человек, который вел себя крайне неосторожно. К тому же шла война, в России не хватало продовольствия, и такие поездки стали тяжелым предприятием. Но именно эти условия как нельзя более подходили для школы Гурджиева – к тому же некоторые, включая Успенского, к тому времени проводили кратковременные опыты с постом, выполняя и другие предписания Учителя. В результате они стали в высшей степени подвержены постороннему влиянию, и Успенский обнаружил, что находится в непосредственном психическом контакте с Учителем, слышит его голос внутри себя и отвечает на задаваемые им вопросы, которые не слышали другие ученики.

Как можно понять, читая Успенского, на этом этапе Гурджиев показывал, что лучшие его ученики либо сами могут уйти и уступить дорогу другим, либо их заставят убраться. Провоцировать или даже прогонять учеников стало любимым развлечением Гурджиева и одним из самых мрачных аспектов его подхода. Многие, неспособные обойтись без поддержки Учителя, умоляли позволить им вернуться, и некоторым на какое-то время это позволялось, но потом он снова распускал группу или заставлял уйти, делая дальнейшее пребывание невозможным. Успенский вернулся в Петербург, где на протяжении нескольких недель продолжалось его телепатическое общение с Гурджиевым, или, по крайней мере, ему так казалось. Каковы бы ни были природа и характер этого

явления, оно, конечно, свидетельствует об окончательном подчинении Успенского своему Учителю.

Начало истинного эзотерического обучения Успенского совпало с последним периодом его жизни в России. В октябре 1916 г. его ненадолго призвали в армию в саперные войска. Приблизительно тогда же он начал совместную жизнь с Софьей Григорьевной, имевшей дочь, хотя они так никогда и не поженились. В группу продолжали приходить новые ученики, но оставаться в российской столице стало невозможно. Страна начала окончательно разваливаться, и политический кризис достиг крайней степени. В феврале Гурджиев переехал в Москву. Неделю спустя царь отрекся от престола и сформировалось Временное Правительство. 16 апреля на Финский вокзал Петербурга прибыл Ленин, и началась подготовка к Октябрьской революции.

Глава 10. Путешествия

Неблагоприятные условия шли на пользу Гурджиеву, и экстремальные события 1917 года только способствовали реализации его личности. Покинув Москву весной этого года, чтобы посетить свою семью в Александрополе, он через некоторое время вызвал на юг своих учеников¹⁸⁷. Многие последовали за ним. Успенский приехал в июне, потрясенный зрелищем массовой казни, которой был свидетелем на вокзале в Тбилиси. К июлю оба собирались вернуться в Петербург, но Гурджиев передумал и в последнюю минуту остался в Ессентуках, находящихся на развилке железной дороги к Черному морю, отправив Успенского в столицу одного. Тот должен был собрать учеников и ехать с ними на юг.

Вскоре Успенский вернулся. С ним были Захаров и супруги Гартманны, присоединившиеся к группе незадолго до этого. Композитор и блестящий пианист Томас Гартманн, как и Блаватская, происходил из обрусевших немцев, эта пара стала ценным приобретением Гурджиева. Ольга готовилась к карьере оперной певицы, а ее муж был известен как автор балета «Розовый цветок», который шел в Императорской Опере с участием Нижинского и Карсавиной. Богатые, очаровательные и независимые, Гартманны легкомысленно прибыли на юг с двумя экипажами чемоданов и в сопровождении горничной. Социальный статус учеников Гурджиева заметно повышался.

Сначала группа обосновалась в Ессентуках, где руководитель снял дачу и установил распорядок жизни.

В обстановке внешнего хаоса Гурджиев создал аристократическую коммуну, члены которой совмещали работу по дому с выполнением упражнений, дискуссиями и танцами – под бдительным наблюдением Учителя. Ранее, во время кратких посещений своих загородных имений, физическая работа была всего лишь частью развлечений этих представителей высшего сословия, поскольку для этого имелась прислуга. Рубка дров, приготовление пищи, занятия садоводством и уборка дома были знакомы им только по

толстовской проповеди физического труда как способа морального усовершенствования. Теперь им пришлось трудиться по-настоящему. Духовный рост и самоограничение оказались синонимами.

Сам Гурджиев спал очень мало и того же требовал от учеников. В лучшем случае им удавалось поспать пять часов в сутки. Когда члены группы не работали в саду, не были заняты по дому или не ходили за покупками на рынок, они совершали длительные пешие прогулки, выполняли физические упражнения и дыхательную гимнастику. Суровый аскетизм быта изредка прерывался неожиданными приступами щедрости, когда Учитель давал своим преданным последователям поблажки – отдых от трудов или восхитительный обед, – что-нибудь ставшее редким в условиях анархии и недостатка самого необходимого. В лучшие времена эти обеды, пожалуй, могли бы занять центральное место в распорядке дня. Учитель восседал бы за столом, ломившимся от экзотических блюд и огромного количества коньяка, похожий сразу и на вождя племени, и на главу почтенного семейства, то снисходя до своих приверженцев, то поддразнивая их, а то и вовсе игнорируя. Долгое ритуальное сидение за столом, прерываемое пышными тостами, убеждало учеников, что в их Учителе и впрямь есть нечто божественное, что он воплощает в себе высшее знание, мудрость и правосудие, защищая их от зла и извлекая щедрые дары прямо из воздуха.

В августе 1917 г. Гурджиев с большинством учеников переехали из Ессентуков в Туапсе, курортный город на берегу Черного моря. Успенский тем временем вернулся в столицу, чтобы спасти хоть что-то из имущества и собрать оставшихся учеников. Политическая ситуация все время менялась, и Гурджиев, возможно, намеренно держался ближе к побережью, чтобы не застрять внутри страны. Прибыв в Туапсе, он заявил Гартманнам, что собирается идти пешком в Персию – что подразумевало длительное и опасное путешествие через зону военного конфликта. Он сказал, что можно зарабатывать себе на жизнь хоть дробя камни на дорогах. Кто пойдет с ним? Захаров и Гартманны, будто загипнотизированные и уже не

способные позаботиться о себе самостоятельно, решили идти с ним. Другие предпочли остаться.

Под предводительством Гурджиева небольшая группа шла пешком несколько дней по горным тропам, стирая ноги и разрывая одежду, но оказалась в другом причерноморском селении неподалеку от Туапсе – они, как оказалось, шли по кругу. Наконец они вышли к берегу, и тут Томас Гартманн заболел брюшным тифом. Гурджиев поспешно вызвал Успенского и Стьорнвалей. К тому времени, когда Гартманн выздоровел и смог ходить, Кавказ затронула Гражданская война; и, чтобы убежать от нее, группа постоянно передвигалась в течение нескольких месяцев. Наконец они осели в Ессентуках, изможденные путешествием и к тому же лишенные всей собственности, конфискованной большевистским правительством.

В феврале 1918 г. Гурджиев написал обращение ко всем ученикам, призывая их присоединиться к нему в Ессентуках, где должна была собраться его семья. В коммуне возобновился прежний режим: танцы, упражнения, тяжелый труд и периоды молчания; к этому добавилась музыка Туркестана и фокусы, которым Учитель обучился во время путешествий. Группа теперь насчитывала свыше сотни членов из настолько различных слоев общества, что дело доходило до абсурда: изящные дамы беспокоились об оставшихся драгоценностях, армянские крестьяне толковали о яйцах и муке, а интеллигенты пребывали в поисках духовной истины, но абсолютно все обсуждали смысл жизни. Гурджиев давал духовные наставления и грыз семечки, обдумывая план действий, который помог бы ему организовать всех этих людей.

Состав группы постоянно менялся – одни приезжали в Ессентуки, другие уезжали. В июле 1918 г. в расположенные поблизости Минеральные Воды прибыли сестра Гурджиева с мужем и совершенно исхудалыми детьми. От Александрополя только по прямой было свыше четырехсот миль, и им постоянно угрожали как солдаты регулярных армий, так и вооруженные бандиты. Они принесли известие о том, что турецкая армия захватила Александрополь, и турки вырезали большинство

армянского населения; в числе жертв был и отец Гурджиева, отказавшийся покинуть родной дом. Оставшиеся в живых бежали.

Группе не доставало Успенского: когда в августе 1918 г. Гурджиев на некоторое время оставил Ессентуки и потом вернулся на Черноморское побережье, Успенский не последовал за ним. Трудно определить, что двигало им, время, казалось бы, было совсем не подходящим для разрыва. Сам Успенский утверждал позже, что больше не верит Гурджиеву – хотя все его поведение доказывает обратное. В течение целого года они жили и работали вместе; но если Успенский все больше верил в то, что он называл Системой, то Учитель вызывал у него все более сильные подозрения. Эти два человека все-таки были несовместимы, и те черты, что некогда привлекли Успенского к Гурджиеву, теперь отталкивали его. Кроме того, оба обладали весьма деспотичными характерами и не терпели, когда ими командовали. Несмотря на эмоциональную уязвимость, Успенский был высочайшим интеллектуалом и находил в поведении Гурджиева множество противоречий. В конце концов он пришел к выводу, что разумней всего отделить Учение от конкретной личности и предположить, что все ценное в доктрине принадлежит традициям древней школы, в которых был воспитан Учитель, и не зависит от самого Учителя. Таким образом, Успенский надеялся развивать Систему Гурджиева, освободив ее от злоторного влияния самого Гурджиева – так, по крайней мере, ему казалось.

Гражданская война приближалась, и Гурджиев строил планы окончательного ухода из этого региона вместе с небольшим отрядом учеников. Его семья и другие ученики решили остаться. Необходимо было представить большевистским властям основания путешествия в столь беспокойное время, и Гурджиеву удалось убедить их в том, что он является руководителем археологической экспедиции. Как бы между прочим он намекнул на возможность найти золото. Ему поверили. Этот факт подтверждает его способность убеждать (или давать взятки – кто теперь скажет наверняка!).

Ему не только выдали необходимое разрешение, но даже снабдили снаряжением – палатками, лопатами и топорами. По совету Успенского Гурджиев попросил и спирт, якобы для технических нужд. Ему дали и спирт, несмотря на всеобщую нехватку продовольствия. Во вторник 6 августа 1918 г. экспедиция, состоявшая из пятнадцати человек и осла, покинула Туапсе в железнодорожном вагоне и двинулась со скоростью четыре мили в час.

Через какое-то время они добрались до Майкопа, располагающегося в ста милях к северо-востоку от побережья, но тут оказалось, что анархисты взорвали железную дорогу и Белая армия сражается с красными за город. Машинист предусмотрительно покинул поезд, предоставив пассажирам самим заботиться о себе. Наши герои нашли заброшенное крестьянское хозяйство и возобновили прежний распорядок жизни. Осел пасся, люди трудились, но отдаленная канонада напоминала о продолжении войны. Вся местность была заполнена беженцами самых разных сортов, размышлявших, куда бы податься. Гартманн встретил знакомого офицера гвардии, ставшего бродягой, а доктор Стьорнваль финна, ставшего буддистским монахом и направлявшегося в Индию.

Через три недели сельской жизни стало ясно, что необходимо двигаться дальше. Белогвардейцы взяли Майкоп и повесили всех подозреваемых в связи с большевиками. Вскоре город отбили красные и расстреляли всех царских приспешников. Стало ясно, какую бы сторону ни принять, опасности не миновать. Гурджиев придумал было написать плакаты, на двух сторонах которых были размещены прямо противоположные лозунги, приветствующие обе враждующие стороны, чтобы переворачивать их время от времени, но все эти фокусы вряд ли могли обеспечить безопасность. Необходимо было покинуть Россию. Значит, предстояло вновь пересекать причерноморские холмы. Железная дорога теперь для этого не годилась. Пришлось переложить все вещи на телеги и идти пешком.

Несколько раз группа пересекала линии фронтов. Днем они собирали дрова, грибы и ягоды, а ночью спали в палатках,

предоставленных им большевистскими властями в Ессентуках. По пути они обнаружили несколько «дольменов» – неизвестно, знал ли Гурджиев о них заранее, – в качестве подтверждения статуса археологической экспедиции, если бы возник такой вопрос.

Наконец в октябре 1917 г. они дошли до Сочи, спустясь с холмов «на собственных задницах» по предложению Гурджиева. Они снова совершили круг. Сняв комнаты в лучшей гостинице, Гурджиев попросил Ольгу Гартманн спеть арию из «Лакме», как если бы все опять было в полном порядке. Не такая уж и трудная задача после всего того, что ей пришлось делать.

Через несколько дней группа стала распадаться – по предложению Гурджиева или по личным соображениям, – неизвестно. С Гурджиевым остались только Юлия Островская, Стюрнвали и Гартманны. Но в Сочи было так же беспокойно, как и везде. Большевики не угрожали городу, зато опасность представляли добившиеся независимости грузины и белогвардейцы. В январе 1919 г. маленькая группа вновь пустилась в странствия – перебралась на пароходе в Поти и достигла Тбилиси, где (согласно «Встречам с замечательными людьми») тридцать лет назад Гурджиев работал железнодорожником. Очень скоро он снова стал торговать коврами, и в его деятельности ему помогал тесть его брата, весьма кстати оказавшийся местным архиепископом. Доктор Стюрнваль начал заниматься медицинской практикой, а Гартманны занялись музыкой – Томас в консерватории, а Ольга в опере, где ей дали партию Микаэлы в «Кармен». У нее появились признаки туберкулеза, но Гурджиев вылечил ее, посоветовав есть ветчину и спать на холодной веранде.

Неустанный организатор сразу же начал переговоры с грузинским правительством по поводу учреждения своего «института». Время импровизированных групп закончилось, Гурджиев теперь хотел основать настоящую школу и получить официальное признание.

Проведя всю жизнь в делах и устройстве, он с удовольствием включился в процесс переговоров. Опыт с

шатким грузинским правительством пригодился ему в дальнейшем, когда ему пришлось обращаться с более грандиозными проектами к правительствам Франции, Германии, Британии и Америки. Пока же грузины, очевидно польщенные мыслью, что благодаря усилиям Гурджиева их столица превратится в центр мировой культуры, предоставили ему здание в Тбилиси, которое он пышно назвал Институтом Гармоничного Развития Человека. Институт этот вскоре закрылся из-за отсутствия интереса у публики, несмотря на шумные заявления о том, что он уже имеет отделы во многих великих городах мира – включая Бомбей, Кабул, Александрию, Нью-Йорк, Чикаго, Москву, Христианию, Стокгольм и Ессентуки.

В объявлениях и проспектах, помимо лживой саморекламы, присутствовала и своеобразная программа обучения, основанная на теории Гурджиева о личности, согласно которой человек обладает тремя центрами – физическим, эмоциональным и интеллектуальным. Целью работы института было – в этом Гурджиев, пожалуй, оказывался ближе к терапевту, чем к оккультисту привести эти центры в гармонию друг с другом и достичь самопознания.¹⁸⁸

Согласно Гурджиеву, признававшему равные права этих центров, существует три традиционных пути пробуждения «человеческой машины» от сна и, следовательно, роста сознания: путь факира, который концентрируется на физическом развитии; путь монаха, концентрирующийся на эмоциональном развитии; и путь йога, концентрирующийся на интеллектуальном развитии. Но в отрыве друг от друга эти пути односторонни и недостаточны. Во время своих легендарных странствий по Центральной Азии Гурджиев якобы изучал Четвертый Путь, гармонично сочетающий в себе все три подхода¹⁸⁹. Если гармония казалась несерьезной целью для тех, кто привык к сражениям и борьбе, то Гурджиев доказывал, что обыденное представление о гармонии скорее соответствует сну, тогда как настоящая гармония не есть отсутствие противоречий и разногласий, но объединение различных сил в активной деятельности.

Хотя Гурджиеву и не удалось основать институт, он продолжал заниматься священными танцами. Декорациями и световыми эффектами постановки «Кармен», в которой участвовала Ольга Гартманн, руководил Александр Зальцман, чья жена, Жанна, быстро стала одной из самых восторженных последовательниц Гурджиева. Зальцман родился в 1874 г.; он интересовался многим, в том числе джиу-джитсу, целительством и оккультизмом. Друг Кандинского, в разные времена он побывал лесником, изобретателем и даже монахом Бенедиктинского Ордена. Жена, намного моложе его (родилась в 1889 г.), была танцовщицей и обучалась в школе Эвритмики под руководством Эмиля Жак-Далькроза в Хиллерау возле Дрездена¹⁹⁰. Когда Гурджиев появился в Тбилиси, она давала уроки танцев по системе Жак-Далькроза. Заинтересовавшись идеями нового друга мужа, она стала готовить свой класс к постановке «Священных Танцев, которые практиковались издревле, но никогда не представлялись публично». Представление состоялось 22 июня 1919 г. в оперном театре Тбилиси.

Тем временем Ольга Гартманн совершила поездку в Ессентуки. Этой весной брат Гурджиева, Дмитрий, приехал в Тбилиси из Ессентуков. Оказалось, что его мать и сестра пережили эпидемию, голод и чистки. Большинство вещей членов группы было похищено либо продано, однако несколько ковров и миниатюр Ольги сохранились, и Ольга, бывшая одним из самых преданных последователей Учителя, отправилась их спасать через зону боевых действий. Впоследствии она оценивала эту поездку, как и все, что было связано с Гурджиевым, в качестве своеобразного практического урока. Точно так же понимали кавказские походы и все другие верные ученики Гурджиева.

Менее доверчивому Успенскому также пришлось проверить свои способности к выживанию. Через несколько дней после ухода Гурджиева Ессентуки оказались в поле действия Гражданской войны, за город сражались белые и красные, а неожиданные рейды казаков дополнительно терроризировали местное население. Успенский решил действовать в манере

Гурджиева – он выпросил комнату в местной школе, собрал в ней все книги, какие только мог найти, и объявил это место Библиотекой совета Ессентуков, прибавив соответствующую табличку. Это придало ему некоторый официальный статус и, возможно, спасло жизнь. Он голодал, но всеми силами старался не опуститься. В одной из своих статей, помещенной в английском журнале и описывающей обстановку в России того времени, Успенский писал: «Я жив до сих пор, потому что храню свои ботинки, брюки и другие предметы одежды – этих «старых товарищей». Когда их существованию придет конец, то скончаюсь и я»¹⁹¹. Его другу Захарову повезло меньше, он умер от оспы в Новороссийске в ноябре 1919 г.

В июле того же года, через десять месяцев страданий и штурмов, в Ессентуки вошли войска генерала Деникина, командующего Белой гвардией. Успенский стал советником майора Пайндера, главы Британской Экономической делегации при армии Деникина. Об Успенском ему сообщил друг, англичанин А. К. Орейдж¹⁹², опубликовавший шесть «Писем из России» Успенского в своем журнале «Нью Эйдж» в номерах с сентября по декабрь 1919 г. Военно-политическая ситуация была настолько нестабильна, что красные вскоре захватили самого Пайндера, и он едва избежал казни, после чего они оба с Успенским решили уехать как можно дальше от войны и отправились морем на Запад. В марте 1920 г. Успенский прибыл в Константинополь.

Гурджиев тем временем формально закрыл Институт Гармонического Развития Человека в Тбилиси и решил не повторять постановку балета. Времени для танцев не оставалось – он всерьез думал над тем, как побыстрее покинуть Грузию. Пайндер, назначенный культурным атташе Британии при недолговечном грузинском правительстве, проезжая через Тбилиси, выпил вместе с Учителем бутылку «Джонни Уокера», и вскоре им обоим пришлось оставить грузинскую столицу. Компаньоны Гурджиева продали остававшееся у них имущество и вложили средства в ковры; Гартманны прекратили занятия музыкой, и все отправились в Батум. Там им с трудом удалось сесть на пароход. Все места были заняты, и, пока они

уговаривали взять их, солдаты украли большую часть их багажа. Однако они все-таки смогли купить билеты, и 7 июля 1920 г. Пайндер, Гурджиев и около тридцати его последователей добрались до безопасного Константинополя¹⁹³. Здесь Успенский и Гурджиев снова встретились. В Россию им не суждено было вернуться.

Столица Турции была заполнена беженцами и официальными представителями западных держав, ожидавших развала Османской империи. Турция воевала на стороне Германии, потом вступила в переговоры с союзниками, и теперь Франция и Великобритания стремились укрепить свое влияние, основав здесь военные миссии. Предполагалось, что миссии способствуют сохранению порядка в беспокойном регионе, но фактически они вели борьбу за утверждение интересов своих стран. Юг России, Турция и Балканы представляли собой сплошной хаос; Центральная Азия, казалось, вскоре будет расчленена на «сферы влияния». Кроме Гражданской войны в России, все глубже затрагивавшей Крым, Кавказ и Азию, по всей агонизирующей империи прокатилась волна этнических конфликтов. В Турции султан еще сидел на троне, но оставалось совсем недолго до провозглашения республики.

Гурджиев, говоривший что он ранее, в поисках Четвертого Пути, посещал Константинополь и был знаком с местными дервишами¹⁹⁴, поселился все же в районе Пера, где жили русские эмигранты, обычно встречавшиеся в кафе. Среди них был и Успенский, который снимал квартиру на Принкипо и содержал себя и Софью Григорьевну с дочкой уроками английского языка и математики. Осенью 1920 года белогвардейцы потерпели окончательное поражение и отступили за Черное море, а вместе с ними бежали и тысячи русских эмигрантов, образовавших своего рода город в городе.

Если для других это было настоящим бедствием, то для Гурджиева ситуация оказалась даже выгодной. Зарабатывая целительством и предпринимательством, он и здесь возобновил попытки основать институт, вступив в переговоры с официальными лицами по поводу получения помещения. Осенью 1920 г. он уже читал лекции и репетировал священные

танцы. С учениками теперь было труднее, чем с комнатами, но таковых ему поставил Успенский, которому было совсем не так просто, как казалось вначале, порвать с Гурджиевым. Успенский к тому времени уже работал над Системой и имел больше двадцати учеников, с которыми встречался в белогвардейском клубе. Несмотря на все свои опасения, он покорно передал свою группу Гурджиеву, а сам приступил к привычному занятию – пропаганде взглядов Учителя.

Оба продолжали к тому же бесконечную работу над «Битвой магов», сочиняя текст сценария и стихи, соответствующие музыке «теккес» (монастырей дервишей, которых только в Константинополе тогда насчитывалось более 250). Томас Гартманн также занимался «Битвой», обрабатывая музыкальные фрагменты, предоставляемые Гурджиевым. Но это воссоединение было для Успенского совсем недолгим. Летом 1921 г., через двенадцать месяцев после приезда Гурджиева, он уехал в Лондон.

Но его помощь уже и не требовалась Гурджиеву, который приобрел новых последователей и учеников – не только среди эмигрантов. Многие находили его личность интригующей или зловещей – он привлекал внимание даже на фоне такого экзотического города, как Константинополь. Среди его знакомых был даже племянник султана, принц Мехмет Сабехеддин¹⁹⁵. Позже Сабехеддин сообщил одному из своих друзей, что знал Гурджиева еще с 1908 г., что кажется вполне реальным, принимая во внимание участие того и другого в различных темных делах. Они могли быть знакомы даже через «Дашнакцутюн» армянское тайное общество, боровшееся с турецкими властями. Несмотря на принадлежность к правящей фамилии, принцу нравилось участвовать в интригах, и он был даже сторонником оппозиции «младотурок», которых подозревали в заговорах против существующего строя. За участие в одном таком заговоре в 1913 г. его заочно приговорили к смертной казни. Во время войны он жил преимущественно в Европе, но в 1918 г. его дядя, Мехмет VI, признал принца своим наследником, и тот вернулся в

Константинополь и поселился на вилле Куру-Чесме с видом на Босфор.

Именно там в январе 1921 г. с ним обедал Гурджиев. Принц Сабехеддин был невысокий меланхоличный человек средних лет; он носил фрак и феску. Он интересовался восточными религиями и западной политикой. Обратив внимание на теософию и антропософию, он вступил в переписку с Рудольфом Штейнером и Эдмондом Шюре; кроме того, он изучал исламский мистицизм, буддизм и христианство. Но, по всей видимости, его занятия носили бессистемный характер – все в его высказываниях выдает в нем дилетанта. Он восторгался Иисусом и Левой Марией, но не менее восторженно относился ко всему английскому.

Английские имена составляли большую часть списка гостей. Капитан Дж. Г. Беннетт был постоянным гостем в Куру-Чесме¹⁹⁶. Он прибыл в Константинополь в феврале 1919 г., когда ему было двадцать три года. Поскольку он знал турецкий язык, он получил назначение на службу в Британскую Оккупационную Армию. Это был талантливый и обаятельный молодой человек, обладавший математическими и лингвистическими способностями. Усердно выполняя свой воинский долг, он получил ранение, повлекшее за собой странное ощущение: он почувствовал, как выходит из своего тела и наблюдает его со стороны. Это состояние, повторявшееся не раз, заставило его задуматься о том, что существует за пределами обыденного человеческого опыта. Он лечился в Кембридже, где во время выздоровления занялся математикой пятого измерения, которая предполагает наличие областей, неподвластных времени и пространству.

Когда союзники начали спорить между собой за право владеть землями Малой Азии, Беннетту, учитывая его языковую подготовку, предложили службу в Турции, и он согласился, хотя совсем недавно женился. Хорошее знание турецкого помогло ему занять высокое положение, и вскоре он стал главой Британской военной разведки в Константинополе – пост, предполагающий контроль за всей сферой турецкой жизни и политических влияний. В Константинополе он занимался

шпионажем, разведкой и знакомством с политическими группами – в результате в нем проснулся интерес к мистике и интригам. В процессе работы он исследовал различные дервишские секты, в чем другие преуспели за десятилетие до этого.

Предполагалось, что среди членов этих сект могут быть и политические заговорщики, но Беннетт интересовался ими не только по долгу службы. Он уже составил представление о поисках духовной истины и не сомневался, что суфизм имеет к ним отношение. Как и другие герои этой книги, Беннетт провел большую часть жизни в смутных подозрениях о существовании тайных братств и оккультных обществ. И, как показывает сопоставление его биографии с официальными документами Министерства иностранных дел, он мало отличался от Блаватской, Ледбитера или Гурджиева способностью отличить реальность от собственных фантазий.

Сабехеддин познакомил Беннетта с оккультными текстами, в том числе с неотеософской книгой Эд. Шюре «Les Grands Initiees» («Великие Посвященные»), в которой утверждается, что все религии имеют один и тот же источник и что Великие Посвященные из века в век хранят тайные знания. Эти теории оказались созвучными интуиции Беннетта и побудили его приступить к поискам Посвященных.

В тот вечер у принца Сабехеддина была в гостях белокурая привлекательная англичанка сорока с небольшим лет. Ее отец некогда служил учителем индийского махараджи Барода, и первоначальное образование юная Уинифред Эллиот получила в Индии. Потом она училась в Школе изящных искусств в Англии и там же вышла замуж за мистера Бомонта. После богатой событиями жизни миссис Бомонт приехала в Турцию как компаньонка эмансипированной дочери Сабехеддина, принцессы Фетис. Миссис Бомонт разделяла интерес принца Сабехеддина к социальным реформам, духовному просвещению и радикальной политике. Возможно, она даже была его любовницей. Будучи на двадцать восемь лет старше Беннетта, она лично знала многих лидеров социалистического движения, включая Артура Хендерсона и Филиппа Сноудона

(позже министра иностранных дел и министра финансов в лейбористском правительстве Рамсея Макдональда). Несмотря на разницу в возрасте, Беннетт нашел ее весьма интересной и обаятельной – у нее были изысканные манеры, низкий голос и стройная фигура.

Это была своеобразная компания – просвещенный принц, утонченная миссис Бомонт, пылкий молодой капитан и вездесущий Гурджиев, и говорили они в основном о гипнозе и необычных состояниях сознания. С этой поры Учитель окончательно приобрел свой классический имидж – смесь гуру и торговца коврами. Крепкого сложения, смуглый, с черными вьющимися усами, бритой головой и пронизывающими насквозь глазами, он всегда оставлял незабываемое впечатление, каким бы оно плохим или хорошим ни было. Его взгляд словно загипнотизировал Беннетта и миссис Бомонт – ничего подобного они никогда не видели. Успенский тоже увидел его человеком с лицом индийского раджи или арабского шейха – некая аура силы и авторитета окружала его. Успенский писал также и о какой-то скрытой энергии, возможно, эзотерического происхождения, исходившей от него.

Известность Гурджиева росла. Разведка английского имперского правительства в Индии предупредила британских представителей в Константинополе о том, что Гурджиев, возможно, является российским агентом, хотя и не обосновала своих подозрений. Беннетт, без сомнения, знал об этих донесениях, даже когда посещал принца, хотя в автобиографии утверждал, что узнал о них позднее – что никак не согласовывается с его претензиями на чрезвычайную осведомленность по поводу турецкого «полусвета».

С Успенским Беннетт познакомился случайно, и это не было связано с Гурджиевым. Среди жильцов квартиры миссис Бомонт был некий тихий и неприметный Михаил Александрович Львов. Он был беднее большинства эмигрантов, но давно привык к бедности, еще до революции выйдя в отставку в чине полковника императорской конной гвардии и став последователем Толстого. В пятьдесят лет оказавшись в Константинополе, зарабатывая себе на жизнь починкой обуви,

он жил в чулане русского клуба «Русский Маяк», пока миссис Бомонт не предоставила ему маленькую комнатку у себя в квартире. Львов был членом группы Успенского, и именно он однажды попросил миссис Бомонт разрешения использовать ее гостиную для проведения собрания группы. Хотя он и сказал, что никто не должен присутствовать на «конфиденциальном» собрании, миссис Бомонт согласилась, и Успенский пришел со своей группой в ее дом.

Миссис Бомонт и капитану Беннетту и раньше случалось проводить неформальные встречи с целью изучения «гипнотизма», и несмотря на предупреждения Львова о секретности, Беннетт вскоре стал деятельным членом группы. Вероятно, его впечатлила грандиозная цель Успенского Преобразование Человека. Беннетту также довелось встречаться с Гартманнами, бывать на их концертах и разговаривать с ними о Скрябине и о его теософских идеях. Странно, что ни Успенский, ни Гартманны не упомянули имя Гурджиева. Может быть, они не хотели ни с кем делить своего приоритета в оккультных делах. Однако, судя по собственному признанию Беннетта, хотя следующие двадцать пять лет он провел в основном с Успенским, именно встреча с Гурджиевым оказала влияние на всю его жизнь.

На сей раз их дороги пересеклись ненадолго. К августу 1921 г. как Успенский, так и Гурджиев покинули Турцию и различными путями направились в Западную Европу. Весной того же года в Америке был опубликован английский перевод книги Успенского «Tertium Organum». Ее издал Клод Брэгдон, будущий ученик Гурджиева, и книга эта принесла Успенскому не только известность в определенных кругах, но и какой-то гонорар. Брэгдон и Успенский переписывались, и когда леди Ротермер, жена владельца газеты, прочитала книгу и увлеклась ее идеями, Брэгдон сообщил ей о желании Успенского покинуть Турцию и та с радостью выделила ему для этого средства¹⁹⁷. Леди Ротермер относилась с энтузиазмом ко всем модным духовным направлениям, потому что гибель двух сыновей в прошедшей войне и холодность в отношениях с мужем заставляли ее искать опоры в нравственном совершенствовании. Беннетту

удалось получить визу для Успенского, и тот прибыл в Лондон, под опеку леди Ротермер, и поселился в обычной английской квартире на Вест-Кенсингтон. Его многолетняя подруга Софья Григорьевна осталась в Константинополе в группе Гурджиева.

Тем временем Беннетт сам приехал в Англию, собираясь выйти в отставку. Там его ждала жена с шестимесячной дочерью, но, встретившись, они сразу поняли, что им уже не суждено вернуть прежнюю близость, и Беннетт вернулся в Константинополь.

Формально числясь на службе, он посещал лондонскую конференцию по мирному урегулированию на Ближнем Востоке, где давал советы премьер-министру Ллойд Джорджу касательно турецкой делегации; позже он встретился с Рамсеем Макдональдом (через посредничество Филиппа Сноудона), который предложил ему участвовать в парламентских выборах делегатом от лейбористской партии. Беннетт подумывал над этим предложением, но жизнь в Турции все же казалась ему более привлекательной. Должность члена парламента едва ли можно было сравнить с его положением в Константинополе, где его считали чуть ли не личным посланником короля Георга V и обращались к нему соответственно, что иногда приводило к комическим последствиям. Экс-хедив Египта, например, умолял его принять тысячу золотых соверенов, чтобы он помог ему вернуть утраченную власть; а албанцы, которым, кажется, никогда не хватало кандидатов на пост монарха, даже предложили ему занять пустующий трон. От короны он отказался, но деньги взял, закупил на них инжир и продал в Лондоне, а прибыль вложил в угольные шахты, проданные впоследствии по выгодной цене. Это оказалось как нельзя кстати, ибо, выйдя в отставку, ему нужно было искать себе работу.

Гурджиеву тоже нужно было как-то действовать дальше, и он решил переехать в Германию. У него, правда, не было леди Ротермер и никто бы не оплатил его счета, так что ему пришлось в очередной раз устроить распродажу. 13 августа 1921 г. он покинул Константинополь и 22 августа прибыл в Берлин. Германию он выбрал по многим причинам. Полный крах

прежнего государственного устройства и поражение в мировой войне знаменовали период экспериментов и свободы в любых ее проявлениях, к чему Веймарское правительство относилось снисходительно (если даже не потворствовало этому). Религия также стала сферой, открытой для экспериментов, поэтому по всей Германии расплодились многочисленные духовные общества, школы и коммуны – многие из них в качестве основной национальной философии избрали антропософию.

Непосредственной причиной выбора послужило приглашение от Эмиля Жак-Далькроза, переданное через Зальцманнов. Швейцарский композитор, музыкант и преподаватель танцев, Жак-Далькроз (1865–1950) изучал композицию у Брукнера и Форе и преподавал гармонию в женевской консерватории, где за несколько десятилетий до войны разработал систему ритмических движений, окрещенных «эвритмикой». В 1911 г. в Хеллерау он основал свой институт, разместившийся в здании наподобие древнегреческого храма; этот проект финансировали два брата-поляка – Гаральд и Вольф Дорны. Институт посещали Бернард Шоу, Константин Станиславский и американский писатель Эптон Синклер, высоко оценившие работу Жак-Далькроза, который исследовал духовные, терапевтические и символические свойства танца, стремясь синхронизировать движения человеческого тела и природные ритмы¹⁹⁸.

Танец отражал дух времени, объединяя физические упражнения, ритуал и мастерство, то есть совмещая древнюю потребность в высоком священном искусстве и новые представления о здоровье и гигиене. Танец был также важной частью авангарда, основанного на идеях свободы, экспрессивности и гармонии с природой. На многие танцевальные школы того времени оказал влияние Русский балет 1910–1930-х годов, однако балет был лишь одной из форм танцевального искусства. Импровизации Айседоры Дункан, Жозефины Бейкер и Луи Фуллера воспевали поэты и запечатлевали художники, от Дега до Йитса, воспринимая его как освобождение чувств и инстинктов бытия, а теоретики вроде Жак-Далькроза и Рудольфа Лабана старались изобрести такие

движения, которые были бы одновременно и свободными, и сложными.

Во время войны Жак-Далькроз переехал с институтом в Женеву и в 1919 г. решил оставаться там и дальше. Бывшие помещения института в Хеллерау заняли представители многих других «прогрессивных» движений, в том числе независимые «далькрозианцы» и школа под управлением А. С. Нейла¹⁹⁹. После приезда Гурджиева последовал один из типичных для его жизни фарсов: он убедил хозяев помещений пересмотреть договоры аренды и переписать их на его имя. Нейл и его коллеги стали угрожать судом; владельцы передумали и сказали, что Гурджиев их загипнотизировал; последовало судебное разбирательство, проигранное Гурджиевым. Его постоянно обвиняли в использовании гипноза, и для него в этом не было ничего особенного; он действительно обладал поразительным даром убеждения – какова бы ни была его природа – и это опять подтвердилось в Хеллерау, когда некоторые далькрозианцы покинули прежнего учителя и навсегда стали учениками Гурджиева.

Не совсем ясно, почему Гурджиев не пытался осесть в Германии. Возможно, в этом решении сыграла роль беспокойная политическая ситуация, хотя Гурджиеву было не привыкать к нестабильности: как мы видели, он мог обратить ее себе на пользу. В феврале 1922 г. он пересек Ла-Манш и приступил к изучению Лондона, где уже проживал Успенский – вне сомнений радуясь тому факту, что заблаговременно определил дистанцию между собой и своим беспокойным Учителем. Но англичане не подходили Учителю, что пришлось кстати, потому что, несмотря на все усилия леди Ротермер и поддержку некоторых граждан, министр внутренних дел не разрешил группе Гурджиева обосноваться в Лондоне, хотя сам он и мог при желании остаться. Доклады разведки, переданные через константинопольский офис Беннетта, дошли до Лондона, и не помогло даже личное участие Беннетта, в июне вернувшегося из Турции.

Успенский, наверное, вздохнул с облегчением; он уже собрался переехать в Америку, в случае если бы Гурджиев

остался в Англии. Ибо, хотя Успенский и принял свою обычную роль подчиненного, подготавливая собрания в Теософском Холле Уорвик-Гарден и приводя на них своих учеников, пока Ольга Гартманн и Пайндер переводили его работы, Гурджиев постоянно нападал на него. Он обвинял его в том, что тот неправильно понял и извратил его идеи. Успенский не имел права выступать в роли Учителя или придумывать собственные теории, а потому ему лучше было бы во всем подчиниться Учителю. Что касается аудитории, то она, по мнению Гурджиева, должна была выбрать между ложным и истинным пророками.

Внешнее проявление этой конфронтации было настолько классическим и проработанным, что многие присутствовавшие при их спорах недоумевали – не было ли здесь тайного сговора? Но Гурджиев, насколько известно, никогда ни с кем тайно не договаривался. Многим ученикам еще предстояло пережить громогласные угрозы, красноречие и магнетизм Учителя; подобное поведение стало со временем привычным и никого не удивляло. Успенский тоже мало верил его угрозам, правда, все это наносило урон его репутации. Как часто случалось и до этого, Гурджиев держался исключительно силой своего характера, и публика постепенно поддавалась его напору.

За исключением леди Ротермер, двух-трех аристократов и миллионера Ральфа Филипсона, собрание состояло в основном из журналистов, психиатров и докторов с супругами. Большинство было либо на стороне Гурджиева, либо симпатизировало ему. С первого же появления его окружило множество преданных учеников. По мнению самого Гурджиева, хотя он, правда, тогда еще не знал об этом, самым значительным из всей аудитории был А. Р. Орейдж, который позже сказал: «После первого визита Гурджиева в группу Успенского я сразу понял, что Гурджиев – настоящий Учитель»²⁰⁰. Настолько велика была его сила убеждения.

Орейджа можно назвать типичным обращенным. Он родился в 1873 г. и вырос в деревне поблизости от Кембриджа. Семья его жила в бедности, и талантливый мальчик получал образование за счет местного землевладельца. Орейдж был

своего рода надеждой этого бездетного человека, но позже, когда тот женился и у него родился сын, Орейджу пришлось распрощаться с мечтой об университете, поступить в колледж и стать учителем в Лидсе в 1893 г. Разочарование наложило свой отпечаток на его внешность и способствовало меланхолии. Впоследствии для него стали характерны чередования эйфории и приступов самоунижения. Это был романтик, который, по его собственным словам, хотел «жить в мире чудес и самим быть чудом»²⁰¹.

В Лидсе Орейдж участвовал в деятельности Независимой Лейбористской партии, читал лекции по философии Ницше и Платона, был членом Общества психических исследований и Фабианского Общества; в 1901 г. он основал Художественный клуб Лидса вместе со своим другом Холброком Джексоном (1874–1948), историком литературы и критиком²⁰². Он был увлечен теософией. В то же время он начал создавать собственную философию. Как считал Джексон, Орейдж намеревался «смешать Платона и Блаватскую, Фабианское Общество и индуизм, Шоу и Уэллса, приправив все это ницшеанством»²⁰³. Хотя имена в этом списке менялись, в течение многих лет Орейдж не оставлял своих попыток, и постепенно у него родилось нечто похожее на теорию творческой эволюции Б.Шоу, в которой Человек является земным средством развития космического сознания. Когда появится Сверхчеловек – а он обязательно появится – он вовсе не будет походить на Наполеона или Бисмарка, но станет существом, в котором все мыслительные способности достигнут невообразимо высокого уровня²⁰⁴.

В 1905 г. Орейдж с женой переехали в Лондон, имея в качестве багажа всего лишь трехтомник Ницше. Начиная с середины 1890-х годов он стал столпом теософии в Англии, бичуя извращения Анни Безант и Ледбитера. В Лондоне он стал членом комитета секции, хотя все больше разочаровывался в ее руководителях. Вскоре он попал под влияние Беатрисы Гастингс²⁰⁵, с которой познакомился на теософском собрании в 1906 г. Эта уроженка Южной Африки, актриса, бывшая одно время замужем за боксером, была буквально одержима

литературой. Ее приверженность к теософии Блаватской доминировала над Орейджем и «Нью Эйдж» («New Age»), влиятельным журналом, основанным им и Хоброком Джексоном в 1907 г. частично на деньги, выделенные Джорджем Бернардом Шоу.

В следующее десятилетие литературная журналистика отодвинула на второй план более возвышенные духовные искания Орейджа и Беатрисы Гастингс. «Нью Эйдж» стал самым престижным литературным журналом того времени, и возле Орейджа образовался круг лиц, в который входили Т. С. Элиот и Э.Л.Паунд. К началу войны его отношения с Беатрисой начали портиться, и он снова вернулся к эзотерике; войну он провел в Париже, тогда как Беатрис оставалась в Лондоне. Но его интерес к теософии успел остыть. Как всегда беспокойный и пытливый, он искал метафизическое решение основных вопросов жизни. Великий синтез должен выйти за рамки теософии, но если так, то какие идеи следует принять и к чему он приведет?

Сначала он был увлечен идеями Дмитрия Митриновича, сербского мистика с горящими глазами и бритой, как у Гурджиева, головой²⁰⁶. Во время войны Митринович прислал в «Нью Эйдж» несколько статей по поводу духовного аспекта европейской политики, но большинство читателей, в том числе и главный редактор, нашли их запутанными и непонятными. Орейдж возлагал надежды также на одного из активных приверженцев журнала, Льюиса Уоллеса, написавшего статьи о так называемой «психоегиптологии» и книгу «Космическая анатомия», но Уоллес удовлетворил его искания не больше, чем Митринович. Затем он заинтересовался вариантом психоанализа, разработанным одним из друзей Юнга, который впоследствии стал последователем Гурджиева. Тогда как практика Фрейда была посвящена анализу психического в псевдомедицинских терминах, более оптимистическая теория Юнга «психосинтез», как утверждали ее сторонники, должна была привести к духовному возрождению пациента. Это направление мысли хотя и казалось более многообещающим, чем труды Митриновича или Уоллеса, не слишком интересовало

Орейджа. Каждая неудача лишь подстрекала его духовные поиски. В начале 1920-х годов он был, иносказательно выражаясь, душой, жаждущей спасения, и Гурджиев прибыл в Лондон как раз вовремя, чтобы спасти его.

Орейдж не был единственным англичанином, обращенным Гурджиевым в свою веру, но именно он сыграл самую важную роль. За ним последовали другие интеллектуалы. Множество душ нуждалось в помощи. Война оставила после себя ужасающую духовную пустыню, и люди искали того, за кем можно было бы пойти, избавившись от сомнений. Те же причины привели к утверждению фашизма и коммунизма. Среди теософов также находилось немало расстроенных бесконечными дрязгами, не прекращающимися в течение целого десятилетия. И хотя теософия продолжала привлекать к себе большое число новых сторонников, старые члены разочаровывались в ней. Многих перетянул к себе Штейнер с его антропософией; теперь кризис усугубляли Успенский и Гурджиев.

Одним из последствий их растущего влияния был сдвиг ориентиров среди западных духовных наставников. Теософия делала основной упор на индуизм и буддизм как из-за авторитета Блаватской, так из-за политических пристрастий Безант и деятельности Олькотта на Цейлоне и в Японии. Несмотря на многочисленное исламское население Индии, Среднего и Ближнего Востока и на попытки отдельных исследователей, таких, как Лоуренс Олифант, ислам до сих пор не входил в число альтернативных духовных движений, в основном благодаря его монотеизму, сближавшему его с христианством и иудаизмом. Но теперь мистические формы ислама, обнаруженные в суфизме и в общинах дервишей, начинали играть значительную роль в формировании традиций «западных гуру». В очередной раз произошла смена географического центра. Как некогда Блаватская перенесла его из Египта в Гималаи, так теперь его переместили в Среднюю Азию и на Ближний Восток.

Гурджиев, показав свою силу Успенскому и его ученикам, удалился на континент. Убедившись, что Англия и Германия не

устраивают его, он решил испробовать Францию и 14 июля 1922 г. приехал в Париж. Через три месяца начался прославленный эксперимент.

Глава 11. Личные дела

Кришнамурти пережил войну, находясь в Англии в полной безопасности. Будучи индийцем среди европейцев, темнокожим среди белых, теософом среди христиан, представителем колонии среди колониалистов, он неизбежно оказывался посторонним и, следовательно, одиноким. Люди, не получившие христианского воспитания и претендующие на ведущую роль в духовной жизни, в Англии, естественно, не приветствовались. И хотя находились англичане, готовые признать в нем махатму, большинство относилось к нему как к «темнокожему претенденту на роль Иисуса», частенько добавляя более грубые комментарии. Невозможно было изменить это отношение – многим Кришнамурти казался нелепым чудаком.

Внешнее давление сделало его эгоистичным, жалеющим себя и неспособным проявить чувство юмора. Даже в детстве он относился к навязанной ему роли серьезно и в окружении взрослых, постоянно твердивших ему о великом предназначении, оставался серьезным. Дочь леди Эмили, Элизабет, восставшая против поклонения мальчику-богу, не желала относиться к нему как к Учителю. В этой роли она предпочла бы видеть Нитью, находя его брата «надменным и высокомерным»²⁰⁷. Младшие дети Летьенсов относились к Кришнамурти иначе и разглядели в нем другие черты. Они считали, что он не потерял способности воспринимать шутки. Элизабет держалась в стороне, но Мэри искренне полюбила новых друзей. Приходя каждый вечер из школы, она надеялась найти на своем столе подарки – знак того, что они посетили дом. Позже она особенно полюбила Нитью, которого находила не таким красивым, как его брат, но более милым²⁰⁸.

В экзотической гостиной леди Эмили с черными стенами и расписанным под руководством сэра Эдвина полом брата отдыхали. Эмили отдавала им всю теплоту, которую, как ей иногда казалось, она не смогла проявить к собственным детям. В присутствии сэра Эдвина атмосфера несколько оживлялась. Несмотря на уважение к идеям жены, он говорил, что у него нет

времени на «воскресные чувства», которые она проповедует²⁰⁹. Но при всем своем отвращении к теософии он хорошо относился к юным индийцам. Сэр Эдвин любил общество и при всяком удобном случае приглашал к себе друзей. Человек основательный и с чувством юмора, он недолго любил бокалы на длинных ножках, ножи для рыбы, подстриженные кусты, шелковые абажуры, обилие ковров, морские побережья, статистику, крашенные ногти, мебель, расставленную в изысканном беспорядке – и конечно же религиозный энтузиазм²¹⁰.

Непочтительное отношение Эдвина к теософии сказывалось и в детской: шалуны нередко приветствовали Кришнамурти стишками вроде таких:

Трусливый, трусливый пирог,
Лицо черно, как сапог,
И волосы тоже черны,
Трусливый, трусливый пирог²¹¹.

Кришнамурти не обижался. Летъенсы стали его приемной семьей, и в разные периоды он сближался то с Барбарой, то с Робертом и Мэри, хотя только со своим братом он чувствовал себя непринужденно. Нитья был единственным связующим звеном с прошлым, с покойной матерью, которую он звал во время болезни.

Семья Летъенсов оставалась его единственной опорой, поскольку Ледбитер был в Австралии, а Анни в Индии, и Кришнамурти больше не мог полагаться на их помощь. В каком-то смысле это было к лучшему. Вряд ли он когда-нибудь особенно любил старика, а обстоятельства все больше отдаляли их друг от друга. Хотя на людях он всегда признавал авторитет Ледбитера в вопросах теософии, его раздражало самовластное поведение Учителя. Анни также оказывала далеко не лучшее влияние, отчасти из-за того, что сама легко поддавалась чужим влияниям – особенно Ледбитера – и с готовностью принимала советы по воспитанию Кришнамурти; отчасти из-за того, что была занята собственными проблемами и не уделяла особого внимания конкретным людям. В последние годы ее жизни Кришнамурти называл ее «амма»

(«мать») и был лично предан ей, хотя у них существовали идейные разногласия.

Основная трудность для него состояла в общении с другими людьми, особенно с девушками его возраста. Несмотря на общепризнанный факт, что он должен соблюдать обет безбрачия, некоторые девицы стремились привлечь его внимание, и он, может быть, и хотел бы ответить им взаимностью. Теософы иронически называли этих девушек «гопи» – по названию пастушек, которые прислуживали богу Кришне в индуистской мифологии. Одна из них даже заявляла, что является реинкарнацией ЕПБ, очевидно желая придать своему увлечению законный характер.

Его разочарования, сомнения и огорчения усугублялись стремлением Ледбитера покровительствовать новым любимцам. Основным претендентом на его благосклонность был Десикачарья Раджагопалачарья²¹². Раджа, как он предпочитал, чтобы его называли, был сыном индийского теософа, принадлежащего к высокой касте. Родившийся в 1900 г., умный и красивый мальчик принадлежал к элите Общества и посещал теософскую школу в Бенаресе вместе с Ягной Шастри, сестра которого впоследствии вышла замуж за Джорджа Арундейла. Хотя после знакомства с Раджей в 1913 г. Ледбитер уехал в Австралию, он продолжал интересоваться этим мальчиком, который казался ему более подходящим кандидатом на пост мессии, чем Кришнамурти. В 1920 г. Раджа переехал в Лондон, где поселился у мисс Додж, своей покровительницы. Она финансировала его обучение в Кембридже и позже передала ему часть своего состояния²¹³.

Хорошая академическая успеваемость Раджи особо подчеркивала неудачи Кришнамурти, которому теперь приходилось делить с соперником всеобщее внимание.

Наверное, он чувствовал себя как наследник, которому угрожают пересмотреть завещание в пользу другого. Перед лицом такой угрозы Кришнамурти и Нитье пришлось опуститься до уровня обыкновенных английских школьников и обзывать новичка всякими словами. Возможно, теперь они на собственном опыте поняли, что испытывал Хуберт ван Хук,

когда Ледбитер запретил ему прикасаться к вещам Кришнамурти, чтобы не запятнать их своими дурными вибрациями.

Однако Раджа ущемил своим появлением не только братьев. Как только Ледбитер познакомился с ним, то тут же решил, что, побывав святым Бернардом Клервоским в предыдущем воплощении, в будущем существовании ему предстоит последовать за Кришной в качестве реинкарнации Будды на планету Меркурий – и это очень расстроило Джорджа Арундейла, которому ранее было обещано это воплощение. То, что подобная причина могла глубоко огорчить Джорджа Арундейла, крепкого, мужественного молодого человека, ставшего во время войны офицером, явственно показывает ту атмосферу, которую создал вокруг себя непредсказуемый Ледбитер, избирая то одного, то другого любимца, устраивая столкновения по ничтожнейшим поводам и используя целую систему поощрений путем назначения заинтересованных лиц на определенное место грандиозной иерархии управителей Космосом и миром.

Эти причудливые прихоти затрагивали и главных лиц Общества, причем ни Анни Безант, ни Кришнамурти не были исключением. Однажды в 1914 г. теософы переехали в Таормину на духовные праздники – некое более удобное и более изысканное подобие Ессентуков Гурджиева с игрой в теннис и шарадами вместо работы по дому и духовных упражнений; группа состояла из Кришнамурти, Нити, Джорджа Арундейла, его тетки Франчески, доктора Марии Роке и леди Эмили. Как это часто случалось, они находились в состоянии легкого истерического возбуждения, ожидая событий, которые должны были последовать 11 января – в годовщину инициации Кришнамурти.

Вечером 10-го Кришнамурти провозгласил, что он ожидает какого-то события предстоящей ночью. Все удалились спать в надежде повстречать Учителей и пройти несколько шагов по Пути, но утром никто ничего припомнить не мог, поэтому они послали телеграмму епископу Ледбитеру с просьбой прояснить обстановку. Однако Кришнамурти незадолго до этого написал

епископу, что хотел бы иметь больше независимости, и Ледбитер сердился на него. Видимо, это и объясняет, почему Ледбитер ответил, что в Таормине той ночью ровным счетом ничего не произошло, хотя в ту же ночь различные индийские ученики Ледбитера получили соответствующее повышение²¹⁴. Английская группа перешла от эйфории к депрессии.

Подобная атмосфера сохранялась в большей или меньшей степени на протяжении всей войны, пока Кришнамурти разъезжал по Англии, окруженный каким-то подобием не то «царской» охраны, не то участников пикника, не то труппы странствующего цирка. Друзья, преподаватели, поклонники и просто прихлебатели окружали группу из Таормины плюс детей леди Эмили, Мьюриел Де Ла Барр, мисс Додж и случайных лиц. Мисс Додж обычно оставалась в Уимблдоне из-за своего артрита, и Кришнамурти с братом часто навещали ее там под неусыпным надзором леди Де Ла Барр. В конце войны основными руководителями этой группы стали Джордж Арундейл и Эмили Летъенс, причем между ними разгорелась борьба за первенство, осложняемая тем, что Арундейл безуспешно сватался к дочери леди Эмили Барбаре. Своего пика борьба достигла в 1915 г., когда Арундейл запретил Эмили посещать Кришнамурти, проживавшего в то время в Бьюде (Корнуолл), в очередной раз готовящегося к поступлению в высшее учебное заведение. Осуждая сентиментальность леди Эмили, Арундейл писал сопернице: «...вы использовали Кришну скорее для собственного удовольствия, чем ради какой-то другой цели... вы мешали работе Учителя, уделяя внимание более низменным частям натуры Кришны...»²¹⁵, и он упрекал ее в эгоцентризме, породившем «водоворот» чувств, которые только мешали оккультному прогрессу мальчика.

Расстроенная подобными обвинениями, леди Эмили тем не менее признала их правоту, хотя и нашла несколько преувеличенными и на некоторое время оставила своего любимца. Но фактически борьбу с Арундейлом выиграла она; раздосадованный отказом Барбары и отстранением с должности Будды Меркурия, а также занятый своей новой работой в качестве генерального секретаря Британского филиала

Общества, Арундейл начал постепенно терять интерес к Кришнамурти. Вскоре он начал сомневаться, действительно ли новый мессия привязан к своему предназначению. В конце концов и самому Арундейлу предстояло сыграть немаловажную роль в будущем Космоса – роль, которая не требовала присутствия повсюду сующих свой нос немолодых дам или наивных мессий. В какой-то момент леди Эмили поняла, что потеряла Кришнамурти; с течением времени становилось все яснее, что никто не может претендовать на особую руководящую роль в жизни этого отстраненного, загадочного человека. Многим казалось, что они являются его близкими друзьями, но всем приходилось вскоре признать, что это не совсем так.

К счастью, леди Эмили тогда интересовало учреждение самоуправления Индии – в этом она пошла по стопам своего кумира, Анни Безант. Присутствие Анни в Индии к началу войны оказалось как нельзя кстати; всегда неспособная сопротивляться соблазнам публичной деятельности, она активно включилась в индийскую национальную политику. Как обычно, свои действия она объясняла божественным руководством. В 1913 г., во время судебного разбирательства по иску Нарьяньяхи, Владыка Мира повелел ей способствовать самоуправлению Индии и она с готовностью согласилась. Она выиграла в конце концов процесс и теперь могла целиком посвятить себя политическим делам. Миссия ее была ясна и занимала большую часть ее времени все следующее десятилетие.

С энтузиазмом поддерживая свою руководительницу, леди Эмили довольно бестактно проводила в своем доме собрания в поддержку индийского самоуправления, пока сэр Эдвин находился в Дели и составлял план строительства новой имперской столицы. В очередной раз ей был дан отпор. Мало того что «Таймс» поносила ее собрания, она совсем пала духом, когда миссис Безант, раздосадованная нападками прессы и не желавшая соперничества, посоветовала ей держаться подальше от политики – не ради Анни, конечно, а чтобы не ставить в неловкое положение сэра Эдвина.

Кришнамурти также должен был прийти к какому-то соглашению с миссис Безант. Несмотря на всю любовь и чувство восхищения, которые она вызывала, даже близкие знакомые побаивались ее стремления действовать по-своему. Продолжая поклоняться Кришнамурти как Великому Духу и склоняясь перед его духовным авторитетом, на практике она продолжала относиться к нему покровительственно. Сочетание покровительства и преклонения всегда проявлялось в действиях его наставников – Ледбитера, Арундейла, леди Де Ла Барр – и многие из них к тому же испытывали инстинктивное чувство превосходства перед мальчиком, стоявшим ниже их по социальным критериям и расовой принадлежности. В результате Кришнамурти испытывал болезненное ощущение нереальности происходящего, что только способствовало его желанию освободиться.

После войны ситуация не улучшилась. Временами Анни относилась к уже взрослому Кришнамурти как к Богу, а временами как к личному помощнику. Подобное отношение началось с момента ее возвращения в Европу в июне 1919 г., когда она открыла серию многочисленных столь любимых ею собраний и встреч. Она повсюду таскала за собой Учителя Мира, уговаривая его принимать участие в публичных собраниях и учить французский язык, чтобы обращаться к толпам в Париже. Для застенчивого молодого человека все эти собрания были сущей пыткой, но они же задали образец всей его дальнейшей жизни, в которой было очень много поездок и встреч. Но были также и приятные моменты. В свободные дни они совершали поездки в Швейцарию и Италию, сопровождаемые Нитьей и другими теософами. Но даже эти дни были омрачены. Обычно они принимали форму чтений и медитаций, во время которых Кришнамурти должен был интенсивно общаться со всей компанией, что перемежалось теннисом и гольфом. Компаньоны беспрестанно надоедали ему просьбами о публичных разговорах и личных консультациях по поводу их духовных состояний; все, казалось, пребывало в состоянии лихорадочного возбуждения.

Это возбуждение поддерживалось близостью Кришнамурти и тем, что все, в том числе и он сам, считали, что очень быстро продвигаются по пути духовного усовершенствования. В ранние годы теософии ЕПБ особо подчеркивала, что путь ученичества долг и нелегко – хотя иногда и делала некоторые исключения для фаворитов. Она утверждала, что испытательный период – первая стадия инициации – занимал семь лет, а срок последующих стадий зависел от духовных усилий ищущего. Ледбитер заметно сократил эти сроки, особенно с момента появления Кришнамурти. В 1920-х годах теософское сообщество было охвачено миллениаристскими настроениями, и его предводители постоянно искали возможности обрести духовные заслуги. Духовная жажда охватила и тех, кто горевал по погибшим сыновьям, мужьям и братьям, надеясь обрести доказательства продолжения их существования, пусть и в какой-либо иной форме. Спиритизм вновь стал популярен, что способствовало росту влияния Теософского Общества и увеличению числа его последователей. Казалось, великие планы ЕПБ скоро должны воплотиться в жизнь.

Теософия не была единственным в своем роде явлением. В период между двумя мировыми войнами особенно усилились массовые движения, и всяческие вожди от Гитлера и Муссолини до Франка Бухмана и Эми Семпла Макферсона убеждали всех идти за собой и тем самым обрести спасение²¹⁶. В это же десятилетие широко развернулись и молодежные движения – подобно тому, как девятнадцатый век открыл для себя понятие «ребенок», так и век двадцатый открыл понятие «молодежь». Религиозные и политические лидеры особое внимание начали уделять молодым; к тому же довольно большая часть предыдущего поколения была уничтожена в войне. Таким образом, молодежное движение отражало как символическое строительство нового мира, так и реальную действительность. Возникли многочисленные общества различных направлений. Такие организации, как «бой-скауты», «гиды», «детские бригады», «Христианский союз молодых людей» и т. д., были призваны воспитывать характер и закалять физически. Особое внимание уделялось воспитанию силы духа, товарищества,

нравственности, а также выработке некоторых практических навыков. А главное, они воспитывали подрастающее поколение в духе патриотизма и преданности социальным реформам. Хотя большинство детей, объединенных такими организациями, принадлежало к среднему классу, их членами могли стать и выходцы из более низких слоев общества. Дети и молодые люди посещали собрания, выезжали в летние лагеря, где многие городские дети впервые могли глотнуть свежего воздуха. Такие же организации, как «Гитлер Югенд», «Коммунистический союз молодежи» и всевозможные подобные им общества, аналогичными средствами осуществляли политическое воспитание. В течение очень недолгого времени казалось, что Теософское Общество даже лидирует среди подобных направлений, но вскоре оказалось, что это всего лишь иллюзия. Хотя в Теософское Общество и вступило большое число молодых членов, по большей части их привлекала непосредственно личность Кришнамурти или общегуманистические идеалы. Лидеры теософии все больше отдалялись от рядовых членов. Они старели. К концу войны Анни Безант было семьдесят два года, а Ледбитеру шестьдесят семь. Они руководили Обществом на протяжении почти двадцати лет.

Некоторые считали, что Анни ослабляет свою «хватку» по мере того, как усиливается ее давнее пристрастие к затейливым униформам и оккультным церемониям. Но несмотря ни на что, ей удавалось оставаться на гребне волны популярности, и она инстинктивно понимала, что Кришнамурти был ее наиболее ценным приобретением. Тогда он еще не был искусным оратором, но его застенчивость в сочетании с молодостью, вежливостью и приятной внешностью производили неплохой эффект. Он не был ни демагогом, ни высокопарным миссионером – скорее духовным наставником, говорящим слова внутренней истины. Вдобавок он походил на новое явление времени – на звезду кинематографа, не будучи при этом вульгарным.

В 1921 г. Кришнамурти представилась прекрасная возможность показать свои таланты перед всемирной

аудиторией, когда барон Филипп ван Палландт, голландский аристократ, передал в дар Обществу свое поместье в Оммене. Нидерланды становились важным теософским центром, и замок Ээрде, изысканное поместье семнадцатого века, окруженное рвом и пятью тысячами акров земли, как нельзя больше подходил для штаб-квартиры теософской элиты; в его зале можно было проводить массовые собрания Ордена Звезды Востока. На протяжении десятилетия Общество устраивало международные собрания в Оммене – известном как центр Ордена. Часто здесь одновременно собирались тысячи людей, располагаясь на ночь в палатках, тогда как руководители могли пользоваться роскошными спальнями с гобеленами или особыми помещениями, расположенными на первом этаже и во дворе.

В лагере царила атмосфера религиозного возбуждения, политического идеализма и молодежных представлений о самоусовершенствовании и простом образе жизни, родившихся после войны. Тут проводились лекции, дискуссии и прочие виды теософской деятельности, но самым волнующим событием конечно же считались разговоры с самим Кришнамурти под звездным небом у пылавшего костра. Эти беседы положили начало его практике общественного наставника и научили его обращению с массами. Люди рассаживались вокруг него, он некоторое время ждал в тишине прихода вдохновения и готовности аудитории слушать, чтобы начать говорить. Его современник Гитлер использовал ту же технику, преследуя совершенно иные цели во время Нюрнбергского съезда, когда молча ожидал нарастания психологического напряжения толпы.

В отличие от Гитлера, Кришнамурти никогда не повышал голоса и не приводил толпу в яростное безумие, а, наоборот, давал каждому возможность испытать личный духовный подъем. В начале каждой речи он обычно запинаясь и лишь через некоторое время приходил к нужной теме и словам. Он не репетировал и не составлял план, хотя иногда и развивал тему, объявленную заранее, все время возвращаясь к одним и тем же проблемам: состраданию ко всему живому, искренности, честному самопознанию и необходимости каждому найти свой

путь просвещения. Его речи действовали так убедительно еще и потому, что он сам казался воплощением своих идей. По контрасту с достаточно театральными Анни Безант и Ледбитером, хрупкий, непритязательный, скромно одетый молодой человек с тихим голосом не играл заученную роль, а искренне и свободно импровизировал.

У некоторых почтенных и авторитетных теософов, естественно, возникали возражения по поводу содержания речей, которые шли вразрез с представлениями о стадиях пути совершенствования, о периодах испытания, инициации и т. п.; но большинство слушателей внимали его словам всем сердцем. Любопытно, правда, что присутствовавшие впоследствии не могли прийти к общему мнению и вспомнить, о чем конкретно говорил Кришнамурти, а когда речи записывали, то ясные и вдохновляющие отрывки казались темными и банальными. Одни объясняли это конкретным моментом восприятия, другие самой личностью Кришнамурти; некоторые же верили в то, что на оратора нисходит божественный дух.

Каково бы ни было объяснение этого феномена, ясно одно – не обращаясь ни к кому в особенности, Кришнамурти мог убедить каждого слушающего в том, что тема важна именно для него лично. Наиболее вдохновленные последователи были даже убеждены, что слышали его слова, обращенные непосредственно к ним, даже если он говорил в действительности нечто противоположное. Возможно, все было в личном обаянии и в том, что каждый охотно находит подтверждение собственным мечтам и фантазиям. Странно, однако, что этот красивый молодой человек, настаивавший на необходимости искренности, ясности и честности, сам использовал те же театральные эффекты, что и Анни Безант. Однако его приемы казались естественными и спонтанными, тогда как ее – продуманными и рассчитанными, но тем большее впечатление они производили. Сдержанный и немногословный при всех других обстоятельствах, Кришнамурти вечерами у костра в Оммене совершенно преображался, и его вдохновенное красноречие подтверждало его особый духовный авторитет.

Как в случае со многими великими актерами, этот феномен проистекает из эмоциональной и психологической сторон характера Кришнамурти. Его призывы отказаться от предрассудков и иллюзий основаны отчасти на индуистских идеях, впитанных им в юности, но отчасти на анализе своих собственных недостатков – в детстве он часто бывал рассеянным. Годы спустя один из присутствовавших на встречах с Кришнамурти, давно расставшимся с теософией, тонко заметил, что при общении с людьми он ведет себя подобно зеркалу, отражая их душевные состояния²¹⁷. Так, одинокий человек, говоривший перед многочисленной аудиторией, постоянно обретал все новых последователей, как это случилось в 1909 г. в Адьяре, когда его впервые увидел Ледбитер.

Любовь аудитории, возможно, и приятна, но ее требовательность зачастую вызывает раздражение, что может подтвердить любой актер. Кришнамурти начал уставать. Вряд ли это покажется удивительным, если учитывать не только постоянные публичные выступления, но и два других тягостных обстоятельства. Во-первых, он находился вдали от дома и привычного окружения. В отличие от обладавшего сильным характером Гурджиева, который был в состоянии возить с собой свою семью, и Штейнера, который никогда надолго не покидал привычной ему обстановки и покровительствующих женщин, Кришнамурти был оторван от своих корней и из-за этого становился более замкнутым. С миром, в котором он вырос, его связывал фактически только брат.

К тому же в чужой стране он не мог создать собственную семью. Одно дело ухаживания, но о том, чтобы Учитель Мира женился или вступил с кем-то в любовную связь, не могло быть и речи. Руководители Общества в конце концов дали добро на союз Арундейла с индийской девушкой и согласились с тем, что Раджа ухаживает за американкой, но Кришнамурти должен был быть выше всего земного. Кришнамурти и сам в теории поддерживал такую идею, что не мешало ему влюбляться в своих ровесниц – дочерей членов Общества. Большинство из них довольствовалось простым флиртом²¹⁸.

Недовольство и разочарования тяжело сказывались на эмоциональном состоянии Кришнамурти, и в 1922 г. оно стало кризисным, когда они с Нитьей посетили Америку по пути из Австралии в Европу. Кришнамурти к тому же серьезно беспокоился по поводу здоровья своего брата; некогда живой и энергичный, Нитья страдал туберкулезом. Болезнь усиливалась, и ему рекомендовали поехать в Швейцарию на лечение. Врачи считали, что путешествие через Индию будет слишком утомительным для больного. Поэтому братья поплыли через Тихий океан и Австралию, сделав остановку на Западном побережье Америки, чтобы немного отдохнуть.

В Калифорнии находилось несколько «мятежных» ответвлений теософии, основанных после того, как Джадж порвал отношения с Адьяром. В Пойнт-Ломе Кэтрин Тингли до сих пор боролась с финансовым кризисом. Существовал также культурный и миссионерский центр, основанный адьярским обществом в Кротоне: Анни Безант он служил своеобразным оплотом на «вражеской территории». Но соперничество с Пойнт-Ломой и местными обществами было не единственной причиной его основания. Хотя Ледбитер предпочитал жить в Австралии, Калифорния в теософской мифологии оставалась важным регионом, где должна была предположительно возникнуть будущая раса. Секретарь местного Теософского Общества Джордж Уоррингтон предложил Кришнамурти с братом пожить некоторое время в имении вблизи Лос-Анджелеса, расположенном в долине Охай, которая славилась своим здоровым климатом.

После обычных мелких неприятностей на теплоходе, когда белые пассажиры не были настроены допускать в свое общество «цветных» и «ниггеров», которые теснились на нижней палубе и в кочегарке, широкие просторы Калифорнии произвели приятное впечатление на Кришнамурти. Лос-Анджелес вовсе не был лишен расовых предрассудков, но атмосфера в нем была более свободной и гостеприимной, чем в Европе или Австралии.

Долина Охай, тогда практически незаселенная, находится приблизительно в восьмидесяти милях от побережья и

представляет собой живописное место с чудесными холмами, апельсиновыми рощами, свежим воздухом и теплым климатом. Братьев поселили в коттедже, принадлежавшем местной землевладелице Мэри Грей, под присмотром дочери мистера Уоррингтона.

Однако здоровье Ниты продолжало ухудшаться, и скоро им потребовались дополнительное внимание и помощь. Семья Уильямсов проживала в другом коттедже миссис Грей в Монтесито, и одна из дочерей – Эрма – увлекалась теософией. Она даже утверждала, что их семейство имело давние связи с теософией, восходившие ко временам ее дедушки, Карла Вальдо. По ее словам, этот немецкий аристократ, оказавшийся на чужбине в Нью-Йорке и зарабатывавший на жизнь сдачей внаем кебов, присутствовал на похоронах, которые полковник Олькотт организовал для его соотечественника Барона де Пальма в 1876 г. Тогда Вальдо, правда, не стал теософом, но старинная связь с основателями Общества побуждала Эрму к особому отношению к теософии. Эрма познакомила Кришнамурти и Нитю со своей сестрой Розалиндой, которой недавно исполнилось девятнадцать лет.

Это была привлекательная девушка с голубыми глазами и стройной фигурой; она увлекалась спортом, любила животных и не особенно интересовалась духовными вопросами, что, очевидно, было только к лучшему. Обоим братьям нравилась ее жизнерадостность и естественность, и вскоре они даже стали оспаривать друг у друга право на ее внимание. Дни она проводила в коттедже, а ночевать уходила в расположенный поблизости дом миссис Грей. Пока Кришнамурти медитировал, а Нитя отдыхал, она прибиралась в доме и готовила еду. В свободное время все трое читали стихи и гуляли по долине.

Братья настолько привязались к Розалинде, что даже написали письмо к Ледбитеру, спрашивая, уж не была ли она их матерью в прошлом рождении. Епископ сомневался, потому что их мать умерла два года спустя после рождения Розалинды. Возможно, это к лучшему, потому что статус матери был бы слишком определенным и, вероятно, помешал бы непринужденности их отношений, тем более что Нитя, похоже,

испытывал к ней особые чувства. Может быть, по этой причине (как считает дочь Розалинды), а может быть, вследствие сочетания всех факторов, усложнявших жизнь Кришнамурти, в том числе привязанность к Розалинде, а также страх потерять брата (из-за нее или из-за его болезни), Кришнамурти вскоре заболел и сам. Поэтому пребывание в Охайе продлилось почти на год.

Это недомогание носило, по всей видимости, психосоматический характер, но проявляющимся время от времени симптомам болезни, которые в теософских кругах известны под названием «процесс», предстояло играть важную роль в его жизни. Как явствует из писем к Анни Безант, Ледбитеру, мисс Лодж и леди Эмили, эти симптомы состояли в мучительных физических болях и мистических переживаниях²¹⁹. В первый раз это длилось несколько дней, потом с перерывами могло продолжаться несколько месяцев. В течение всей жизни Кришнамурти периодически испытывал эти мучительные состояния.

Обычно это начиналось с ощущения слабости и боли в шее, постепенно распространявшейся на всю спину. По мере усиления боли Кришнамурти мог терять сознание. Приходя в себя, он испытывал мистическое чувство выхода из тела и единения с высшими сферами, а также чувство мучительной безразличности к физическому окружению. Он боялся солнца и жары, отказывался выходить из дома, искал тишины и покоя. Он успокаивался, положив голову на колени Розалинды, чье присутствие действовало на него умиротворяюще.

Через несколько дней, во время которых напряжение достигло невероятного уровня, наступила кульминация «процесса». Мистер Уоррингтон, Нитья и Розалинда сидели вечером на веранде. Кришнамурти, весь день жаловавшийся на грязь в коттедже, неожиданно присоединился к ним и сел в сторонке, напевая мантры. Пока он пел, Нитья, ощущавший некую растущую силу в доме, становился все более оживленным и говорил, что чувствует чье-то присутствие. Розалинда то и дело спрашивала его: «Ты видишь его?» Когда Кришнамурти встал и подошел к ним, она, по словам Нитьи,

потеряла сознание, и Нитья понял, что ее поразило видение Божества – Кришнамурти, в чьем облике зримо проявилась Божественная Сущность.

Позднее Розалинда будет отрицать многое из того, что увидел и услышал Нитья. Не было никакого видения. Она не теряла сознания, а просто задремала и проснулась, когда ее разбудил Нитья и сказал про приближение Божества. Если она и говорила что-нибудь, то сквозь сон. Однако вначале она как будто согласилась с Нитьей, как и Кришнамурти. Когда она говорила правду и знала ли ее? В любом случае кажется невероятным, чтобы кто-то из троих намеренно дурачил остальных, и, несмотря на некоторую атмосферу фарса, для каждого из них этот эпизод оказался весьма значимым. Нитью он лишний раз убедил в божественной силе Кришнамурти, а Розалинда еще сильнее привязалась к Нитье. Кришнамурти принял интерпретацию случившегося, предложенную братом, и утвердился в своей особой миссии – эту веру он пронес через всю жизнь. Хотя в последующие месяцы «процесс» происходил только на физическом плане и не сопровождался видениями, Кришнамурти, при поддержке Анни Безант, понимал его как проявление оккультного продвижения по Пути.

Подобной интерпретации вполне можно найти обоснование. Философия йоги помещает жизненную энергию – так называемую «кундалини» – в основание позвоночника. Персонифицируя ее в виде змеи, свернувшейся спиралью, йог старается пробудить эту энергию и с ее помощью достичь духовного просветления. «Процесс», таким образом, можно объяснить как пробуждение кундалини и начало истинного просветления. Однако Ледбитер сомневался. Он считал, что по Пути продвигаются медленно и постепенно, и продвижение необязательно должно сопровождаться физическими болями. Ни он, ни Анни Безант не испытывали ничего подобного, тогда почему же другие испытывают это? Соглашаясь с тем, что произошедшее с Кришнамурти является чем-то важным, он предупреждал против чрезмерного увлечения «процессом». Возможно, он думал, что это не столько продвижение по Пути, сколько удаление от него, поскольку уже появились признаки

постепенного отхода Кришнамурти от теософии и его перехода к собственному мистическому опыту. Тогда боль может означать агонию отделения, а вовсе не роста. Ледбитер также должен был знать, что «кундалини» включает в себя и сексуальную энергию, хотя он и не мог предполагать, что симптомы «процесса» будут наступать у Кришнамурти только в обществе женщин.

Не осознавая всех этих подтекстов, Анни Безант сначала радовалась знакам роста и перехода на новый уровень ее питомца. Ей очень понравилась долина Охай, когда она приехала навестить Кришнамурти. Желая иметь такое отличное место, способствующее приобретению духовного опыта, она собрала деньги и купила несколько акров земли в долине. Возможно, она вспомнила о неприступных горных твердынях, где живут Учителя, основывая фонд под названием «Ассоциация Братьев» – подразумевая братство людей и богов. Коттедж, в котором начался «процесс», тоже вошел в эти владения; его перестроили и назвали «Арья Бихара», то есть «Дом ариев». Теософы никогда не останавливались на полпути, и вскоре в Охайе у них появилось целое поместье (не без помощи мисс Додж), которое впоследствии стало таким же, если не более важным духовным центром, как и Адьяр. И Анни Безант не виновата в том, что основной целью этого центра стала отнюдь не теософия.

По всей видимости, миссис Безант не меньше, чем Кришнамурти, нуждалась в отдыхе. Теософский конгресс 1922 г. оказался на редкость изматывающим; очередной конфликт с Ледбитером, набравший силу почти пять лет, подходил к своей кульминации. К тому же Пойнт-Лома непрерывно атаковал адьярских теософов начиная с 1906 года. Кэтрин Тингли в 1913 и 1914 гг. побудила одного из своих помощников, Джозефа Фассела, написать два скандальных памфлета, в которых предъявлялось восемь серьезных обвинений против Ледбитера и Безант. Этот экзотический перечень включал самообожествление и приписывание себе невозможных оккультных способностей, отказ от «заповедей Моисея» в пользу буддизма, угрозу невинности молодых людей,

поощрение такого нетеософского поведения, как содомия, и привлечение в ряды Общества извращенцев и ненормальных. Особенно же Тингли и Фассела шокировали «Жизни Альционы», персонажи которой свободно меняли свои личности, пол и родственные связи, что предполагало если не вольное поведение, то слишком вольный образ мысли автора.

В 1917 г. Фассел отослал свои памфлеты Генеральному прокурору Нового Южного Уэльса, и тот приказал провести расследование деятельности Ледбитера. Полиция не смогла поговорить с самим епископом Ледбитером, здоровье которого ухудшалось всякий раз, когда к нему обращались с каким-нибудь расследованием, но удалось опросить мистера и миссис Т. Х. Мартин, состоятельных членов Общества из Сиднея, у которых Епископ находился в гостях, пока скарлатина не уложила его в постель. Миссис Мартин сказала, что Епископ ей не понравился с первой встречи, что неудивительно, принимая во внимание его требование, чтобы супруги спали в разных комнатах, пока он находится у них, чтобы не загрязнить его чистоту. Требование тем более неприятное и обидное, что она слышала о его репутации и могла бы поклясться, что видела, как он приводит мальчиков и укладывает их в свою постель в ее собственном доме.

Мистер Мартин, успешно управлявший Сиднейской ложей не так охотно, как его супруга, верил слухам, грозящим дискредитировать Австралийское Общество, хотя один из мальчиков и сообщил, что происходило между ним и Ледбитером. Но, приехав в Америку в 1919 г., даже Мартин был вынужден признать неприятную правду. Он повстречался с Губертом ван Хуком, ставшим к тому времени молодым человеком. Раздраженный пренебрежительным отношением к нему Ледбитера, Губерт откровенно обвинил Епископа в мошенничестве и педерастии. Той же осенью в Лондоне Мартин получил еще более ужасающие сведения о друге Ледбитера Уэджвуде – и Анни подтвердила эти слухи. После скандала с четырьмя священниками Либеральной Католической Церкви Уэджвуд поспешно переехал в Голландию, чтобы избежать ареста в Англии. Анни сказала, что Уэджвуд не является

инициируемым и что его нужно изгнать из Общества. Она поручила Мартину сообщить Джинараджадасе, бывшему заместителем главы Эзотерической Секции Австралии, приказ об исключении Уэджвуда из Общества.

Однако Джинараджадаса обратился за советом к своему старому учителю, и Ледбитер поспешил Уэджвуду на помощь. В декабре 1919 г. смущенный Джинараджадаса телеграфировал Анни: «Мартин передал, что вы говорили будто У не инициирован. Ледбитер утверждает, что вы присутствовали при инициации»²²⁰. Как всегда, это происшествие обернулось старой уловкой: если Анни выступает против Уэджвуда, то тем самым она отрицает собственный оккультный опыт. Подтвердить этот опыт мог только Ледбитер, и поэтому оставался единственный выход из создавшегося положения. Через неделю она ответила Джинараджадасе: «Свидетельства Бердта достаточно. Отмените приказ»²²¹.

Трудно оценить психологическое состояние Анни в то время. Несмотря на сохранившиеся силы и способности, она все-таки была уже пожилой женщиной семидесяти пяти лет, приближавшейся к последней стадии своей богатой событиями жизни. Наверняка ее раздражали все эти бесконечные скандалы и слухи о неприличном поведении друзей и знакомых, представлявшие разительный контраст требованиям целомудрия и чистоты при инициации. Даже если она не верила слухам, то ее должна была удивлять хотя бы неосмотрительность Ледбитера. Он не только позволил широкой публике связывать себя с Уэджвудом, но до сих пор продолжал окружать себя мальчиками и привлекательными молодыми людьми, хотя, как иронически писал Нитья в письме к своему итальянскому другу Русполи, «он теперь изменил привычки и разговаривает со всеми некрасивыми и старыми женщинами»²²². Это было все, что касалось изменений в поведении Епископа. Он по-прежнему отказывался пожимать руку женщинам или оставаться с ними наедине (за исключением Анни) под тем предлогом, что они, якобы, «загрязнят» его. Однако Епископ был искренне привязан к Барбаре Летъенс, дочери Эмили (к недовольству ее отца); и хотя в общем он

женщин не любил, но всегда готов был сделать исключение. Скандал продолжался весь 1920 г., и в 1921 г. Мартин, убежденный в виновности Ледбитера, написал Анни письмо, сообщая о своих подозрениях и перечисляя улики²²³.

В этом письме он высказал все, что думали многие люди. Когда Уэджвуда обвинили в содомии, Ледбитер не только защищал его, но и сам явно имел на совести подобные грехи. Более того, Мартин обвинил его и в фальсификации сообщений, которые он получал от Учителей, в предательстве Анни и нечестности. Он написал также, что Анни слишком доверчива, поставив тем самым под сомнение ее оккультные способности.

Несколько месяцев спустя это письмо стало достоянием гласности – его опубликовал главный редактор журнала «OE Library Critic» вместе с другими материалами, направленными против Уэджвуда и Ледбитера. Анни Безант также подвергла их критике. Еще через два месяца, перед открытием австралийского конгресса, Реджинальд Фаррер, священник Либеральной Католической Церкви и друг Ледбитера, некоторое время обучавший Кришнамурти, написал Анни заявление о сложении с себя полномочий главы Английского филиала Ордена масонов, признаваясь в содомии и обвиняя в том же самом Уэджвуда.

Через четыре месяца после этого ошеломляющего заявления, копии которого он послал другим людям, Анни получила еще одно письмо от епископа Либеральной Католической Церкви Руперта Гонтлетта, выдвигавшего те же самые обвинения против Уэджвуда. Затем пришел циркуляр от президента Ноттингемской теософской ложи с требованием провести расследование случаев содомии в Обществе. К тому времени начал свою работу австралийский конгресс. Ледбитер вызвал к себе на подмогу Анни, Кришнамурти и Нитью. Они прибыли в Сидней, где полиция уже занималась расследованием по обвинению Уэджвуда и Ледбитера в аморальном поведении, хотя Епископ по-прежнему был слишком болен, чтобы встречаться с полицейскими.

Непосредственные улики могли предоставить только супруги Мартин, видевшие его в постели с Оскаром

Коллерштремом, сыном священника Либеральной Католической Церкви, но даже эта улика была слишком расплывчата и поэтому не последовало формального обвинения. Спать в одной кровати – это еще не преступление. С другой стороны, частный детектив, нанятый Обществом, обнаружил, что Уэджвуд менее чем за два часа посетил восемнадцать общественных уборных. Когда его спросили об этом, он объяснил полиции, что искал старого друга, о котором ему стало известно, что тот «ведет неправильный образ жизни», и Уэджвуд решил отыскать его, чтобы прийти ему на помощь.

На съезде Ледбитера обвинили во многих грехах, начиная от чревоущевания и заканчивая педерастией, которой он занимался не столько из желания получить удовольствие, сколько из стремления увеличить свои астральные силы. Как обычно, Епископ все отрицал, но общественное негодование постепенно накалялось. Когда Ледбитер, поддерживаемый Анни, отказался пойти на уступки, Австралийский филиал, естественно, раскололся и многие последователи теософии по всему миру вышли от Общества. В отместку Анни аннулировала официальное свидетельство Сиднейской Ложи и лишила прав тех, кто последовал за Мартином и основали независимое общество. Принимая во внимание размер финансового вклада Мартина, для родительской организации это был серьезный удар. Оставшиеся присоединились к только что сформированной ложе Блаватской.

Ледбитер, свысока игнорируя эти события, занимался строительством огромного греческого амфитеатра в гавани Сиднея, включавшего в себя арену, библиотеку и чайную комнату. Открытие комплекса сопровождалось особой церемонией, в которой Епископ играл главную роль. Он освятил здание со следующими словами: «Во имя всех Будд, прошедших и будущих; Во имя Великого Учителя Мудрости; Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Я благословляю эту землю»²²⁴.

Большую часть времени Ледбитер проводил в мрачном, но весьма изысканном сиднейском доме «Мэнор», где учредили теософскую коммуну. Несмотря на все скандалы, эта коммуна

процветала. В 1925 г. Эмили Летъенс взяла с собой нескольких своих детей – в том числе Мэри и Бетти – и отправилась на теософский конгресс, который опять проводился в Сиднее. Из Европы они плыли на теплоходе вместе с Розалиндой Уильямс, Кришнамурти и Нитьей, находившимся отдельно от остальных из-за своей постоянной болезни. После конгресса Эмили с детьми в целях духовного развития осталась в Мэноре. Никаких других целей, впрочем, и невозможно себе представить. Бетти Летъенс Епископ не понравился, и она противилась тоскливому распорядку дня, включавшему богослужения в соборе св. Албана Либеральной Католической Церкви, собрания масонов и тихие вегетарианские обеды, где Ледбитер бросал гневные взгляды на всякого, кто осмеливался нарушить тишину. На Мэри Летъенс старец произвел более благоприятное впечатление; он показался ей похожим на Бога, как обычно Его представляют себе дети; но и она находила это место невероятно скучным.

Появление Розалинды Уильямс не облегчило пребывание Мэри в Мэноре, и на то были свои причины. Вскоре после приезда в Сидней доктора порекомендовали Нитье провести некоторое время на холмах, под опекой Розалинды. И на борту корабля Мэри едва удавалось увидеть своего любимца, теперь же он оставался на холмах, и только его сиделка приехала в Мэнор. Обожавшая Нитью Мэри чувствовала жгучую ревность к Розалинде – могла ли она, школьница, соперничать с этой очаровательной девушкой? Голубые глаза, розовые щеки и светлые волнистые волосы – идеал северной красоты так прекрасно дополнял южную красоту смуглых братьев²²⁵. Что касается Розалинды, то она со свойственной ей естественностью вошла в доверие Мэри, рассказывая ей о Нитье, и вскоре Мэри полюбила и ее.

Молодые люди, находясь в мрачном доме, оживляли его романтическими мечтаниями. Мэри заметила, что, несмотря на свою серьезность, большинство учеников обладали приятной наружностью, причем почти все носили волосы на прямой пробор. Встречая леди Эмили с детьми, Ледбитер явился в гавань в пурпурных епископских одеяниях, с аметистовым кольцом на пальце, «ступая, словно лев»²²⁶, и опираясь на

плечо весьма миловидного пятнадцатилетнего подростка Теодора Джона. В Мэноре молодые люди были заняты тем, что бродили по округе в ожидании беседы с Ледбитером или «посланий астрального телеграфа»²²⁷. Эти послания, которые Бетти позже назвала «снотворным», печатала одна из девушек-фавориток. Машинопись была единственным видом деятельности, которому большинство из них обучалось во время пребывания в Мэноре.

Иногда Ледбитер выходил из своей комнаты и приглашал кого-нибудь на прогулку. Это считалось большой удачей, и многие соревновались за право сопровождать его – отчасти из-за того, что (как говорила Бетти) Ледбитер рассказывал занимательные истории, развевавшие царившую повсюду скуку; отчасти из-за того, что это понималось как особая почесть; а возможно, и из-за того, что ничего другого не предлагалось. Как обычно, воображение Епископа было устремлено в заоблачные дали. Однажды, как вспоминает Мэри Летъенс, он показал ей скалу, которая влюбилась в сидевшего на ней молодого человека²²⁸.

Эдвин Летъенс считал, что режим Ледбитера оказывает дурное влияние на его дочерей – «никаких забав; церковное настроение весь день и королевская напыщенная торжественность»²²⁹, но, возможно, он был недоволен еще и тем, что леди Эмили общалась с Ледбитером после того, что натворил его коллега Уэджвуд. Исключенный из рядов Общества и находившийся в розыске Уэджвуд вовремя успел покинуть Англию, на короткое время он задержался у Гурджиева в Фонтенбло, чтобы в конце концов поселиться в Париже и пуститься со своими друзьями в откровенный разгул. Потратив деньги, он обратился за помощью к Анни Безант, и та направила его к голландским теософам. Но вскоре их терпению (или средствам) предстояло иссякнуть, а епископу Уэджвуду пришлось опуститься до оплаты долгов посредством незаконного провоза кокаина.

Глава 12. Школа и жизнь

Одним из последствий послевоенного периода стал интерес к проблемам образования, основанный на вере в то, что правильное воспитание подрастающего поколения может предотвратить очередную войну. Поэтому экспериментальная педагогика приобрела необычайную популярность; теоретики и практики дискутировали на тему о том, как воплотить в жизнь древнюю мечту о сообществе всесторонне развитых людей, о мире индивидуумов, творческие способности которых вкупе с открытостью позволят им победить эгоизм, вне всякого сомнения являвшийся причиной последней войны.

Теории множились, и всевозможные гуру решили принять участие в полемике. Теософия и антропософия всегда особое внимание уделяли идеалу всесторонне развитой личности, физические и умственные способности которой не мешают проявлениям духовной сферы. Они также основали организации для практического воплощения этого идеала. Эти организации представляли собой широкий спектр учреждений – от добровольных собраний лож, летних школ и конференций до детских садов и начальных школ, открытых Безант, Тингли и Штейнером; появились также университеты со своими собственными исследовательскими отделениями. Теософское и Антропософское Общества ратовали за соединение современных методов преподавания с древними духовными истинами.

Однако не все Учителя разделяли этот оптимизм. Например, Гурджиев рассматривал высокоинтеллектуальные разговоры о мире во всем мире и о братстве людей как некое помешательство. Он, как и Ницше, весьма пессимистически относился к подобным идеям, считая, что именно они способствовали развязыванию войны. Все более увеличивающееся несоответствие между идеалом и действительностью порождало невыносимое напряжение в душах отдельных людей, как и во всем обществе, и приводило к характерному для девятнадцатого века лицемерию, загоняя

вглубь потаенные конфликты. Но и Гурджиева не обошел стороной интерес к реформе образования, хотя и весьма необычным образом.

Для основания новой школы необязательно требовались кирпичи и раствор – хотя многие духовные учителя придумывали новое применение старым зданиям и добывали необходимые средства для их содержания; можно было обойтись и без них. Кришнамурти временами учил просто под открытым небом, его школой был летний лагерь; Анни Безант и Анна Кингсфорд читали лекции в салонах и гостиных; но Штейнер побудил своих последователей построить специальное здание.

Более важным было не помещение, а методика обучения. У Успенского была собственная теория «школы», согласно которой приобрести эзотерические знания невозможно без приобщения к истинной педагогической традиции²³⁰. Ядро духовного обучения – это не слепое следование догме, но передача живой древней мудрости, причем необязательно в словесной форме – отсюда и интерес к движениям и специальным упражнениям. Трудность состояла в том, что мудрость нельзя приобрести посредством самообразования, то есть самостоятельным изучением или анализом, ибо невозможно обобщить универсальную истину в нескольких фразах, которые можно заучить наизусть. Здесь необходим Учитель, который сам, в свою очередь, был обучен другим Учителем. Таким образом, непереносимое условие обучения – это Учитель, а также его место в цепи преемственности.

Но где найти Учителя? И, что самое главное, как определить, что поиски увенчались успехом? О каком «успехе» в данном случае может идти речь? Эзотерическое знание по определению является знанием «тайным», и поэтому можно не догадаться, что цель перед вами, даже если вы ее достигли. Здесь неизбежно приходишь к вопросу о доверии некоему непроверенному авторитету – как случилось с самим Успенским, непроверенному потому, что какой успешной ни казалась бы его деятельность, изменчивая и непостоянная

природа духовного развития подразумевает, что любая видимость может оказаться лишь обманом чувств.

Более того, согласно западной либеральной традиции, которая оказала влияние в большей или меньшей степени на всех Учителей, о которых идет речь в этой книге, каждый человек является уникальной личностью. Это значит, что если даже X владеет многими эзотерическими тайнами и является самым подходящим Учителем для ученика Y, он не может быть автоматически самым подходящим Учителем для ученика Z. И, наконец, встает вопрос, что есть «истина» в духовной сфере. Мастерство учителя музыки можно оценить по тому, насколько ловко пользуется его ученик музыкальным инструментом, мастерство врача оценивается по здоровью его пациентов. Но чем измерить «успех» ученика в школе духовности – ведь сам термин «успех» в данном контексте не совсем подходит для описания достижений в этой области.

Блаватская и Ледбитер ссылались на непосредственное общение с Учителями и полагались целиком на свою силу убеждения. Гурджиев действовал приблизительно тем же образом. Более щепетильные Успенский и Штейнер, чувствительные к проявлению шарлатанства, старались выявить и обосновать подлинную эзотерическую и педагогическую традицию.

Кришнамурти пришел к абсолютно противоположным выводам. Вместо того чтобы искать эзотерическую традицию, каждый человек должен сам найти способ своего развития. И в самом деле, традиция и доктрины могут стать барьерами на пути личного прогресса, потому что для каждого индивидуума существует собственная дорога, недоступная остальным. Теософия именно потому пришла в упадок, что каждый день в ней появлялся новый проповедник, заставлявший других принять на веру его положения. Но эти же идеи и ставили Кришнамурти в двусмысленное положение, ибо, отрицая какое-либо духовное лидерство, он тем не менее понимал, что его последователи считают его своим Учителем. А если он не Учитель, то почему учит?

Иногда он пытался разрешить это противоречие, отрицая, что он Учитель, или настаивая на желании не иметь учеников и не основывать свою традицию, а, наоборот, обращаться к тем, кто находится на распутье, чтобы они сами выбрали свою дорогу. В таком случае он был бы уже не Учителем, а примером. Большинство же его аудитории не воспринимало различия между этими словами. Та страсть, с которой он говорил и обращался к каждому конкретному слушателю, со всеми его ошибками и заблуждениями, сама по себе уже предполагала духовное наставничество; отрицание позитивной доктрины само по себе становилось конструктивным методом.

Находились циники, утверждавшие, что он едва ли решится оставить такую выгодную карьеру. Для Кришнамурти его духовный авторитет мог стать прибыльным бизнесом. В течение 1920-х годов, особенно после того как он начал разъезжать по Америке, издавна славящейся пристрастием к религиозным экспериментам, он постепенно становился своего рода «звездой», в которой гармонически сочетались прекрасная внешность, экзотическое происхождение и дар убеждения. За это десятилетие Раджа превратился в его последователя и импресарио; под его руководством собрания привлекали к себе внимание многочисленных толп. Слава Кришнамурти приносила ему немалый доход, но тем труднее становилось убеждать аудиторию в том, что у него нет никакой положительной доктрины.

Проблема истинного обучения, а не превращения учеников в подобие учителя постоянно интересовала тех, кто своей целью ставил духовную эволюцию, а не личное преуспевание. К этому неизбежно приводила западная культура, с ее упором на личность – порождая еще один парадокс для тех, кто считал себя приверженцем восточных религий, культивирующих необходимость избавления от всего личного как первый шаг по пути просветления. То же самое подразумевалось и в первых стадиях Теософского Пути, хотя Кришнамурти был, возможно, единственным теософом, который попытался реализовав их на практике.

Граф Герман Кейзерлинг пытался разрешить эти парадоксы, представляя свою деятельность не как поучение, а как диалог; самого себя он называл «церемониймейстером» (распорядителем), а не педагогом²³¹. Целью этой Школы Мудрости, располагавшейся в небольшом немецком городке Дармштадте, было способствовать достижению понимания и просветления посредством дискуссий. Кейзерлинг родился в 1880 г. и происходил из знатной балтийской семьи; много путешествуя по Востоку, он жил в своем балтийском поместье, пока революция не вынудила его в 1918 г. переехать в Берлин. В следующем году он женился на внучке Бисмарка.

Кейзерлинг получал образование в университетах Дерпта и Гейдельберга, в традициях кантианского идеализма. Как и Штейнер, в своем духовном и философском развитии он испытал влияние Гете. Большое воздействие на него оказали также «Основания девятнадцатого столетия» Хьюстона Стюарта Чемберлена и работы австрийского философа и мистика Рудольфа Касснера²³².

Почти все, что осталось от него, – это понятие о Философии Смысла туманное немецкое название для образа мысли, который его изобретатель не смог более или менее сносно определить во всех его невероятных по объему трудах, хотя, как кажется, эта концепция чем-то была похожа на теософию. Суть состояла в том, что за всеми феноменами кроется глубинная и вечная ценность – тот смысл, который можно понять только интуитивно и невозможно выразить словами. Этот смысл, или значение, представляет собой фундаментальную реальность, общую для всех культур.

Кейзерлинг с интересом относился к Теософскому Обществу, особенно после посещения Адьяра в 1913 г. Его привлекала восточная философия более всего буддизм – которая представляла разительный контраст с материалистической философией Запада. В то же время он, как и Штейнер, предупреждал против слепого подражания восточному образу мысли и настаивал на том, что его современники должны следовать своим собственным духовным и философским традициям. Тем не менее он верил, что Восток

сможет научить двум великим истинам – истинам, которые, как ни странно, походили на доктрины немецкой идеалистической философии, которую Кейзерлинг усвоил в университете.

Во-первых, понимание, то есть восприятие смысла, существует вне слов: как и реакция слушателя на музыку, оно не может быть выражено посредством языка. Какое-то представление о нем может дать высокая поэзия, но именно в силу вышеуказанных причин такая поэзия непереводаима. Жители Запада, привыкшие к внешнему выражению, а не к внутреннему пониманию, отрицают этот факт – они думают, будто то, что невозможно выразить словами, невозможно и понять. Во-вторых, истина, как и мудрость, субъективна. Но жители Запада воспринимают истину как факт объективный и желают выражать ее в форме научного знания. Высшая форма западного знания – это научное знание и техника, и чем более доминирующими становятся эти формы, тем дальше современный человек уходит от других представлений об истине.

Согласно Кейзерлингу, эти две идеи – то, что понимание существует вне слов и что истина субъективна – можно найти в индийских философских системах, в виде представления о том, что мысль не средство оформления реальности, но она сама и есть реальность. Для европейцев мысль всего лишь средство достижения материалистической цели и такая установка отвлекает их от понимания духовного мира и даже препятствует признанию его существования.

Кейзерлинг был согласен с Йитсом, утверждавшим, что теософия допустила ошибку, пытаясь сблизить религию и западную науку, истину субъективной мудрости и истину объективного факта. Эта попытка неизбежно привела к стремлению достигнуть внутренней реальности снаружи, достигнуть духовного посредством материального. Целью ее является знание, а не бытие. В этом Кейзерлинг сближается со своим современником, философом Мартином Хайдеггером, занимавшимся подобными вопросами с точки зрения академической философии. Оба разделяли мнение, что наука может привести только к знанию, а не к пониманию или истине.

По мнению Кейзерлинга, это понимают два типа людей, которые достигают адекватного выражения смысла различными путями: художники: то есть деятели искусства, и те, кого Платон называл философами-правителями, мудрость которых дает им право управлять другими. Художники открывают или даже создают значение (Кейзерлинг не уточняет различие между открытием и творением), и искусство таким образом воплощает в себе вечный «смысл», познавая его инстинктивно. Но выше художников – философы-правители, которые наделяют смыслом жизнь. Таковы были Платон и Будда (без сомнения, Кейзерлинг подозревал, что тоже принадлежит этому типу людей).

В том брожении идей, которое охватило Германию после Первой мировой войны, учение Кейзерлинга вскоре стало популярным. Ему, как и Штейнеру, удалось переключить интерес публики с Востока на западную культурную традицию. В 1919 г. герцог Гессе, интересовавшийся, как и его потомки, духовными материями, пригласил его в Дармштадт. Герцог предоставил ему виллу, где философ основал то, что он назвал «Свободной Школой Философии» – свободной в том смысле, что любые темы можно было обсуждать свободно и не существовало определенной программы. К 1920 г. это учреждение было переименовано в «Школу Мудрости»; после непродолжительного функционирования в виде колледжа, школа превратилась в ежегодный коллоквиум, проводимый в различных точках Европы – однажды таким местом оказался пляж в Форменторе.

Одной из отличительных черт школы, напоминавших о ее «домашнем» происхождении, было стремление ее основателя дать каждому голосу право быть выслушанным. Кейзерлинг не хотел навязывать свою точку зрения. Вместо этого он ратовал за творческую полифонию, которую школа помогла бы гармонизировать во время коллоквиумов. Целью школы было не воспитание философов, то есть мыслителей, выстраивающих связанные системы, но появление философствующих людей: индивидуумов, способных формулировать вопросы и рассматривать проблему со многих

точек зрения. По мнению Кейзерлинга, именно таково должно быть основание духовного и социального прогресса. Дискуссии публиковались в журнале «Leuchter», и тот же самый подход отличает последующие сочинения Кейзерлинга, ставящего фрагмент выше трактата и афоризм выше параграфа. Несмотря на его восхищение Гете, литературным идеалом Кейзерлинга, как и Хайдеггера, был Гельдерлин. Совершенства можно достигнуть только посредством смерти. И в самом деле, совершенное – то есть «завершенное» – и является смертью. Жизнь же неоднородна, субъективна и фрагментарна.

Нельзя представить себе ничего, более отличного от этой школы, чем школа Штейнера. Эта школа мудрости находилась не так далеко от Дармштадта – в Дорнахе возле швейцарского Базеля. К тому времени Штейнер уже основал свою антропософскую группу, отколовшуюся от теософии, и в 1911 г. он приобрел для нее здание в Штутгарте, где у него нашлось немало последователей. Вскоре после разрыва с теософией он начал собирать средства для постройки штаб-квартиры в Швейцарии. Первый камень в основание нового здания был заложен на церемонии, состоявшейся в сентябре 1913 г. под завывание сильного ветра и во внезапно наступивших сумерках, но Штейнер не счел это дурным предзнаменованием и к концу года закончил модели основных сооружений. Вскоре начались работы, и здание, призванное воплотить в жизнь идеи Гете об искусстве и духовности, получило название «Гетеанум»²³³.

Быстрый ход строительства, продуманные детали – от резных украшений до витражей – словно свидетельствовали о здоровой практической стороне антропософии: художники и интеллектуалы, ремесленники и любители, рядовые члены и руководители работали вместе над постройкой деревянного дворца объемом более шестидесяти пяти тысяч кубических метров, покоящегося на каменном основании и увенчанного шиферной крышей в норвежском стиле. Штейнер не только проектировал здание, он руководил буквально всеми работами, включая замысловатые декорации. Он также лично работал на строительстве здания в промежутках между поездками по Германии и Центральной Европе. Ничего подобного ранее не

видели, и за небольшой срок своего существования (здание сгорело в декабре 1922 г.) дворец стал объектом паломничества не только антропософов, но и просто любителей искусства, интересовавшихся зримым воплощением эстетических взглядов Штейнера.

Следуя за Гете, который разделял представления каббалистов о том, что Господь создавал все сущее посредством дыхания, Штейнер рассматривает Землю как живой организм; смена времен года для него символизирует процесс дыхания²³⁴. Летом Земля выдыхает, зимой она вдыхает. Человечество включено в процесс жизни как органическая часть; жизнь человечества и человека вплетена в сезонные, исторические, глобальные и космические жизненные циклы. Во время равноденствий человек меняется физически и духовно. Таким образом, человечество является частью эволюционирующего макрокосмического духовно-физического организма, повторяющего все стадии развития на микрокосмическом уровне. Духовная история человечества – также часть этого процесса. Штейнер считал, что современное человечество утратило духовную, эстетическую и познавательную целостность, за что теперь и расплачивается. Всякая деятельность и всякая вещь, производимая человеком, должна способствовать обретению этого утраченного единства всеми возможными способами.

Поэтому архитектура и пространство Гетеанума должны были выражать органическую вовлеченность Человека в Природу и фокусировать духовную энергию. Все в этом здании должно было быть функциональным и значимым. Много писали об уникальности стиля Штейнера, хотя в декоративной отделке дома, особенно в таких деталях, как совершенно отличавшиеся друг от друга колонны или оконные рамы, довольно явно просматривался стиль модерн. Штейнер был убежден, что художественная форма возникает из внутренней духовной необходимости, если произведение по-настоящему величественно и значимо, каким и должно быть подлинное германское искусство. Поэтому все в доме должно было словно «проистекать» друг от друга, следуя теории метаморфоз Гете,

согласно которой все органическое непрерывно меняется и эволюционирует, и собственному восприятию Штейнера аур или силовых линии, которые, в его понимании, окружают каждое живое существо. В планировке и дизайне помещений бросается в глаза отсутствие прямых линий, которых, по возможности, старались избегать. Декорации были продуманы вплоть до мельчайших деталей. Даже цвета стекол окон, стен и потолков соответствовали цветовой теории Гете и Штейнера; разные оттенки символизировали разные состояния души и были предназначены производить различные психологические и духовные эффекты. Строительные материалы выбирались тоже очень тщательно; использовались краски только растительного происхождения.

Округлые и плавно изгибающиеся линии порождали конструктивные проблемы, особенно когда потребовалось возвести два пересекающихся деревянных купола разных размеров, венчающих основное здание (один из них был больше купола Собора св. Петра). Поскольку они входили один в другой, их невозможно было укрепить стандартным способом – скрытыми архивольтами и потому было разработано особое крепление, так чтобы они поддерживали друг друга. Но инженерные проблемы отступали перед более общими соображениями о многофункциональности здания. Пространство под куполами, где могло разместиться более тысячи людей, представляло собой одновременно и лекционный зал, и аудиторию для антропософских собраний по образу теологических конгрессов. Были предусмотрены и жилые помещения, и пространные мастерские, и вскоре, подобно Пойнту-Лома, Гетеанум стал не только храмом, но и общественным, художественным и образовательным центром. Подобно Гурджиеву, Штейнер выступал одновременно и как терапевт, и как маг. Он поставил цель свести воедино все аспекты и проявления жизни, чтобы личная духовная эволюция человека могла способствовать эволюции всего общества. Таким образом, Гетеанум рассматривался буквально как космический проект.

Страстью к грандиозным проектам Штейнер во многом обязан Вагнеру. Решив поселиться в Швейцарии, после того как ему отказали власти Мюнхена, Штейнер говорил с землевладельцами о строительстве нового здания и некоторое время спустя присутствовал на спектакле «Парцифаль» в собственном театре Вагнера. «Парцифаль» – это опера, в которой воплощены представления композитора о «Gesamtkunstwerk», или синтетическом произведении искусства, примененные в данном случае к легенде о святом Граале. Постановка произвела неизгладимое впечатление на Штейнера, который к тому времени уже интересовался концепцией драмы как способа переживания религиозного опыта и сакрального действия. Нечто подобное он нашел в попытке Эдуарда Шюре преобразовать орфические ритуалы и приспособить их к современной сцене. Объединив идеи Вагнера и Шюре с собственной доктриной, он написал пьесы-мистерии, которым предстояло сфокусировать всю активность Дорнаха и которые до сих пор входят в антропософский репертуар.

Эти пьесы, изображающие духовную эволюцию одних и тех же персонажей на протяжении четырех сцен (пятая так и не была написана), объединяют искусство речи, движения, цвета и декораций, дав новый толчок развитию эвритмики²³⁵. Эвритмия Штейнера (в отличие от эвритмики Далькроза) определяется как зримая речь и песня и основывается на идее о том, что воздействие на людей оказывает не только смысл, но и звучание слов. Звуки создают невидимые волны, движущиеся в воздухе, и их можно перевести в видимые формы, похожие на те линии, что встречаются в живописи и скульптуре Штейнера. Но слова сами по себе тоже значимы, поэтому их тоже можно использовать наряду с движениями.

Как и Гурджиев, Штейнер верил, что танцевальные ритмы созвучны космическим ритмам и могут дать ключ к пониманию природы последних, и что древние храмовые танцы, которые ныне забыты, отображали именно эти ритмы и их соотношенность с человеком. Все во Вселенной пронизано невидимым ритмом; беда современной жизни заключается в том, что люди утратили естественное чувство ритма – и в

окружающем мире, и в собственных телах. Если воссоздать их в танце – искусстве, в котором сходятся все способности человека, то можно узнать истины космологии и космогонии. И поскольку это такое искусство, в котором воплощаются представления о пространстве и времени (и их взаимодействии), танец является потенциальным средством открыть древнюю формулу, поиски которой побудили мистера Фельта и его друзей за сорок лет до того основать Теософское Общество. Таким образом, танец стал необходимым средством приобщения к антропософии: средством, которое может преобразовать дискурсивную науку о духе в непосредственное восприятие Бытия.

Обостренное ощущение Бытия как противоположности обыденного существования было целью другой знаменитой школы того времени, находившейся в замке Шато-дю-Приерде-Басс-Лож. Здесь в октябре 1922 г. Гурджиев открыл в очередной раз свой Институт Гармоничного Развития Человека, вступив, как он сам выразился в «один из самых безумных периодов» своей жизни²³⁶, а также, добавим, и жизни других людей.

В отличие от плавных линий здания Штейнера с их перетеканием форм, этот «замок» представляет собой крепкий, но в то же время элегантный особняк, симметрично расположенные окна и тщательно продуманный декор которого отражает дух иерархии и склонности к земному, характерные для Франции середины XVII века. Гурджиеву предстояло превратить его в некое собственное подобие Гетеанума. Находившееся в сорока милях от Парижа, окруженное парком в Авоне, близ Фонтенбло, здание было окружено высокой каменной стеной; за воротами открывается двор с фонтаном. Поместье простирается на 250 акров. Сначала Гурджиев арендовал его, а позже купил за семьсот тысяч франков у вдовы мэтра Лабори, юриста, прославившегося защитой Дрейфуса.

Строения были довольно крепкими и прочными, с прекрасными салонами и оранжереями, но в поместье никто не жил с 1914 г., и комнаты были пыльными и грязными, сад зарос.

Гурджиев снял дом в Отейле и сразу же приступил к делу, приказав одним ученикам приводить в порядок замок, а другим работать над священными танцами в парижском Далькрозианском институте. Впоследствии репетиции перенесли в старый ангар, расположенный на территории поместья, который был разобран и вновь возведен, заново оснащен печами, резервуаром, витражами и подмостками, накрытыми изысканными коврами. Пол помещения, известного под именем Учебного Дома, представлял собой утрамбованную землю, а стены были украшены рисунками и различными изречениями. Всего в нем могло поместиться триста человек.

Сразу же началось и обычное самовосхваление, и надувательство – в новом проспекте утверждалось, что Институт Гармоничного Развития Человека известен во всем мире, что число его членов достигает пяти тысяч человек, что он располагает постоянным штатом преподавателей практически по всем дисциплинам, и великолепным медицинским отделением, в котором пациенты могут пройти курсы психотерапии, гидротерапии, магнитотерапии, электротерапии, диетотерапии и дулиотерапии²³⁷. На самом деле штат состоял из самого Гурджиева и его старых учеников: Стьорнваля, Гартманнов и Зальцманнов; программа обучения представляла собой странную смесь теософии и суфизма, а число учеников не превышало 150 человек. Но поскольку расхождение между кажущимся и реальным было одним из основных пунктов учения Гурджиева, то, возможно, эти противоречия никого не должны были смущать.

Из 150 учеников около 40 со временем поселились в Приере (их количество постоянно колебалось), и они представляли собой занятное сочетание – одна половина представляла собой выходцев из России и стран Восточной Европы, а другая – представляла высшие слои британского среднего класса. Выходцы из Восточной Европы были в основном славянами и армянами, большинство которых не знало ни французского, ни английского языков. В 1923 г. к ним присоединились оставшиеся в живых члены семейства Гурджиева, приехавшие из Грузии. Восточный контингент,

помимо всего прочего, придавал институту экзотический колорит. Предоставленные самим себе, немногие из них учили французский, и когда Учитель периодически выставлял их, они оказывались практически без средств к существованию. В более удачное время они помогали в постановках священных танцев и жили за счет его щедрости.

Лет за тридцать до того, большинство англичан вступили бы в Теософское Общество. Сейчас же большинство из них разочаровалось в теософии и искало более радикальные доктрины, требующие строгой личной дисциплины. Они нашли то, что искали у Гурджиева. Он предлагал именно то, чего недоставало теософии: тяжелый труд, строгую дисциплину, психическое напряжение, новизну – и характерную смесь властного контроля с чарующей свободой, проистекающей из сознания отказа от привычного комфортного образа жизни и подчинения чужой воле.

Кроме того, Гурджиев предоставлял то, чего многие теософы, любящие дисциплину или нет, всегда страстно желали: контакт с реальным Учителем Мудрости; существом, если и не принадлежащим кругу Бессмертных, то, по крайней мере, находящимся в непосредственном контакте с ними или с тем, что Успенский называл Источником. Но и это составляло только часть авторитета Гурджиева. Он сам по себе обладал незаурядной личностью, даже его враги признавали, что он представляет собой силу, с которой нельзя не считаться. И подчинения он требовал беспрекословного.

Жизнь в Приере шла по образцу, установленному в Броктоне и Ессентуках; обитатели как будто находились в постоянной осаде, да так в каком-то смысле и было. Врагом был сам Гурджиев. Он навязывал всем свой деспотизм, перемежавшийся снисходительным покровительством, и настаивал на том, чтобы обитатели подчинялись не только его капризам, но и полутюремному режиму, учрежденному для учеников. Правила запрещали им находиться в определенное время в определенных местах или покидать помещение без разрешения. Правила предписывали также работу по дому и саду. Несколько комнат были обставлены роскошной мебелью,

собранной со всего поместья, но они предназначались в основном для богатых посетителей, новичков, любимцев и самого Гурджиева. Остальные жители обитали в чердачных помещениях – в той части дома, что называлась «Монашеский коридор», где, разделенные по полу, они обитали в чрезвычайно простой обстановке. Дети жили отдельно от родителей в небольшом домике в парке; взрослые присматривали за ними по очереди.

Несмотря на периодические прихоти Учителя, режим дня в Приере, определенный до мелочей, был спартанским²³⁸. Между шестью и семью часами утра – завтрак, состоявший из кофе и поджаренного хлеба, а затем работа. В двенадцать часов перерыв на обед. Обычно он состоял из супа и хлеба. После обеда снова работа, а затем ученикам предоставлялось немного свободного времени до ужина в семь часов вечера. После ужина занятия гимнастикой, танцы, разговоры и дискуссии до девяти часов, а иногда и до поздней ночи. Спать тогда ложились в три или четыре часа утра. Этот режим соблюдался в будние дни. В субботу он оживлялся баней и танцами – тогда на смену Спарте приходила Азия. Посещения влиятельных и известных гостей отмечались пышными банкетами. С другой стороны, Гурджиев устраивал посты: несколько дней – только апельсины и протокваша, затем клизма и несколько дней вовсе без еды, день с бульоном и день с бифштексом. В воскресенье все отдыхали.

Ученики готовили пищу и проводили уборку. Чтобы приготовить завтрак, повар должен был встать в половине пятого, принести уголь, растопить печь, поджарить хлеб и сварить кофе. Сразу после завтрака ставили на огонь двадцатипятилитровые кастрюли с супом и прибирали на кухне. Пока одни ученики готовили, другие обрабатывали огород, ухаживали за курами, полировали мебель, натирали полы и следили за порядком в огромном доме.

По разительному контрасту с одухотворенной теософией, которая презирает человеческий быт, как помеху на Пути, Работа²³⁹, так стали называть практику института Гурджиева, основное внимание уделяет физическому труду и общему

распорядку. Пока последователи Кейзерлинга вели аристократические беседы, а последователи Штейнера искали Бога в искусстве и окружающем, ученики Гурджиева ежедневно занимались тяжелой работой, посещали собрания и выполняли упражнения, призванные пробудить душу от сна. Именно этот распорядок – а не доктрина – привлекал ту часть учеников, приезжавших из Англии и выросших в среде высшего и среднего классов. С детства их окружал мир, который сатирически изображали в своих произведениях Олдос Хаксли, Л.-Г. Лоуренс и Е. М. Форстер: мир, где лакеи и слуги выполняли за своих хозяев практически все, за исключением непосредственных телесных функций, чтобы те могли предаваться размышлениям о духовном.

А. Р. Орейдж одним из первых стал учеником в Приере. Он воспринимал свою поездку в героическом свете – сказал своему преданному секретарю в «Литтл ревью», что покидает Англию и едет в Приере «искать Бога»²⁴⁰. Прибыв в замок практически без всего, с одним лишь желанием в сердце и «Алисой в стране чудес» в кармане, он удивился, узнав, что поиски Бога заключаются в том, чтобы копать лопатой целый день никому не нужную яму.

Когда Орейдж пожаловался Учителю на плохое настроение и усталость вследствие нескольких недель такого бесплодного занятия, Гурджиев посоветовал ему прекратить стонать и отослал обратно, велел копать глубже. Находясь на грани срыва и бунта, Орейдж повиновался, и когда ему казалось, что он уже не может продолжать работу, болевой барьер был преодолен, и он начал получать глубокое удовлетворение от труда – теперь не такого утомительного, от хорошо сделанной работы и от того, что подчинился воле своего Учителя²⁴¹.

Непосильные задачи были одним из способов добиться духовного напряжения у учеников. Гурджиев настаивал на следовании непосильному режиму, унижал учеников публично и даже поощрял ссоры. Это, по всей видимости, входило в понятие «шоковой терапии», принимавшей форму умственных, эмоциональных и духовных упражнений.

Помимо работы по дому и саду, ученики выполняли разнообразные задания – от копки ямы, как это было с Орейджем, до совершенно невероятных заданий, цель которых была неясна. Дамам из общества, которые ранее никогда не занимались физическим трудом, приходилось чистить картофель или пропалывать клумбы, попутно заучивая тибетские слова или азбуку Морзе. Другие должны были выполнять физические упражнения, одновременно решая в уме арифметические задачи. Доктору поручалось поработать в котельной, писателям – приготовить пищу, а выдающимся психиатрам – убирать навоз или скоблить пол на кухне. Все это походило на строгий интернат во главе с чересчур гениальным, если не сказать, помешанным учителем, но большинству учеников это нравилось – по крайней мере, некоторое время.

Гурджиев не делал различия между важным и неважным, между серьезным и шуточным. Люди должны были делать работу сначала за половину обычного времени, потом за четверть – в качестве индивидуального испытания. Другие были вынуждены работать в группах с теми, кого они ненавидели. Интеллигентам запрещалось читать, а впечатлительным назначалось убирать отходы или резать скот. Основным педагогическим принципом был принцип противоречия: делай то, что тебе не нравится, каким бы противным это ни казалось. Делай невозможное; затем сделай это дважды или занимайся сразу двумя несовместимыми занятиями.

Упражнения основывались на двух принципах. Во-первых, существует необходимость добровольного и осознанного страдания, которое, как говорил Гурджиев, человек должен испытать, чтобы проснуться и обрести истинную реальность. Однако немногие люди способны самостоятельно преодолеть испытания. Отсюда следует второй принцип: страдание должен причинять им Учитель, которому они полностью подчиняются. Поэтому необходима «школа». Без доверия к Учителю, подчеркивал Гурджиев, нечего и говорить о добровольном выборе страдания. Напомним, что Успенский несколько раз восставал именно против этого принципа. Другие приходили в замешательство, когда Гурджиев доказывал, что сам факт

подчинения ему учеников, какими бы своенравными ни были его приказы, свидетельствует о необходимости для них претерпевать страдания. Иногда бунт заканчивался изгнанием ученика, а иногда признанием того, что «наконец-то» виден прогресс – теперь ученик может стоять на своих ногах.

Результаты такого обучения были различными. Экзальтированные дамы находили, что они и в самом деле стали более самостоятельными, это длилось день-другой, но после возвращения в Париж или Лондон этот эффект исчезал, на них нападала очередная блажь, они возвращались, и Учитель их всячески оскорблял. Гурджиев стремился не только затруднить жизнь своим ученикам, но и из себя сделать загадку, трудную для понимания. Он говорил, что у него нет времени на пустяки, принимал их деньги; «стричь овец» – так он это называл.

Серьезным ученикам казалось, что они испытывают духовный рост вследствие всех этих испытаний, но это было всего лишь начало. Гурджиев всегда находил новые способы затруднить им жизнь и подчинить их своей воле. Об отдыхе и речи быть не могло. Лозунгом были постоянная бдительность, целеустремленность и борьба. Журналист Карл Беховер Роберте, коллега Орейджа, познакомившийся с Успенским и Гурджиевым во время написания очерков о Гражданской войне, вспоминает, что Учитель постоянно подгонял своих английских учеников возгласом «Быстрее!»²⁴². Это в той же степени походило на Четвертый Путь, как и на безумный духовный дарвинизм.

Экстремальные формы обучения неизбежно должны были приводить к серьезным последствиям среди тех, кто не мог ни справиться с постоянным напряжением, ни покинуть Учителя; среди его учеников случались и психические срывы, и даже самоубийства²⁴³. Но они только усиливали его власть. Многие считали, что срывы и самоубийства произошли бы в любом случае, что это признак несостоятельности человека. Попав под влияние Гурджиева, некоторые из слабых и доверчивых учеников, воспринимали его как Бога. Все происходившее они начинали объяснять как проявление его воли. Если, скажем, он

освобождал их от неприятных работ, это было сродни нисхождению самого Божества до их низменных интересов. Некоторые даже склонны были объяснять включение остановившегося автомобильного двигателя проявлением его чудодейственной силы.

Смесь серьезного и мистификаторского является отличительной чертой Гурджиева, и прессе это нравилось. Журналисты любили описывать Приере в период 1922–1925 гг. Как «Дейли миррор», так и «Дейли ньюс» публиковали обширные статьи о Гурджиеве, предлагая самые различные интерпретации его учения – от сатанизма до нудизма. В «Нью стейтсмен» появилась более обстоятельная, хотя и непоследовательная статья, в которой обитатели Приере были названы «лесными философами»²⁴⁴. Но как бы ни интересовалась им пресса, Гурджиев всегда был готов привлечь к себе еще большее внимание. Как и ЕПБ, ему нравилось смущать публику своими рассказами. Большинство так называемых «новостей» он придумывал сам; они касались не столько его учения, сколько его известных спонсоров и покровителей. Одной из самых важных новостей в январе и феврале 1923 г. считался факт приезда леди Ротермер.

Появление Гертруды Стайн и Эптона Синклера в Приере также привлекло внимание прессы, как и быстротечный визит Дягилева, который обдумывал постановку священных танцев. Большинство остальных посетителей не были столь известными. Дж. Г. Беннетт прибыл на пять недель летом 1923 г., и в том же году Гурджиев принимал епископа Уэджвуда, ставшего не таким уж уважаемым, хотя и популярным после недавнего скандала. Многие приезжали из Парижа на день или вечер в дорогих автомобилях, чтобы посмотреть на танцы; Гурджиев и Приере стали модным явлением – нечто вроде парижского развлекательного учреждения.

Гостей угощали великолепными яствами и винами; а когда они оставались на ночь, то их размещали исключительно в Ритце. Но щедрое угощение и лесть, которую расточал Гурджиев, нравились отнюдь не всем, и многие задавали себе вопрос, уж не скрывается за всем этим какая-то издевка.

Некоторые посетители проявляли откровенную враждебность. Любопытствуя увидеть нового гуру и духовного наставника, о котором им говорили друзья, побуждаемые Мэйбл Додж Лухан²⁴⁵, которая простодушно полагала, будто свойственная им грубоватость будет способствовать хорошим отношениям с Гурджиевым, в январе 1925 г. замок посетили Д. Г. Лоуренс с женой Фридой. По собственному их признанию, каждое мгновение своего пребывания в замке они испытывали ненависть. Лоуренс назвал Приере «прогнившим, лживым, самодовольным местом», заполненным людьми, занимающимися «болезненным трюкачеством»²⁴⁶. Странно, что кому-то вообще пришло в голову, что Лоуренс и Гурджиев могут найти общий язык: они были соперниками, а не единомышленниками. Другие тоже разделяли неприязнь Лоуренса, хотя немногие позволяли себе такие резкие выражения, как Уиндхэм Льюис, обозвавший владельца Приере «левантийской психической акулой». Беховер Робертс в более мягких тонах описал англичан в Приере как «мистически настроенных Микоберов (персонаж из романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд», неудачливый и бедный, но не унывающий, добродушный и несколько эксцентричный знакомый Дэвида), терпеливо ожидающих появления чего-то сверхсознательного»²⁴⁷.

Среди тех, кто терпеливо ожидал «чего-то», зная почти наверняка, что этим окажется смерть, была одна из самых известных обитательниц Приере, Кэтрин Мэнсфилд, там же и скончавшаяся. Она приехала в Фонтенбло из-за Орейджа, опубликовавшего ее первые рассказы в «Нью эйдж». К тому времени она уже болела туберкулезом и знала, что обречена. Всю жизнь она мечтала о чуде, как она писала Дороти Бретт, своему импровизированному врачу. В то же время она подозревала, что не только ее тело нуждается в излечении, и к концу жизни она стала отождествлять свое собственное излечение с исцелением всего мира. Она мечтала о таком враче, которому можно было бы довериться, который отнесся бы к ней с пониманием, а не просто как к пациенту, – о властном человеке, а не только об искусном докторе.

Первым кандидатом на этот пост стал русский доктор Манукин, лечивший пациентов рентгеновским облучением селезенки. Манукина ей порекомендовал ее друг, Сергей Котелянский; и Мэнсфилд, питавшая слабость к русской культуре, восприняла его как своего рода Чехова: мягкого, мудрого и сильного. В январе 1920 г. она поехала в Париж, чтобы познакомиться с ним, и он обещал ей вылечить ее. Сообщив хорошую новость Мидлтону Марри, своему мужу, Мэнсфилд тем не менее в своем дневнике отметила, что испытывает двойственное ощущение по отношению к доктору. Одна половина ее считает, что он человек хороший, а другая половина думает, что он просто самозванец. Но все-таки она начала курс лечения, из осторожности проконсультировавшись с врачами в Англии.

Она принимала и другие меры. Почти тогда, когда она консультировалась с доктором Манукиным, Орейдж послал ей анонимно опубликованную книгу о психическом контроле над психической пищей. «Космическая анатомия, или Структура Эго» Льюиса Уоллеса, одного из активных читателей «Нью Эйдж», произвела глубокое впечатление на Мэнсфилд, делавшую из нее выписки в свой блокнот. Но всех их вскоре сменил Гурджиев.

Мэнсфилд приехала в Париж в конце октября, когда Гурджиев начал наводить порядок в замке. Орейдж, прибывший 14 числа проездом в Приере, и еще один ученик Гурджиева посетили Мэнсфилд в гостинице. Она переехала в замок 17 октября, где ее поместили в Ритц, и она сразу прониклась симпатией к Гурджиеву, хотя и писала, что при первой встрече он показался ей «вождем пустынного племени»²⁴⁸. Дом сам по себе был холодным, вода в фонтане превратилась в лед, и она куталась в теплые вещи, присланные ей Идой Бейкер из Парижа, но ей было уютно и даже радостно, хотя в ее письмах и проскальзывает понятное волнение. К этому времени ей оставалось жить несколько недель.

Возможно, ее состояние можно описать как лихорадочное. Несколько раз она писала к Иде Бейкер в духе Гурджиева, осуждая ее за мрачное самопотворствование: «К чему такая

трагичность? Это не поможет. Она только мешает тебе. Если ты страдаешь, научись понимать свое страдание, но не поддаваться ему. Та часть тебя, что жила мной, должна умереть – тогда родишься ты. Переживи смерть!»²⁴⁹

Мэнсфилд с готовностью приняла жизнь в Приере, даже когда ее перевели из Ритца в маленькую спальню в общем коридоре на верхнем этаже, с жесткой постелью и голым столом. (В декабре, когда ее состояние ухудшилось, ее снова перевели в Ритц.) Кроме того, Гурджиев изменил распорядок дня и объявил, что теперь та работа, которая делалась днем, будет выполняться ночью. Посреди ночи Мэнсфилд мыла и чистила морковь в холодной воде, принимала вместе с другими учениками грубую пищу значительная перемена по сравнению с предыдущими месяцами²⁵⁰.

Все по очереди занимались уборкой и приготовлением еды. Замок напоминал своего рода коммуну, и бесполезные занятия – вроде того, как Орейдж копал яму, – были исключением. Нужно было выращивать овощи, колоть дрова, делать ремонт в помещениях, ухаживать за огромным садом и парком. В поместье были домашние животные, в том числе коровы, которые заняли некоторое место в пребывании Мэнсфилд в Приере: Учитель однажды приказал ей провести некоторое время в специальной постройке над коровником, вдыхая запах коров. Один из ее биографов писал, что таким народным средством пользовались при болезни легких крестьяне в Восточной Европе, хотя сама Мэнсфилд ничего не сообщала о произведенном эффекте в своих письмах и дневниках. Небольшой балкончик позолотили, расписали птицами, насекомыми и постелили там матрасы с ковриками; двум ученицам, Адель Кафиан и Ольге Ивановне Гинценберг (позднее ставшей женой Франка Ллойда Райта), было приказано присматривать за ней.

Мэнсфилд совершенно переменилась в последние недели жизни. Она почти ежедневно виделась с Орейджем и о своем старом «я» говорила как об умершем человеке: «покойная Кэтрин Мэнсфилд»²⁵¹. Она сожалела о своих ранних рассказах, которые были чересчур поверхностны и злы, и хотела бы стать

другой писательницей, чтобы, описывая персонажей, по-гурджиевски сражающихся на пути к самопознанию, показать «путь к Богу»²⁵². Но этому не суждено было случиться.

Гурджиев испытывал настоящую страсть к различного рода банкетам и праздникам, но особое представление он давал на Рождество – с тщательно изготовленными декорациями, с соответствующими церемониями и угощением. Мэнсфилд принимала участие в празднике и готовилась к Новому году по старому стилю (13 января), когда в Приере должен был открыться маленький театр. Она пригласила своего мужа, и 9 января он приехал и нашел ее «человеком, преображенным любовью»²⁵³. Пока Мэнсфилд жила в Приере, Марри по-своему искал Бога в Дитчлинге, графство Суррей, где был своего рода провинциальный Гурджиев – Миллер Даннинг, практиковавший йогу и опубликовавший мистический трактат «Земной дух» (1920). Этот Даннинг предупреждал друга, что учение Успенского злоторно. Поначалу, после встречи с женой и ее смерти, Марри благосклонно отнесся к Работе, но позже назвал ее «духовным шарлатанством».

В тот вечер были танцы. Подымаясь в свою комнату вместе с Марри, Мэнсфилд закашлялась. Когда они дошли до комнаты, из ее рта потекла кровь и через несколько минут она скончалась. Ей было тридцать пять лет. Ее похоронили три дня спустя, 12 января 1923 г., на расположенном неподалеку протестантском кладбище в присутствии мужа, сестер и нескольких друзей из замка, включая Гурджиева, который должен был увидеть в ее смерти недоброе предзнаменование для Приере.

Глава 13. Трудности

1920-е годы были не только временем всеобщей надежды и подъема, они также оказались и временем жестоких финансовых кризисов. Печально известный крах на Уолл-стрит оказал влияние на все сферы жизни, от финансов до религии. Вслед за кратковременным послевоенным подъемом и вспышкой общественного оптимизма, связанной с созданием Лиги Наций, конец 20-х годов ознаменовался необузданной инфляцией, спад сельского хозяйства и промышленного производства, массовой безработицей и политической нестабильностью. В массовом сознании религия уступила место политике. После прихода к власти в Германии в 1933 г. Гитлера мир разделился на три лагеря: либеральные демократы, фашисты и коммунисты. Теософское Общество переживало упадок, Работа подошла к концу; Школа Мудрости в Дармштадте закрылась, антропософия преследовалась; многие лидеры, о которых идет речь в этой книге, либо умерли, либо, умолкли, впали в безумие или оказались в изгнании.

Первым знаком надвигавшихся перемен стал пожар, который уничтожил первое здание Гетеанума в ночь на новый 1922 г. Незаконченное деревянное здание легко могло стать жертвой любой неосторожной искры, вылетевшей из печи или огня в мастерской, но возникло подозрение в поджоге – и не без оснований. В Германии началась клеветническая злобная кампания против Штейнера; его обвиняли во всех грехах – в том, что он колдун, еврей, предатель, черный маг, карбонарий, коммунист и член Фабианского Общества, а также в том, что он финансовый махинатор и покровитель Ирландской освободительной армии²⁵⁴.

Многие антропософы видели в пожаре происки недоброжелателей, однако некоторые считали, что за всем этим стоит сам Ариман, Повелитель Темного Лица, а не какие-то конкретные люди. Согласно Штейнеру, злобный Ариман стал вмешиваться в земные дела с 1879 г., когда архангел Михаил взял человечество под свое покровительство и повел его по

пути космического просвещения²⁵⁵. Силы зла оказывали упорное сопротивление духовному просвещению людей. (Очевидно, такими же каверзными способами, как поджог центра.) Иначе говоря, разрушение Гетеанума интерпретировалось как проявление на физическом плане метафизической войны, Зла и Добра, хотя это толкование и не помешало Антропософскому Обществу получить значительную страховку.

Уравновешенный и спокойный образ жизни Штейнера, занимавшегося постройкой Гетеанума и читавшего лекции, находился в разительном контрасте с злодеяниями, в которых его уличали. Впрочем, и антропософы отвечали в сходных выражениях, обвиняя своих врагов в духовном и физическом вредительстве и в покушении на жизнь своего предводителя. Похоже, некоторые из этих обвинений не лишены достоверности. В Германии того времени были широко распространены политические убийства – как результат поражения, чудовищной инфляции и политического хаоса; различные группы и объединения пытались найти виноватых во всех неудачах. В сентябре 1921 г. Гитлер стал председателем Национал-Социалистической партии, в программу которой входили антисемитизм, антикоммунизм и национальное возрождение, что выразилось во всяческом восхвалении достоинств немецкой нации. К ноябрю 1923 г. Гитлер стал одним из влиятельных лиц правой оппозиции и призывал к свержению правительства, за что и угодил в тюрьму. Атмосфера была настолько наэлектризована, что даже благопристойные собрания последователей Штейнера стали контролировать группы угрюмых молодых людей, готовых наброситься на возможных возмутителей спокойствия.

Однако именно это беспокойное время и стимулировало возрастание интереса к работам Штейнера в немецкоязычных странах, а особенно в его родной Австрии, политическая жизнь в которой пришла в полнейший упадок. Несмотря на поражение и внутренние конфликты, Германия оставалась единой; хотя и потеряв часть территорий, она была той же страной, что и до 1914 г. Что касается Австро-Венгерской империи, то она была

полностью разрушена. В одно мгновение Вена из европейской столицы превратилась в провинциальный центр беспокойной страны, постоянно сотрясаемой региональными конфликтами.

Теперь Штейнер стал уделять особое внимание социальной и политической сферам жизни, это было вызвано объективной потребностью установить такой порядок в Центральной Европе, который бы был способен предотвратить очередную волну революций и новую войну. Невозможно было не учитывать в этих условиях и успех Ленина в России, и дальнейшее распространение атеизма в Европе, только усилившееся под влиянием русской революции. В 1917 и 1918 гг. Штейнеру уже приходилось обсуждать эти вопросы с высокопоставленными политиками в Мюнхене и Берлине, среди которых был канцлер Германской империи принц Макс Баденский. Есть основания говорить, что работы Штейнера были переданы последнему австрийскому императору Карлу VI, хотя вряд ли тот был склонен читать эти запоздалые и слишком фантастические советы по спасению династии.

Доктрина Штейнера основывалась на идее Триединого Социального Порядка, или Организма. Над этой проблемой он много работал в период 1915–1921 гг. Принципиальные воззрения по этому вопросу изложены в книге «Основные черты социального вопроса» (1919). Социальный организм, по его мнению, соответствует принципу известного разделения человеческой психики на ум, чувство и волю, что выражается в наличии культурной, политической и экономической сфер социального организма. Подобно тому как мысль, воля и чувство неразрывно объединены в человеке, так культура, политика и экономика объединены в государстве²⁵⁶.

Идея эта сама по себе не нова, будучи основанной на древнем сравнении государства с отдельным человеком. Но если древние теоретики неизменно отождествляли правителя с головой, а другие слои общества с другими (подчиненными) членами и органами тела, то Штейнер предлагает более современную аналогию, термины и девизы для которой он заимствовал из идей Французской революции, хотя, по его мнению, вожди этой революции сами не слишком хорошо их

понимали. «Свобода, Равенство, Братство» действительно являются самыми подходящими лозунгами современности, но необходимо помнить, что каждый из них относится к различным сферам общественного объединения.

Идеальное государство, по Штейнеру, предполагает духовную и культурную свободу, политическое равенство и экономическое братство, то есть кооперацию. Сообщества, уделяющие преувеличенное или неправильно устремленное внимание одной из сторон (как, например, англичане с их страстью к политическим свободам или коммунисты с их требованием экономического равенства), сворачивают с духовного пути. Следовать по нему возможно при условии правильно расставленных акцентов во всех трех сферах. Короче говоря, схема Штейнера сводит роль государства к обеспечению политических прав и подчеркивает важность индивидуального начала, что делает ее неожиданно похожей на более поздние консервативные теории.

Такая трехчленная система, дающая, наряду с прочим, основание и для системы «искусства врачевания», была довольно основательно разработана ее изобретателем и его последователями, но сейчас она нас интересует прежде всего тем, что она просто существовала в этот период. Штейнер не собирался отворачиваться от общества в каком-нибудь подобии Охайя или Приере, а, напротив, предлагал способ спасения мира от хаоса. При этом он понимал, что свое учение не следует навязывать насильно, потому что в таком случае исчезает сам смысл понятия свободы, на котором оно основано. Триединый порядок (Трехчленный социальный организм) должен прорасти естественно, из нужд конкретного сообщества. Но этому не суждено было случиться. Принципы Содружества не устояли перед радикальными концепциями коммунизма и национал-социализма.

Дни Штейнера были сочтены. Хотя он изо всех сил собирал средства на немедленное восстановление Гетеанума, пожар глубоко потряс его, и, возможно, тогда же его и настигла неведомая болезнь. Но тем не менее на Новый 1923 г. была проведена лекция и устроено представление в честь

солнцестояния – среди руин, и дела пошли своим ходом. После пожара Штейнер также решил реорганизовать Антропософское Общество, которое до тех пор было достаточно неоформленной организацией, причем, как это ни странно, формально он даже не считался ее членом. Это противоречие возникло из-за того, что Штейнер различал Антропософское Движение как достояние всего человечества и Антропософское Общество всего лишь как средство достижения желаемого. Штейнер был предводителем Движения, а не только конкретного общества. Новый Гетеанум должен был их объединить и стать не только духовным центром антропософии, но и административно-финансовым центром общества. В то же время необходимо было оформить и Школу Духовной Науки как постоянное учреждение. Школа была как бы аналогом Эзотерическому филиалу Теософского Общества и включала в себя ограниченное количество членов, объединенных клятвой хранить тайну учения.

Штейнер способствовал и организации ряда детских школ²⁵⁷. Они должны были на практике применить те принципы, которые он разработал во время частных уроков, и уделять особое внимание культурному и духовному развитию ребенка. В этих целях вместе со своей ближайшей помощницей Марией фон Сиверс и другими последователями в августе 1923 г. он посетил Англию йоркширский город Илкле и Пенмаенмаур на Валлийском побережье. Увиденные друидические развалины привели их в восхищение. Блуждая по холмам вместе со своим будущим преемником Гунтером Вахсмутом, Штейнер воссоздал в воображении древние ритуалы, которые ранее являлись ему в видениях, и включил их в свое синтетическое эзотерическое учение. Через год он пережил тот же восторг в Тинтейджел возле Торки, увидев что воздух после дождя наполнен духовными существами, сверкающими, как капли дождя на солнце. Астральный свет указал ему местоположение древнего замка, и он видел Мерлина и рыцарей, сидящих за Круглым Столом, причем над каждым был расположен свой знак зодиака. Позже он часто обращался к образам короля Артура и рыцарей, ищущих святой Грааль, считая их предшественниками антропософии, следующей их традициям.

Новый Гетеанум был торжественно открыт на Рождество 1923 г., менее чем через два месяца после неудачного Мюнхенского путча, осуществленного Гитлером 8 ноября. Полностью Гетеанум закончили только через пять лет после смерти Штейнера; он и поныне остается центром Антропософского Общества. Деревянное строение сменилось бетонным, но в некотором смысле это было даже к лучшему, потому что бетон больше подходил для воплощения художественных принципов Штейнера. Штейнеру было уже шестьдесят три года, и он был настолько болен, что почти не принимал пищу. Большую часть времени он писал в своей комнате автобиографию и диктовал письма и лекции Вахсмуту. От традиционных методов лечения он отказался.

Штейнер разрабатывал собственные методы врачевания и свою фармакопею²⁵⁸. Одной из его первых последовательниц в этой области была врач Ита Вегман, находившаяся рядом с ним в последние месяцы его жизни. Как и Месмер и Бейкер Эдди, Штейнер считал, что болезнь возникает не от органических, а от духовных причин. Во-первых, болезнь объясняется кармическими причинами. За пятнадцать лет до этого Штейнер, порывая с теософией, подверг критике «Жизни Альционы», однако сам читал лекции по «Кармическим связям», описывая ход цивилизации как процесс проявления различных духовных реинкарнаций, правда, отказавшись от снобизма и фаворитизма, свойственных Ледбитеру. Он также подчеркивает искупительную роль Христа в исправлении цепи инкарнаций²⁵⁹. Учение о карме, то есть об ответственности за ошибки, допущенные в предыдущих воплощениях, как будто противоречит вере в Иисуса Христа, искупившего своей смертью грехи всего человечества, однако Штейнер показывает, что это противоречие только кажущееся: человек действительно платит за совершенное, но Христос своим вмешательством не дает человеческим грехам способствовать накоплению могущества Аримана, который в противном случае давно бы затопил мир волной отрицательной эфирной энергии, полученной из прошлых пороков. «Расплата» за прошлые грехи принимает форму психической и/или физической болезни.

Во-вторых, возможной причиной серьезного заболевания может быть наступление новой стадии духовной эволюции; при этом могут наступать такие болезненные симптомы, как у Кришнамурти. Так же Штейнер относился и к собственной болезни: смерть всего лишь очередной шаг на Пути – переход за Порог, как говорят антропософы. Штейнер перешел Порог 30 марта 1925 г., через четырнадцать недель после того, как Гитлера выпустили из тюрьмы.

Хотя Приере никто не угрожал физическим уничтожением, ему пришлось столкнуться с тяжелыми проблемами. Вскоре после блестящего начала коммуна стала испытывать финансовые затруднения. Мероприятия Гурджиева всегда были дорогостоящими, а содержание поместья, четырех десятков постоянных обитателей и около ста временных учеников требовало больших средств, даже если жильцы всю работу по дому выполняли сами и сами же готовили еду. Согласно публикациям прессы, стоимость проживания в институте составляла как минимум 17,10 фунта стерлингов в месяц для постоянных учеников и гораздо больше для гостей, останавливавшихся в Ритце. Когда к Гурджиеву обращались с просьбой излечить от алкоголизма или наркотической зависимости, он требовал довольно значительного вознаграждения. К тому же богатые покровители также продолжали оказывать помощь, и некоторые из них даже собирались осесть в Приере и сделать там что-то вроде собственной столицы.

Однако проблема заключалась в самом Гурджиеве. Платить за замок приходилось не так уж и много, исключение составляли лишь незапланированные расходы его владельца. Как и Блаватская, Гурджиев жил текущим моментом – и часто в этот момент оказывалось, что он желает приобрести нечто грандиозное или какая-нибудь идея овладевает им. Он выпивал огромное количество бренди, отправлялся в путешествие или устраивал банкет. Он также иногда потворствовал ученикам. Когда не хватало денег, он не только не оплачивал счета, но и увеличивал расходы – приобретал, например, партию велосипедов, приглашал всех на пикник или участвовал в

благотворительности²⁶⁰. Вернувшись из одной поездки, он собрал обитателей и опросил тех подчиненных, которые должны были записывать проступки насельников в черные книжечки. Затем он раздал всем деньги «на карманные расходы» – за хорошее поведение, оставив их в полном недоумении. Большинство членов сообщества, в том числе собственная семья Учителя и большинство обедневших последователей из России, ничего не могло предложить, кроме своего труда и голодных желудков, так что Приере постоянно нуждался в деньгах, что отвлекало Гурджиева от непосредственного процесса обучения.

К этому времени таинственные связи между педагогикой Гурджиева, его хаотичным поведением и финансовыми трюками стали и вовсе загадочными. С 1917 по 1922 г. можно было предположить, что трудности, с которыми приходится сталкиваться ученикам, являются частью общего плана и способствуют их пробуждению ото сна – Гурджиев просто использовал реальность смутного времени. Но, кажется, подобный образ жизни пришелся ему по вкусу, и он продолжал следовать ему даже в более стабильной обстановке. Главной особенностью его метода были импровизации и неожиданности; они тоже, по всей видимости, составляли основу его образа жизни. Успенский сразу понял и предпочел разделить Учителя и его учение. Поселившись во Франции, Гурджиев остался по-прежнему расточительным и непредсказуемым.

Можно сказать, что именно безрассудство в конечном итоге и разрушило все его проекты. Источником всех затруднений был характер Гурджиева человека расточительного, капризного и грубого по отношению к потенциальным благотворителям; шокирующего, вызывающего неприязнь, подверженного резким сменам настроения. Но его поклонники утверждали, что именно эти качества и делали его таким притягательным. Гурджиев на самом деле пробуждал в них жизненную энергию, заставлял волноваться и по-настоящему чувствовать реальность бытия. Раздача велосипедов вовсе не главный аргумент; главное было в неожиданности.

Единственной возможностью оплачивать непредсказуемость Учителя становились теперь американские деньги. В декабре 1923 г. в Америку была отправлена разведывательная группа, в которую входили старый друг Стюрнваль и новоявленный апостол А. Р. Орейдж. Орейдж, заметивший однажды, что «по крайней мере, одно из проповеднических странствий Иисуса было оплачено богатой женщиной»²⁶¹, был неплохо подготовлен для своей миссии и сразу привлек внимание к Учителю в знакомых ему интеллектуальных и журналистских кругах. Но откровенно популяризаторская направленность кампании странным образом контрастирует с таинственной природой более ранней (и поздней практики) Гурджиева, делавшего особый упор на трудности, недоступности и серьезности Работы. Американские поездки 1920-х годов преследовали явную цель основательно представить доктрину Гурджиева. И как таковые они не имели успеха.

Весной 1924 г. Учитель привез в Америку более тридцати человек, чтобы показать священные танцы. Несмотря на рекламу, бесплатные билеты, благосклонную аудиторию и присутствие полицейского, посланного властями следить за тем, чтобы в танцах не было эротических элементов, эта поездка не принесла особого успеха. Пресса судачила о занятой жизни в Приере, но широкая публика почти не заметила гастролеров.

Среди интеллигентов все было по-другому²⁶². Этому в немалой степени способствовал Орейдж, познакомивший Гурджиева со многими литераторами; некоторые из них проявили интерес к Институту и Работе. В ноябре 1924 г. Орейдж снова посетил Америку, чтобы основать сеть гурджиевских групп. В декабре того же года он опубликовал статью под названием «Религия в Америке» («Нью репаблик»), первую из множества подобных, подчеркивающих, иногда тактично, иногда слишком откровенно, потребность в таком человеке, как Гурджиев. Орейдж также приобрел в 1923 г. нового товарища – Джесси Дуайт, встретив ее в книжном магазине «Санвайз терн», с которым у него были деловые

контакты. Она была компаньоном владельца этого магазина; один из здешних служащих К. С. Нотт также стал преданным последователем Гурджиева. Вскоре Орейдж при поддержке Нотта сформировал группу учеников и заинтересованных наблюдателей.

Писатель и критик Уолд Френк пришел к учению Гурджиева, прочитав произведение Успенского «*Tertium Organum*». Франк был женат на Маргарет Наумберг, основательнице нью-йоркской школы, использовавшей методы психоанализа и педагогические учения Штейнера и американского философа Джона Дьюи. Уолд Франк был визионером, он изучал мистику и восточные религии; как и его друг Горхам Мансон, он познакомился с работой Успенского по совету поэта Харта Крейна, некоторое время увлекавшегося Работой. Франк, Мансон и Крейн занимались мистической интерпретацией истории Америки, считая, что Новый Свет занимает особое место в истории человечества и именно Америке предстоит осуществить духовное обновление старого мира; они размышляли над тем, не может ли Гурджиев стать посредником такого обновления. На творчестве таких писателей, как Зона Гейл, Кеннет Берк, Шайлер Джексон, Карл Цигроссер и Мьюриел Дрейпер (в студии которой проходило большинство встреч), тоже сказалось влияние Гурджиева, хотя они и стояли несколько в стороне. Герберт Кроули, редактор «Нью републик», также некоторое время был последователем Работы, но он по старинке искал сферу соединения религии и науки, а в этом Гурджиев мало чем мог помочь. Герберт Кроули вообще был человеком довольно консервативным, занятым общественной деятельностью и озабоченным идеей социального обновления.

На другом полюсе культурной и политической жизни находились Джейн Хип и ее компаньонка Маргарет Андерсон. Они были редакторами влиятельного журнала «Литл ревью». Этот радикальный журнал, основанный Андерсон в 1914 г. – в золотой век литературных журналов, – поначалу анализировал политику и литературу с чрезвычайно левых позиций. Но после того, как Андерсон в 1916 г. познакомилась с Хип, в нем появились статьи о религии и морали. Под влиянием Гурджиева

дела общественные уступили место проблемам личного развития. Хип была женщиной с сильным характером, она поддерживала Маргарет в трудные времена и помогла сохранить журнал во время Первой мировой войны. Связи с Приере еще более упрочились, когда там после развода родителей поселились племянники Андерсон – Том и Фриц Петерсы. Интерес Хип к Работе еще больше усилился после знакомства с бывшей любовницей Метерлинка, Жоржеттой Леблан, ставшей верной ученицей Гурджиева, и все три стали лидерами лесбийского отделения Работы, функционировавшего в основном в Париже 1930–1940-х годах²⁶³.

Самым полезным человеком из круга американских писателей и интеллектуалов стал Джин Тумер, не совсем удачливый писатель, единственный опубликованный роман которого «Трость» (Cane) (1923) произвел определенный резонанс в обществе. В течение нескольких лет он оставался преданным последователем Гурджиева, предоставляя ему деньги и находя новых учеников. Другим источником средств была уже упоминавшаяся Мейбл Лухан. Она увлекалась каждым новым предприятием и с энтузиазмом включалась в деятельность, являя собой странный контраст со своим мужем – невозмутимым индейцем Тони. Хотя ее попытка сблизить Д. Г. Лоуренса с Гурджиевым и закончилась неудачей, она отнюдь не убавила в ней интереса к Гурджиеву, возможно, потому что была очарована Тумером.

Через Тумера щедрая Мейбл даже предложила свое ранчо в Таосе для размещения института Гурджиева и 15 000 долларов на расходы. Гурджиев, что для него характерно, отказался от ранчо, но деньги принял – он собирался истратить их на публикацию своих будущих сочинений. Некоторое время спустя он решил приобрести и ранчо, но было уже поздно: один из последователей Успенского организовал институт в Мексике. Впрочем, представить Гурджиева среди кактусов почти невозможно.

Большинство контактов осуществлялось через Орейджа, который после отъезда Гурджиева в Париж сам стал своего рода Учителем. Он проповедовал идеи Гурджиева, но по-

своему. По характеру, с одной стороны, Орейдж походил на Успенского интеллектуал-самоучка, со страстью к порядку и организованности. Наподобие того, как Успенский переработал идеи Гурджиева в логическую Систему со строгой иерархией понятий, Орейдж выстроил идеи Учителя в ясную схему, которую он излагал ученикам в своей группе²⁶⁴. С другой стороны, Орейдж походил на Гурджиева гипнотическими способностями и желанием доминировать над окружающими, посредством очарования или воли, хотя ему и недоставало устойчивости Гурджиева. Именно Орейдж и Успенский в 1920-х годах познакомили мир с Гурджиевым.

Орейджу пришлось сыграть критическую роль после того, как дни краткой славы Приере подошли к концу. В июле 1924 г., вскоре после возвращения из Америки, с Гурджиевым приключилось странное происшествие по дороге из Парижа в Фонтенбло. Гурджиев водил машину тем же манером, как жил²⁶⁵. Когда бы он ни решал совершить поездку, он обязательно собирал компанию спутников, грузил автомобиль доверху багажом, и все отправлялись в Виши, Ниццу или в горы, где легко могли стать жертвой несчастного случая, поскольку за рулем сидел сам Гурджиев. Он отказывался останавливаться у перекрестков или следить за расходом бензина. Если бензин все-таки заканчивался и машина останавливалась, один из спутников шел в ближайшую мастерскую и приводил механика, потому что водитель настаивал на том, что случилось механическое повреждение. Если лопалась шина, то ставили запасное колесо, но нового запасного не брали, и следующее проколотое колесо приходилось чинить или заменять прямо на дороге. Иногда они теряли направление либо поворачивали не туда, куда следовало. Автомобиль останавливался, и пассажиры долго препирались между собой, а Гурджиев сидел и молча смотрел на них. Прибыв в пункт назначения после закрытия всех гостиниц, путешественники стучались в двери лучшего отеля, и Гурджиев настолько очаровывал заведующего, что тот заказывал им обильный ужин, на котором произносились многочисленные тосты и раздавались чаевые официантам.

Через несколько дней вся компания грузила вещи и отправлялась в обратный путь со всеми неизбежными приключениями.

Но на этот раз Гурджиев был в машине один. До сих пор неизвестно (и наверняка никогда не станет известно), что случилось на самом деле, но этот таинственный эпизод играет важную роль в мифологии Гурджиева. Посреди недели Учитель часто посещал Париж, где он снимал квартиру, оставляя Приере на попечение своей преданной последовательницы мисс Этель Мерстон, англичанки португальско-еврейского происхождения, которая позже стала ученицей Шри Рамана Махариши²⁶⁶. Часто в эти поездки Гурджиев брал с собой Ольгу Гартманн в качестве секретаря-компаньона, но 5 июля 1924 г. он купил мадам Гартманн билет на поезд и велел ей возвращаться в Приере в душном вагоне, а сам поехал в автомобиле. Он ничего не объяснял – его приверженцы привыкли повиноваться ему беспрекословно. Он также не объяснил, почему приказал механику проверить машину с особой тщательностью и почему в тот день наделил Ольгу полномочиями своего поверенного²⁶⁷.

Ночью его нашли лежащим под одеялом рядом со своей разбитой машиной, с серьезными ранами и сотрясением мозга. Так никто и не узнал, почему он оказался не в машине или не вылетел из нее. Некоторые предполагали вмешательство какого-то постороннего человека, который вытащил его, накрыл одеялом, а сам отправился за помощью. Другие предполагали, что в машине был и шофер, сбежавший с места происшествия, но предварительно позаботившийся о Гурджиеве насколько возможно. Но были и такие, в том числе и полицейский, расследовавший происшествие, которые верили, будто Учитель, проявив сверхчеловеческую силу воли, сам выбрался из разбитой машины и накрылся одеялом прежде, чем потерять сознание. Сам же Гурджиев позже только и сказал по этому поводу, что его «физическое тело вместе с автомобилем, идущим со скоростью девяносто километров в час, столкнулось с очень толстым деревом»²⁶⁸.

Учителя привезли домой едва живого. Оставленные без руководства многие обитатели Приере пришли в уныние и не

знали что делать. Другие продолжали выполнять ежедневные обязанности, как Фриц Петерс, который принял несчастный случай с Гурджиевым очень глубоко к сердцу и не останавливался перед любой работой, сколь трудной бы она ни была. В свои одиннадцать лет Фриц был одиноким и трудным ребенком, который сразу же привязался к владельцу Приере и воспринимал все происходящее с исключительной ответственностью. Ему было поручено косить лужайки перед замком и делать это как можно быстрее. Когда Гурджиева привезли домой, Фриц стал косить лужайки с удвоенной энергией. Гурджиеву предписали полное спокойствие, и Ольга Гартманн попросила мальчика оставить свою работу. Он отказался: ему было приказано это делать, и поэтому он делает все, что в его силах. Мадам Гартманн предупредила его о возможных последствиях для пациента, жизнь которого висела на волоске и на которого шум мог бы оказать очень плачевное воздействие, но она так и не убедила Фрица прекратить работу. Свою задачу он выполнил – ему, все-таки удалось научиться скашивать всю траву за три дня. Однако потом выздоравливающий Гурджиев сказал ему, что теперь он должен сократить время до одного дня. Мальчик справился и с этим. Такова была сила воздействия Гурджиева на тех, кто искренне любил его²⁶⁹.

Но некоторые подозревали, что несчастный случай мог быть всего лишь хитростью²⁷⁰. Может быть, Гурджиев намеренно инсценировал аварию и преувеличил серьезность своих ран? Но для чего ему это понадобилось? Ответ мог заключаться в последующих событиях. Обычно шумный и бурлящий Приере притих; ученики размышляли, что же станет с ними, если Учитель умрет. Однако он выздоравливал с удивительной скоростью – не такое уж и большое чудо, принимая во внимание его физическое здоровье и духовные силы.

Но вскоре после выздоровления, ученикам, все еще не оправившимся от осознания уязвимости своего считавшегося неуязвимым Учителя, предстояло заново пережить свои страхи о будущем при довольно неожиданных обстоятельствах. В сентябре 1927 г. Гурджиев объявил о «ликвидации» института и

стал выгонять многих его членов, в том числе и русских. В общих чертах, те, кто мог позаботиться о себе и оплачивать содержание – в основном это касалось американцев с их долларами в переживающей инфляцию Европе, – оставались, остальным пришлось уйти. Это была не первая чистка: за год до этого Гурджиев уволил ряд сотрудников. И она не была последней.

Хотя институт в Приере еще функционировал несколько лет, дни его расцвета миновали. Характерно, что упоминания о нем как-то сразу исчезли со страниц газет и журналов – так же внезапно, как и появились. Постепенно принципы коммуны восстанавливались по мере того, как возвращались ученики, изгнанные в 1924 г. Но что бы институт ни значил для учеников, для самого Гурджиева он представлял уже второстепенный интерес – это было место, где люди слонялись в надежде ухватить какие-то крошки с эзотерического стола. Основное внимание он теперь уделял писательству.

Финансовый кризис середины 1920-х годов сыграл свою роль в этой перемене, так же как, вероятно, и смерть матери Гурджиева в 1925 г., и смерть г-жи Островской в 1926 г. Вполне возможно, что именно после этого он решил перенести свою активность из общественной в частную жизнь. Все в Приере видели, насколько потрясла его мучительная смерть от рака г-жи Островской, хотя это и не помешало ему тогда же завести ребенка от другой женщины.

На него повлияла и Америка. Писательство и Америка неразрывно связаны в жизни Гурджиева во второй половине 1920-х годов. Именно американские писатели поддерживали его идеи и финансировали издания его произведений; многие из них посещали Приере. Вполне закономерно, что Гурджиев, всегда готовый поучиться чему-либо на практике, решил сам заняться сочинительством. Переход от обучения к сочинению произведений – или скорее от практического преподавания к преподаванию при помощи печати знаменовало серьезный сдвиг, если принимать во внимание, что раньше он особо подчеркивал необходимость индивидуального обучения, а в печати возможно излагать лишь общие принципы. Это также

шло вразрез с его обвинениями Успенского и других – будто они посредством печати фальсифицируют его учение. Возможно, себе он доверял больше и предполагал сочинять литературу иного рода.

Его произведения в виде рукописей послужили основой для американских курсов под руководством Орейджа, где сам Орейдж читал их вслух и комментировал в свете своей версии Учения Гурджиева. С 1924 по 1931 г. Гурджиев и Орейдж большую часть времени проводили в Америке или постоянно ориентировались на нее. Американские ученики в свою очередь пересекали Атлантику и посещали своего Учителя в Париже. Приере постепенно тоже оживился, но теперь он представлял собой не духовный центр, а нечто вроде убежища для остатков прежней свиты Гурджиева и дорогого дома отдыха для американцев, которые платили 100 долларов в неделю²⁷¹. Режим работ, праздников, купаний и бесед продолжал действовать в более мягкой форме, в то время как Учитель, поглощенный сочинительством и финансовыми заботами, проводил дни в «Кафе де ла Пэ» или кафе Фонтенбло, попивая кофе с арманьяком, заполняя блокноты заметками или диктуя свои мысли секретарям.

К 1929 г. он опять оказался без денег, да и общественный интерес к Работе угас, хотя до сих пор попадались преданные новички. Орейдж и Тумер собрали до 20 000 долларов, другие тоже делали вклады по мере сил, но этого было недостаточно. С января по апрель 1929 года – года знаменитого краха на Уоллстрит и начала Великой Депрессии – Гурджиев снова находился в Америке в поисках средств.

В течение последующих лет он возвращался туда несколько раз с теми же целями, но с каждым разом задача становилась все труднее и труднее. Во-первых, даже самые богатые представители среднего класса испытывали недостаток средств. Во-вторых, к середине 30-х годов Гурджиев отдал от себя большинство своих старых учеников, за исключением мадам Зальцман. Тумер утратил веру, Успенский давно покинул его, Франк ушел, потрясая кулаком и советуя Гурджиеву убраться в ад, где ему и место²⁷². Даже Гартманнов выгнали из

их рая – за «дерзость», согласно самому Гурджиеву²⁷³. Томас Гартманн сохранял преданность своему Учителю на расстоянии и всю жизнь пытался объяснить разрыв с Гурджиевым, не подвергая того критике. Его жена продолжала время от времени наведываться в Приере, несмотря на то, что каждый раз ее встречали криками. Окончательный разрыв произошел, когда она отказалась оставить больного мужа, чтобы выполнить какое-то мелкое задание Гурджиева²⁷⁴.

Наконец и верный Орейдж вынужден был отойти от своего наставника. Преданность его подверглась чересчур серьезным испытаниям – Гурджиев бесконечно требовал денег, грубо обращался с американскими учениками, которых так долго подбирали и воспитывали, и всячески унижал Орейджа наедине и на публике. Фриц Петерс вспоминает, как однажды в Приере его вызвали в комнату Учителя, и он увидел, что Гурджиев, словно одержимый, яростно кричит на побледневшего и дрожащего Орейджа²⁷⁵. Остановившись на минутку, чтобы поблагодарить Фрица за принесенный кофе, Гурджиев продолжил кричать. Этот эпизод заставил мальчика задуматься об актерских талантах Гурджиева – то же самое приходило в голову и Успенскому десятилетием раньше. Без сомнения, Орейдж усвоил урок. Несмотря на усталость, он регулярно высылал Гурджиеву чеки, но к 1929 г. он больше не мог выносить постоянные вымогательства и издевательства над собой.

Джейсси Дуайт, ставшая женой Орейджа, придерживалась такого же мнения. Она не любила Гурджиева, доверяя только себе, и способствовала этому разрыву. Гурджиев не терпел, если между ним и его учеником стоял кто-то еще. Более того, он никогда не доводил дело до того, чтобы его последователь сам порвал с ним, предпочитая действовать первым, чтобы не утратить авторитета. Приехав в Америку зимой 1930 г., он собрал учеников Орейджа и потребовал, чтобы они подписали документ об отречении от своего учителя и его доктрины. Он заявил, что Орейдж повторил ошибку Успенского и что его теория не имеет ничего общего с идеями Гурджиева. Она слишком сложна, слишком интеллектуальна и умна²⁷⁶. Но даже

и этот драматический шаг не ускорил разрыва. Пока ученики находились в нерешительности, Орейдж срочно прибыл в Нью-Йорк из Англии, где он тогда отдыхал, и, воспользовавшись подвернувшейся возможностью, сам подписал бумагу, отрекаясь от себя самого.

Это был театральный и абсурдный жест, не приведший ровным счетом ни к чему. Он всего лишь сигнализировал о том, что конфликт подходит к своей развязке. 13 марта 1931 года Орейдж и Гурджиев встретились в последний раз. Орейдж снова занялся теософией и журналистикой, но, хотя в следующем году он основал новый литературный журнал «Нью Инглиш Уикли», заинтересовался теорией Социального Доверия²⁷⁷, которой увлекался и Эзра Паунд, и печатался в оккультных журналах, прежний пыл из него вышел. Умер он в 1934 г. Однако его семья долгое время не могла избавиться от влияния Учителя. Когда после Второй мировой войны Джесси Дуайт посетила Гурджиева в Париже, возможно надеясь узнать, чем он руководствовался в отношениях с ее мужем, Гурджиев рассказал ей трагическую историю о выдающемся человеке, который был слишком умен, чтобы понять простые истины, и заставил ее расплакаться²⁷⁸.

Глава 14. Конец пути

Тысяча девятьсот тридцать первый год оказался решающим и для Кришнамурти. Он стал переломным на пути из прошлого в будущее и положил пропасть между ними. Кришнамурти обнаружил, что не может вспомнить большую часть своего детства и юности – особенно инициацию в Теософском Обществе. Близкие друзья, которым он доверился, постарались припомнить те моменты из его жизни, которые он якобы забыл. Но была ли его забывчивость подлинной или он просто инсценировал ее, ясно одно: Кришнамурти перешел от лояльности по отношению к теософии к неповиновению. Процесс этот был болезненным и не только для его старых друзей. Характер Кришнамурти формировался под руководством лидеров Общества, и его самосознание было неразрывно связано с ним. В результате кризис внешний неизбежно означал и кризис внутренний.

Один из способов разделаться с проблемами – забыть о прошлом. Другой способ – уехать от них подальше. Начиная с первого посещения Калифорнии в 1923 г., Кришнамурти все больше привыкал считать Охай своим домом, если, конечно, у постоянно переезжающего человека может быть дом. Начиная с 1931 г. Охай стал его постоянной резиденцией, и он провел там около тридцати лет. Отныне Атлантический и Тихий океаны отделяли его от бывших покровителей. Ледбитер находился в Австралии, Анни Безант в Адьяре или Лондоне, и Учитель Мира начал новую жизнь в Америке.

Лучшего места придумать было нельзя. Достаточно мягкий климат прекрасно подходил для Нити, больного туберкулезом, а ландшафт напоминал Индию. Культурный вакуум Калифорнии давал прекрасную возможность заниматься чем угодно или не заниматься ничем. Кришнамурти мог просто отдыхать от размышлений. Пустынная местность служила превосходным убежищем после суеты европейской теософии.

Напряженность между Кришнамурти и его учителями росла давно. Недовольство появилось еще вскоре после Первой

мировой войны, во время скандалов с Ледбитером с его абсурдной Либеральной Католической Церковью, но, несмотря на то что они задевали его чувства, это было всего лишь часть проблемы. Хотя Кришнамурти и был склонен отрицать теософскую практику и доктрину, он привык видеть себя в роли Учителя, хотя и не обязательно Учителя Мира. Но такое призвание определили ему Ледбитер и Анни Безант, руководствовавшиеся теософскими представлениями: по их мнению, Учитель Мира должен распространять теософское учение по всей Вселенной. Отказываясь от такой роли, Кришнамурти должен был найти другую – отойти от теософии и при этом не лишиться того, что было его призванием.

На первом этапе его отхода от прошлого появилось отрицание пышных церемоний Общества. На протяжении всего десятилетия он выказывал неодобрение ритуалов Либеральной Католической Церкви, Масонского филиала и других дочерних теософских организаций, но серьезно он выступил против этого только в 1925 г., после нелепого спора с Джорджем Арундейлом. Будучи человеком сильного характера, Арундейл вполне мог бы стать президентом Общества; он уже приобрел достаточно высокое место в иерархии, несмотря на неофициальное правило, согласно которому лидеры теософии не должны вступать в брак²⁷⁹. Он нарушил это правило – тем более что женой его стала индийская девушка Рукмини Шастри. Это одновременно противоречило теософским условностям, индуистским законам о кастах и английским расовым предрассудкам. Тем не менее Арундейл стал уже епископом в Либеральной Католической Церкви и постоянно проживал в Адьяре. Для укрепления своего авторитета он учился использовать свои физические и духовные силы, получая указания от Учителей при каждой возможности.

Во время посещения Уитцена в июле 1925 г. Арундейл принял довольно объемный пакет посланий от Учителей, начиная от провозглашений Двенадцати Апостолов, которых выбрал Господь для выполнения поручений особого назначения, до распоряжения священникам Либеральной Католической Церкви носить шелковое нижнее белье.

(Последняя директива так и не была выполнена, потому что миссис Додж отказалась ее финансировать.) Арундейл также вступил в переписку с Магистром Графом из Венгрии и узнал, что его новый союзник Уэджвуд – а не Джинараджадаса, как предсказывал Ледбитер, должен стать очередным Махакоганом, или Повелителем Пяти Лучей. Именно в связи с этим Кришнамурти и другие должны были пройти четвертую инициацию и подготовиться к последнему этапу. Что же касается Анни Безант, Уэджвуда и самого Арундейла, то им было запрещено есть яйца²⁸⁰.

В свои семьдесят восемь лет, и прежде легко убеждаемая Анни Безант, оказалась под властью Арундейла, и, когда в августе 1925 г. открылся лагерь в Оммене, она не только объявила имена семи новых апостолов, избранных конечно же среди членов теософской элиты, но и провозгласила основание Всемирной Религии с Новыми Мистериями и Всемирного Университета, описанного Арундейлом как реинкарнация Александрийского университета²⁸¹. Ничего не было сказано ни о месторасположении, ни о финансировании, ни о преподавательском составе университета. Без сомнения, Учителя должны были бы позаботиться об этих практических деталях и о том, чтобы для дипломов было подготовлено достаточно голубых лент. Однако президент туманно упомянула о Повелителях Темного Лика, которые намерены взяться за старое, чтобы помешать осуществлению этих прекрасных планов даже в присутствии Учителя Мира²⁸².

Затем миссис Безант отправилась в Венгрию с целью посетить замок Магистра Графа, опять же по совету Арундейла, в сопровождении самого Арундейла, Рукмини, Уэджвуда и его знакомого поляка. Магистр Граф объяснил Арундейлу, как найти его замок – взять расписание железных дорог и открыть его наугад. Итак, цель была выбрана, и группа отправилась в путь. Леди Эмили и старой подруге Анни мисс Брайт было велено ждать приглашения и тогда присоединиться к ним. Неделю спустя путешественники вернулись, не доехав дальше Инсбрука. Анни объяснила леди Эмили, которая никогда не видела свою подругу столь возбужденной, что им помешали

Темные Силы, но другому другу, который отказался ехать с ними, Анна призналась, что тот оказался единственным среди всех здравомыслящим человеком.

Ледбитера, естественно, раздражали эти беспокойные священники и их действия, большинство которых он запретил в серии строгих телеграмм из Австралии, но Уэджвуд и Арундейл уже вышли из-под контроля. И не только один Ледбитер испытывал раздражение. Ко времени провозглашения апостолов и распоряжения о четвертой инициации Кришнамурти уже был готов восстать против того, что казалось ему крайним цинизмом и эгоизмом. Когда его попросили заверить инициацию из Охайя, где он проживал, Кришнамурти отказался заполнять бланк. Здоровье Нити ухудшалось, и он не желал тратить время на пустяки²⁸³.

Трудность заключалась в том, как рассказать об этом Анни Безант, которую он продолжал любить. Ему очень не хотелось расстраивать ее. Возможно, он понимал, что старая женщина идет на поводу у своих новых советников. Желая достичь власти, Арундейл убеждал ее в том, что сам Учитель хочет, чтобы она сложила с себя полномочия и передала их ему, а Уэджвуд намекал, что даже Учитель Мира может не устоять перед тлетворным влиянием Темных Сил.

Кришнамурти мало заботила кампания, направленная против него, хотя, приехав в Лондон в октябре 1925 г. с Раджой и Розалиндой Уильямс, он увидел, что леди Эмили расстроена²⁸⁴. Но ее расстраивал также и его отказ принять апостолов и повысить их в звании, потому что она верила в них; ей казалось, что ему не следует появляться перед миссис Безант с плохими новостями. Несмотря на все свое негодование, даже Кришнамурти боялся заявить о своих взглядах в лицо Анни. По некоторым сведениям, он попросил сообщить ей о его позиции некоего служащего из недавно открытого Всемирного Университета, а сам в это время оставался в машине возле ее дома. Этот факт дал будущим критикам повод обвинить Кришнамурти в нечестности, слабости и нерешительности. Услышав об отказе Кришнамурти принимать апостолов и проводить инициацию, Анни, возможно,

решила, что ее протееже отрицает также и Братство Учителей, их послания и всю теософскую иерархию – вкуче со структурой верований, которым она посвятила всю жизнь. Это было для нее слишком, и позже леди Эмили предположила, что миссис Безант так и не поняла до конца, что же произошло. Но другие отметили, что после этого Анни заболела и стала быстро угасать.

Поговорить с Уэджвудом и Арундейлом оказалось не настолько трудным. Они намекнули в ответ, что он испортил собственную карьеру в Обществе такое предположение еще более возмутило его и усилило его сомнения. С Анни он стал вести себя более осторожно и при встрече сказал, что Арундейл руководствовался благими пожеланиями, но допустил ошибки. Когда она начала настаивать на том, чтобы он упоминал об апостолах в своих речах, он решился более серьезно объяснить ей положение дел, но, как кажется, она не понимала его. Эмили Леттенс даже заподозрила, что это Арундейл ее загипнотизировал.

Вообще-то к такому объяснению чаще всего прибегали теософы во время различных недоразумений и споров, но кажется более естественным принять во внимание возраст Анни. Несмотря на то что она продолжала совершать поездки и присутствовать на собраниях, ее силы иссякали, и ее руководство постепенно ослаблялось. К концу 1925 г. откололся весь Чешский филиал, устав следить за бесконечными склоками руководителей, абсурдной Либеральной Католической Церковью и за систематическими обвинениями известных теософов в развратных действиях. При таких же обстоятельствах двенадцать лет назад от Общества откололся весь Германский филиал. Возникли серьезные трудности в управлении – Австралия не подчинялась, американцы отстранились, и в Обществе постоянно вспыхивало недовольство по поводу поведения Ледбитера, Уэджвуда и Арундейла; Анни уже не могла разрешать конфликты или, по крайней мере, скрывать их от посторонних глаз.

Но, как ни странно, количество членов Общества продолжало расти. Скандалы, конечно, привлекали к нему

какое-то внимание, но более всего действовала популярность молодежного движения, ОЗВ (его члены необязательно были теософами) и растущее влияние самого Кришнамурти. В ранний период своего существования (как и сейчас), Общество привлекало в основном старшее поколение. Но в течение десятилетия с 1919 по 1928 г. оно процветало как какое-то подобие Лиги Наций. Молодежь привлекали не столько теософские церемонии или оккультные тайны, сколько идеи гуманизма, пацифизма и интернационализма, обсуждаемые в летних лагерях и воплощенные в привлекательном облике Кришнамурти. Его тихие, импровизированные беседы на темы мира и преодоления эгоизма представляли разительный контраст с шумной риторикой политиков и религиозных лидеров. Кришнамурти призывал к свободе, счастью, взаимопониманию и самоусовершенствованию.

Однако именно это десятилетие было самым трудным в его жизни. Невозможно представить себе более худшего года, чем 1925-й, когда он вынужден был вступить в противоборство с людьми, которые и привели его к славе, а также испытать серьезное личное горе. 8 ноября 1925 г. он отплыл из Европы в Адьяр с обычными спутниками – Анни Безант, Эмили Летъенс, Арундейлами, Уэджвудом и Раджагопалой. С ними не было только Нити. Его здоровье сочли слишком слабым, чтобы он мог куда-то уехать из Охайя. Арундейл цинично заявил, что если Кришнамурти согласится признать инициацию в Уицене, то жизнь его брата будет в безопасности. Несмотря на телеграмму из Охайя, в которой говорилось, что у Нити грипп и что он просит всех молиться за него, и несмотря на зловещее предзнаменование в виде шторма в Суэцком канале, никто не испытывал особой тревоги; но 4 ноября, вскоре после того как Джордж Арундейл передал Кришнамурти заверение относительно брата от самого Учителя, прибыло известие о смерти Нити.

Кришнамурти был потрясен. Брат не только связывал его с воспоминаниями о детстве, он был также единственным человеком, которому он мог довериться и с которым он мог говорить совершенно откровенно обо всем. Хотя Кришнамурти

постоянно окружали поклонники и в особенности обожающие его женщины, он был совершенно одинок. Смерть Нитьи сделала его одиночество абсолютным. У него впоследствии были верные помощники, и он сам говорил, что Нитья и его прошлое предстают перед ним, окутанные туманом, но все же настолько близко он не сходилась ни с кем.

И все же, несмотря на потрясение, этот удар он перенес довольно спокойно, как заметили его друзья. Кроме того, это горестное событие не затмило важности предназначения самого Кришнамурти. Тот факт, что Братство Учителей не защитило Нитью, как обещал Арундейл, только усилило его недоверие к Арундейлу и подозрение, что Учителя не совсем то, что утверждают теософы; но веры в реальность духовных сил он не утратил. Напротив, смерть Нитьи только укрепила его представление о своей избранности – отныне он был отрезан от дотеософского прошлого, и это дало ему силы порвать с самой теософией. Через несколько недель, 28 ноября, он произносил речь на конгрессе в Адьяре, и тогда у него произошло прозрение об истинном своем предназначении. Говоря о Господе Майтрейе, он вдруг перешел от третьего лица к первому – от «Он» к «я». Все присутствовавшие почувствовали, что произошло нечто серьезное – что перед ними говорил не Кришнамурти, а воплотившийся в нем Майтрейя²⁸⁵.

Нет, конечно, не все это почувствовали. Уджвуд и Арундейл сделали вид, что ничего не видели, кроме миловидного юного индийца, стоявшего перед ними. Но они оказались в меньшинстве. Даже Ледбитер, прибывший из Сиднея в сопровождении роскошной свиты из семидесяти человек, намеренно не обратил внимания на Уэджвуда и Арундейла, сказав Кришнамурти: «Ты по крайней мере Архат»²⁸⁶. Впрочем, у него были причины сердиться на своих бывших сторонников – они не только придали себе официально божественный статус, пройдя пять инициации, но позволяли насмехаться над его оккультным авторитетом. Правда, это вовсе не остановило его в претензии на роль Посвященного, сделавшего немалые успехи по пути духовного развития, и теперь оба лагеря обвиняли друг друга в сотрудничестве с Темными Силами. Раньше Анни

Безант могла утихомирить не в меру разбушевавшихся соратников, но теперь соперничество зашло так далеко, что они так и не примирились.

Сам Кришнамурти смутился, но его смущение скрывало глубокую перемену в сознании, перемену, которую он понял только после того, как она завершилась. Тогда, в Адьяре, через него, Кришнамурти, говорил Кто-то Другой, в этом он был уверен – и Эта Сущность продолжала говорить через него всю жизнь. Таким образом, он является неким Посредником. Но не таким, каким представлял его Ледбитер; он был Учителем не по положению в Теософском Обществе, а по иному праву. Осознав это, он смог отказаться от теософского антуража, не изменив свой духовный статус и выйти за пределы всех и всяческих разногласий Общества.

В следующем году конфликт разгорелся еще сильнее, когда в замке Ээрде прошло первое из нескольких ежегодных собраний, на котором присутствовали тридцать пять посвященных членов Общества. Затем последовал летний лагерь в Оммене. Кришнамурти выступал каждое утро перед небольшой группой из этих тридцати пяти человек. Анни Безант не пригласили на эти встречи, как считалось, из-за опасения расстроить ее. Кришнамурти больше не говорил на ее излюбленные темы о Пути и Ученичестве и только мимоходом упоминал Учителей, советуя каждому слушателю искать собственную дорогу и не подчиняться какому бы то ни было авторитету. В этом и заключалось ядро его учения во все последующие годы. Но Анни обиделась, а ее советники не преминули обвинить Кришнамурти в отходе от идеалов Общества, в высокомерии и потворствовании своему самолюбию.

27 июля 1926 г. Господь Майтрейя вновь говорил устами Кришнамурти, обращаясь к собравшимся у костра в Оммене. На этот раз там присутствовал Уэджвуд, который передал Анни, что Существо, говорившее через Кришнамурти, вовсе не Майтрейя, а Черный Маг. Анни передала этот отзыв Кришнамурти, тот пришел в ужас и сказал, что если она в действительности верит этому, то он никогда больше не будет

выступать публично. И снова бедная женщина оказалась между двумя лагерями противников, и хотя ее доверие к Кришнамурти пошатнулось, она и на этот раз поддержала его. Ведь он был инкарнацией Учителя Мира, и нельзя было просто так оставить эту идею.

К тому же Анни всегда стремилась доверять своему воспитаннику и за одно это он должен быть ей благодарен. Тем не менее она устала от конфликтов и сомневалась в своих силах, думая о том, что ей пора сложить полномочия и что ее приемником вполне мог бы стать Кришнамурти. Ледбитер всячески отговаривал ее от такого шага. Он не хотел ни передавать всей власти Учителю Мира, ни допустить избрания Арундейла на этот пост. Он убедил ее, что Учителя пока не желают, чтобы она сложила с себя этот груз, и она смирилась перед их волей²⁸⁷.

Кришнамурти тоже заявил, что он устал от борьбы, а в разговоре с леди Эмили он сказал о своем желании стать «саньяси» – странствующим монахом, отказавшимся от мира ради медитации и духовного просвещения²⁸⁸. Идея отрицания мирских благ казалась особенно привлекательной этому чуткому юноше, потому что он видел, как Арундейл и Уэджвуд все более открыто потворствовали своим страстям. Большую часть времени Кришнамурти проводил в Охайе – особенно зимой, – писал стихи и размышлял. Был ли у него предмет для размышления? Сознание его было пустым, и его, как им было угодно, могли заполнять Вселенские Силы²⁸⁹. Кришнамурти все глубже ощущал себя не личностью и индивидом, а пустым сосудом, целью существования которого было не учить, а быть вместилищем, средством обучения, зеркалом, куда люди могли бы заглянуть в поисках своей собственной истины. Эти состояния все больше отдаляли его от Общества: при их полном воплощении он превратился бы в ничто. От Теософского посредника до Вселенского Сосуда оставался один шаг.

Последующие годы были годами страданий, размышлений и изоляции. В начале 1930-х годов, при поддержке малочисленных друзей, Кришнамурти вновь явился на свет, как

прекрасная бабочка из теософской куколки, и привлек всеобщее внимание в большей степени, чем когда-то Блаватская и Безант. Некоторые видели в его возрождении всего лишь разрыв с людьми, от которых он отстранился после того, как они сыграли свою роль в его возвеличивании²⁹⁰. Такие, как Арундейл и Уэджвуд, считали его самозванцем. Впрочем, самые резкие обвинения были публично высказаны только после его смерти.

К огорчению Анни Безант, Кришнамурти решительно заявил об окончательном отходе от теософии в 1927 г., во время работы летнего лагеря в Оммене. Она предвидела, что он может заявить нечто подобное перед аудиторией, но у нее не хватило сил присутствовать при этом событии. В лагере собралось около трех тысяч человек, в числе которых был и лидер Британской Лейбористской партии Джордж Лэнсбери. 12 июля Кришнамурти сказал им: «Я – Учитель. Я вошел в пламя – я и есть пламя, я объединил источник и цель»²⁹¹. Несколько дней спустя он разъяснил это загадочное и афористичное высказывание такими словами, которые многим показались не менее загадочными. В детстве, под влиянием матери, ему привидился Шри Кришна. Позже, когда его развитием руководил Ледбитер, он увидел Учителя Кут Хуми. Потом, когда он стал взрослым, ему явились Господь Майтрейя и Будда. Эти Сущности, как он выяснил, являются одной и той же Сущностью, и теперь он соединился с ней, что и обозначало единение с Реальностью. Кришнамурти постоянно использовал образ пламени, чтобы выразить свое состояние. В том же лагере два года спустя он сказал: «Я – то истинное пламя, которое является славой мира...» – фраза, на самом деле абсолютно исключая самолюбие и эгоизм, утверждение которых может показаться на первый взгляд. Ударение здесь следует делать не на «я», а на «пламя». Личность, известная под именем Кришнамурти, сгорела в духовном пламени.

Хотя он и вызвал энтузиазм в лагере и даже нечто вроде лихорадочного возбуждения, не все были довольны его высказываниями. Одни обнаружили в его словах надменное самодовольство и раздувание личного авторитета. Другие были расстроены тем, что после удачного подъема Кришнамурти

отбросил теософскую лестницу, использованную для достижения не теософских целей. К тому же теософская доктрина о Братстве Учителей становилась в общем-то бесполезной, ведь сама Анни Безант заявила в Америке несколько лет назад: «Учитель Мира находится здесь»²⁹². Увы, его достижения оказались не теми, о которых она мечтала. Уэджвуд и Арундейл, естественно, понимали, что угроза нависла над всей организацией, в которой они занимали высокое положение, и сопротивлялись. Переживания Анни Безант были глубже. Она боялась не упрочения влияния Кришнамурти, нет, она чувствовала, что Учителя и Путь Теософии оставались в прошлом.

Ледбитер занял более гибкую позицию, не поддержав возмущения рассерженного Джинараджадасы по поводу неблагодарности Кришнамурти²⁹³. Ледбитер не только принял слова Кришнамурти как доказательство того, что он действительно является Учителем Мира, но и стал относиться к нему с особым почтением. Он предпочел разрешить возникшее противоречие, обозначив различие между мистическим путем, которым следовал Кришнамурти, и оккультной дорогой посвященных, прошедших инициацию.

Видимо, такая тонкая казуистика была слишком сложной для Анни Безант, которая всегда была сильнее в риторике, чем в логике. Она продолжала любить Кришнамурти как сына и почитать его как великого духовного лидера. Приняв отход Кришнамурти от теософии и допустив, что каждый человек может идти своей дорогой, она продолжила основание новых орденов и организаций. В тот же год, когда Анни закрыла Эзотерический филиал, потому что не было оснований для его существования теперь, когда Учитель Мира был готов к выполнению своей миссии, она реформировала Орден Звезды Востока, приспособляя его к новым потребностям Учителя Мира, и провозгласила учреждение Всемирного Дня Матери, Всемирной Организации Матерей и соответствующего журнала. Это произошло на церемонии Либеральной Католической Церкви в Адьяре.

Организация Матерей показала общественности высшей точкой теософского абсурда. Газеты быстро осознали комизм ситуации и стали высмеивать ее, предсказывая появление всемирных организаций Отцов, Младенцев и Тетушек. На роль Всемирной Матери Анни Безант и Джордж Арундейл выдвигали Рукмини Арундейл, которую объявили земным воплощением Матери, возможно потому, что, несмотря на все инициации и почетные должности, она так и не заняла сколько-нибудь важного поста в Обществе. Рукмини понимала, что служит всеобщим посмешищем, и поэтому уклонилась от участия в этой затее, а позже объяснила одному из биографов Анни Безант, что все это было простым недоразумением²⁹⁴. Но леди Эмили Летъенс продолжала весьма серьезно относиться к Организации Матерей, что удивительно, если принять во внимание ее равнодушие к собственным шестерым детям, в чем она позже и сама признавалась. Впрочем, возможно, эта странность лишь показывает, насколько сильное влияние имела теософия на ее жизнь. Организация матерей представляла собой нечто вроде Ордена Розы и Креста в усовершенствованном варианте. Леди Эмили принимала в ее создании самое активное участие. Она написала книгу под названием «Зов матери» и даже собиралась основать Лигу материнства. Леди Эмили даже думала о специальном одеянии, наподобие монашеского, чтобы, как она писала, «никогда больше не заботиться о своей одежде»²⁹⁵. Но этим мечтам не суждено было воплотиться в жизнь. После первого и единственного выпуска журнала «Мать Мира» и нескольких статей Анни и Ледбитера об этой затее забыли.

Несмотря на все испытания, Анни Безант не утратила свойственного ей делового чутья. Она устраивала в Америке лекционные туры, свои и Кришнамурти, получала до тысячи долларов за лекцию. Ей также нравилось путешествовать по Европе на маленьком аэроплане, часто останавливаясь, чтобы выступить в очередном городке²⁹⁶. Несмотря на внутренние борения и разногласия, деньги в Общество продолжали поступать это были частные пожертвования, наследства, подписки, оплата публикаций, средства от продуманных

инвестиций. Как сама Анни, так и Кришнамурти привлекали богатых поклонников, которые с радостью жертвовали деньги на ежедневные расходы или на финансирование проектов, таких, например, как школы. К 1927 г. Обществу принадлежало около пяти сотен акров земли в Охайе; несколько домов в Уимблдоне; школы, колледжи и другие виды недвижимости в Англии, Америке и Индии, не говоря уже о процветавшем Адьяре. Быть Кришнамурти – само по себе означало прибыльный бизнес. Хотя он отверг предложение сыграть за 5000 долларов в неделю роль Будды в немом фильме (это дало ему впоследствии повод сказать, что он мог бы стать звездой кинематографа), его сочинения начали приносить большие деньги настолько большие, что пришлось задуматься, как бы их получше разместить. Денежный вопрос, конечно, существовал. Хотя у Кришнамурти была ежегодная рента в 500 фунтов стерлингов (дар мисс Додж), что удовлетворяло его личные потребности, они не могли покрыть расходы на поездки по всему миру или на издание его речей и стихов.

Эту проблему решил Раджагопал, который после смерти Нити из противника Кришнамурти превратился в его ближайшего друга, советника и делового распорядителя. Талантливый человек, получивший хорошее образование в Кембридже, он постепенно стал руководить Орденом Зари Востока и различными деловыми и издательскими проектами, связанными с лекциями Кришнамурти. Он также планировал его поездки: продумывал маршрут, заказывал билеты и места в отелях, устраивал встречи и платил по счетам.

Был основан трест под названием «Krishnamurti Writings Incorporated», или KWINC, в правление которого входили Кришнамурти, Раджагопал и еще три члена, назначенные ими. KWINC был благотворительным обществом, и в последующие годы заботы по его поддержке занимали большую часть времени Раджагопала, по мере того как относительно скромное предприятие становилось концерном, имевшим дело с миллионами долларов²⁹⁷. В конечном итоге Раджагопал стал президентом Совета попечителей, а Кришнамурти сложил свои полномочия, чтобы сконцентрироваться на учении, – эти шаги

оказали значительное влияние на их жизнь. Финансовые дела Кришнамурти были сложны и запутанны, но в основном, как он подчеркивал, лично ему ничего не принадлежало, за исключением часов «Патек Филипп», подаренных ему одним из почитателей. Стоило ли добавлять, что за все платили либо трест, либо щедрые покровители, многие из которых оказывали свою помощь на протяжении всей жизни. Кришнамурти никогда ни в чем не нуждался и получал все, что ему было необходимо, – от номеров в отеле до роскошных автомобилей.

Личные отношения Кришнамурти были так же непросты. В какой-то степени Раджагопал занял место умершего брата – и не только для Кришнамурти. Розалинда Уильямс, как и Мэри Летъенс, горячо любившие Нитью, после его смерти подружились с Раджагопалом. Два года Раджагопал, Розалинда и Кришнамурти жили вместе в доме в долине Охай. Анни Безант покровительствовала Розалинде и Раджагопалу, и в 1927 г. они поженились в Лондоне. Их дочь, Радха, родилась в 1930 г. Кришнамурти жил вместе с ними, считая их своей семьей, в «Арья Бихара», старом коттедже с шестью акрами земли, расположенном в долине Охай, который миссис Безант купила в 1923 г. Раджагопал часто отсутствовал, уезжая по делам, и Кришнамурти стал настоящим вторым отцом для Радхи, причем девочка даже думала, что иметь двух отцов – совершенно обычно, и называла его просто Криш.

На протяжении 1930–1940-х годов Кришнамурти в семье Раджагопала и Розалинды познал прежде неизвестные ему радости семейной жизни и дружеских отношений. Жизнь в Охайе вращалась в основном вокруг фермы и сада. Раджагопал по будням жил в Голливуде, улаживая многочисленные дела, касавшиеся фонда Кришнамурти, а тот присматривал за домашними животными или играл с Радхой. Пышные празднества сменились более спартанским, но и более идиллическим образом жизни.

Активная внутренняя жизнь Кришнамурти продолжалась и в Охайе. Изолированность долины способствовала медитации и творчеству, а сравнительная близость Лос-Анджелеса позволяла вести общественную деятельность. Местность к тому

же как нельзя больше подходила для организации летних лагерей по образцу Оммена. К маленькому участку земли, некогда купленному Анни Безант, постепенно присоединяли соседние участки, пока Общество не стало владельцем целого поместья средней величины. В 1928 г. Орден Звезды провел здесь свое первое ежегодное собрание. Для широкой публики лагеря открылись в 1930 г. Их значение выросло в 1931 г., когда барон ван Палландт вернул себе замок ван Ээрде по случаю женитьбы и рождения наследника. Хотя лагеря в Оммене продолжали функционировать вплоть до 1939 г., главный центр деятельности Кришнамурти переместился в долину Охай.

Удачей Кришнамурти была и определенная финансовая независимость, поскольку его разрыв с Теософским Обществом становился неизбежным. В 1928 г. в Оммене прошло неприятное собрание, на котором Кришнамурти пригрозил распустить ОЗВ, если теософские руководители будут настаивать на своей монополии на истину. Несмотря на это заявление, вызвавшее волнения внутри Общества, Анни Безант официально признала доктрину Кришнамурти о многогранности истины – хотя цитата из «Бхагавадгиты», выбранная ею для иллюстрации своих доказательств («Человечество идет ко мне многими путями»), намекает на признанную теософами метафору Пути, которую Кришнамурти предстояло вскоре отвергнуть.

Окончательно их дороги разошлись 2 августа 1929 г. В летнем лагере близ Оммена, в присутствии трех тысяч человек, Кришнамурти произнес речь, которая транслировалась и по радио; он сказал, что «истина – это земля без дорог», и отверг оккультизм, авторитеты и религиозные церемонии в качестве путей к духовному росту²⁹⁸. Понимая, что многие из его последователей будут в растерянности, он призвал их встретить лицом к лицу необходимость абсолютной свободы. Кришнамурти объявил, что в будущем он не будет набирать учеников или последователей, и посоветовал всем присутствующим не присоединяться ни к какой секте или церкви. Вера должна быть сугубо индивидуальной: любая организация искажает ее. Все, что он желает, – это всего лишь

помочь освобождению от любых пут, интеллектуальных или эмоциональных, политических или религиозных. Затем Кришнамурти официально заявил о роспуске Ордена Звезды Востока. Это и стало окончанием Пути, как его понимали теософы.

Шаг был обдуманным – уже шли необходимые административные преобразования, и Кришнамурти старался в своей прощальной речи ободрить своих слушателей и объяснить им причины, побудившие его оставить прежние идеи. Но все равно для аудитории, состоявшей в основном из теософов, это было ужасным потрясением, и это было бы так, даже если бы они слушали эту речь Кришнамурти целые годы. Теософы не были готовы получить свободу. Они вступили в Общество, чтобы ими руководили Учителя и их земной представитель, Кришнамурти. Когда он сказал, что Учителя не обладают реальным существованием, они почувствовали себя ограбленными и преданными. Даже те, кто, подобно Эмили Летъенс и миссис Безант уважали решение Кришнамурти оставить теософию, нашли способ, каким он это сделал, неприемлемым и общее мнение можно выразить краткой оценкой Ледбитера: «Собрание прошло плохо»²⁹⁹.

Понятное раздражение вылилось в дразганы по поводу денег. Величественное заявление Кришнамурти о том, что он ничего не имеет, было использовано против него Арундейлом, который указал на то, что финансы Кришнамурти зависят от собственности, которая по закону принадлежит Обществу. Раджагопал в ответ сослался на документ, в котором говорилось, что попечители сами решают, кто будет получателем денег фонда. К тому времени, как был распущен ОЗВ, он уже позаботился, чтобы имущество было переведено на имя треста «Стар Пабблишинг», который он сам и контролировал.

Формально окончательный разрыв Кришнамурти с Теософским Обществом произошел в 1930 г., когда он вышел из всех его организаций. В 1931 г. теософское прошлое для него окончательно умерло, и он был готов начать новую жизнь в качестве независимого гуру. Любопытно, что Раджагопал

остался членом Общества и сохранил хорошие отношения с Адьяром, хотя из-за эффектного ухода Кришнамурти число теософов неуклонно снижалось. Старые члены покидали Общество, испытывая отвращение или недоумение, и в него вступало лишь небольшое количество новых.

Бедная Анни Безант, совсем состарившаяся, продолжала подтверждать своим авторитетом слова и дела Кришнамурти, почти не понимая их. Но это, возможно, было к лучшему: то, что она понимала, она не любила. Они продолжали изредка встречаться. Когда Кришнамурти посетил свою «Амму» в последний раз, в начале 1933 г., она едва узнала, кто стоит перед ней. Миссис Безант скончалась 20 сентября того же года. Ледбитер, все больше болевший, последовал за ней 1 марта 1934 г. Кришнамурти приехал на похороны Епископа в Сидней, но отказался войти в часовню Либеральной Католической Церкви, в которой проходила служба, и стоял снаружи. Старейшие члены Общества уходили из жизни. Леди Де Ла Варр умерла в декабре 1930 г., мисс Додж в 1935 г. Кэтрин Тингли погибла в автомобильной катастрофе в том же году, и Пойнт-Лома постепенно распадался.

Но для некоторых это время открыло новые возможности. Губерт ван Хук стряхнул с себя теософское иго и начал успешную карьеру адвоката. Джордж Арундейл достиг желанной цели: он стал преемником Анни Безант на посту президента Общества. Хотя ему досталось плохое наследство, он по крайней мере мог радоваться, что изгнал из Адьяра Кришнамурти. Но пережившие разгром оказались как бы в небытии. Лучшая часть жизни Эмили Летъенс была позади, и она осознавала это. Хотя она продолжала любить Кришнамурти, она так и не поняла его, и ей не удалось найти никого, кто мог бы заменить его для Общества. Теософия давала ей надежду и счастье, вносила смысл, делавший ее жизнь служением. Но если она не могла следовать за Кришнамурти, то и оставить все по-прежнему было невозможно. Не сомневаясь в ценности теософских идеалов, она считала, что они безнадежно скомпрометированы Обществом. Как бы медленно пробуждаясь ото сна, она начинала видеть нелепости

теософов такими, какими они были на самом деле, и ее страдания дополнялись осознанием того, что она постыдно пренебрегала своим мужем и детьми, следуя за иллюзией³⁰⁰.

Таких потерянных людей, наверное, было немало. Печальная судьба постигла, например, Уэджвуда. Сойдя под конец жизни с ума от чрезмерного напряжения и излишеств, до 1951 г. он влачил существование в Текелс-Парк, изысканном теософском поместье возле Кемберли, где бродил в сумерках, преследуемый привидениями из прошлого.

Глава 15. Частная жизнь

Если лейтмотивом 1920-х годов была молодость, а всеобщим увлечением современность, то в политической сфере в моду вошли интернациональные, социалистические и пацифистские движения. В России победил коммунизм. В Америке процветала демократия, новый толчок которой дало решение президента Вильсона о вступлении в войну. В европейских странах торжествовал либерализм. Даже Китай и Япония предприняли шаги в направлении социальных реформ. Была организована Лига Наций, в цели которой входило наблюдение за исполнением правосудия во всем мире. Даже в колониальных империях появилась надежда на либерализацию. В начале 20-х годов казалось, что наконец-то наступил век политического просвещения, предсказанный философами XVIII века.

Однако к концу десятилетия политическая атмосфера снова сгустилась. Сталин усилил свою хватку в России, в Китае воцарился хаос, в Японии к власти пришли военные, Америка предпочла изоляцию, а центральноевропейские страны, существование которых было признано Версальским мирным договором 1919 г., были мало жизнеспособны. Вся конструкция международных связей была потрясена до основания финансовым крахом на Уолл-стрит в 1929 г. и последовавшим кризисом. Весь мир поразила безработица; и в Германии, и без того раздираемой борьбой между левыми и правыми, опустошаемой финансовым хаосом и гиперинфляцией, финансовый крах создал условия для прихода к власти Гитлера. Когда гражданская война разрушала Германию и Россию, Америка занимала позицию стороннего наблюдателя, а Япония была озабочена захватом Китая, в Европе сохранялся шаткий мир. Но стоило только Гитлеру и Сталину почувствовать себя настолько сильными, чтобы угрожать соседям, как обнаружилась уязвимость либеральных устоев Британии и Франции.

И тогда перед духовными Учителями встала дилемма. Их работа охватывала только отдельных лиц и небольшие группы и оставалась в тени огромных политических проблем, но именно эти проблемы и требовали незамедлительного решения. К тому же духовное традиционно отождествлялось с личным и считалось, что оно не оказывает почти никакого влияния на политические сферы. Таких позиций придерживались Успенский, Гурджиев и Кришнамурти, которые всегда обращались к индивидууму, утверждая, что только посредством усовершенствования личности и ее действий в мире могут произойти положительные перемены и что попытки подходить к этим проблемам на политическом уровне бесполезны. Оказавшись перед необходимостью реагировать на политические ситуации, большинство «западных гуру» уклонились от ответа и продолжали решать проблемы частной жизни и делали это на протяжении всех 30-х годов, этого типично политического десятилетия.

Политизация общественной жизни, углубившаяся между серединой 20-х и серединой 30-х, отбросила тень иронии на последние годы жизни Анни Безант. Несмотря на политическую пассивность большинства членов Теософского Общества, все 27 лет, проведенных ею на посту президента, Анни ратовала за активное участие в социальной и политической жизни. В самом начале XX века теософия выступала как одна из главных политических сил Британской империи, оказывая серьезное влияние на Движение за самоуправление Индии, будучи представленной шестью членами парламента в Вестминстере и будущим лидером Лейбористской партии (Джордж Лэнсбери), не говоря уже о влиятельных сторонниках среди интеллигенции и высшего общества. Но как раз тогда, когда потребовалось занять четкую позицию, когда дело касалось защиты либеральных реформ и свобод, провозглашаемых Обществом, Анни не только покинул Кришнамурти, но и поддержал доктрину невмешательства, и за ним последовал Арундейл, активно использовавший ее на практике. В результате Общество лишилось массовой общественной поддержки. Утратив романтического предводителя-индийца и с ним социальную

миссию, Общество потеряло свои характерные черты и смысл существования. Отныне теософия была обречена быть одной из многих причудливых религиозных групп среди многих других. Она сохраняла еще последователей в Индии и на Цейлоне, но число ее сторонников на Западе все уменьшалось.

Перестав быть серьезной общественной и политической силой в Британии, Общество неизбежно теряло и свой духовный авторитет, теософия не могла ничего противопоставить ни возрождению христианского евангелизма в форме нравственного обновления Оксфордской группы, ни модернизовавшемуся католицизму³⁰¹. К тому же на арену идеологической борьбы явились новые силы: молодые идеалисты вступали в коммунистическую партию и Союз Сторонников Мира (PPU)³⁰² или в их правую разновидность – Союз Фашистов сэра Освальда Мосли. То же происходило и во всей остальной Европе. Во Франции общественные предпочтения поляризовались между социалистами и правыми католиками, тогда как в Германии Гитлер подавлял все организации, проявлявшие хотя бы самые незначительные признаки несогласия с режимом. Теософия и антропософия разделили участь христианского сопротивления. Антропософские объединения стали преследоваться одними из первых, потому что Гитлер особенно ненавидел пацифизм. После «Аншлюсса» и захвата Чехословакии и Польши, Вальдорфские школы были разгромлены по всему Рейху и на подвластных ему территориях. Государство преследовало даже Кейзерлинга. Нацистская партия была слишком уверена в своих силах, чтобы нуждаться в чьей-то помощи или терпеть соперников³⁰³.

В начале 1930-х годов Гурджиев оказался в поистине нелегком положении. Хотя вся его жизнь представляла собой чередование подъемов и спадов, никогда еще не было такого. Он рассорился со многими из основных учеников и богатых спонсоров, газеты уже не писали о нем каждый день как о чуде, и репутация его делалась все хуже. Бывшие последователи с раздражением рассказывали мрачные истории о грубых методах Учителя и его зловредном влиянии. Кто-то постоянно распускал

слухи о самоубийствах и незаконнорожденных детях. Некоторые говорили, что он безумец, другие называли его злодеем, но все соглашались с тем, что он опасен. Голоса, раздававшиеся в его защиту, не слушали – почтение к нему вышло из моды. Успенский заявил, что Гурджиев сошел с ума, а английские последователи Успенского считали это заявление слишком милосердным³⁰⁴.

В 1933 г. был потерян и Приере при странных обстоятельствах: торговец углем из Фонтенбло настоял на его продаже, чтобы получить долг в несколько сотен франков³⁰⁵. Несоразмерность такой банальной причины и ее последствий, нелепость ситуации были типичны для этого человека, всегда увлекавшегося абсурдом и крайностями. Без сомнения, Гурджиев мог бы найти деньги на оплату долга или очаровать кредитора, как и многих других, но истина была в том, что он не пожелал этого делать. Эксперимент в Приере продолжался десять лет – больше, чем любой другой этап его жизни, – и подошел к своему естественному концу. Тот факт, что торговцу углем было позволено выиграть тяжбу, говорил о победе импульса над расчетом. Гурджиев принял это событие как очередной торжествующий прыжок в неизвестность. Утратив замок таким унизительно глупым способом, он продемонстрировал, что случайные неприятности и зависимость от материальных условий могут быть использованы для духовной работы, чему он и учил.

Если смотреть с более приземленной точки зрения, он, вероятно, ужасно устал. Оставшиеся ученики замечали, что он утратил физическую и эмоциональную форму: располнел, постарел, стал апатичным и часто бывал раздражительным. Одно дело возраст, другое – деньги, но главным врагом была, конечно, скука. Гурджиеву необходимы были ученики не меньше, чем он был необходим им, чтобы бороться со скукой обыденной жизни. Но теперь даже намеренное провоцирование неожиданности стало скучным и повторяющимся.

Но у него еще сохранился порох в пороховницах. Одна американка, которая не была знакома с Учителем, сказала, что даже взгляд, брошенный им из-за соседнего столика в

ресторане, так возбудил ее «сексуальный центр», как этого никогда не случалось, – этот инцидент, ставший достоянием слухов, наверное, потешил его склонность к оскорблению американского пуританства³⁰⁶. В другой раз компания богатых и респектабельных жителей Нью-Йорка, обедавших с Гурджиевым, была просто шокирована потоком непристойных историй, которые он обильно приправлял нецензурными словами. Но это потрясение не помешало им попасть под власть его импульса, все они кинулись соревноваться в похабщине, – пока он не оборвал их резко и грубо, произнеся речь о том, что все американцы являются рабами сексуального инстинкта³⁰⁷.

Этот эпизод подчеркивает жестокую склонность Гурджиева постоянно держать своих учеников в состоянии волнения и «эпатировать буржуа». Путешествуя в ночном поезде из Нью-Йорка в Чикаго со своим бывшим учеником Фрицем Петерсом в середине 30-х, он сумел превратить жизнь молодого человека в сплошное страдание; сначала он потребовал, чтобы Петерс задержал поезд, пока он не попрощается со всей толпой провожающих, затем разбудил всех уже заснувших пассажиров, нарочито шумно продвигаясь с одного конца вагона в другой в поисках своего купе. Усевшись на свое место, Учитель на протяжении почти всей ночи продолжал разговаривать, курить, пить и есть вонючий сыр, поднимая такой шум, что носильщик и проводник, наконец, пригрозили выбросить его на следующей остановке. Когда его убедили лечь спать, он несколько раз под разными предлогами вызывал кондуктора, а наутро повторил то же представление в вагоне-ресторане, требуя невероятных блюд, постоянно вызывая официанта и громогласно жалуясь, что его заказы не выполняют. На протяжении шестнадцати часов Петерсу оставалось не только самому справляться со своим гневом, но и выслушивать упреки других пассажиров, давая себе клятву никогда больше не связываться с Учителем³⁰⁸.

Большую часть времени между 1933 и 1935 гг. Гурджиев провел в Соединенных Штатах, безуспешно пытаясь исправить свое положение. Несмотря на отход таких преданных

сторонников, как Орейдж, Тумер и Петерс, ситуация ему благоприятствовала. В больших городах продолжали существовать группы Работы, организованные во время миссионерских поездок верным Орейджем, они регулярно проводили собрания, на которых читали и обсуждали отрывки из сочинений Учителя, полученные пиратским путем. Но в основном эти встречи были посвящены взаимной критике друг друга и нелюбезному обсуждению сексуальных проблем и оставляли мрачное впечатление. Как говорил один из бывших учеников, время от времени присоединявшийся к группам в Нью-Йорке и Чикаго, они утратили энергичный дух Учителя, и Работа превратилась в унылые сеансы групповой терапии³⁰⁹.

И все же у Гурджиева все еще оставались влиятельные связи в Америке, и он мог бы там сносно устроиться. Одной из его преданных учениц была Ольга Ивановна Гинценберг, присоединившаяся к нему еще в Тбилиси, в 1919 г. Пройдя через Константинополь и Приере, «Ольгиванна» закончила свое путешествие, уходящее корнями в аристократическую Черногорию, в штате Висконсин, на Среднем Западе Америки, где она поселилась со своим новым мужем, архитектором Фрэнком Ллойдом Райтом, отличавшимся благоразумием и предусмотрительностью.

В начале 30-х годов Райт открыл прогрессивную школу архитектуры в Талиесине, своем поместье на реке Висконсин. Будучи соучредителем, «Ольгиванна» настояла на том, чтобы любая новая школа основывалась на принципах Гурджиева. Райт согласился, и в результате возникла коммуна, претворявшая в жизнь идеалы Приере, хотя организована она была на более практической основе. Архитектура в Талиесине стала образом жизни отношения между пространством, линией и материалом рассматривались и как духовный продукт, и как функция органической восприимчивости архитектора.

Не будучи никогда сам учеником Гурджиева и обладая весьма сильным характером, Райт восхищался им как Учителем. Он описывал его в своих воспоминаниях как «величайшего человека в мире»³¹⁰. То же мнение высказывает в своих мемуарах о Кэтрин Мансфилд его жена. Во время Второй

мировой войны Талиесин стал убежищем для Гартманнов, Ноттов и других изгнанников, но, хотя Гурджиев и пересекал Атлантику, чтобы оказаться там, трудно представить его постоянным обитателем этого американского городка. Кроме того, что выходец из дикого захолустья стал теперь абсолютно столичным денди, пришлось бы считаться и с присутствием самого Райта. Вряд ли два таких «ужасных чудовища» смогли ужиться, несмотря на взаимное расположение.

Но даже если бы Гурджиев и захотел пойти на это, визиты в Соединенные Штаты пришлось временно прекратить из-за серии скандалов, связанных с «пациентками». Он снова взялся за целительство, чтобы пополнить свои доходы. Его пациенткой стала женщина на шестом десятке лет, предположительно алкоголичка, доктор которой запретил ей пить. Вопреки этим предписаниям, Гурджиев рекомендовал ей ежедневно умеренную дозу спиртного, основываясь на том, что у нее не было алкогольной зависимости, но она нуждалась в некоторой дозе алкоголя для поддержания своего химического баланса. Он велел ей следовать его указаниям, сохраняя тайну. Так она и поступала, создавая видимость улучшения, пока один из ее друзей не сообщил ее врачу об альтернативном лечении. Возмущенный врач убедил ее, что Гурджиев шарлатан, и совершенно лишил ее алкоголя. Вскоре после этого она умерла – никто так и не смог объяснить причину ее смерти.

Вторая пациентка, к счастью, пережила его лечение, хотя и порицала Гурджиева за то, что вовлек ее в неприятности с докторами; третья была не настолько удачлива и покончила с собой. Возможно, Гурджиев и в самом деле давал им полезные советы, но не давал себе труда предотвратить возможный конфликт с докторами. Его скандальная репутация способствовала тем, кто хотел обвинить его в этой смерти, и власти приняли обвинения очень серьезно. На короткий срок его заключили в Эллис-Айленд как иностранца, чье присутствие в стране нежелательно, а затем он вынужден был покинуть страну. Вернуться в Соединенные Штаты ему пришлось только после войны³¹¹.

Будучи изгнан из Америки, он некоторое время подумывал о возвращении в СССР. Советские власти намекали на такую возможность, но, очевидно, ему пришлось бы отречься от своего учения, а еще вероятнее, оказаться в Сибири или даже быть приговоренным к расстрелу. Легко представить, как Гурджиева влекли такие опасности, но, очевидно, даже он понял, что козыри далеко не на его стороне. «Гостеприимству» Сталина, как называли это заключенные лагерей, он предпочел скучную и безопасную парижскую квартиру.

Если оставить в стороне американские поездки и размышления о России, Париж оставался центром активности Гурджиева, и там он, словно магнит, собрал вокруг себя небольшую группу американцев. Жил он в крошечной квартире на Рю-Лаби, проводя большую часть дня в своих любимых кафе. В 1933 г. вышла его первая публикация: на удивление величавая брошюра под названием «Вестник Грядущего Добра», которая и в самом деле оказалась предвестником нескольких больших книг. Он работал над ними в своей «конторе» в «Кафе де ла Пэ», глядя на мир из-за столика, выпивая огромные количества кофе и арманьяка и угощая (своего рода пародия на щедрость Пруста) официантов конфетами и цукатами, что было его привычкой. Иногда здесь же он встречался с учениками. Оставив старую практику массовых собраний и физических упражнений, он ограничился занятиями с отдельными лицами и небольшими группами. Французской группой руководила его преданная помощница, Жанна Зальцманн, небольшим кружком иностранцев – Джейн Хип. Лишенный пышного антуража Приере, этот метод частных занятий был, возможно, самым ценным периодом Работы.

Жанна Матиньон Зальцманн вместе с новой группой учеников располагалась в Севре, мини-подобии Приере. Своих учеников она отдала в распоряжение Учителя, как это случалось ранее с Успенским и Орейджем. Отношения Гурджиева с Жанной стали ближе после смерти ее мужа, несмотря на неприятный и темный эпизод, когда Гурджиев резко отказался посетить своего верного последователя во время последней болезни. Здесь можно усмотреть некую параллель к

истории его отношений с Софьей Григорьевной, которые значительно улучшились после ее разрыва с Успенским. Хотя причина ссоры Гурджиева с Зальцманнами неизвестны, она была настолько серьезна, что в своей фантастической книге «Рассказы Баальзебуба своему внуку» Гурджиев назвал некий смертельный газ, пропитывающий Вселенную, «зальцманино»³¹².

При этом именно Александр Зальцманн окончательно разрушил барьер между Гурджиевым и французами, представив его в начале 1930-х годов Рене Домалю. Рано умерший Домаль стал одним из самых активных последователей Учителя, но эта встреча сыграла более важную роль, чем просто личное знакомство. Дело в том, что до конца 1930-х годов почти все ученики Гурджиева были американцами и англичанами. После встречи с Домалем и особенно после его смерти Гурджиев стал ревностно охраняемой собственностью парижских интеллектуалов, которые до того пренебрегали им.

Домаль, родившийся в 1908 г., зарабатывал на жизнь литературными переводами. В 1928 г., вместе с друзьями, в число которых входил и романист Роже Вайян³¹³, он основал сразу привлечший к себе внимание журнал «Le Grand Jeu», посвященный возвышенной идее Малларме о поэзии как поиске Абсолюта. Основатели журнала заявили о своей вере в чудеса и опубликовали псевдоэкзистенциальный манифест, в котором настаивали на необходимости подвергать все сомнению в любой момент времени: если дело касается Абсолюта, то здесь по определению не должно быть полумер. Домалю особенно импонировала строгость Учителя. Его незаконченный роман «Гора Аналог» («Mount Analogue») перекликается со «Встречами с замечательными людьми» Гурджиева. Это произведение повествует о группе исследователей, которые находят гору, о которой известно, что с ее вершины мир выглядит совершенно по-другому. Восхождение на гору требует почти нечеловеческих усилий: наградой служит принципиально новый взгляд на вещи, новое знание. Как видим, поиски «замечательных людей» Гурджиева совпадают с возвышенными фантазиями

французского символиста, хотя, по большому счету, гора Аналог – все тот же Парнас.

Зальцманн и Домаль возглавили две взаимопересекающиеся французские группы. Американцами руководили Джейн Хип и Маргарет Андерсон, вступившая в лесбийский кружок, членами которого были писательницы Джуна Варне и Джанет Флэннер³¹⁴, а также Жоржетта Леблан, известная среди прерафаэлитов и чувствовавшая себя не менее свободно в эзотерических кругах, чем в так называемом «полусвете». Влияние Гурджиева на этих женщин заставляет пересмотреть мнение о том, что его власть основывалась на сексуальном магнетизме. Что бы их ни привлекало, это не было мужским очарованием в обычном смысле слова.

Американская писательница Кэтрин Хульме³¹⁵ присоединилась к группе Андерсон в 1933 г. Хульме уже встречала Гурджиева за несколько лет до этого, сопровождая в путешествии по Европе состоятельную модельершу. Знакомство с Варне и Флэннер повлекло за собой встречу с Джейн Хип, проводившей большую часть времени в Париже, а Хип, в свою очередь, представила Кэтрин и ее подругу «Венди» Гурджиеву. Хульме позже подробно описала этот кружок и работу с Гурджиевым, страстной поклонницей которого стала Хип, вдохновлявшая их всех. Надо сказать, что, хотя Гурджиев недолюбливал мужской гомосексуализм – не на основании обыденной морали, разумеется, а потому что он нарушал законы космической гармонии, в которой естественная сексуальная полярность играла важную роль, но по поводу лесбийской любви, очевидно, не был столь категоричен.

Для начала он подверг новых учениц расслаблению, то очаровывая их, то подгоняя и заставляя работать. Например, до того, как продать Приере, он гонял туда машину на полной скорости, а Хульме должна была, не отставая следовать за ним на своей машине. Она была восхищена властным взглядом Учителя, убедительностью его речей и безрассудной скоростью его езды. Но, несмотря на все ее обожание, Гурджиев держал ее на расстоянии, и она долго не решалась попроситься в ученицы. Однажды он пригласил всю группу на обед, где

подавались раки и арманьяк и где поднимались тосты за различные Ордена идиотов – характерные черты праздников в Приере. Это меню стало обычным в последующие годы. В других случаях он игнорировал своих новых поклонниц, располагаясь в углу «Кафе де ла Пэ» и делая свои записи, пока они наблюдали за ним со стороны, не смея подойти.

Сначала Хульме относилась к Гурджиеву только как к другу Джейн Хип. В конце 1935 г. Хип переехала в Лондон, попрощавшись с Кэтрин Хульме на парижском вокзале зловещими и напыщенными словами: «Мы в этом методе, как Люцифер, падаем с механических небес, на которых живем»³¹⁶. Именно тогда Хульме осмелилась подойти к Гурджиеву и попросила принять ее в ученицы. Тот согласился, и Хульме собрала маленькую группу для Работы, куда вошла и англичанка мисс Гордон, бывшая обитательница Приере. Они называли себя «Веревкой», потому что работали в связке, как путешественники Домалья, совершившие опасное восхождение на гору. Наказы они получали в «Кафе де ла Пэ», в крошечной квартире Гурджиева на Рю-Лаби, где он готовил изысканные блюда, и везде, где им приходилось встречаться. Они молчали, прерываясь, чтобы выслушать тосты и замечания Гурджиева. Иногда Хульме казалось, что они представляют собой общие места, если не откровенные банальности. Но, поразмыслив, она всегда открывала в них глубину. Она была возмущена, когда Ром Ландау в книге «Бог есть мое приключение» представил Учителя каким-то Распутиным.

По мнению Маргарет Андерсон, основания теологии Гурджиева мало отличались от теологии Блаватской. В «Неизвестном Гурджиеве» Андерсон пишет о его герметической «науке», иногда ее называют «сверхнаукой», которая и была «знанием древности»³¹⁷. Она цитирует Элифаса Леви, предполагавшего существование «великой тайны... науки и силы... единой души, универсальной и непреходящей доктрины», и приводит мнение Гурджиева о том, что «все великие общие религии... основаны на одних и тех же истинах». То, что в некоторых вопросах ее Учитель стоял на особых позициях, она считает результатом его истинной связи с тайной

окультной традицией, сохранявшейся в братстве монастыря Сармунг, описанном во «Встречах с замечательными людьми».

Думается, что тот значительный эффект, который Гурджиев вызвал в Андерсон, состоял в том, что он заполнил сжигающую пустоту ее жизни непередаваемым чувством смысла и значения. Ей казалось, что есть нечто таинственное даже в том, как он после обеда наигрывал печальные восточные мелодии на своем аккордеоне, что превосходило, по ее мнению, все на свете интеллектуальные рассуждения.

Гурджиев безжалостно играл со всей группой, не церемонясь ни наедине, ни в обществе; он давал им животные клички: одна из них стала Канарейкой, другая Сардиной, а Хульме он назвал Крокодилом. Клички символически передавали характер и недостатки человека. Каждая из женщин должна была публично проанализировать свои недостатки и безжалостно рассмотреть свои слабости и рассказать о них. Как обычно, духовные наставления постоянно перемежались собственными заботами Учителя, и вскоре новые ученицы оказались в курсе всех подробностей его повседневной жизни. Иногда Гурджиев учил необходимости сознательного страдания, самонаблюдения и законам трех и семи на конкретных примерах, а иногда подкреплял свои теории тем, что заставлял их покупать ему новый автомобиль.

Но самое большое впечатление производит не доктрина и не экзотика, а психологическая проницательность и указание Гурджиева действовать без раздумий. Он дал им свое обычное задание: они должны были научиться меньше Знать и больше Быть. Хульме поражала его способность распознавать глубоко скрытые свойства натуры человека, знать их лучше, чем сами эти люди, понимать, в чем состоят их проблемы и каковы пути их разрешения. Однако, если принять во внимание невротический характер большинства его учеников многие из них пережили серьезные кризисы в предыдущее десятилетие, предписание не задумываться о своих действиях было таким же целесообразным, как и в отношении лихорадочно возбужденной русской интеллигенции двадцатью годами раньше.

К весне 1936 г. встречи проводились почти каждый день, обычно у Гурджиева на Рю-Лаби³¹⁸. Хотя там появлялись и другие ученики, присоединившаяся к ним во время своих поездок в Париж подруга Хульме Венди недоумевала, почему их так мало. Ее недоумение только усилилось при виде ящика на кухонном столе, куда каждый клал мзду, которую мог себе позволить. Хотя где-то на заднем плане и могли происходить какие-нибудь темные дела, но об этом никогда не говорили, и Гурджиев постоянно нуждался в деньгах. Летом он неожиданно распустил учеников на три месяца, до осени. Что он делал эти три месяца, неизвестно. Женщины были расстроены. Находясь в Америке, Кэтрин Хульме и Венди ждали и не могли дождаться возвращения к Учителю, что он, разумеется, предвидел. Привязав их к себе своим обычным способом – немного поощряя, разыгрывая, задирая, внушая и убеждая, то хваля, то ругая, он добился того, что они оставили прежний образ жизни и привыкли к новому.

Основным событием года было Рождество, которое Гурджиев праздновал с соответствующими церемониями. Для праздника 1936 г. он велел членам «Веревки» заполнить сорок коробок конфетами, банкнотами и разными мелкими сувенирами. Эти подарки предназначались его родным, ученикам и тем эмигрантам, кому он был вроде отца. Подарки упаковывались в маленькой гостиной на улице Лаби под руководством самого Гурджиева. К тому времени как женщины закончили эту работу, в квартире собралось более сорока человек и все приступили к праздничному угощению, после чего хозяин сыграл им на аккордеоне. Приготовленные подарки были розданы во время другой продуманной церемонии, затянувшейся далеко за полночь. Ритуал даже ненадолго прервался, когда племянница Гурджиева самовольно осмелилась пожелать ему доброго здоровья, а ее дядя набросился на нее, требуя объяснить, что она имела в виду. Когда эти гости ушли, по рассказу служанки, прибыли другие – иждивенцы господина Гурджиева, дабы получить от его щедрот. Такие праздники вносили разнообразие в жизнь Гурджиева.

Рождество на улице Лаби как бы суммирует смысл, которым Гурджиев наполнял и жизнь своих учеников: обращение к личности, конкретность действий, загадочность, щедрость, опасность и магия. Оно также проясняет сложную дилемму, с которой сталкивались его ученики и которую Кэтрин Хульме решала на собственном опыте. Учитель был настолько импульсивен, что все менял вокруг себя, создавая целый мир, в котором начинали жить его последователи, чувствовавшие себя несчастными вдали от него. Весь остальной мир, другие люди, прошлое, обыденная жизнь делались как бы нереальными, а жизнь с Гурджиевым казалась пропитанной визионерской остротой и подлинностью. Однако именно жизнь в группе часто казалась Хульме «нереальной» из-за своей удаленности от мира, в который она рано или поздно должна была вернуться.

Сознательно или нет, но Гурджиев делал своих учеников зависимыми от себя, вовлекая их в свой образ жизни. Презируя их за эту зависимость, он требовал в то же время у них абсолютной преданности. Таким образом, он был одновременно и освобождающим Учителем и властным отцом, богом-творцом и дьяволом-разрушителем. В учениках это порождало непереносимые конфликты под их давлением все, кроме самых сильных, со временем теряли силы, особенно после удаления от того, что Хульме называет магнитным полем Гурджиева. И когда это случалось, последствия иногда были очень тяжелыми. Венди покинула Работу после серьезной болезни в Америке, и Кэтрин Хульме вернулась в Париж в 1938 г. одна. Учитель полностью вычеркнул все воспоминания о своей бывшей почитательнице. Обсудив однажды этот вопрос с Хульме, Учитель сказал: «И о ней мы больше не будем говорить»³¹⁹. Хульме разрывалась между преданностью Учителю и непониманием его жестокости, но, несмотря на все переживания, не сомневаясь, предпочла Учителя бывшей подруге. В 1939 г. она уехала из Парижа, а потом от Учителя ее отделили война и Атлантический океан – тогда она почувствовала себя так, словно ее гнали из рая.

Глава 16. Грешники

Человеком, о котором Гурджиев в эти годы предпочитал «не говорить», был конечно же Успенский. Он тоже был лишен благословения и изгнан из рая, которого он был удостоен лицезреть в 1915 г.³²⁰. Во всех других отношениях он преуспел в период между войнами, число его английских последователей росло, но росло и уныние. Основывались группы, покупались дома, читались лекции, но все это было одно и то же. Существовало затруднение с формулировкой Системы: что можно еще делать, как не повторять? И хотя он процветал и, можно даже сказать, жил в роскоши, в жизни его отсутствовал тот важный элемент, который мог бы ему дать Гурджиев: опасность.

Успенский к тому же не любил англичан. Действительно, в них, казалось, воплотились все его проблемы. Разумеется, он наслаждался легкостью и регулярностью жизненного распорядка после всех невзгод в России и Турции, но он находил, что комфорт и отсутствие интеллектуальной любознательности подавляют. В одной из книг Успенский пишет, что смысл жизни состоит в поисках этого смысла, а не в самом смысле. Для него же поиски были закончены. Он отреагировал тем, что принял английское безразличие и оживлял монотонное течение жизни спиртным.

Софья Григорьевна ему не помогала. В 1929 г. она покинула Гурджиева, чтобы присоединиться к Успенскому в Англии, но в середине 1930-х годов они снова жили независимо друг от друга, и она сама стала Учителем. По характеру она была ближе к Гурджиеву, чем к своему мужу, как замечали многие ученики: сильная духом женщина с властными манерами. Осенью 1935 г. Софья Григорьевна переехала из Лондона в сельский дом в Лайн-Плейс, Виргиния-Уотер, который стал своего рода Приере по выходным дням: сюда по субботам приезжали ученики из Лондона, работали в доме и в саду под надзором хозяйки, которую они побаивались.

Поначалу Успенский предпочитал оставаться в городе, хотя временами вел сельский образ жизни. Виргиния-Уотер тогда еще не была пригородом, как впоследствии. К 1939 г. около сотни людей встречались в Лайне по выходным, для того чтобы послушать лекции и задать вопросы³²¹. Успенский наконец-то смог позволить себе держать домашних животных, особенно он любил лошадей и котов. Но, несмотря на бодрящий режим мадам Успенской, он все больше впадал в депрессию. Одной причиной тому служила скука, другой – алкоголь; но, как показали последующие события, это были только симптомы болезни. Настоящая проблема заключалась в растущем чувстве неудачи и ошибки, которое спокойная уверенность его жены только усиливала. Ибо Успенский всегда колебался между страстным желанием верить в учение Гурджиева и неискоренимым скептицизмом. Свою неуверенность он скрывал за сдержанностью. Сейчас он все больше поддавался сомнениям. Он подумывал, а вдруг сама Система, бывшая так долго краеугольным камнем его мировоззрения, так же сомнительна, как и ее преподаватель. Поначалу он не высказывал эти сомнения публично, но они бросили тень на всю его последующую жизнь. После многих лет, что он прожил, почитая и в то же время сторонясь Гурджиева, он оказался в той же ситуации с Софьей Григорьевной, что было едва ли удобно в его немолодом возрасте. Он проводил большую часть времени в гостинной, один или с учениками, которые почтительно молчали, пока он вспоминал о прошлом или подвергал беспощадной критике их ошибки, то и дело пропуская рюмочку.

Отношения Успенского с учениками пародируют, будто в насмешку, его собственные конфликты с Гурджиевым, одновременно высвечивая важные вопросы духовной педагогики. Насколько далеко позволительно учителю зайти в своем руководстве, чтобы создать такое положение, когда ученики могут действительно расти, если они обладают такой способностью? До какой степени ученики должны следовать мастеру или просто подражать ему? Является ли целью мастера достижение ими собственной независимости? Как они узнают, что это и есть то, чему их учат? Эти вопросы, неизбежно

возникающие при духовном учительстве, напоминают о другом смысле слова «уединение», чем просто удаленность от общества. Эзотерическая, или оккультная, мудрость по определению является тайной, скрытой, отдаленной. Как много раз говорила Блаватская, передача мудрости, которая должна быть постигаема адептом и в то же время скрыта от профанов, преисполнена больших трудностей.

Возможно, дополнительные преграды возникают при попытке превратить оккультное обучение в общественную миссию, попытке, которая всегда чревата непониманием и обвинениями в мошенничестве. Никто более серьезно (или более комично?) не сражался с этой проблемой, чем капитан Дж. Г. Беннетт³²², бывший сотрудник Британской секретной службы, позже нелепо совмещивший роли духовного учителя и горного инженера. Жизнь Беннетта стала настоящим воплощением гурджиевского тезиса о том, что истинно духовный человек не избегает всевозможных коллизий, не уходит в размышления, а ищет возможности заняться самонаблюдением и извлечь урок из преднамеренных страданий при каждом удобном случае. Сам Беннетт принимал участие в общественной жизни, став заметной фигурой в бизнесе и в том, что называется альтернативной религией; и, хотя он был обаятельным, любезным и общительным человеком, в глубине души он переживал болезненную дилемму выбора.

Оставив в 20-х годах правительственную службу, Беннетт стал заниматься делами, касающимися возвращения собственности Османской династии, в том числе имущества восьми вдов последнего султана, обширные поместья которых на побережье Средиземного моря были конфискованы новым турецким республиканским правительством. Большая часть побережья оказалась под контролем Британской империи. Как бывший представитель Британского правительства, отлично осведомленный в обстановке на Среднем Востоке, где в бизнесе основным принципом считалось взяточничество, а политику направляли тайные агенты, Беннетт как никто иной подходил для этой цели. Его уговорил заняться этим делом

дантист султанской семьи, бесконечно преданный Османам, в один прекрасный день 1921 г. продержавший Беннетта в зубоврачебном кресле почти два часа под предлогом лечения флюса, хотя сам доктор был все это время занят тем, что убеждал своего пациента помочь огромной семье султана, всем этим смещенным с должностей и коррумпированным принцам. И Беннетт согласился помочь вернуть им собственность.

В качестве партнера в этом деле, обещавшем принести немалые выгоды, Беннетт пригласил финансиста и бизнесмена Джона Де Кэя, друга миссис Бомонт и принца Сабехеддина. Партнерство заключалась в том, что Беннетт будет вести политические переговоры, а Де Кэй будет занят финансовыми операциями. Принимая во внимание политический опыт Беннетта и компетенцию его партнера, сотрудничество казалось многообещающим. Однако к бочке меда всегда полагается ложка дегтя.

Де Кэй родился в 1872 г., в Северной Дакоте. Это была сложная личность – страстный социалист, визионер и плут, всегда во власти великих планов и всегда готовый переступить грань между бизнесом, политикой и преступлением. Согласно его собственному признанию, он составил состояние на газетах, начав продавать их в двенадцать лет, в девятнадцать став журналистом, а в двадцать два года благополучно превратившись во владельца трех провинциальных газет. После неудачной избирательной кампании Уильяма Дженнингса Брайана, претендента на пост президента, которого он поддерживал³²³, Де Кэй продал собственность и переехал в Мексику, где, заручившись поддержкой правящего диктатора, Порфирио Диаса, занялся бизнесом по упаковке мяса. Все шло хорошо, но Де Кэй встал на сторону, проигравшую в гражданской войне, которая разразилась в Мексике после отставки Диаса. Тогда он был вынужден переехать в Европу, где стал торговать оружием и правительственными мексиканскими облигациями.

Между делом он написал пьесу для Сары Бернар и пытался приобрести средневековый замок – Шато-де-Куси, в долине Марне, к северу от Парижа, объявив себя потомком древнего

рода де Куси. У него был роман с будущей женой Беннетта, Уинифред Бомонт, которую он привез в Мексику. Очаровательный краснбай и актер, он любил ходить, как говорил Беннетт, по «средневозточной моде», то есть вооружался «Стетсоном» и шестизарядным револьвером, направляясь в банк или в правление за деньгами.

Война застала Де Кэя и г-жу Бомонт за германскими линиями во Франции и оказала на них такое впечатление, что Де Кэй решил отказаться от торговли оружием и стал пацифистом. Но и это не смягчило негодования г-жи Бомонт, когда она узнала, что у Де Кэя было уже двое детей от их общей подруги. В 1919 г. она оставила его и, воссоединившись с принцем Сабехеддином в Швейцарии, отправилась с ним в Константинополь. К тому времени, когда она представила Де Кэя Беннетту, тот уже жил в Берлине.

Очевидно, Де Кэй ожидал от Беннетта и турецкого имперского дома ответной помощи в других деловых предприятиях. Оба компаньона, по сути дела, занимались одним и тем же – в досье разведки Де Кэй числится «главой отдела саботажа и убийств Германской секретной службы» во время Первой мировой войны³²⁴ – пункт, ускользнувший от внимания Беннетта. И хотя Беннетт упоминает, что в конце войны Де Кэй находился в лондонской тюрьме по обвинению в продаже фальшивых мексиканских облигаций, он тактично (но ошибочно) представляет эти обвинения ложными. В действительности почти все, что Де Кэй рассказал о себе Беннетту, было ложью либо искажало факты. Из лондонской тюрьмы в тот раз ему удалось выбраться лишь благодаря несогласованности между собой законов Англии, Америки и Мексики о выдаче преступников. Но не всегда ему была суждена такая удача.

Де Кэй начал действия по возвращению османской собственности с регистрации в Делавере под стоимость конфискованных поместий, оцененных Де Кэем в 150 миллионов долларов, «Абдул-Хамид Эстейтс Инкорпорейтед». Естественно, он не ожидал, что новое турецкое правительство будет в восторге от этих претензий, но оба исполнителя

собирались использовать свои связи и не сомневались, что вполне смогут вернуть Османам хотя бы часть денег, что при невероятной оценке имущества составляло изрядную сумму.

Предприятие продолжалось в течение нескольких лет – с 1922 по 1924 г. – без особых результатов. Летом 1923 г., надеясь как-то дать ему ход, Беннетт посетил Лозаннскую конференцию, на которой союзники разрабатывали новый мирный договор с Турцией. Долгие часы между деловыми встречами он коротал за уроками танцев у некой русской дамы, в обществе японского барона и турецкого главного раввина. Но, хотя он и научился танцевать, его клиентам конференция ничего не дала. Тем не менее Беннетт не терял уверенности. Он знал, насколько могут затянуться подобные переговоры даже при самых лучших обстоятельствах и что в бывшей Османской империи, где никто не действовал напрямик, каждый хотел получить свою долю и ожидал взятки. Даже при новом строгом режиме сохранялось то, что представители Запада называют коррупцией.

Но Беннетт не знал (или делал вид, будто не знал), что его партнер снова попал под наблюдение американских федеральных властей по поводу продажи фальшивых мексиканских облигаций и других финансовых махинаций. Крах наступил в 1924 г., при избрании Лейбористского правительства в Британии, что должно было бы благоприятствовать планам компаньонов. Как Де Кэй, так и Беннетт лично знали ведущих членов кабинета – Беннетт даже собирал голоса за Рамсея Макдональда – и рассчитывали на то, что их влиятельные друзья окажут содействие «Абдул-Хамид Эстейтс Инкорпорейтед» на контролируемых Британией территориях бывшей Османской империи. Де Кэй предполагал использовать эти связи и в других делах. Но расчеты не оправдались. Консервативная американская администрация не терпела мошенничества, особенно в сочетании с социализмом. По требованию американских властей Де Кэя арестовали в Британии и посадили в тюрьму, после чего отправили в Штаты, чтобы судить. В конце концов его оправдали за отсутствием улик, но он много месяцев провел в тюрьме, и компаньоны больше никогда не виделись. Дела османских претендентов

пришлось отложить, пока Беннетт искал подходящих финансистов.

Это было только началом невзгод. Беннетт нуждался в деньгах даже больше, чем до знакомства с легкомысленным Де Кэем. Продолжая заниматься вопросами османского наследия в Греции (там он и женился на г-же Бомонт в апреле 1925 г.) и получив заверения разных должностных лиц в том, что можно добиться искомых результатов, убедив правительство в перспективности земельных участков, на которые претендовала родня султана, Беннетт сошелся с Нико Николопулосом, с которым ранее работал в Британской секретной службе. Николопулос, обладавший привлекательной внешностью и подлинной смелостью, однако склонный ко лжи и бравade, предложил ему свою помощь в подготовке общего пакета документов на земли, которые представляли собой мелкие участки, являвшиеся собственностью различных представителей турецкой династии.

Николопулос не отличался щепетильностью в выборе методов, и последовало неизбежное. В марте 1928 г. Беннетт был арестован по обвинению в подделке документов. Ему удалось избежать зловонной камеры, где его заперли вместе с убийцами и другими подонками общества, только приняв йод и симулируя приступ аппендицита (Беннетт говорил, что ему пришлось принять его дважды, потому что в первый раз тюремный доктор не обратил внимания на его состояние). Николопулос, также арестованный, умер в тюрьме при невыясненных обстоятельствах. Беннетт предстал перед судом, и, хотя его отпустили по недостатку улик, предприятию «Абдул-Хамид Эстейтс Инкорпорейтед» настал конец.

Но этот неприятный эпизод стал началом карьеры Беннетта в разработке шахт. Во время судебного разбирательства его посетил некий Дмитрий Диамандопулос, инженер, считавший, что Беннетт стал жертвой политического заговора. На Диамандопулоса произвело впечатление поведение Беннетта в суде и он решил, что нашел нужного человека. Он владел шахтой по добыче бурого угля в сотне миль к востоку от Салоник, но не имел капитала для ее разработки. Он

предложил Беннетту половинную долю в обмен на помощь в финансировании предприятия. Беннетт согласился. Как только его выпустили из тюрьмы, он отправился в Англию, где взял в партнеры Джеймса Дугласа Генри, горного инженера. Они решили поставлять уголь для внутреннего рынка Греции и с этой целью основали иностранную компанию «Гришн Майнинг К° Лтд.».

Поначалу компания процветала. Беннетт нашел выгодный способ производства древесного угля из бурого, и ему даже удалось заинтересовать своим проектом премьер-министра Греции Венизелоса, который даже лично осмотрел технические сооружения в Бирмингеме. Но в 1931 г. Венизелоса сместили, и к власти в Греции пришло антибритански настроенное правительство, поднявшее налоги на добычу угля и лигнита (бурого угля). С этим совпал арест управляющего компании по обвинению в финансовых нарушениях, и «Гришн Майнинг К° Лтд.» прекратила свое существование.

В 1932 г., под влиянием своего греческого опыта, Беннетт устроился инженером-экспертом к Х. Толлемейчу, специалисту по порошковым технологиям, организовав исследование возможного применения угольной пыли. Это был первый в его двадцатилетней карьере опыт работы в Британской угольной промышленности, который включал участие в правительственных комиссиях и руководство исследовательскими лабораториями. Два года спустя, в 1934 г., он стал одним из основателей и директором ассоциации производителей устройств, работающих на угле, а также учредил Британскую Ассоциацию по исследованиям применения угля (BCURA) с помощью лорда Рутерфорда, бывшего председателем научно-консультационного совета при британском правительстве. BCURA разрабатывало способы повышения эффективности использования угля и искало новое применение этому топливу.

Однако все эти дела начиная с 1921 г. Беннетт совмещал с духовными исканиями. Незадолго до того, как приняться за османское наследство, он испытал мистическое переживание. Это случилось на кладбище с видом на Босфор, когда он

поправлялся от ящура, вызванного болгарским сыром. Некий таинственный голос – один из тех, что слышали другие герои этой книги, – сказал ему, что у него есть семь лет для подготовки к выполнению великой духовной цели, смысл которой ему откроется в возрасте шестидесяти лет.

Он стал готовиться к этой цели, поселившись на несколько недель в Приере, где Гурджиев поставил ему обычный диагноз: слишком много Знания и совсем мало Бытия, а также рецидив дизентерии, подхваченной в Малой Азии. Тем не менее Беннетт принимал участие в физических работах, медитировал и, естественно, испытал выход из тела. Приехавшая к нему г-жа Бомонт пришла в ужас от его состояния. Она опасалась Гурджиева, полагая, что он либо очень хороший, либо очень плохой человек. И хотя Успенский позже объяснил ей, что Гурджиев хороший, при этом он добавил, что Беннетт не был готов к обучению. Г-жа Бомонт также была шокирована грязью и убожеством Приере, где в кухне тучами летали мухи и врачи обследовали Беннетта, не удосужившись вымыть руки. Обклеив всю кухню липкой лентой против мух, она все же решила принять более строгие меры и увезла своего друга в Париж.

Расставшись, таким образом, с Гурджиевым, Беннетт, когда оказался в Лондоне, стал посещать собрания Успенского. Это случилось незадолго до того, как Успенский решил, что его ученики должны выбирать между ним и Гурджиевым, заявив им в 1924 г., что, хотя Гурджиев и выдающийся человек с великими возможностями, но возможности эти могут быть реализованы как с хорошей, так и с плохой стороны. Казалось, Успенского разговор с г-жой Бомонт навел на какие-то мысли, потому что теперь он говорил ученикам, что две стороны Гурджиева – хорошая и плохая – находятся в состоянии войны и исход битвы может оказаться двояким. Пока же свирепствует эта битва, лучше держаться в стороне.

Последовавший совету Беннетт стал одним из ведущих членов лондонской группы Успенского 20-х годов. В Вест-Кенгсингтоне он размышлял над объективным сознанием, занимался самонаблюдением и согласованием работы своих центров, мечтая основать собственный институт для изучения

пятого измерения. Как мы видели, учреждение институтов стало всеобщей болезнью. Под влиянием Беннетта даже Де Кэй поговаривал об открытии школы под названием «Интеллектус ет Лабор», проводящей в жизнь идеи Второго Интернационала (и, возможно, Немецкой тайной разведки). Беннетт, человек широких интересов, никогда ничего не делавший наполовину, изучал также санскрит и брал уроки пали, языка буддистских писаний, у жены известного востоковеда миссис Рис Дэвис, которая верила в то, что является реинкарнацией буддийской монахини.

Бизнес вмешался в его духовную жизнь, когда в 1929 г. по прибытии в Лондон после судебного разбирательства в Греции он узнал, что Успенский отлучил его. Дело было в телеграмме, которую Успенский послал Беннетту, пока тот томился в ожидании суда. Ее таинственный для профанов текст гласил: «Сочувствие к Беннетту, подчиняющемуся 96 законам», тогда как Посвященные знали, что речь идет о гурджиевской теории планетарных ограничений, с которыми обязан считаться человек. Обнаружив это послание при обыске квартиры Беннетта, осведомленная о его работе в разведке, бдительная греческая полиция передала его в Британское посольство. Последовала реакция в Лондоне: Успенского вызвали в Министерство иностранных дел и допросили о его отношениях с британскими социалистами и русскими большевиками, которых в те времена многие с трудом отличали друг от друга. Взволнованный и разгневанный, Успенский немедленно исключил из рядов своих последователей отсутствовавшего Беннетта. И это случилось не в последний раз.

Несмотря на постоянные претензии со стороны Успенского и Софьи Григорьевны, которая порицала его за то, что она называла «механичностью», а также за недостаток духовности, невосприимчивость и прочие несоответствия, Беннетт не только не оставлял духовные поиски, но, испытав воздействие Гурджиева, решил основать собственную группу. Первыми ее членами стал мужчина, с которым его жена познакомилась в поезде, и женщина, с которой она ехала в автобусе, — многообещающее начало, если принять во внимание, как часто

Беннетты переезжали. Вскоре группа стала чем-то вроде семейного предприятия, когда к ним присоединилась сестра Г-жи Беннетт во своими двумя друзьями.

Беннетт регулярно посылал доклады о собраниях этой группы Успенскому, который некоторое время игнорировал их. Когда тот, наконец, решил обратить внимание на эти послания, то, по примеру Гурджиева, принял Беннетта и его лучших учеников в свою группу. Вскоре после этого Беннетт стал одним из главных помощников Успенского, находя ему новых учеников, организовывая собрания и выпивая со своим руководителем в часы досуга. Однажды они прикончили за раз пять бутылок кларета, что, возможно, имело отношение к выходу из тела, которое Беннетт пережил той ночью.

В 1935 г. Софья Григорьевна переехала в Лайн, но Беннетт продолжал работать с ней по выходным, все больше и больше оказываясь под ее влиянием. Однако жена Беннета встречала холодный прием около трех лет, и учителя это никак не объясняли. Как и Гурджиев, сам Успенский и Софья Григорьевна часто настаивали на разделении супругов или способствовали разрыву между ними. Беннетт, уверенный в пользе безоговорочного подчинения духовному руководителю, был готов проводить вне дома то время, когда мог побыть с женой. Не желая быть препятствием на пути духовного развития мужа, Уинифред Беннетт попробовала покинуть его.

После того как в 1937 г. она пыталась покончить с собой, ее приняли в Лайне. Три дня комы, последовавшей за попыткой самоубийства, Уинифред находилась на небесах возле Иисуса, пока голос Беннетта эгоистично не вернул ее обратно, в земной мир. После этого эпизода Успенский пригласил ее в Лайн, где она, подшивая занавески, рассказывала Учителю о своем путешествии на небо, заставляя его плакать, потому что он и сам хотел бы посетить небеса, но ему это не удавалось.

Тем временем Беннетт постепенно отдалялся от Успенского и Софьи Григорьевны. Но все же на него произвело впечатление отношение Успенского к Уинифред. Чувствительность учителя казалась ему особенно глубокой по сравнению с собственной «механичностью» и невосприимчивостью, которые он

приписывал настойчивости и грубости плотских желаний, подавлявших духовный рост. Мало-помалу он убедился, что существует связь между мистическим опытом и «сексуальной функцией», хотя что это за связь, он сказать не мог. По словам Уинифред Беннетт, часть проблемы состояла в том, что ее муж «негативно относился к сексу»³²⁵, по причине чего плохо понимал женщин. Однако, судя по слухам, ходившим о Беннетте, она могла и ошибаться.

Секс, вероятно, беспокоил и обитателей апельсиновых рощ Охайя. Работа Раджигопала в KWINK заставляла его большую часть недели проводить в Голливуде, в офисе, находившемся недалеко от дома, который он приобрел для своей тещи и жены. Изредка посещая Голливуд, Розалинда находилась в основном в Охайе, в Арья-Вихара вместе с Кришнамурти и маленькой Радхой. Раджагопал приезжал к ним на выходные, но проводил с женой не слишком много времени. Раджагопал привык работать по ночам и привык просыпаться поздно, поэтому он даже ел иногда отдельно. Кришнамурти и Розалинда, напротив, подымались на рассвете и почти весь день не расставались, держась в стороне как от местных фермеров, так и от теософского окружения, с которым они делили долину. Таким образом Кришнамурти, Розалинда и Радха являли собой как бы одно эмоциональное целое, над которым постоянно витала тень покойного Нитьи. Когда родился этот ребенок, Кришнамурти размышлял, не является ли девочка реинкарнацией его горячо любимого брата. Он перенес на Розалинду и ее дочь всю привязанность, которую испытывал к Нитье, как Розалинда перенесла любовь к Нитье на Раджагопала. В Охайе, по некоторым намекам Радхи, Кришнамурти и ее мать стали любовниками, что случилось якобы в 1932 г., то есть через год после ее рождения.

Было ли это в действительности? Невозможно ни опровергнуть, ни доказать: многие документы, касающиеся Кришнамурти, недоступны и вряд ли что-нибудь прояснят. Но существуй эта связь, и то, что иначе с трудом поддается объяснению, стало бы понятным.

Отдалившись от Анни Безант, Кришнамурти постепенно отходил и от другой своей приемной матери, леди Эмили.

Розалинда приняла роль матери по отношению к Кришнамурти еще в начале «процесса» и, как пишет Радха, он даже спал в одной постели с Розалиндой, особенно когда ему нездоровилось, подобно тому как больной ребенок нуждается в материнском тепле. Теперь, став матерью на самом деле, имея ребенка, к которому Кришнамурти относился как к собственному, при частом отсутствии мужа, возможно, она и была готова стать его любовницей. Если еще в первые дни их дружбы пресса, падкая до сенсаций и скандалов, предполагала любовную связь смуглого мессии со «светловолосой красоткой», то теперь им благоприятствовало само стечение обстоятельств. Эту связь легко было бы скрыть в маленькой замкнутой общине Охайя, хотя некоторые друзья Кришнамурти и родственники Розалинды кое-что и подозревали. Но Кришнамурти всегда нуждался в близкой дружбе и поддержке женщины, и большинство было убеждено, что эти отношения – подобие его отношений с Анни Безант и леди Эмили.

Если Кришнамурти и Розалинда действительно были любовниками, то втроем с Раджагопалом им удавалось поддерживать эту деликатную ситуацию на протяжении тридцати лет. Однако трудно понять, как они могли совместить ее с общественной миссией Кришнамурти. Хотя он и оставил теософию, существовало не обсуждавшееся мнение, что он избрал путь брахмачария, то есть не должен жениться и тем более вступать в незаконную связь, сохраняя целомудрие ради выполнения своего духовного предназначения. В этом были уверены все его последователи.

Впоследствии дочь Раджагопала защищала родителей от обвинения в каких-то намеренных обманах. Оценка Радхой, с детства знавшей Кришнамурти, идиллической жизни в Охайе совсем не идиллическая. Воздавая дань уважения любви, какую Кришнамурти проявлял к ней в детстве, она рисует какое-то бесчестное и эгоистичное чудовище, которое беспощадно заставляет других склониться перед своей волей и способно на любую ложь, чтобы сохранить свою власть. Когда Кришнамурти,

например, не удавались мероприятия, которые для него организовывал Раджагопал, то виноватым всегда оказывался Раджагопал. И если все это еще можно как-то отнести за счет самоуглубленности или наивности, то как можно оценить рассказ Радхи о том, что, когда Розалинда забеременела, Кришнамурти не только дал ясно понять, что от младенца следует избавиться, но и предоставил ей самой позаботиться об аборте? Радха также не скупилась на уличения Кришнамурти в грубом предательстве Анни Безант, Ледбитера и Теософского Общества, противопоставляя его поведению почтительное отношение своего отца к проказливому старому епископу и его уважение к обитателям Адьяра. В ее воспоминаниях Кришнамурти предстает лицемерным святошей, играющим роль отрешенного от жизни аскета, тогда как Раджагопал и Розалинда являются жертвой тщеславия, выдумок и патологической лжи, сохраняя преданность человеку, который предал их обоих.

С мнением Радхи в общем трудно согласиться, хотя бы по той причине, что вряд ли Раджагопал в течение тридцати лет мог потворствовать ситуации, какую описывает его дочь, если, конечно, он и Розалинда не были невероятно корыстными, праздными, глупыми или невообразимо наивными людьми. Совершенно очевидно, что они не были такими. У них были все возможности покинуть Кришнамурти. В финансовом отношении они были независимы и имели доходы, обеспеченные им наследством щедрой миссис Додж и наследствами других людей. К тому же оба они работали, и после разрыва Кришнамурти с теософией Раджагопала приглашали вернуться, предлагая значительный пост (он отказался). Ни тот, ни другая не были расточительны, и Радха многословно описывает, какой простой образ жизни они вели в Охайе – долгие часы работы на ферме, простая пища, изготовленная собственными руками одежда. Правда, она будто не понимает, что бесконечное чередование праздников, которыми наслаждались ее родители, не считая уже дотаций со стороны последователей и друзей, о которых она упоминает, могут потрясти любое воображение.

Помимо всего, Радха сообщает, что в 1933 г. Кришнамурти якобы предложил Розалинде стать его женой, но Раджагопал

был против этой идеи. Она также заявляет, что Раджагопал часто собирался уйти, но Кришнамурти его переубеждал, потому что, как она полагает, ее отец считал все эти обстоятельства своей судьбой, а своим долгом – подчинение судьбе. Но если дело обстояло так, то почему Раджагопал в конце концов все же отказался от исполнения этого долга?

Из фактов можно заключить, что, если он и не был счастлив, то соглашался какое-то время терпеть эту ситуацию.

Очевидно, отношения этих трех людей не были такими простыми, как они кажутся дочери Розалинды и Раджагопала. Объяснение их отношений требует более тонких подходов, учитывающих далекое прошлое. Нельзя снимать со счета и тот факт, что, включившись в определенный ритм жизни, они уже не могли выйти из него, пока сам Кришнамурти не начал отдаляться от своих друзей.

Но всему этому еще предстояло произойти в отдаленном будущем. Тогда же их жизнь была наполнена людьми и событиями. Леди Эмили спрашивала, понимает ли Кришнамурти, что людям со стороны его жизнь могла казаться сплошным праздником, по мере того как появления на публике становились все более роскошно обставленными. Несмотря на определенные сложности в личных отношениях и долгие уединения Кришнамурти в Охайе, все трое продолжали вести насыщенную общественную жизнь, поддерживая общение с широким кругом людей на Западном побережье.

Летом семья из Охайя часто останавливалась в Питер-Пэн-Лодж-Кармел, где в числе других состоялось знакомство с известными писателями Робинсоном Джефферсом, Ромом Ландау и Линкольном Стеффенсом. Они также завели друзей в Голливуде, который наводнили эмигранты из-за нацистских преследований и угрозы войны в Европе. Многие из них работали в кино. Писатели Кристофер Ишервуд и Олдос Хаксли, как и кинозвезда Луиза Рейнер, стали их близкими друзьями. Они также поддерживали знакомство с философом Бертраном Расселом и Томасом Манном. Кришнамурти был дружен и с Анитой Лус и Гретой Гарбо. Даже из Нью-Мехико

приходили дружеские послания Фриды Лоуренс, сравнивавшей его со своим мужем³²⁶.

Большинство людей, с которыми Кришнамурти встречался, поддерживали его репутацию духовного лидера. Тем легче было чувствовать себя со знаменитостями, что он испытал на себе все радости и горести, которые сопровождают славу. Он знал, что значит быть странной фигурой, а Западное побережье представляло собой целый мир таких чудаков. Постепенно, в процессе слухов, публикаций и общественных выступлений из знаменитости он превратился в звезду. К 1939 г. он достиг такого любопытного состояния, когда становишься знаменитым потому, что являешься звездой, и наоборот. Но ценой такого рода известности бывает болезненное и разрушающее расхождение между личным самосознанием и тем, как другие видят тебя, то есть между публичной персоной и личностью. С годами эта пропасть должна была только углубляться.

Глава 17. Гуру на войне

Разразившаяся в 1939 г. война обострила все политические противоречия предыдущего десятилетия. Теперь «цивилизованную» войну армий на поле боя сменил гитлеровский «Блицкриг» – борьба не на жизнь, а на смерть между целыми странами, во время которой гибли миллионы мирных жителей. Но даже и тогда ловкому Гурджиеву удалось остаться в стороне, как и раньше, хотя он продолжал жить под самым носом у врага. Отказавшись эмигрировать в Америку, он тихо провел военные годы в оккупированном Париже. Остается загадкой, как его не интернировали как иностранца или не арестовали как торговца на черном рынке, особенно учитывая неприязнь нацистов к славянам и азиатам. Когда война закончилась, ходили слухи о его сотрудничестве с властями оккупированных территорий, но о нем всегда ходили слухи. После освобождения его ненадолго арестовали якобы по подозрению в валютных махинациях, обнаружив большое количество долларов в его квартире, но на следующий день его отпустили, не предъявив обвинений, что может указывать либо на его невиновность, либо на сговор с полицией.

Во время войны Гурджиев продолжал Работу, принимая у себя в квартире учеников, оставшихся в Париже. Многим повезло меньше. Жоржетта Леблак умерла от рака в 1941 г. Рене Домаль, женатый на еврейке, скрывался от гестапо и умер от туберкулеза в 1944 г., в возрасте тридцати шести лет, так и не закончив свой «гурджиевский» роман «Гора Аналог». Возможно, литературная неудача Домалья ничего не значила – посетив другого умиравшего ученика, молодого романиста Люка Дитриха, Учитель дал ему два апельсина и сказал: «Вся твоя жизнь была подготовкой к этому моменту»³²⁷.

Успенский и Кришнамурти, очевидно, более принципиальные, чем Гурджиев, оба видели в войне не романтизированную битву между Добром и Злом, но ужасное бедствие, оторвавшее людей от решения важных проблем. Все стороны, участвующие в войне, были виновны. Если даже

страны-союзницы Британия, Франция и Америка – и занимали, возможно, более правильную в каком-то смысле позицию, то откуда возникли сами предпосылки войны? Гитлер был лишь искрой, разжегшей костер, сложенный другими. Если фашизм и коммунизм были несомненно ужасны, то что же представляла собой либеральная демократия, как не погоню за свободой и материальными ценностями, роковым образом лишенную представления о космическом смысле?³²⁸ К тому же массовые конфликты, с духовной точки зрения, значили не более чем миграции птиц или войны котов и мышей. Единственное, что имело смысл, – это личное просветление, вело ли к нему самонаблюдение Успенского или «знание без выбора» Кришнамурти³²⁹. Оба подхода кажутся похожими оба они предполагают детальное, объективное и последовательное исследование духовной жизни, и оба могут быть возведены к духовным учениям древности. Но здесь сходство и заканчивается. Если учение Успенского положительно и энергично – «негативные эмоции» крайне нежелательны³³⁰, то Кришнамурти следует предписанию культивировать мудрую пассивность. В военное время такая доктрина, естественно, вела к пацифизму.

Гурджиев и Успенский не были ни борцами, ни пацифистами. Они придерживались позиции, согласно которой люди ничего не могут поделать с ситуацией; единственное, что они могут, – это изменить (если удастся) себя. Здесь можно заметить связь с кажущейся совсем другой доктриной Кришнамурти. Как говорил ученик Успенского, Кеннет Уокер, в своих книгах, опубликованных во время войны, реформа мира может быть произведена только после реформирования человеческого сознания: сначала должны свершиться внутренние перемены.

Со своей стороны, Кришнамурти был убежденным пацифистом, следуя индийской традиции «сатьяграха». Это было очень важно, так как теперь он стал весьма авторитетной фигурой. Какие бы грехи ни водились за ним в частной жизни, к середине 30-х годов широкая публика воспринимала его как современного святого (именно такое восприятие позже и

вызвало негодование Раджагопала). Кришнамурти произвел сильное впечатление даже на Успенского во время их единственной встречи. Благополучно отбросив теософское наследие, он стал независимым духовным лидером. Заявление о пацифизме со стороны такого влиятельного лица было актом общественно значимым.

Сознательное отстранение было честным, хотя и непопулярным выбором. Участвовавшие в войне могли уважать пацифистов, даже когда она уже началась. Что они не могли уважать и с чем не могли примириться, так это с отказом морально принять какую-либо из сторон. Кришнамурти практически не видел различия между британским и германским империализмом³³¹. Испытав на себе британский расизм и классовое разделение, он полагал, что нацисты просто более грубо и открыто заявляют о том, что чувствуют другие европейцы.

Хотя у него по-прежнему были сторонники среди европейцев, старые друзья, вынужденные воевать, пришли к выводу, что его пребывание в Америке – не говоря уже об избалованной и защищенной жизни в загородных домах и отелях под надзором гвардии богатых женщин – является защитой от ужасной жестокости нацизма: он должен был понять, что сейчас на самом деле идет война между добром и злом, каким бы компромиссным и относительным ни было это «добро».

Эмили Летъенс разделяла эту точку зрения³³². Ей было трудно принять широкую философию Кришнамурти – то, что нет в конечном итоге разницы между добром и злом и что весь земной опыт представляет собой иллюзию, или «майю». Менее терпеливые наблюдатели – особенно те, кто порицал Одена, Ишервуда и других деятелей английской культуры, уехавших в Америку, – пошли дальше, предположив, что пацифизм, как и эмиграция, есть самый легкий способ уйти от выбора. Многие видели в абсурдном отождествлении фашистов с порядочными людьми неизбежный результат увлечения оккультной чепухой. Но по иронии судьбы Кришнамурти суждено было найти

апологета как его теории, так и практики пацифизма в самом блестящем и выдающемся европейском скепике того времени.

Его новым союзником стал Олдос Хаксли³³³, с которым он познакомился зимой 1937/38 г. Чрезвычайно высокий, с прекрасным слепым лицом и свистящим голосом, которым он произносил свое обычное «Экстраординарно!», Хаксли прибыл в Америку в возрасте сорока трех лет. Обладатель превосходной репутации, разносторонне талантливый, он принадлежал к огромному привилегированному клану Дарвинов, Гекели, Стречи, Стивенсов, Арнольдов, Уэджвудов и Сиджвиков, которые составляли цвет интеллектуальной жизни Британии в викторианскую эпоху и все еще сохраняли влиятельное положение. Ученый Т. Г. Гексли (Хаксли), писательница Хамфри Уорд, поэт Мэтью Арнольд и его отец Томас, директор школы в Регби, все были близкими родственниками Олдоса³³⁴.

В некотором отношении Олдос Хаксли был самым выдающимся членом клана. Несмотря на трудное детство, смерть матери, самоубийство обожаемого старшего брата и слепоту, возникшую в результате запущенной инфекции глаз, он с отличием закончил Оксфорд, где в основном учился по Брайлю, и после краткой карьеры школьного учителя в годы после Первой мировой войны заявил о себе как о подающем надежды писателе своими книгами «Желтый Кром» (1921), «Шутовской хоровод» (1923), «Эти бесплодные листья» (1925).

Для многих читателей его ранние рассказы, как и романы его современника Скотта Фицджеральда, воплощали дух 1920-х годов: ярких, резких и суетливых. Персонажи словно подвешены в неопределенном состоянии, в том, что можно определить названием его первой книги «Лимб» (1920) и именно там пребывал сам Хаксли в 20-х – начале 30-х. И в самом деле, от его работ остается впечатление, будто умный человек говорит пустяки, что порой производит утомительное впечатление. Но, как и другой его современник Ивлинг Во, хотя и другим путем, Хаксли постепенно перешел от почти нигилизма к своеобразному религиозному обращению.

С такой интеллектуальной родословной его поиски веры неизбежно выражались в духе поздневикторианских дебатов об отношении религии и науки. Хаксли был слишком образован и умен, чтобы принимать как безоговорочную веру в научный прогресс, которой придерживались многие из его современников, или религиозные представления, которые успокаивали других. Темперамент, интеллект и наследственность склоняли его к рациональному пессимизму. В конце концов именно дед Олдоса Т. Г. Гексли в 1890-х годах изобрел слово «агностик» для описания проблем религии, которые нельзя разрешить, но от которых нельзя и отвернуться³³⁵.

Молодой Олдос Хаксли не безоговорочно, но принял идею, что христианство могло бы предложить практичный моральный кодекс, если устранить из него, конечно, метафизику и идолопоклонство, но что буддизм или даже теософия в этом отношении были бы даже лучше. Еще в 1917 г. в письме к отцу из Итон-колледжа, где тогда преподавал, он так описывал разговор о теософии с несколькими учениками, в частности с сыном Мюриел Де Ла Вар, страстным социалистом (и впоследствии лейбористским министром), унаследовавшим титул своего отца: «Я долго дискутировал с Де Ла Бэром и другими мальчиками по поводу теософии, которая, как кажется, увлекла некоторых из самых серьезных и вдумчивых учеников. Следует подходить к такой работе с осторожностью – нельзя быть слишком резким. Я указал на ошибки миссис Безант в науке и истории, которые часто встречаются в ее книгах, и постарался отделить их от плана сверхъестественного. Если исключить болтовню про астральные тела, духовную иерархию, реинкарнации и тому подобное, теософия кажется вполне хорошей религией, основные принципы которой состоят в том, что все религии могут содержать некую долю истины и что следует проявлять терпимость, а в такой англиканской твердыне это достойно только поощрения. Немного разумной теософии мне кажется, в целом, полезной вещью»³³⁶.

На Хаксли особенное впечатление произвел принципиальный пацифизм большинства членов Теософского

Общества. Хаксли родился в 1894 г. и принадлежал к поколению, ставшему главной жертвой Первой мировой войны, что отложило отпечаток на всех уцелевших, в том числе и на тех, кто, как Хаксли, был освобожден от военной службы. После войны его волновало дальнейшее распространение милитаризма, который мог привести к новой, еще более кровавой, войне. Здесь не следовало ограничиваться только пацифизмом. Война, по мнению Хаксли, возникала не просто в результате несчастного стечения обстоятельств, из-за которого погибали неудачники. Он не был согласен и с теми, кто думал, что войну навязывали нежелающим воевать странам злонамеренные политики или ищущие выгоду бизнесмены (хотя Хаксли возлагал и на них большую ответственность). Напротив, война, по его мнению, коренилась в сердцах обычных людей, и они относились к войне как к важной, неизбежной и даже желательной стороне человеческого существования. Конечно, с рациональной, разумной точки зрения, люди желали мира, но в то же время где-то глубоко в них сидело иррациональное желание войны. Принимая во внимание большое влияние иррационального на рациональное, которое показывал З.Фрейд, Хаксли считал, что импульс к саморазрушению, порождающий вкус к войне, будет торжествовать и дальше, пока кто-либо не сделает нечто положительное, способное изменить представления о мире³³⁷.

Непосредственной целью антивоенной кампании, согласно Хаксли, должно было стать создание такой атмосферы, в которой желание мира оказалось бы позитивной политической реальностью, перевешивающей фатальное стремление к войне. Он вступил в Союз сторонников мира (Peace Pledge Union), созданный в 1935 г. преподобным Диком Шепердом, настоятелем из Кентербери³³⁸. Искренний противник какой-либо идеологической доктрины, идеологической линии, несмотря на свой высокий сан, отказавшийся поддержать официальную политическую линию англиканской церкви, Шеперд был самым известным и уважаемым церковным деятелем Британии в период между двумя мировыми войнами. Когда он скоропостижно скончался в 1937 г., улицы Лондона были

заполнены множеством скорбящих, и огромная толпа следовала за его гробом.

В 1934 г., озабоченный международным положением, Шеперд обратился к прессе, спрашивая, сколько людей могут откликнуться на следующий призыв: «Мы отрицаем войну и никогда больше, прямым или косвенным образом, не будем способствовать развязыванию новой».

Получив более сотни тысяч писем, Шеперд организовал собрание в Альберт-Холле, чтобы провозгласить рождение нового движения. В числе его сторонников были Зигфрид Сассун, Эрик Джилл, Вера Бриттен, Джон Мидлтон Марри и Джордж Лэнсбери. Однажды и Хаксли поднялся на трибуну во время одного из собраний и вскоре стал одним из ведущих пропагандистов Союза. Сборник его эссе о приложении принципов пацифизма ко всем аспектам жизни «Цель и средства» стал библией организации. Хаксли провел также цикл выступлений на тему «конструктивный мир», позже опубликованных. Утверждая, что война не является естественным законом природы, как считали Гоббс и современные ему диктаторы, он указывал на то, что война является исключительно человеческим изобретением и что люди могут при желании воздержаться от войны. Проблема, по его мнению, состояла в том, что многие не желают воздерживаться. Как же их убедить?

С точки зрения долговременной перспективы того, что Хаксли называл превентивным пацифизмом, можно достичь только тогда, когда и отдельные лица, и правительства поймут, что мир пойдет им на пользу. Но этого добиться очень трудно. Благие намерения и даже сильные аргументы, какими бы популярными они ни были, практически бесполезны против экономических и политических интересов, ведущих страны к войне. Если стремиться к долгому миру, то нужно полностью пересмотреть все существующие соглашения, особенно международные отношения, установленные Версальским договором после последней войны, который, как предполагалось, должен был поддерживать мир в Европе, но фактически превратился в месть Германии.

В кратковременной же перспективе стремящиеся к миру государства могут проводить практические акции. Хаксли и его друг Джеральд Херд узнали, например, что нацистские военные инженеры испытывают недостаток в никеле. Существенные запасы никеля находятся в Канаде. Почему бы Британскому правительству не взять под контроль продажу никеля и не пресечь увеличение военной мощи Германии? Через личные связи Херду и Хаксли удалось довести свой план до Чемберлена, но премьер-министр ответил на их предложение одним словом: «Непрактично»³³⁹.

По мере того как с каждым днем все реальней становилась опасность очередного европейского конфликта, Хаксли тщетно надеялся на то, что какое-нибудь из ведущих государств сделает великодушный жест и повлияет на общественное мнение, но, когда война разразилась, он перешел от идеи предотвращения войны к пониманию трудностей, стоявших перед пацифизмом. Он понял две вещи. Во-первых, бесполезно говорить правительствам о необходимости мира, пока частные люди, их поддерживающие, не искоренили убийство из своих сердец. Люди, ненавидящие своих жен или работодателей, едва ли действительно мечтают о мире, что бы они ни говорили на публике. Следовательно, необходимо реформировать человека изнутри, и реформу эту можно и даже нужно вести во время войны.

Во-вторых, он понял, что агностический гуманизм его молодости не способен предоставить соответствующее философское обоснование его убеждений. Что бы ни говорили философы-кантианцы, мораль невозможно полностью отделить от метафизики. Этот вывод отражен в ранних романах Хаксли, циничные герои и героини которых хотят жить лишь хлебом единым, но оказывается, что это невозможно. Исследование оснований пацифизма привело Хаксли к признанию реальности духовной сферы, как бы ее ни объясняли или не описывали, потому что только на духовном плане человек достигает целостности. Идея Бога для человека абсолютно необходима, независимо от того, является ли она метафизическим фактом или психологическим убеждением. Но Бога, какова бы ни была

Его природа, нельзя обнаружить на небесах или в храмах. Бог существует в самых потаенных глубинах самосознания.

Хаксли разрабатывал эту идею в художественных произведениях. Герой «Этих бесплодных листьев» в конце концов обнаруживает, что духовная жизнь – это единственное решение тех мирских проблем, которые терзали его и других персонажей книги. В ответе на вопрос, что такое религия, можно услышать эхо теософии. Герой книги, нашедший себе убежище среди холмов, читает навестившему его старому Другу целую лекцию (к чему обычно склонны положительные персонажи у Хаксли) по поводу сходства между основными установками всех религий: Иисус, Будда и Лао-Цзы согласны во всяком важном вопросе. Роман пронизан надеждой, и в нем нет и признака иронии³⁴⁰.

В последующие годы Хаксли в романах и эссе постоянно возвращается к теме поиска истины внутри себя. В «Делай то, что делаешь» (Do what you will) (1930) он уточняет: «Я имею в виду внутреннюю Истину, ибо это единственная Истина, которую мы можем знать»³⁴¹. Люди слишком долго искали спасения в церквах, книгах, друзьях, науке, искусстве и политике, но только внутри себя человек может найти просветление, хотя бы мимолетное. Все дальнейшее его творчество посвящено ироническому описанию напряжения между надеждами, возлагаемыми на человеческое знание и нашедшими крайнее воплощение в западной науке и технике, и непостижимыми до конца глубинами внутреннего «Я».

Хаксли встретил Кришнамурти в момент, когда их философские воззрения сблизилась. Бывший скептик и бывший теософ верили теперь, что единственная дорога к миру и духовной истине должна быть субъективной. Институты в лучшем случае были лишь жалким подспорьем и ничего не могли дать сами по себе. Знание – это только средство, которое слишком часто ошибочно принимали за цель, особенно служители науки.

Они были похожи и в других отношениях. Почти ровесники, они были скромными и застенчивыми людьми, вели уединенную, внешне благополучную, но полную духовных

страданий жизнь, оба потеряли матерей в раннем детстве. Оба были вынуждены взять на себя определенные общественные роли, противоречащие их природным склонностям. И хотя Кришнамурти успешно противостоял образовательной системе, в которой так преуспел Хаксли, оба принадлежали к либеральной викторианской интеллигенции – Хаксли по крови, Кришнамурти по воспитанию.

Их отношения облегчала близкая дружба, возникшая между Розалиндой Раджагопал и наивной бельгийкой Марией – женой Хаксли. Дом в Охайе стал вторым домом для странствующих Хаксли, и рукописи некоторых книг Олдоса, в том числе «И после многих лет», в которой прототипом одного характера стала Розалинда, а другого – Успенский, были напечатаны на старой пишущей машинке на лужайке Арья-Вихара³⁴².

Обе четы входили в тесное калифорнийское общество военных лет. Бертран Рассел (еще один участник Союза сторонников мира), Кристофер Ишервуд и его приятели, Брехты, Томас Манн, Стравинские, Чаплины, Анита Лус, Айрис Три и Грета Гарбо, – все они более или менее принадлежали к этому кругу, в центре которого по иронии судьбы находились любители уединения – Хаксли и Кришнамурти. Они часто встречались на общих праздниках, обедах и ужинах, устраивали спектакли и концерты, пикники на холмах и в пустыне близ Лос-Анджелеса. Хотя Кришнамурти чаще всего отсутствовал, но ему нравилось это общество. Он любил быть занятым. Когда он не работал в саду в Охайе, в военное время превращенном в цитрусовую ферму, чтобы увеличить производство продуктов, он присматривал за маленькой Радхой и ее любимцами-животными.

Хаксли, переехавший в Америку из южной Франции в 1937 г., поселился в Калифорнии, где уже жил его друг, тоже эмигрант, Джеральд Херд. Оба друга были яркими личностями, красноречивыми, остроумными, высокообразованными и поэтому совсем не были склонны принимать на веру откровения Ледбитера или другие подобные нелепости. Но и они свернули на путь, которым в двадцатом веке пошли многие интеллектуалы и писатели. Это был путь от скептицизма и

агностицизма через интеллектуальные поиски к открытию религии в новой форме, близкой к теософскому идеалу синтеза религии, философии и науки. В мудрости, объединяющей истинные знания всех верований, этот путь в художественной форме отражен в антологии мистических работ Хаксли «Вечная философия» (Perennial Philosophy), опубликованной в 1946 г. Введение в антологию, излагающее теорию, согласно которой знание есть функция бытия и культивирование бытия является, по существу, религиозным действием, содержит пассажи, которые могли бы быть заимствованы у Блаватской или Безант.

В дальнейшем Хаксли пришел к мнению, что мистический и магический аспекты религиозного опыта не только реальны, но и насущно необходимы человечеству. Тем не менее он жаловался исследователю психики Дж. Б. Раину, к работам которого проявлял глубокий интерес, на роковую подверженность большей части человеческого рода конианско-пирамидологическо-криптологическо-спиритуалистическо-теософскому синдрому»³⁴³. Он не видел границ этой приверженности.

Джеральд Херд более спокойно относился к этим проблемам: терпимость действительно была присущим ему качеством³⁴⁴. Хотя он делил дом с другом, Кристофером Вудом, они вели разный образ жизни. Вуд был гомосексуалистом-гедонистом, а Херд – холостяком-аскетом, святым, которому рядом, конечно, был необходим грешник, как позже шутил Ишервуд. Однако святость Херда, как, впрочем, и Хаксли, включала в себя нечто большее, чем просто целомудрие. В Европе оба они были либеральными агностиками резкими, остроумными скептиками, с неиссякаемым запасом терпимости к почти столь же неиссякаемой глупости мира, за которым они наблюдали и который анализировали с таким очарованием. Оба были эрудитами, всегда готовыми предъявить научные факты, привлечь не только социальную и экономическую статистику, но и анекдоты и истории из всех областей искусства и науки, и оба пришли к выводу, что жизнь представляет собой глупейшую постнищанскую шараду, решая которую разумные люди должны прилагать все усилия, чтобы хоть сколько-то улучшить

положение, одновременно понимая, что их старания скорее всего будут сведены на нет людской глупостью. Они были изысканными интеллектуалами, готовыми ухватиться за что угодно, лишь бы это удовлетворяло их почти чувственному стремлению к познанию.

Достигнув интеллектуального Олимпа, они могли смотреть на обстоятельства несколько свысока. Но, что любопытно, здоровый воздух Калифорнии, который многих соблазнил отойти от умственной жизни и искать телесных удовольствий, подействовал на них в ином роде – они познали Другую Реальность. В пустыне они встретили Бога. Этот опыт не привел их к отрешенному созерцанию, зато каждый из них посвятил оставшуюся жизнь осознанию этой встречи.

Родившийся в 1889 г., Херд был на пять лет старше Хаксли, но не только возраст позволял ему оказывать влияние на своего более известного и удачливого друга. Все соглашались в том, что Херд, самоуверенный, образованный ирландец, обладал особым авторитетом. Как и его друг, Уистен Оден, он был готов выдать сентенцию по любому случаю, и даже такой человек, как Хаксли, признавал его превосходство. Всегда вежливый и тактичный, он тем не менее умел склонять других к своему мнению, а свое мнение у Херда было относительно всего.

После того как Херд стал проявлять интерес к Богу, его авторитет приобрел дополнительное духовное измерение, символизировавшееся, по словам Ишервуда, «хриstopодобной» бородкой, которую он отрастил в Америке и которая, казалось, «устремляла его лицо в небеса». Америка и религия произвели и другие перемены в этом утонченном, но склонном к театральности человеке, одевавшемся в Лондоне, как все люди его круга, но на Западном побережье облачившемся в поношенную хлопчатобумажную одежду. Вскоре новое увлечение преобразило его: из столичного интеллектуала он превратился в «божьего человека». Он следовал соответствующему аскетичному режиму, ел, пил и спал очень мало, медитировал по два часа три раза в день. Если поначалу это и было актерством, то оно служило подготовкой к

настоящим переменам. Ведя себя как святой, Херд мог стать таковым и на самом деле. Хотя Кришнамурти произвел сильное впечатление на Хаксли и Херда, они уже были последователями другого, более ортодоксального гуру, Свами Прабхавананды, главы Ордена Рамакришны в Лос-Анджелесе³⁴⁵. Индуистские миссии были открыты в Америке в конце XIX века учениками Рамакришны, селившимися в основном на Западном побережье. Сначала они обслуживали индийских рабочих, а затем начали обращать и местных жителей. Прабхавананда, ученик Брахманандры, бывший, в свою очередь, учеником самого Рамакришны, был почти ровесником Хаксли: он родился в Бенгалии в 1893 г. В Америку он был послан, когда ему было тридцать лет, чтобы возглавить одну из миссий, основанных Вивеканандой другим учеником Рамакришны – во время его второго визита в Соединенные Штаты в 1899 г. Вскоре после этого визита одна из последовательниц Вивекананды, овдовевшая Кэрри Мид Викхофф, подарила Свами свой дом в Голливуде. В этом доме на Айвар-авеню, на холмах, выходивших на Голливуд-Бульвар, был основан лос-анджелесский Веданта-Центр. В 1938 г. в окружавшем дом саду был построен храм с куполами луковкой. В это время миссис Викхофф была еще жива и известна под монашеским именем сестры Лалиты³⁴⁶.

Прабхавананда преподавал доктрину Веданты. Основанная на священных текстах Вед, древнейших индийских писаний, составивших основу религии и философии индуизма, Веданта – что буквально переводится как «конец Вед» означает как сумму, так и высшую степень человеческого знания. Цель Веданты – «мокша», или «освобождение». Она учит, что «атман» (самосознание) и Абсолют едины, истинная реальность доступна только интуиции, а не логической мысли, и так называемый реальный мир является иллюзией. В процессе обучения ученик должен научиться отличать вечное от временного, освободиться от недуховных желаний, практиковать самоконтроль и добиваться состояния мокши.

Поначалу обращенных было мало. Обитатели Центра, составившие своего рода коммуну с общими средствами, жили

очень скромно. Большинство калифорнийцев в ту пору были уверены, что Свами – это какой-то голливудский персонаж, и если в Центре звонил телефон, то чаще всего он касался составления гороскопа или демонстрации индийского фокуса с веревкой. Однако постепенно община приобрела известность, и к ней стали относиться более серьезно. Можно было записаться в испытуемые – некоторые из кандидатов хотели бы стать полноправными монахами и жить в общине на Айвар-авеню, другие посещали храм во время богослужений или приходили за духовным советом. Число обитателей общины никогда не превышало двадцати человек, но влияние Свами начало распространяться, особенно среди европейских эмигрантов. Большинство из тех, кто искал с ним знакомства, как Херд и Хаксли, только интересовались учением, но не предавались ему полностью. Самым же известным учеником Свами стал еще один английский эмигрант, познакомившийся с Ведантой через Херда. Это был Кристофер Ишервуд.

Как позже говорил сам Кристофер Ишервуд, в то время он был своего рода духовным туристом, наподобие того, как его друзья в начале 1930-х годов были политическими туристами, развлекающимися то с одной, то с другой радикальными идеологиями, но не задерживавшимися надолго ни на одной. Он эмигрировал в Америку перед войной. Прибыв в Нью-Йорк вместе с Оденом в январе 1939 г., он вскоре обнаружил, что находится в затруднительном положении, тогда как друг его процветает. Это было необычным ощущением для очаровательного красавца, писателя, который привык к успеху и привык поступать по-своему. Но если на Одена атмосфера Америки действовала благотворно, освободив его от семейных уз (реальных и вымышленных), подавлявших его дома, то Ишервуд обнаружил, что прежняя обстановка поддерживала его в большей степени, чем он предполагал. Одно дело быть «enfant terrible» среди знакомой и снисходительной аудитории, а другое – быть незнакомцем в чужом городе.

Одену – весьма плодовитому автору и прирожденному отшельнику – шли на пользу тяжелый труд и новые социальные условия. Ишервуд, напротив, был не способен писать. За

утешением он обратился к сексу, вступая в неразборчивые связи и намереваясь при этом найти что-то постоянное. Именно активная гомосексуальность привела его в конечном итоге к идеологизированному пацифизму Херда и Хаксли. Но если их крестовый поход ради мира был результатом интеллектуальных принципов, тщательно продуманных, то для Ишервуда это был типичный продукт сильного личного чувства. Его бывшего любовника Хейнца могли призвать в германскую армию. Неужели Ишервуд мог бы участвовать в войне, если бы ему пришлось стрелять в своего возлюбленного? Конечно, возможность выстрела именно в него мала, но этот пример и подчеркивает иррациональность его подхода. Его преданность непопулярным делам во многом объясняется его способностью находить подходящие личные обоснования.

Но иррациональный пацифизм привел Ишервуда рациональным образом к религии, когда обнаружилось, что, как и Хаксли, он нуждается в твердом основании для своих убеждений и (в отличие от Хаксли) в чем-то, что способно оторвать его от беспорядочной жизни. Испытывая отвращение к большинству форм христианства, чему в немалой степени способствовала жизнь, которую он вел в Англии, он пришел к индуизму, где, казалось, совмещались моральная свобода, идеологическая изощренность и экзотика. И снова причины были глубоко личными – заинтересовавшись идеями Веданты, он был увлечен и личным обаянием Прабхавананды.

Характерно, что ни Хаксли, ни Херд не были преданы идеям Свами, и к 1941 г. Херд разорвал с Центром на том основании, что Свами недостаточно аскетичен, чтобы вести истинно религиозную жизнь. Это обвинение, вполне понятно, невероятно рассердило Свами. Он ответил Херду (в печати), что «человек истинного отречения не связывается ни с бедностью, ни с богатством»³⁴⁷, подразумевая (довольно справедливо), что его бывший последователь был слишком демонстративно аскетичным. Ишервуд с ним согласился, хотя и думал по-другому. Он считал что Херд был жизнененавистником, отвернувшимся от обычной суеты Веданта-Центра, где в казавшейся бесконечной череде

ритуалов женщины готовили пищу и подношения, а мужчины совершали бесполезные церемонии. Ишервуду нравилась именно эта сторона жизни общины. Даже если он уставал от того, что описывала Мэри Хаксли, доставляя удовольствие своим интеллектуальным друзьям, он всегда мог отдохнуть душой в уютной суеде Айвар-авеню.

Пока Херд радовался разрыву со Свами, Хаксли постепенно отходил от Веданты, получив все, что хотел, а именно метод медитации и подтверждение своих религиозных взглядов. Но именно в момент отхода друзей от индуизма Ишервуд подошел к нему как нельзя ближе. Ему потребовалось время, чтобы принять идеи Веданты. Во-первых, вся его предыдущая жизнь была основана на совершенно иных принципах. Во-вторых, его сексуальные предпочтения и работа в киностудии, казалось, противоречили этому учению.

Сначала он попытался поработать в квакерской общине, но ему это не понравилось. Он не мог не чувствовать, что эти благочестивые люди молчаливо не одобряют его образ жизни – и не без оснований: перед тем, как присоединиться к ним, он делил квартиру с Денни Фаутсом, высокооплачиваемым мужчиной-проституткой. Но даже и тогда он чувствовал некое религиозное призвание. Весной 1941 г. Ишервуд и Денни решили практиковать технику «намеренного переживания»³⁴⁸, подолгу медитируя каждый день и соблюдая строгий режим, включая полное воздержание от секса и алкоголя. К сожалению, эксперимент закончился неудачей. В течение нескольких последующих лет Ишервуд переходил от полной аскезы (однажды он продержался шесть месяцев) до откровенного разгула.

Тем временем Херд старался привлечь Ишервуда – и даже Денни – в свою экспериментальную общину. Сначала она мыслилась как небольшая группа, но в 1942 г. Херд получил деньги на строительство своего рода монастыря в Трабуко, в шестидесяти милях к югу от Лос-Анджелеса. Здание строилось под руководством энергичного кузена Ишервуда, Феликса Грина, который оставил работу в квакерском комитете Филадельфии и стал учеником Херда. Он поспешно скупил

стройматериалы, пока их не начали реквизировать на военные нужды, и закончил строительство в назначенные сроки. С этого времени Херд начал называть общину и своих коллег «Клубом мистиков»³⁴⁹. Это предприятие чем-то напоминало раннюю теософию предполагалось, что община будет свободна от догматизма и сектантства и объединит тех, кто старается понять свой духовный опыт или его отсутствие. Но были также и признаки Приере – обитатели работали в саду и сообща занимались хозяйством.

Трабуко едва ли подходил для Ишервуда, который понял, что ему необходимо более строгое руководство, чем мог предложить «Клуб мистиков». Херд предназначал это место для людей вроде себя, но Ишервуд чувствовал в духовной сфере, как и в личной, потребность одновременно подчиняться и бунтовать. Похоже, он считал Свами более подходящим учителем, потому что выходцу с Востока подчиняться легче, чем людям своей культуры.

Поэтому вместо того чтобы вступить в довольно аморфную группу в Трабуко, он пошел на крайность, в 1943 г. став служителем храма на Айвар-авеню. Он делил жилье с тремя коллегами. Это были Джордж, молчаливый неопит, вступивший на путь полного посвящения, который оплачивал отдельную комнату с душем и проводил время, остававшееся от выполнения обрядов за машинкой, перепечатывая высказывания Свами; а также Ричард и Вебстер, два семнадцатилетних юноши из голливудской средней школы, родители которых были последователями Рамакришны.

Формально Центр считался миссией, но он не особенно занимался обращением и пропагандой. Обитатели нередко иронизировали над идеей мессионерства, особенно мужчины, которые обычно относились к учению более отстраненно, чем женщины. Например, когда сестра Сарда доложила о том, что местный истребитель грызунов заинтересовался учением, Джордж выразил общее отношение к новообращенным словами: «Из крысоловов в Атманы» («From ratman to Atman»)³⁵⁰. Хотя Ишервуд искренне отдавался духовным поискам, он, вернее – писатель в нем, не мог не интересоваться

жизнью общины, воспринимаемой как спектакль, и книга его полна пикантных подробностей о личной жизни и забавных привычках обитателей Центра.

Распорядок жизни был подчинен дисциплине, но одновременно предоставлял личную свободу – нечто вроде добродушной версии Приере. Монахини, получившие индийские имена, жили в отдельной части комплекса, где сестра Лалита надзирала над англичанкой Амией, норвежкой Сарадой, американкой Йогини и ирландкой Судхирой. Все обитатели вместе питались и делили между собой домашние обязанности – хотя, по индийскому обычаю, работой по дому занимались женщины. Проводились лекции, читались молитвы, часто приходили посетители, включая товарищей из других Веданта-центров. Были также и развлечения. На самом деле, жизнь в Центре стала более привлекательна после того, как к ним присоединился Ишервуд. Возвышенная духовность Херда и Хаксли была не по нему. Он сказал Херду, что ждет от Свами не духовного наставничества, но доказательства того, что Бог существует. Он был настолько же жизнелюбом, насколько считал Херда жизнененавистником, с удовольствием вместе с коллективом посещая киносеансы, где «Песня Бернадетты» вызывала у них слезы на глазах.

Свами лично надзирал над новообращенным, который находил, что отношения гуру – ученик и набожность, порицавшиеся Кришнамурти, Хердом и Хаксли («Слышали бы вы только, что сказал Кришнамурти о гуру!..» – писал Хаксли другу³⁵¹), – как раз и есть то, к чему следует стремиться. Ишервуд наслаждался богослужением на Айвар-авеню, точно так же, как его родственная душа, друг-гомосексуалист писатель Форстер наслаждался им в Индии за двадцать лет до того.

Прабхавананда царствовал в этом мирке как благожелательный, иногда деспотичный, а чаще рассеянный правитель. Он был маленьким, веселым, дружелюбным, эмоциональным человеком, с едва уловимыми монгольскими чертами, заядлый курильщик и страстный индийский националист. Говорил он тихо и подчеркнуто вежливо, но временами на него нападали приступы раздражения. Он часто

брания обитателей Центра по-гурджиевски без всяких причин, как его учитель Брахмананда в свое время бранил его, и оказывал поправки любимчикам, особенно Ишервуду, обществом которого он наслаждался и слава которого ему льстила.

Не будучи отшельником, Свами тем не менее держался в стороне от Голливуда, где постоянно был спрос на всевозможных традиционных и театральных гуру. Люди удивлялись его способности жить целомудренно в мире, печально известном своей развращенностью. Даже Оден, который неодобрительно относился ко «всем этим языческим мумбо-юмбо»³⁵², подозревал, что Свами, очевидно, святой. Ишервуд соглашался с ним. В этом мнении его поддерживало именно то мирское, что недолголюбил Херд. Когда одного их общего знакомого задержали в мужской уборной за приставания к посетителям, Свами сказал только: «О Боже, жаль, что его поймали. Почему он не пошел в какой-нибудь бар?»³⁵³ И хотя он мягко убеждал Ишервуда вступить в общину и даже стать монахом, он не только допускал, но даже одобрял его работу, в кинематографе.

Ишервуд писал тогда сценарии для киностудий, как и на протяжении всей дальнейшей жизни. Вскоре после прибытия в Калифорнию он встретил друзей, эмигрировавших из Германии, спасаясь от Гитлера. Салка и Бертольд Фиртель нашли работу в Голливуде, и вскоре они представили своего старого друга Криса компании «Метро-Голдвин-Мейер», где он стал получать «абсурдное», как он считал, жалованье в 500 долларов еженедельно (хотя более известный Хаксли получал в три раза больше и большую часть отсылал в Европу).

Работа над фильмами подразумевала знакомство со звездами, и однажды в Центре состоялось волнующее событие, когда Фиртель привел на обед Грету Гарбо. Гарбо подыгрывала всеобщим ожиданиям, сравнивая жизнь актрисы и монахини не в пользу актрисы и кокетничая со Свами. Женщины нашли ее в высшей степени духовной, мужчины – красивой, а Прабхавананда сказал, что теперь его единственным мирским желанием остается встреча с герцогом Виндзорским.

Правда, вместо герцога ему пришлось довольствоваться Кришнамурти, который в 1944 г. посетил занятие в Центре, тихо сидя в заднем ряду, пока Прабхавананда говорил. Сначала Свами отнесся с подозрением к своему прославленному посетителю. Много лет назад Анни Безант уговаривала Брахмананду вступить в Теософское Общество, и яростный индийский националист Свами отождествлял Кришнамурти с теософией, а теософию с европейским колониализмом. Но вскоре он понял, что Кришнамурти не имеет ничего общего с Теософским Обществом, более того, он проявил полное почтение к индуистским ритуалам Свами, и встреча прошла спокойно. В конце ее оба приветствовали друг друга и выразили взаимное уважение.

Как и Кришнамурти, Свами к этому времени легко себя чувствовал в безумном мире калифорнийских ужинов, обедов и собраний женских клубов, метко описанных Хаксли в его романе «И после многих лет». В 1949 г. он даже ненапряжно вышел на Гурджиева, посетив Фрэнка Ллойда Райта в Талиесине. Свами никогда не был общественным гуру, но, несмотря на это, он произносил речи на разных собраниях, облачившись в аккуратный серый костюм с галстуком, и ему нравилось присутствовать на встречах.

Но высшей степени общественной славы Свами достиг, когда обнаружилось, что он работает на голливудскую студию, как это случилось и с Кришнамурти двадцать лет назад. В 1943 г. Сомерсет Моэм обратился за советом к Ишервуду по поводу эпиграфа к роману «Лезвие бритвы» («The Razor's Edge»), взятого из «Катаупанишад». Сам Моэм проявлял некоторый, интерес к Веданте и даже написал эссе о Рамане Махарише, святом, которого он встречал в Индии. Это эссе, переданное им Ишервуду, чтобы тот исправил неточности в догматике, позже было опубликовано под названием «Святой» в книге «Точки зрения» (Points of View). В 1945 г. Моэм прибыл в Голливуд писать сценарий к фильму «Лезвие бритвы», который собирался ставить режиссер Кьюкор. Прабхавананду пригласили в качестве консультанта. В конце концов картину сняли другие люди, отказавшиеся от помощи Свами, но все-таки некоторое

время он вращался в кинематографическом мире. Роман Моэма повествует о светском молодом человеке, который в поисках веры пришел к Веданте, и часто этого героя, Ларри, сравнивали с Ишервудом, хотя тот и отрицал это.

Это сравнение стало особенно раздражать Ишервуда, когда он понял, что его собственное увлечение Ведантой ослабло. Слишком уж силен был зов других сфер жизни. Он скучал по писательской работе, да и секс был постоянным соблазном, особенно когда он посещал Фиртелей в Санта-Монике, где множество привлекательных мужчин заполняло пляж. Он познакомился с Теннесси Уильямсом (также писавшим сценарии), и они часто разговаривали о сексе, хотя Ишервуд и не сопровождал драматурга в его экспедициях по поиску партнеров.

Трудность была в том, как позже заметил Денни Фоутс, что Ишервуд всегда вел себя как турист или прожигатель жизни, пробуя различные миры и не останавливаясь ни на одном. Оден был другого мнения: он считал, что необходимо выбрать какой-то один образ жизни, как и один набор верований или сексуальных пристрастий, оценив все их преимущества и приняв недостатки.

Подобно другим эмигрантам, Ишервуд переживал из-за войны в Европе, хотя единственным осязаемым напоминанием о ней служили поставки товаров для армии из Лос-Анджелеса и немногочисленные призывники, заполнявшие бары в ожидании отправки на тихоокеанские острова. Пробуждая воспоминания о жизни в Espotie, эти признаки войны больше сблизили Ишервуда с товарищами-беженцами, особенно из Германии, а не с англоязычными американцами.

На некоторое время его интерес к Веданте вновь разгорелся от проекта сотрудничества со Свами в переводе индуистских текстов. Они начали с Гиты, которую Ишервуд воспроизвел громоздкой викторианской прозой; затем, когда ее строго раскритиковал Хаксли, в староанглийском эпическом стиле, излюбленном стиле Одена. Но к весне 1944 г. Ишервуд решил не становиться монахом, хотя и оставался еще несколько месяцев в Центре, постепенно ослабляя связи с ним

и все больше погружаясь в мир киностудий, где он тогда работал на «Уорнер Бразерс». Летом 1945 г. он выехал из Центра и поселился вместе с новым приятелем. Он начал снова путешествовать, возобновив образ жизни странствующего писателя, и, хотя продолжал сотрудничать с Прабхаванандой, их прежним отношениям настал конец.

Но эмоциональная сторона этих отношений не ослабевала, как Херд и Хаксли признали несколько лет спустя, в отчаянии обратившись к Свами, чтобы он повлиял на Ишервуда по поводу его беспорядочных связей с мужчинами и привычки к наркотикам. К этому времени Херд покинул Трабуко и стал вести более уединенный образ жизни, а в 1949 г. он передал колледж Обществу Веданты. Свами переехал туда, и Ишервуд изредка навещал его. Эти визиты утвердили его в том, что он был прав, отказавшись от монашеских обетов, когда он видел, как «мальчики», жившие в общине, весь день проводят за работой в саду, в тяжелых ботинках и шортах, словно привязанные к этому месту. Ишервуду нравилось иногда под настроение прополоть грядку, но к повседневному физическому труду он был приспособлен не больше, чем к духовной деятельности, и он прекрасно понимал это. К тому же он знал, что не смог бы стать «хорошим товарищем для мальчиков»³⁵⁴.

Это с одной точки зрения. С другой же, было ясно, что он кидается в разврат и пьянство, побуждаемый поисками совершенного друга и приходя в уныние, когда очередной партнер оказывался далеко не совершенным. Теоретически Херд и Хаксли считали себя терпимыми, но такое поведение приводило их в отчаяние. Они на самом деле заботились о своем друге, и Херд даже драматизировал положение, считая, что его бывший ученик скатывается в атеизм. Он даже говорил Ишервуду о том, что «нечто» подкрадывается к тому и стремится овладеть им. (Вспомним ужасное предупреждение Уэджвуда о Черных Силах, преследовавших Кришнамурти.) В конце концов проблемы Ишервуда разрешились не религией, а более типичным для него знакомством с восемнадцатилетним Доном Бакарди, что случилось весной 1953 г. Скоро они стали любовниками. Всю жизнь Ишервуд устремлялся к фигуре отца,

от Одена до Бога, а теперь настал черед ему самому играть роль родителя. И эта новая роль впервые привнесла некоторый порядок в его жизнь³⁵⁵.

Как и все события его жизни, отход Ишервуда от Веданты был личным делом, не связанным с переменами в настроениях и верованиях того времени. Херд и Хаксли, со своей стороны, любили подчеркнуть, что их отступничество было вопросом принципа, хотя этому и способствовала дружба с Кришнамурти, чье неодобрительное отношение к гуру и нелюбовь к ритуалам соответствовали их чувствам. После их первой встечи в 1937 г. все трое стали близкими друзьями, особенно сдружились Кришнамурти и Хаксли, позже написавший Херду: «Одно время я следовал до некоторой степени механистическим методам, которым обучал Свами из миссии Рамакришны; но теперь я обнаружил более полезные методы Кришнамурти, которые ближе к методам дзен-буддизма»³⁵⁶. Это признание дает возможность понять, к чему стремился Хаксли. Тогда как Херд искал божественного просветления, Хаксли преследовал более земную цель психотерапии в обоих смыслах – духовном и ментальном. Хаксли вообще питал слабость к снадобьям различного рода. Ему постоянно казалось, что жизнь является болезнью, от которой необходимо найти лекарство – и оно будет найдено, – хотя сам и иронизировал над этими устремлениями: «Я чувствую, что если мы объединим Кришнамурти со старой психотерапией доктора Виттоца и методом «креативного сознательного контроля» над положением и функциями тела Ф. М. Александра, а также добавим немного общей семантики, что поможет нам уяснить словесные и концептуальные ловушки, вкупе с соответствующей чувственной диетой, то мы решим проблему превентивной медицины и заодно по меньшей мере половину проблем образования»³⁵⁷. Комментарий по поводу общей семантики и добавление «диеты чувств» характерны для Хаксли – они наполовину серьезные, наполовину самоироничны, как он сам – частично викторианский рационалист, а частично чудака Нового Века.

Так же типично и более проницательно его замечание о том, что «люди будут продолжать увлекаться вакцинами, папизмом и

мепробаматом». По мере того как шли годы, Херд и Хаксли все меньше интересовались религией как терапией, и их все больше заботило духовное просветление и чувство единения с Богом – или с тем, что Херд называл «Эта Вещь». Они искали высший дар религиозного сознания, надеясь превзойти свой интеллектуальный, дискурсивный, бесконечно рефлексивный подход и достичь непосредственного восприятия единства и божественности. Известно, что они пытались достичь такого состояния при помощи наркотиков – не мепробамата, а мескалина. В мае 1953 г. Хаксли добровольно вызвался участвовать в экспериментах психиатра Хамфри Осмонда, включавших в себя наблюдение при потреблении 0,4 г мескалина. Хаксли обнаружил, что мескалин приводит к чрезвычайно обостренному восприятию, хотя он и не знал, что ему делать с этим состоянием³⁵⁸.

Его друзья встревожились. Кришнамурти и Прабхавананда относились к употреблению наркотиков как к опасности, разложению и ошибочному пути, но Хаксли продолжал участвовать в экспериментах, чтобы предупредить других. Сатирически изображая потребителей пилюль, вызывающих моментальное удовлетворение всех желаний, в утопической пародии «Прекрасный новый мир» (1932), он не знал о подстерегающих на этом пути опасностях, а прирожденное пуританство склоняло его к особо строгому порицанию тех, кто пользовался наркотиками ради удовольствия. Он предвидел также возможные последствия создания наркотической культуры с целями, далекими от его собственного поиска духовного просветления. Если истинное знание есть функция бытия, то ложное знание может привести лишь к уменьшению бытия. Иллюзия, что сами по себе наркотики могут вести к просветлению или облегчить беды мира – это классические аксиомы ложного знания, явившегося результатом неправильного употребления мескалина. Хаксли настаивал на том, что подобные стимуляторы сознания могут использоваться в качестве вспомогательных средств при медитации только ответственными взрослыми людьми и в условиях строгого контроля.

Несмотря на все предостережения, наркотическая культура и в самом деле стала элементом нравов Нового Века в Калифорнии середины XX столетия, и использование наркотиков в целях духовного просветления стало все более принятым. По иронии судьбы именно сочинения Хаксли на эту тему и способствовали распространению наркотиков по мере того, как «либеральные» нравы все более входили в основной культурный поток³⁵⁹. Этот склад мышления предполагал наличие непосредственной связи между просветлением и удовольствием, причем предполагалось, что наркотики как раз и осуществляют эту связь. Но Хаксли хорошо знал, что связи между крайними состояниями страдания и удовольствия и состоянием истинного духовного просветления довольно сложны, если они вообще существуют: смешение одного состояния с другим – распространенная ошибка религиозной жизни. Это одна из причин, по которой нас предупреждают против гедонизма в этой жизни, а гедонизм и был лозунгом культуры середины нашего столетия.

Собственное отношение Хаксли к гедонизму суммировано в одном из его лучших романов, к сожалению, забытом, «И после многих лет» был опубликован накануне Второй мировой войны³⁶⁰. Это сатирическое произведение в духе его ранних романов оказывается притчей. В основе сюжета – поиски вечной жизни. Иронически переосмысливая теорию Шоу, высказанную в «Назад к Мафусаилу», Хаксли полемизирует с ним.

Под покровительством мультимиллионера, который ужасно боится смерти, доктор Обиспо экспериментирует с различными веществами, продляющими жизнь. После многочисленных опытов он приходит к выводу, что искомое вещество содержится во внутренностях карпов. Тем временем, разбирая древние документы в абсурдном замке миллионера (в его основу положен Сан-Симеон Херста), ученый Джереми Пордейдж открывает, что граф Гонистер, вольнодумец, живший в XVIII веке и хотевший бесконечно продлить свою жизнь ради наслаждений, обнаружил тот же секрет, что и Обиспо, двумя столетиями раньше. Постоянно евший чудодейственную сырую

печень карпов ради достижения своей цели, граф тем не менее скончался.

Две ветви истории сходятся, когда Обиспо, посетивший Англию вместе со своим заказчиком, получает возможность исследовать заброшенное поместье лорда Гонистера. Глубоко под землей, в подвале, он находит пару неописуемо грязных, обезьяноподобных существ, которые оказываются графом и его любовницей. Они и в самом деле пережили естественный человеческий срок, вынужденные укрыться от любопытных глаз в подвале после того, как граф имитировал свою смерть.

Хотя мы и не знаем, сожалел ли граф о своем выборе, но он дорого заплатил за него, превратившись в примитивное существо. Изысканный аристократ преобразился в издающую бессмысленные звуки и сношающуюся обезьяну, и только истрепанная лента (Орден Подвязки) свидетельствует о ее человеческом происхождении. Конечно, не о таком долголетии мечтал Шоу. Эволюция может пойти вспять. Для обезьяноподобного человека, спрятавшегося в подземелье, бессмертие разрушило цели, для которых оно достигалось. Все свелось к удовлетворению желаний, которые когда-то были всего лишь приятным украшением бытия. Таким образом, в этом случае знание стало врагом бытия.

В романе «После многих лет» отражен тот интерес, который Хаксли стал испытывать к проблеме регресса, нашедшей свое полное воплощение в произведении «Обезьяна и сущность» [Ape and Essence], которое было опубликовано десять лет спустя, в 1949 г. Этот странный небольшой роман поднимает тему, которая с тех пор стала до боли знакомой, – описание событий после ядерной катастрофы. В фантастической пародии на голливудский сценарий (он и стал таковым, когда вышел фильм «Планета обезьян») Хаксли представил время, когда на Западном побережье Америки:

«Бабуин – хозяин,

Что монстры могут быть порождены»³⁶¹.

Несмотря на конец, когда влюбленной паре удастся бежать от жестокого режима обезьян, господствующих на планете, это мрачная и даже беспощадная книга. Один из объектов критики –

ложная религия, описываемая как средство эксплуатации. Кто мог предположить, читая этот роман – характерный продукт времени, когда религия была в упадке, – что на Западном побережье уже было готово начаться духовное возрождение, к которому в немалой степени причастен и сам Хаксли?

Глава 18. Итоги

Пока Кришнамурти открывал для себя радости частной жизни в Калифорнии, Успенский переживал невеселый период изгнания в Новой Англии. Эти места подходят для их обитателей: хотя обоих – и Успенского и Кришнамурти – присвоило движение Нового Века, ассоциируемое с Западным побережьем Америки, можно себе представить, что Успенскому пришлось бы сказать про это. Несмотря на весь его интерес к самым неожиданным проявлениям оккультизма, по характеру он оставался интеллектуалом Восточного побережья: доверчивый, когда дело касалось того, во что он верил, и яростный скептик во всем другом. В последние годы его жизни внутренняя борьба между доверчивостью и скептицизмом достигла трагического и неожиданного выражения.

Переезд в Америку был продиктован благоразумием и осторожностью. Менее чем за двадцать лет до этого его застали врасплох ужасы русской революции и Гражданской войны; на этот раз они подготовились. Мадам Успенская покинула Лайн в январе 1941 г., Успенский вскоре последовал за ней. Он ехал с неохотой – хотя он никогда особенно не привыкал к людям, ему нравилась жизнь в Англии, он привязался к своим лошадям и кошкам, он старел, все чаще выпивал, – но выбора не было.

Успенского волновала не только опасность «блицкрига» и военного вторжения. Несмотря на неучастие в политике, он интересовался происходящим на политической арене и обладал стойкими мнениями, ненавидя большевиков. Эта ненависть вследствие изгнания и страданий, причиненных ими, усиливалась общим пессимистическим взглядом на будущее Европы. За двадцать пять лет, исключая недолгий период надежды в начале 1920-х годов, он был свидетелем того, как мир постепенно склоняется к грубости и жестокости, получая мрачное удовлетворение от точности своих пророчеств. В случае неправдоподобного поражения Германии он предсказывал торжество большевизма по всей Европе³⁶².

Мадам Успенская прибыла в Америку в январе 1941 г. и основала еще одну общину во Франклин-Фармз, Мендхэм, возле Нью-Йорка. На ферме обитали английские эмигранты и некоторые из бывших американских учеников Орейджа, хотя другие держались настороженно, подозревая, что Гурджиев отстранил от себя Орейджа или что Успенский порвал с Учителем. Когда Успенский начал курс лекций в Нью-Йорке, то он обнаружил, что находится в странном положении – излагает учение Гурджиева, как и отдельно от него Софья Григорьевна, но отказывается иметь что-либо общее с Гурджиевым как с человеком и запрещает все ссылки на работы Гурджиева, которые лежали в основе учения Орейджа. Удивительно ли, что многие из новых учеников Успенского недоумевали.

Успенский и Софья Григорьевна, как обычно, следовали собственными дорогами – она придерживалась доктрины Гурджиева, он предпочитал свой собственный синтез идей Учителя. В то же время он приходил в ярость, когда кто-либо пытался по-своему переработать его идеи, настаивая на авторских правах и запрещая преподавать или писать о Системе без его недвусмысленного разрешения. Когда его ученик Дж. Г. Беннетт нарушил это предписание, находясь в трех тысячах миль от него, в Англии, то был отлучен и другим ученикам было запрещено общаться с ним. Как обычно, некоторые восприняли ссору как заговор, призванный помочь Беннетту обрести самостоятельность, – реакция, типичная для византийской политики и трагикомических драм, свойственных наследникам Гурджиева.

Если оставить в стороне подобные мелкие вспышки, то жизнь Успенского в Америке была по большей части бесконечным проигрыванием старых образцов в новом окружении. Он продолжал преподавать и выпивать. Когда он в январе 1947 г. вернулся в Британию, то был уже больным и разочарованным человеком, алкоголическая мрачность которого дополнялась однообразной пищей и послевоенной английской зимой. Он давно позабыл о совете, который дал ученику, спросившему его, как справиться с отрицательными эмоциями: «Думай о чем-нибудь радостном. В Системе существует много

всего. Ты можешь взять любую тему и сравнить твои индивидуальные вопросы, как ты думал раньше и как ты думаешь сейчас, и увидишь, что достиг того, другого и третьего»³⁶³.

Успенского всегда занимала идея путешествия во времени, но едва ли теперь он думал об этом. Ни прошлое, ни настоящее не приносили ему удовлетворения. Что касается будущего, оно было таким неопределенным, что не было ясно даже, куда ему возвращаться. Возможно, теперь, когда Россия казалась закрытой навсегда, Англия представлялась ему единственной страной, с которой были связаны положительные эмоции: если он и не стал англичанином, то Англия была по крайней мере тем местом, которое он воспринимал как свой дом. А может быть, это было просто бегством из Америки – страны, более чуждой ему по духу, чем Англия.

Ибо, несмотря на все восточные путешествия в поисках духовного просветления, Успенский оставался европейцем, европеизированным русским, пропитанным идеями немецкой философской традиции, которые в свое время считались высшим достижением европейской культуры. На какие бы идеи ни опиралась система Успенского, изложена она была в западных терминах. Но сейчас вставал серьезный вопрос: можно ли регион, который создал его, по-прежнему считать цивилизованным, не говоря уже о месте, подходящем для духовной эволюции планеты? После двух катастрофических войн Европа истекала кровью от нанесенных самой же себе ран. Возвращение Успенского, который мог бы остаться и в Америке, можно истолковать и как возвращение домой, и как признание поражения.

Он не был одинок в своей пессимистической оценке будущего. К тому времени, когда возвратился Успенский, Дж. Г. Беннетт серьезно думал о перемещении своей религиозной общины из южного Лондона в Южную Африку. Беннетт воспринимал послевоенный период в свете своей циклической теории кризисов³⁶⁴. Он верил, что Европа приближается к концу жизненного цикла, и мировые войны знаменовали собой ее предсмертные судороги. Но не все потеряно. Сколь

пессимистической ни была его теория, сам Беннетт был оптимистом. По его мнению, существовала возможность возрождения, если европейцы смогут отринуть материализм предыдущих лет и избрать истинно духовный путь. Оставался шанс спасти не только Европу, но и все человечество, которому теперь угрожало самоистребление. Если это произойдет, то люди докажут, что через страдания они продвинулись по пути духовного просветления. И недолго, кстати, остается до начала Эры Водолея.

Трудности для процесса необходимых изменений состояли в том, что для того, чтобы он мог развиваться, требовалось не только сохранение мира от уничтожения, но и появление действительно великих духовных лидеров. Таких руководителей, по мнению Беннетта, нет среди обычных людей. Успенский и Гурджиев говорили о существовании некоего тайного братства, управлявшего делами человечества, а Гурджиев даже намекал, что не то сам принадлежал к этому братству, не то находился в непосредственном контакте с ним. Целью Работы и Системы была подготовка себя к общению с Братями и даже – кто знает? – стать одним из их числа. Беннетт надеялся, что и его может ожидать такая судьба³⁶⁵.

В «Назад к Мафусаилу» Б.Шоу показал не только возможность человеческого бессмертия (или нечто вроде того), но и его безусловную необходимость, если, разумеется, человечество намерено выполнить свое эволюционное предназначение. К этой доктрине и начал склоняться Беннетт, по мере того как в его работах все чаще звучали миллениаристские нотки, которые позже обретут свой голос в альтернативных духовных учениях конца века. Осознание угрозы огромного космического потрясения – будь то ядерная война или экологическая катастрофа – дало новый толчок созданию общин, ведущих натуральное хозяйство. Такие общины должны были не только сотворить нового человека: предполагалось, что во время всемирного катаклизма они будут служить единственной надеждой на продолжение существования человечества, став опорой тайного братства, которое будет восстанавливать старые расы или руководить

новой. В любом случае, казалось, что эволюция должна ускориться. Но будет ли она направлена вперед или назад, как это предположил Хаксли в «И после многих лет»? В качестве пророка Беннетт ожидал самого худшего, но, как практический человек, он не мог поверить, что невозможно что-то предпринять для исправления положения. Надеясь же на свое предназначение быть одним из спасителей мира, предполагал, что понадобится и во время светопреставления.

Успенский не разделял оптимизма своего бывшего ученика. Не то чтобы он не видел угрозы для человечества: он просто не мог больше заботиться о нем³⁶⁶. У него никогда не было особенно много времени на людей. Теперь, когда он был старым, больным и усталым, основное его удовольствие заключалось в долгих автомобильных поездках по местам, напоминавшим ему о прошлом, – обычно он путешествовал по ночам и в компании нескольких котов. Он откровенно предпочитал котов людям, и собственный его характер был чем-то сродни кошачьему: отстраненный, осторожный, неожиданный и быстрый. Прибыв в пункт назначения, он редко покидал машину, предпочитая смотреть из окна, окруженный котами на заднем сиденье. Принимая во внимание доступное ему людское общество (жена его осталась в Америке), это и понятно. Возвращаясь домой, он обычно проводил оставшуюся часть ночи в машине, а одна из его учениц стояла в это время у окна, простерши руки, словно ожидая благословения.

Успенский теперь стал до такой степени больным и усталым, что уже не скрывал этого. Он стал также рассеянным и нерешительным. После недолгого периода скучной жизни в послевоенной Англии он все-таки подумал о возвращении в Америку. Однако, приехав в порт Саутгемптона, в последнее мгновение он передумал и не стал садиться на корабль. Эта нерешительность была внешним признаком чего-то более серьезного. С его политическим пессимизмом и недовольством послевоенными реалиями, органически сочеталась личная склонность к сомнениям, которая вела его к нарастающему подозрению, что его жизнь была ошибкой. Если так, то все равно, оставаться в Лондоне или переехать в Нью-Йорк.

Отстранившись от Гурджиева (он отклонил приглашение посетить Париж)³⁶⁷, Успенский продолжал верить в его Учение тридцать лет, и все эти годы он считал, что его Учитель поддерживает – или когда-то поддерживал – связь с неким глубоким духовным источником. Теперь он не был уверен в этом. Его ученики продолжали верить в существование такого источника, но сам Успенский сомневался. Невозможно сказать наверняка, как или почему так получилось: пересмотрел ли он свои убеждения или сомнения, которые он преодолевал в течение всей жизни, одержали над ним победу, когда его тело предательски ослабело из-за возраста и увлечения спиртным.

Такая перемена болезненна для учителя, но для учеников она катастрофична, особенно если они привыкли подчиняться железной дисциплине. В последнем цикле шести собраний, которые прошли в Лондоне и на которых присутствовало более трехсот человек – полный состав Историко-психологического Общества, как Успенский окрестил эту группу перед войной³⁶⁸, – он отвечал на вопросы через ученицу-посредницу. Иначе встреча прошла бы как обычно – аудитория тихо сидела в течение долгих минут, пока учитель медленно поднимался на помост, опираясь на трость, а затем присутствующие задавали свои вопросы явно враждебно настроенному Учителю.

Посредница сама отклонила часть таких как «непонятные» – новое преломление обычной ситуации, когда на банальные вопросы следовали загадочные ответы. Затем Успенский отказался отвечать на большинство вопросов, которые она ему передала, но, когда прозвучали вопросы, касавшиеся Школы, Источника и Системы, он просто вышел из себя и объявил, что Системы нет, что язык, который он использовал в течение десятилетий – бессмыслен, что ни Школа, ни Источник не существуют и что единственный путь – это посмотреть каждому в самого себя и решить, что он хочет на самом деле. Поиски источника мудрости – это иллюзия, поощряемая Гурджиевым. Если же его собственные ученики хотят спасти хоть что-то после краха, то они должны оставить напряженную жизнь в Системе в пользу самопознания. И добавить больше нечего³⁶⁹.

Неизбежное сравнение с публичным отречением Кришнамурти от теософии только подчеркивает трагизм ситуации. Для Кришнамурти отречение означало освобождение, для Успенского – горечь поражения. Всю жизнь он посвятил поискам, которые никогда не следовало и начинать. Может быть, он забыл свои собственные высказывания? Ведь за годы до этого он высказал мысль о том, что поиски сами по себе являются собственным оправданием. Если говорить словами «Квартетов» Элиота, опубликованных всего лишь за четыре года до смерти Успенского и написанных под влиянием Системы, «В конце моем мое начало»³⁷⁰.

Однако некоторые из последователей Успенского были убеждены, что в эти дни Учитель готовился к заключительному страшному испытанию, переключив всю энергию на воспоминания, чтобы встретить смерть с полным сознанием. С этой точки зрения публичное отрицание Системы – это пример самоумерщвления. По их мнению, Успенский отрицал лишь неправильное понимание Системы. Ни Система, ни Успенский, а только искаженное понимание потерпело поражение.

Другие с более земной точки зрения объяснили и поездки Успенского, и его эксцентричное поведение влиянием Родни Коллина³⁷¹. Коллин родился в 1909 г. в Брайтоне, где провел детство за чтением книг и попытками писать. Всю свою жизнь он оставался типичным идеалистом-самоучкой, осведомленным о самых странных фактах и преисполненным благих намерений, но обладавшим весьма слабыми познаниями о повседневной реальности. Женитьба в 1934 г. на богатой женщине старше его на восемь лет не усилила его практическую хватку. Любопытно, он встретил Жанет в Швейцарии, где собирался посмотреть мистерию Страстей Господних в Обераммерграу – драму, которая обрела ясное и страшное значение для Коллина только в конце его жизни.

В молодости он следовал дорогой, обычной для начала 1930-х годов, вступил в «Ток Эйч»³⁷². Молодежную Ассоциацию Общежития (в которой работал секретарем) и RPU. Он писал для «Ток Эйч Журнал», «Пис Ньюс» и журнала Молодежной Ассоциации с подходящим названием «Рюкзак». Среди членов

РРУ было много теософов, решивших посвятить себя практическому воплощению принципов пацифизма, и из его последней работы видно, что на Коллина оказала влияние теософская космология, хотя он никогда не вступал в Общество.

Поворотным пунктом стал 1936 год, когда они с женой посетили лекцию Успенского. Почти сразу же они отдали все свое внимание Работе. Они купили дом возле Лайн-Плейс, и вскоре Коллин уже был одним из главных заместителей Успенского, сохранив почтение к Учителю до конца жизни. Принимая во внимание язык, каким Коллин говорил об Успенском – сравнивая его с солнцем, а солнце с Богом, – легко понять почему. У него не было контакта с Гурджиевым, и он не высказывал особого интереса к его работам, считая Успенского не просто учителем, а Учителем (хотя он и признавал значение Гурджиева в свойственном ему экстравагантном стиле).

Жена Коллина, ставшая своего рода адъютантом при г-же Успенской в Лайн-Плейс и Франклин-Фармз, позже признавала, что ее муж стал практически приемным сыном Успенского. Коллин и сам романтически описывает последние дни Учителя, в которых он сам предстает бесспорным духовным наследником. Но все же их отношения с Учителем оставались беспокойными. По мере того как Успенский все больше пил, его все больше раздражало преданное поклонение Коллина. Иногда он кричал и яростно набрасывался на ученика и однажды даже ударил его по лицу. Коллин, который к тому времени уже имел четкое представление о собственной миссии, воспринял физическое воздействие не как выражение гнева, а как своего рода урок дзен-буддизма, на что ответил, поучительно ударив другого ученика, да так сильно, что у бедняги лопнула барабанная перепонка.

Коллин был пассивным, но сумбурным и в высшей степени взвинченным человеком, с духовными притязаниями и легко поддающимся под чужое влияние. Несмотря на общительность и постоянное окружение поклонниками, в последующей жизни он, по существу, был человеком одиноким. Очаровательный и легко заводящий знакомства, он поступал так только потому,

что, как и многие одинокие люди, никогда не отдавался полностью. Его реакция на смерть Успенского может указывать на скрытое безумие, которое позже некоторые наблюдатели замечали в его поведении.

После смерти Успенского, последовавшей 2 октября 1947 г., атмосфера в Лайне была накалена до предела³⁷³. Как только тело вынесли из дома для похорон, Коллин заперся в пустой спальне, где умер Успенский, и лежал там, отказываясь выходить в течение шести дней, без пищи и воды, отталкивая лестницы, которые другие обитатели подставляли к окнам, пытаясь пробраться к нему. К концу шестого дня он вышел преобразенным человеком. Его обычные манеры сменились мягкой кротостью, что, впрочем, могло быть и результатом голодания. Но каковы бы ни были причины, вскоре стало ясно, что если Успенский только пребывал «в поисках чудесного», Коллин нашел его, получив мистическое наследие Успенского.

Подобно многим ученикам и коллегам Успенского, включая Софью Григорьевну, Коллин наотрез отказывался верить в то, что Учитель отказался от Системы. Некоторые видели в его заявлении об отказе своего рода испытание гурджиевскими методами, посредством которого Успенский проверял веру своих учеников. Коллин еще более усилил таинственность, заявив, что последние недели Успенского были частью мистической психодрамы, представляемой для вразумления учеников. Согласно его интерпретации, отказавшись от собственного учения и признав свое унижение и поражение, Успенский повторил страсти Иисуса Христа, на собственном примере показав пример сознательного страдания и объективного сознания. Таким образом, он сознательно лишил себя всякой поддержки, чтобы достичь наивысшего опыта абсолютной жертвы.

Только несколько относительно уравновешенных учеников, казалось, согласились с очевидным объяснением – Успенский был больным, усталым и потерявшим иллюзии человеком, что его характер был испорчен пьянством и что боль, скука, страх смерти и остатки горькой и саморазрушительной честности привели его к признанию бесполезности дела всей его жизни.

Эту точку зрения высказал Кеннет Уокер, работавший в Приере с Гурджиевым и позже отошедший от Работы в пользу более близкого ему подхода Успенского. Но даже Уокер размышлял над конечным итогом жизни Успенского и чувствовал себя в какой-то степени виноватым в том, что вместе с другими позволил учителю поддаться унынию. Родни Коллин предпочитал более возвышенную интерпретацию событий, согласно которой Успенский представал в роли Христа. Однако, что касается толкований Коллина, надо принимать во внимание его характер и положение – Коллин и сам двигался к мелодраматическому концу по пути, который превзошел по странности путь Успенского.

Смерть Успенского повергла его учеников в растерянность. Беннетт отделился от них и сам возглавлял группу; Морис Николь, еще один из главных учеников как Успенского, так и Гурджиева, основал свою общину в Хертфордшире³⁷⁴; те же, кто остались в Лайне, теперь либо пошли своей дорогой, либо разделились на две группы – одна под руководством Родни Коллина, другая – доктора Фрэнсиса Роулза (его-то барабанная перепонка и пострадала от урока Коллина). Коллин и Роулз были неустойчивыми личностями, занятыми собственными духовными поисками, они враждовали друг с другом и плохо подходили на роль лидеров. Три других старших ученика, не зная что делать, решили посетить г-жу Успенскую, в ту пору проживавшую в Медхэме. Надо сказать, что Софья Григорьевна никогда не теряла контакта с Гурджиевым. После смерти Успенского она снова стала общаться с ним, отправив в Париж рулон шелка и чек на 3000 долларов в знак доброй воли. Для нее решение проблем старых учеников Успенского было простым. Она вполне определенно дала им понять, что следует закрыть Лайн-Плейс и перейти под покровительство Гурджиева³⁷⁵.

Во время войны Гурджиев буквально исчез из поля зрения; его видели только Рене Домаль, Жанна Зальцманн и несколько других последователей. Но перед своей смертью в 1949 г. он вновь имел необыкновенную популярность и процветал. Казалось, что он обладает невероятными способностями

преодолевать любые трудности; он пережил не только Успенского, но и многих других своих последователей, которые погибли, сошли с ума или оказались на обочине жизни. Он пережил также катастрофическое падение авторитета среди приверженцев альтернативных религий в 1930-х годах. И что примечательно более всего – опроверг существовавшие подозрения в сотрудничестве с немцами во время войны, когда его парижская кухня так отличалась от скудного рациона того времени. Без сомнения, какую-то долю роскоши ему поставлял кружок преданных последователей, а также черный рынок и даже американские войска, наводнившие Париж после освобождения в 1944 г. Но все равно остается вопрос, как он получил доступ к этому рынку и какие у него были связи с охранниками складов оккупированной зоны.

Сам Гурджиев любил шутить, что достаток в его кладовой обеспечивает планета Каратас³⁷⁶. Менее фантастично предположение, что он получал кредит от владельцев местных магазинов, в том числе и продовольственных, утверждая, что является владельцем нефтяной шахты в Америке, которая снова начнет приносить доходы, как только закончится война. Эту версию подтвердили некоторые ученики после войны; и когда пришло время платить по счетам, американские приверженцы оказались как нельзя более кстати³⁷⁷.

Когда ученики Успенского вошли с Гурджиевым в контакт, положение уже начало исправляться. Именно Америка в лице Кэтрин Хульме и Фрица Петерса пришла к нему на помощь. Хульме жила тогда в Европе и работала в UNRAA³⁷⁸. Оказавшись в июне 1946 г. в Париже, она явилась на квартиру Гурджиева с сигаретами, бутылкой водки и своей новой подругой, женщиной, происхождение которой Гурджиев таинственным образом отгадал. Петерс, все еще служивший в американской армии, пришел к нему в состоянии умственного и эмоционального упадка. Гурджиев быстро привел его в себя, буквально наполнив его энергией. Потрясенный всполохами голубого пламени вокруг Учителя, Петерс сразу же почувствовал себя лучше, хотя теперь стареющий Гурджиев

должен был прилечь, чтобы восстановить истраченную энергию³⁷⁹.

Избежав финансовой катастрофы благодаря своей изобретательности, благополучному исходу войны и американским благотворителям, Гурджиев вскоре снова стал популярным учителем, вследствие энтузиазма Хульме, Петерса, старых учеников Орейджа, которые опять могли свободно посещать Европу, а также Джейн Хип, хозяйки магазина в Сент-Джон-Вуд. Маргарет Андерсон привела свою новую компаньонку, Дороти Карузо, вдову певца Энрико³⁸⁰. Когда Гурджиев узнал о том, что г-жа Успенская посоветовала ученикам Успенского искать его покровительства, он сказал: «Вы – овцы без пастуха. Идите ко мне». Под влиянием Уокера, который подчинился охотнее всех и признал верной оценку Гурджиева, они, видимо, совсем забыли, что Гурджиев видел в овцах объект для стрижки. Николь, Коллин, Роулз и их ученики держались в стороне: они разделяли подозрение Успенского, что Гурджиев не столько пастух, сколько волк³⁸¹.

Наиболее серьезную роль в возрождении гурджиевского учения сыграл Дж. Г. Беннетт. Когда в 1939 г. разразилась война, Беннетт и его жена планировали экспедицию в Сирию. Перед этим они решили провести недолгий отпуск на Южном побережье Англии, но Чемберлен остановил все путешествия плохими новостями о Гитлере, и они отложили поездку. Беннетта влекла в Сирию навязчивая идея найти Источник Мудрости и Братство Сармунг, через которое, согласно Гурджиеву, мудрость приходила в мир.

Хотя Беннетт прервал свои поиски, война дала ему возможность свести воедино две стороны своей жизни. Квартира на Тайт-стрит, в Челси, была разрушена во время бомбардировки, и они с Уинифред стали подыскивать себе жилище. Им также нужно было место, где Беннетт мог работать с учениками. И они нашли дом с семью акрами земли на окраине Лондона, в Кингстоне, Суррей.

Это была собственность миссис Хуфа Уильямс. Некогда известная светская красавица, она, как и ее муж, была другом Эдуарда VII, и, подобно многим людям из их круга, они

промотали свое состояние, в том числе и Клэридж-Отель. Теперь, став старой затворницей, она жила в компании служанки-итальянки, семи собачек чау и двадцати двух кошек. Ее почти полная глухота делала переговоры очень трудными, но в конце концов Беннеттам сдали дом в аренду «на неопределенный срок», и они принялись за работу, точнее, поручили работу по дому ученикам, планируя создать общину по образцу Лайна и Приере, где духовное обучение соединялось с товарищескими отношениями и тяжелым физическим трудом. Чтобы финансировать предприятие, Беннетт убедил BCURA переехать из Фулхэма в Кумб.

В награду за труд Беннетт брал учеников в некое путешествие наподобие летних лагерей в Уэльс и Озерный Край. В дни, когда нехватка топлива затрудняла всякое передвижение, это было почти роскошью. В первой из этих поездок Беннетту даже привиделись ослепительно вспыхивающие слова «Универсальный Порядок... Любовь и Свобода все искупят»³⁸², перспектива весьма заманчивая. Стремясь перевести это смутное видение в нечто более зримое, Беннетт решил стать писателем, изводя бумагу с такой энергией и упорством, что даже заболел от рвения. Но момент оказался решающим. В течение следующих тридцати лет он выдавал большое количество книг, памфлетов, лекций и эссе, излагавших смысл Системы. Основным плодом его стараний стала «Драматическая Вселенная» – полное изложение природы космоса в четырех томах.

Несмотря на удачный переезд в Кумб-Спрингс и карьеру писателя, у Беннетта оставались проблемы. Пока Кумб не был подготовлен к приему учеников, они собирались по выходным в центре Лондона, где у одной из учениц, Примроуз Кодрингтон, был небольшой дом, скрытый за Онслоу-сквер и окруженный почти акром земли. Здесь группа выращивала овощи и разводила цыплят, пока Беннетт разрабатывал свою методику предстоявшей Работы. В 1942 году он выпустил небольшую книгу «Ценности».

Все это нарушало требования Успенского, который принципиально запрещал публикации или публичное

преподавание Системы в любой форме, кроме его собственной. Беннетт совершил и более серьезное преступление проявил неуважение к авторитету Учителя, адаптируя элементы Системы к собственным идеям, и вскоре новости о деятельности Беннетта дошли до Америки через небольшую группу последователей, остававшихся в Лайне и относившимся с негодованием к притязаниям Беннетта. Успенский отреагировал на это известие очередным отлучением Беннетта. Через адвокатов он потребовал возвращения всех бумаг, связанных с его собственной работой, включая заметки к лекциям, и запретил верным ученикам иметь что-либо общее с арендатором Кумб-Спрингс.

После отлучения несколько старых учеников бойкотировали Беннетта, но большинство осталось с ним. По выходным они встречались либо на Онслоу-сквер, либо, после того как Беннетт вступил во владения Кумб, в тамошнем саду. Каждый день он давал им тему для медитаций, пока они работали в саду. Продолжались обычные разговоры и дискуссии, и в их содержании по-прежнему преобладала неопределенность. Многие были несколько разочарованы, считая, что им необходимы более ясные смысл и цели, и один из учеников предложил помощь в составлении резюме дискуссий за неделю. В результате появилась рукопись в двести страниц, которую, возможно к счастью, он потерял. В ней, к примеру, описывалась Жизнь как некое женское Существо, к которому приходит мужская Сила.

Время, когда Беннетт стал отдаляться от Успенского, совпало с трудностями с Горнодобывающей Ассоциацией (любопытно, что по одним и тем же причинам), потому что он читал лекции, в которых утверждал, что век дешевого угля миновал и рассуждал о возможности появления новых видов энергии. Неудивительно, что ассоциация была недовольна, указывая на то, что политика ценообразования не входит в обязанности Беннетта, а только продажа угля (и никаких других видов топлива). Он оказался между двух огней – общественность требовала найти дешевые способы производства угля, а собственники настаивали на том, чтобы

цены оставались на прежнем уровне и чтобы уголь выдерживал конкуренцию с нефтью.

Ясно, что даже его доброжелателей раздражало то внимание, которое Беннетт уделял духовной жизни, и его привычка использовать Кумб-Спрингс как религиозное пристанище. Его обвиняли в оказании давления на служащих исследовательских лабораторий с целью завлечь их в свою группу и жаловались на неприятности, которые доставляла его деятельность. Следующий эпизод является очень типичным. Беннетт привык каждое утро купаться в источниках Кумб, и однажды ему привиделось, что в каждом листе ощущается присутствие Христа. (Неудивительно, что его посещали видения. Начиная с 1939 г. он повторял молитву «Отче наш» тысячу раз в день, заканчивая ее фразой «Fiat voluntas tua» ["Да будет воля твоя"]). После встречи с Иисусом он пребывал в состоянии экстаза в течение трех дней, что было совсем некстати, потому что на следующий день ему предстояло читать лекцию «Уголь и химическая индустрия» в Институте инженеров-химиков. Хотя Беннетт и чувствовал враждебность аудитории, он заявил, что ощущает теплоту, окружившую присутствовавших, и что весь зал наполнен Божественной Любовью. К несчастью, его работодатели не разделяли его озарений, и через несколько недель после лекции, в июне 1944 г., ему предложили уволиться из BCURA. Ассоциация перевела свой офис в Лезерхед, а Беннетт сосредоточил все силы на Кумбе.

Духовная его карьера продвигалась быстро, а страсть к организаторской деятельности выразилась в основании новой частной исследовательской лаборатории компании «Уголь-Пластик» и Институте сравнительного изучения истории, философии и наук. Лаборатория работала над производством пластического углерода из разделенного угля, а институт занимался психокинетическими исследованиями. Разработки лаборатории финансировались большой индустриальной фирмой «Поуэлл Даффрин», и договор с фирмой косвенно поддерживал и другие начинания в Кумбе, где число обитателей и гостей достигало двухсот человек. В этот период Беннетт

помимо прочего написал пьесу о пожаре Шартрского собора, приступил к трактату о геометрии пятого измерения и составил записку о том, как увеличить личный состав университетов.

Когда в 1945 г. вновь стало возможно путешествовать за границу, Беннетт решил исследовать возможность основания общины за пределами Англии. Во время посещения Южной Африки ему дал аудиенцию генерал Сматс, посоветовавший оставить пессимистический взгляд на будущее. Сматсу, очевидно, показалось, что его гость до некоторой степени потерял чувство реальности – мнение, подкрепляемое собственным наблюдением Беннетта, касающимся того факта, что богатые белые хозяева питают исключительно теплые и дружеские чувства к рабочим-неграм. Он через некоторое время даже купил ферму в Южной Африке, но его группа тем не менее осталась в Англии.

Визит к г-же Успенской летом 1948 г. вернул его на старый путь. Будучи в Америке по своим угольным делам, он приехал во Франклин-Фармз, где строгая Софья Григорьевна, страдавшая болезнью Паркинсона, резко повелела ему ехать в Париж к Гурджиеву, если он хочет получить дальнейшие духовные наставления. Это веление поразило его неизбежностью. Возвратившись в Англию, Беннетт обнаружил жену умиравшей от загадочной болезни, но зов духа был настолько силен, что они немедленно отправились в Париж, чтобы встретиться с Жанной Зальцманн, которой предстояло стать их посредником в общении с Учителем.

Комедия началась летом 1948 г. Гурджиев жил в доме № 6 по улице Колонель-Ренар в довольно стесненных условиях. Замки и анфилады шикарных апартаментов остались позади, он носил красную феску и открытую на груди рубашку. Но он все еще возглавлял большую группу французских и американских учеников. Его также посещало определенное количество покорных молодых девушек, известных под названием его «телят». В эту группу входили Иованна Ллойд Райт (дочь Фрэнка и Ольги) и будущая жена Беннетта, Элизабет Мэйэлл.

Когда Беннетт явился на глаза Гурджиеву, тот сделал вид, что не узнает его, и сказал только: «Вы номер 18. Не большой

Номер 18, а маленький номер 18», что заставило Беннетта разумно признаться: «Я не имел ни малейшего представления, что это значит»³⁸³. Несмотря на такое непонятное начало, Гурджиев спросил Беннетта, чего он хочет, и Беннетт попросил Гурджиева показать ему, как работать на Бытие. Гурджиев согласился, сухо добавив, что если Беннетт и обладает большими познаниями, то в Бытии он «ничтожество». Это суждение Беннетт принял с подобающим смирением³⁸⁴.

Задержавшись только для того, чтобы освободить Уинифред Беннетт от ее жестоких болей и дать чтение и упражнения новому ученику, Гурджиев на следующий день отправился в Канны. В Монтагри он врезался в грузовик и получил серьезные ранения. Водитель грузовика скончался, но Учитель, кажется, обладал иммунитетом против автомобильных аварий. Несмотря на ранения, включавшие перелом ребер и внутреннее кровотечение, его перевезли в Париж, и он даже настоял, чтобы состоялся обед с Беннеттами и другими учениками, что и случилось следующим вечером, невзирая на его лицо в синяках, кровоточащее ухо и забинтованное горло³⁸⁵. Как и после первой аварии, ужасные раны вскоре зажили, и в его крошечной квартире, аляповато украшенной зеркалами, куклами и псевдовосточными безделушками, вновь стали собираться толпы народа.

После ссоры с Успенским и отказа его от Системы Беннетт радовался новому открытию для себя Гурджиева, близким учеником которого, в сущности, он стал впервые. Гурджиев призвал всех обитателей Кумб-Спрингс присоединиться к нему в Париже. Около шестидесяти человек действительно переехали, но большинство приезжало на выходные – тяжелое предприятие, принимая во внимание послевоенные условия. Кеннет Уокер также посещал Париж и убедил делать то же самое многих английских учеников Успенского. Снова начались праздники с тостами; ожили старые схемы, был куплен дом (на этот раз Шато-де-Буазин возле Рамбуйе), основан институт и возобновлены представления священных танцев. Гурджиев также предложил еще раз посетить Нью-Йорк, где хотел поставить новый спектакль, и на доходы от него опубликовать

свой главный труд «Рассказы Баалзебуба своему внуку», книгу, которую он писал с конца 1920-х годов.

С возвращением этих старых схем вернулись и старые неприятности и вражда. Даже Беннетт сообщает о том, что некоторые ученики не могли перенести жестокий режим чередования восхваления и порицания, ритуального унижения и публичных драм, к которым их принуждал Гурджиев. Говорили, что некоторые из новичков не выдержали встречи с Учителем, и им даже потребовалась медицинская помощь (хотя не уточняется, какая именно)³⁸⁶. Снова пошли зловещие слухи о самоубийствах, подобные тем, что ходили о Приере; защитники Учителя резонно возражали, что многие из тех, кто являлся к Гурджиеву, потому и приходили к нему, что были настолько больны, душевно или физически, что никто не мог помочь им. Разве удивительно, что иные из них сломились под гнетом своих проблем?

Какими бы ни были – правдивыми или ложными – эти слухи, но на контингент из Кумб-Спрингс они оказывали отрицательный эффект. Талант Учителя сеять раздоры был, как всегда, силен, и ученики скоро разделились на два лагеря – за и против Гурджиева. Даже энтузиасты испытывали сомнения и разрывались между учителями, потому что Гурджиев и с Беннеттом и с его притязаниями обращался безжалостно, то хваля его и намекая, что собирается оставить его своим преемником, то немилосердно ругая его публично. Но таков был его авторитет, что он убедил Беннетта признать необходимость такого обращения с собой, тем более что того же мнения была и его жена: как это случалось и ранее с Жанной Зальцманн и Софьей Григорьевной Гурджиев покорял жен еще быстрее, чем их мужей.

Беннетт подтверждает то, о чем говорили все: хотя они были до предела внимательны, они никогда не могли прийти к согласию по поводу того, что сказал Гурджиев. То же самое часто рассказывают и о Кришнамурти. В Приере Гурджиев запрещал делать заметки во время беседы, хотя многие из учеников сразу после окончания устремлялись по свежим следам записывать его слова и впоследствии опубликовали их.

Это только усиливало путаницу, хотя Беннетт и другие рассматривали это непонимание как свидетельство могущества Учителя – если каждый воспринимал его слова по-своему, то это объясняется тем, что он одновременно обращался к каждому индивидуально³⁸⁷.

Элизабет Мэйэлл описывает случай, когда свою подругу, имевшую кое-какие проблемы, она привела к Учителю³⁸⁸. Они долго сидели за обедом, во время которого Гурджиев ни разу не обратился к ним. Только в конце он кинул на ее подругу пронзительный взгляд и пробормотал несколько слов на непонятном языке. По дороге домой Мэйэлл стала извиняться перед подругой, пока не увидела, что та буквально светится от счастья. Она сказала, что Гурджиев решил все ее невысказанные проблемы, даже если она не поняла, на каком языке он говорил.

В октябре 1948 г. Гурджиев отправился в последнюю поездку по Америке. Трудно не видеть, что на сей раз он просто валял дурака. Когда группа преданных учеников стояла на платформе парижского вокзала, он высунулся из окна вагона и обратился к ним со словами: «Прежде чем я вернусь со всем моим бытием, чтобы каждый здесь понял разницу между ощущением и чувством»³⁸⁹ – странное требование, над которым они тем не менее ломали голову. В Нью-Йорке были обычные диковинные обеды, приготовленные на спиртовке в номере Учителя в отеле «Веллингтон» (где пользоваться спиртовкой было строго запрещено). Американским ученикам, репетировавшим священные танцы, было решительно сказано, что они двигаются, «как черви в дерьме»³⁹⁰, а Франку Ллойд Райту, серьезно больному, было велено принимать арманьяк для излечения желчного пузыря³⁹¹.

Сильнее всех Гурджиев оскорбил американских учеников Успенского, пренебрежительно отозвавшись об их бывшем Учителе как о бесплодном интеллектуале и предателе, умершем как собака в канаве³⁹². Но это не помешало ему посетить г-жу Успенскую в Мэндхэме, где она показала ему рукопись Успенского об их ранних совместно проведенных годах «Фрагменты неизвестного учения». Ирония была в том, что

щепетильная объективность Успенского, обруганная его Учителем в Нью-Йорке как стерильный академизм, оправдала себя несколько недель спустя: Гурджиев согласился на публикацию книги как добросовестного отчета о его учении в десятилетний период после 1915 г.

Он спешил с изданием «Рассказов Баалзебуба своему внуку», поручив Беннетту, который последовал за ним в Америку, составить письмо, советующее ученикам купить копию первого издания за 100 долларов³⁹³. Это письмо было прочитано за обедом, и тогда же Беннетт был назначен душеприказчиком в Англии, французский писатель Рене Зюбер – во Франции, а шотландский журналист лорд Пентлэнд – в Америке. Подобное обещание уже получили Фриц Петерс и другие, но Гурджиеву явно нравилось менять завещание, чтобы подразнить наследников.

Вернувшись в Париж в апреле 1949 г., он принялся, как и встарь, посещать рестораны, совершать автомобильные поездки и устраивать обеды, пока Беннетт читал в Англии лекции о своем учителе. Гурджиев начал переговоры о приобретении очередного Приере, на этот раз железнодорожного отеля в Ла-Гранд-Паруас на Сене; планировал вторую поездку в Америку; думал о приобретении учеников в «голландской Индии» и посетил пещеры в Ласко в обществе Беннетта, но здоровье его ухудшалось.

14 октября он упал во время урока танцев, и, хотя в результате упорного сопротивления, ему удалось на несколько дней вернуть подобие здоровья, Элизабет Мэйэлл, встретившая его во фруктовой лавке, где он покупал огромные количества бананов, впервые увидела, что Гурджиев стар. Ученики наблюдали за его медленным упадком сил и понимали, что следует ожидать, но их сбивало с толку слишком быстрое ухудшение. Гурджиев сам сказал им однажды (возможно, только наполовину в шутку), что никогда не покинет их, но две недели спустя, 29 октября, он умер в американском госпитале в Нейи.

Дни после его смерти были полны противоречивыми слухами о том, что внутренние органы Учителя полностью растворились и что слышали, как сердце его стучит и после

смерти, его тело не будет разлагаться и что на самом деле он не умер, а скрылся, оставив вместо себя труп-фантом. И все же похороны состоялись в русской православной церкви в Париже в присутствии большого числа людей, и стало ясно, что Гурджиев сыграл последнюю шутку в своей жизни. История закончилась.

Но в некотором смысле она только начиналась. За несколько дней до смерти Гурджиев получил пробные оттиски «Баалзебуба...». Количество его учеников и его репутация росли быстро, как никогда. Всегда будучи иллюзорным существом, Гурджиев-человек уступал место Гурджиеву-мифу³⁹⁴.

Глава 19. Возвращение

Гурджиев прожил достаточно долго, чтобы увидеть возрождение интереса к своему наследию. Кришнамурти жил гораздо дольше и значительно более преуспел в этом отношении. Будучи святым в своем кругу и немного забавной личностью для всего остального мира в период между мировыми войнами, к концу 1960-х он стал западным гуру. В процессе преобразования он отринул нелепости теософии, чтобы стать настоящей звездой в весьма любопытной среде знаменитостей Нового Века, где далай-лама и Иегуди Менухин находились бок о бок с таинственными герцогинями, а поп-певцы занимались поисками истины.

Метаморфоза влекла за собой два парадокса: во-первых, Кришнамурти решительно держался образа отшельника, ищущего духовного просвещения, тогда как окружающие видели в нем элемент очаровательной общественной элиты; и, во-вторых, он продолжал проповедовать доктрину нереальности мира и необходимости достижения свободы от всех мирских уз, оставаясь тем не менее в этом мире.

Ни одно из этих утверждений не является таким уж парадоксом, как это кажется на первый взгляд. Многие духовные лидеры учили, что отшельничество не является путем к спасению, что наибольшего уединения можно достичь в людской толпе и что наилучший способ напомнить себе о нереальности мира это оказаться активно вовлеченным в жизнь, а не убегать от нее. Но критики Кришнамурти – вскоре они включили в число объектов своих нападок и семью Раджагопала – еще хуже отнеслись к его последующей карьере. Предположив, что Кришнамурти всегда был, по существу, выскочкой, приспособленцем и тунеядцем, они заподозрили, что он просто культивировал видимость уединения и отстранения в целях поддержания своего имиджа, и что за эту видимость его близкие платили эмоционально, а последователи духовно.

Что точно известно, так это то, что Кришнамурти начал выходить из тесного кружка Охайя, когда с окончанием войны

окончилось и его затворничество в Калифорнии. Но эти события привнесли мало перемен в его жизнь. С 1945 г. до самой смерти в возрасте девяносто одного года в 1986 г. он путешествовал по всему миру как духовный учитель. Публичные лекции и частные интервью продолжались точно так же, как и в 1920-х годах, перемежаясь бесконечной чередой роскошных дней отдыха. Он продолжал сновать между Индией, Европой и Америкой, часто останавливаясь у богатых друзей. Были времена, когда список его знакомых напоминал скорее телефонный справочник, чем записи гуру. Он также по-прежнему полагался на помощь влиятельных и богатых женщин.

Возобновились выступления перед огромными аудиториями по всему миру. К 1982 г. Кришнамурти мог обратиться к аудитории в три тысячи человек одновременно, собравшимся в Карнеги-Холл, в Нью-Йорке. Регулярные собрания проходили в Европе, по образцу лагеря Ордена Звезды. Хотя он теперь не мог посетить Оммен, после того как во время Второй мировой войны его использовали в качестве концлагеря, в 1961 г. был основан трест для финансирования съездов в Саанене, Швейцария. Он также проводил больше времени с известными политиками и финансистами, регулярно совещаясь с Джавахарлалом Неру и его дочерью, Индирой Ганди, которая в 1966 г. унаследовала от своего отца пост премьер-министра Индии. Предприятия Кришнамурти получали щедрую поддержку со стороны магнатов: Джеральд Блитц, основатель Средиземноморского Клуба, был некоторое время его советником. В послевоенный период находящиеся в обращении суммы денег увеличились невероятно – идеалисты, получавшие прибыль от послевоенного подъема промышленности, стремились делать пожертвования в разнообразные фонды. Без доступа к отчетам трудно говорить о точном размере, но пожертвования в KWINC достигали миллионов – возможно, даже десятков миллионов – долларов. Трудно сказать, почему так произошло. Многие духовные лидеры получали щедрую помощь – хотя и не в таком размере и не так регулярно, ибо поток денег практически не иссякал, начиная с первого появления Кришнамурти на общественной сцене перед Первой

мировой войной и до его смерти в 1986 г. Возможно, постоянное знакомство с богатыми людьми породило особую благоприятную ауру, которая, подобно магниту, притягивала еще более щедрые пожертвования: он был немного не от мира сего, но в то же время достаточно искушенным и утонченным.

Кроме того, он никогда не задавал неудобных вопросов об источнике денег или обращении с ними, проявляя полное безразличие в этом отношении. Но он продолжал открывать дорогостоящие строительные проекты, школы и лагеря Кришнамурти, и хотя фактически у него был небольшой личный доход, он вел образ жизни богатого человека. Его критики – в том числе и бывшие близкие друзья, такие как Эмилия Летъенс, – высказывали беспокойство по поводу того, что он может привыкнуть к роскошной жизни и – что хуже – что она отдаляет его от всех остальных людей, кроме самых богатых и знаменитых.

Сам Кришнамурти говорил, что подобная роскошь случайна, что он может обойтись и без нее, что большую часть жизни он жил как все, и что только те, кто не может отличить внешние проявления от внутренней реальности, могут прийти к выводу, будто он наслаждается богатством как таковым. Жить среди богатых, доказывал он, еще не значит быть богатым. В вопросе собственности главное не ее наличие или отсутствие. Потребляя мало пищи, уделяя всего лишь несколько часов сну, много медитируя и преподавая на протяжении всего дня, он вел жизнь придворного аскета, не обращающего внимания на окружение, – во всяком случае, он так заявлял. Закат или восход солнца был для него более важен, чем прекрасная гостиная. Циник может заметить, что и закат солнца – это такая изощренная роскошь. Но Кришнамурти настаивал, подобно Гурджиеву, что нужно жить как придется, продолжая держаться в стороне: умерщвление плоти может стать такой же вредной привычкой, как и ее ублажение.

Трудно поверить, что роскошь никак не повлияла на Кришнамурти. Конечно, он испытывал какое-то удовольствие от того, чем был, принимая как должное внимание последователей, предоставляющих ему дома, автомобили и

возможность роскошного отдыха. В то же время он питал пристрастие к определенным привычкам. Когда попечители в Саанене купили ему огромный «мерседес», он мыл и чистил его всякий раз, как возвращался из поездки, какой бы короткой она ни была. Верный воспитанию Бейли-Уивера, он одевался у Хантсмана на Сэвиль-роу, где можно было бесконечно примерять костюмы, и его стриг парикмахер с Бонд-стрит. Но он также любил заниматься домашними делами, как и в Арья-Вихара. В Малибу, где он жил со своей подругой Мэри Зимбалист³⁹⁵, а после в новом доме, который она купила для него в Охайе, его можно было застать за чисткой чайника, мытьем посуды или поливкой сада.

Но если внешние обстоятельства его жизни оставались неизменными, хотя и были обставлены большей роскошью, в частной жизни у него были большие перемены. Треугольник с Розалиндой и Раджагопалом распадался под аккомпанемент взаимных обвинений; он обнаружил, что его все больше влечет к Индии и что он даже может вновь приблизиться к теософии; важнее всего то, что у него появилась другая точка зрения по поводу судьбы его дела после его смерти.

Эти три перемены были связаны с более сложными вещами, которые близкие люди интерпретировали по-разному. Его приемная дочь Радха Раджагопал считала, что отстранение Кришнамурти от ее родителей было предательством, что вытекало из всей их предыдущей совместной жизни, в которой он играл роль трудного ребенка, используя двух других для удовлетворения своих потребностей в сексе, безопасности и деньгах³⁹⁶. Каковы бы ни были его достоинства, она была уверена, что он был прирожденным лжецом и лицемером и что его мания величия росла с годами, по мере того как он становился пленником собственного мифа.

Розалинда и Раджагопал потворствовали его прихотям, ведя себя как любящие родители и преданные слуги, но они же и говорили ему правду, которую он не хотел знать, и ставили его перед необходимостью исполнять обычные жизненные обязательства, но он был слишком слабым, рассеянным и ленивым, чтобы не тяготиться ими. Покинув этих преданных и

честных людей, он окружил себя поклонниками и льстецами, которые только увеличили пропасть между восприятием Кришнамурти себя как святого не от мира сего и реальностью его эгоизма, элитарности и жизни среди роскоши и обожающих его женщин. Судьба Кришнамурти, как ее представляет Радха, обычна для большинства знаменитостей, отчужденных от реального мира и преследуемых собственными страхами.

В 1946 г., например, когда в Охайе, на участке, который за двадцать лет до того приобрела миссис Безант, учредили школу Хэппи-Вэлли, с Хаксли и Кришнамурти в числе попечителей, именно Розалинде пришлось заниматься ею по восемнадцать часов в день, а ее богатым пожилым друзьям, Роберту Логану и Луису Залку, заниматься финансовой стороной, ибо, несмотря на пожертвования, закладная на землю была очень высока. Хотя в основу преподавания в школе были положены принципы Кришнамурти, сам он лишь иногда разговаривал с учениками, в зависимости от настроения. Но даже и эти беседы прекратились, когда у него развился острый нефрит, и Розалинде, как всегда, пришлось самой за ним ухаживать, вдобавок к своим новым обязанностям. Выздоровев, он покинул Охай и отправился в путешествие по миру в компании богачей, солгав Розалинде и обращаясь с Раджагопалом как с простым секретарем. Но позже, в 1961 г., находясь в ссоре со своими старыми друзьями, он начал вмешиваться в дела школы, сказав Залку, что они отошли от его учения, и настаивая на том, чтобы его включили в администрацию³⁹⁷. На самом ли деле он был так озабочен? Или он просто преследовал Раджагопала? Была ли это мания величия или просто равнодушие?

Официальный биограф Кришнамурти, Мэри Летъенс, доказывает, что Раджагопал и Розалинда нуждались в нем и что они досаждали ему, сделав разрыв неизбежным. Проблема заключалась отчасти в том, что их личные, профессиональные и финансовые связи зашли слишком далеко. Раджагопал привык относиться к KWINC, основанию их деловой империи, как к своей собственности. Но он бы не существовал без Кришнамурти. Нежелание Раджагопала играть вторую скрипку дошло до предела, усугубляемое связью между его женой и

другом (хотя Радха говорит, что он ничего не знал об этом до 1961 г., когда с начала этой связи прошло тридцать лет). Кроме всего прочего, аргументом Раджагопала могло стать и мнение Ледбитера, который считал, что Раджагопал имеет не меньшие права на теософское наследие, чем Кришнамурти, а возможно, и большие, принимая во внимание отход Кришнамурти от теософии.

Менее ощутимые трудности заключались в том, что Раджагопал считал себя с Розалиндой – без сомнения, из лучших побуждений – опекунами Кришнамурти. Раджагопалы были не способны, по мнению Летъенс, признать, что его отказ зависеть от кого-то был не предательством, а частью его духовной миссии как уникальной личности, которую Олдос Хаксли (и сам Кришнамурти) охотно сравнивал с Буддой. Свободный дух не может быть связан обыденными представлениями об ответственности; неся такой тяжелый груз, учителя мира получают право требовать помощи с остальных, и в особенности право на терпимое отношение к их непостоянству, подлинному или предполагаемому. Возможно, Кришнамурти и в самом деле получал детскую радость от роскошной жизни, но это признак чистоты, а не испорченности.

Можно добавить также, сколь вульгарным ни казалось бы это предположение, что Раджагопалы успешно воспользовались знаменитостью Кришны. Они сами не могут оставаться вне критики. Раджагопал обладал скрытным характером, любил уединение, часто впадал в меланхолию, если не в депрессию. Он управлял делами как аристократ и, когда между ними пошли неурядицы, долго и с горечью жаловался на Кришнамурти всем, кто хотел его слушать. Если утверждают, что он не замечал связи жены и друга в течение почти тридцати лет, то это свидетельствует о его равнодушии или намеренной слепоте; а Розалинда, по признанию собственной дочери, хотя и была готова справиться с практическими проблемами, предпочитала не обращать внимания на эмоциональные трудности, надеясь, что они пройдут сами собой.

Однако, скорее всего, именно отстраненность Кришнамурти была причиной многих недоразумений. Не только Раджагопал и

Розалинда чувствовали, что их использовали и покинули. Им казалось, что Кришнамурти не то, чтобы пренебрег ими, а хотел сохранить дружбу, но на своих условиях. При этом он проповедовал теорию невовлеченности в течение многих лет: уехав из Калифорнии, он осуществил ее на практике, доказав в придачу правомерность своего утверждения, что немногие понимают ее истинное значение. Можно сравнить предполагаемое предательство Кришнамурти с агрессивной грубостью Гурджиева и посмотреть на них как на способы спасения от порабощения со стороны богатых знакомых; те, кому оказывают покровительство, часто воспринимаются как ставленники покровителей.

Но этот аргумент никак не годится для личных отношений, и все-таки существует явное противоречие между предполагаемой связью Кришнамурти с Розалиндой и общественным мнением о его целомудрии, которое он молчаливо поддерживал. Физическая любовь не обязательно отрицает духовность или даже святость, хотя надо заметить, что их неизбежно отрицают предательство, сопровождающее незаконную связь, и лицемерие. Но и здесь невозможно что-то утверждать, не имея нужных оснований. Те, кто почитал Гурджиева, например, не считали его намеренную грубость и мистификации недостатками в обыденном смысле слова, а воспринимали их как черты характера, слишком широкого, чтобы быть адекватно отраженными в обычных понятиях. Гуру – это природная сила, говорили они: подобно вулкану или айсбергу, он может случайно причинить вред, выполняя свое предназначение, но кто будет бранить их за это?

Такие суждения по определению не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты. Если гуру – природная сила, то, возможно, лучше держаться от него подальше. На более обыденном уровне здесь важны, во-первых, вопрос доверия Кришнамурти своим последователям, во-вторых, его поведение с друзьями и, в-третьих, его руководящая роль в учении. Принимая во внимание заявление Кришнамурти о личной ответственности перед собой, уделение особого внимания честности и отождествление общественной роли со своей

личностью, невозможно обойти эти три вопроса. Можно только сказать, что Кришнамурти сам провозглашал моральные ценности, по которым можно судить о его поведении. Если Радха Раджагопал права, он оказывается виновным по всем трем пунктам.

В октябре 1947 г. Кришнамурти впервые почти за десять лет посетил Индию, заехав по дороге к леди Эмили в Лондон. Его визит случайно совпал с предоставлением независимости Индии, которое заставило подданных империи выбирать между Британией и преданностью их стране. Кришнамурти выбрал Индию, и выбор этот был для него судьбоносным. Хотя он большую часть времени проводил в Европе и Америке (не говоря об остальном мире), теперь его ориентация в основном стала индийской, если не антизападной. Он вернулся к своим корням.

В стране он оставался восемнадцать месяцев, заведя новых друзей, включая Нандини Мета и ее сестру, Пупул Джаякар, близкую подругу семьи Неру³⁹⁸. Вскоре Кришнамурти стал зависеть от прекрасной Нандини, которая помогала ему справляться с приступами «процесса», что привело ее к подаче прошения о разводе с мужем. Это событие в 1950 г. явилось истинным подарком для прессы, у которой, естественно, возникли догадки о причастности к этому делу Кришнамурти. Судья, ведший дело о разводе, не сомневался в том, что правда, а что нет. Хотя он и не принял догадок мистера Меты о том, что Кришнамурти якобы преследовал Нандини, но согласился, что анархическое учение побудило его жену восстать против мужа, и он отклонил просьбу миссис Мета о разводе, несмотря на ее заявления о психической и физической грубости ее супруга³⁹⁹.

С каким бы равнодушием поначалу ни относился Кришнамурти к школе Хэппи-Вэлли, он проявлял интерес к своим индийским школам в Раджгхате и РишиВэлли, где его племянник со временем стал директором. Хотя эти учреждения основывались на его собственных принципах ненасилия, свободного развития, отсутствии механической зубрежки и терпимости к другим точкам зрения, к тому времени эти

принципы уже не были чем-то особенным и представляли собой лишь одну из форм прогрессивных педагогических идей, доминировавших в послевоенный период вплоть до 1980-х годов. Но Риши и Раджгарт были не только школами. Они были также и общинами, медицинскими центрами, фермами, а в Раджгхате еще и сельскохозяйственным институтом и женским колледжем. Школы были призваны научить учеников думать самим. Кришнамурти настаивал, что образование и не имеет других целей, хотя традиционные дисциплины были в некоторой степени обязательными⁴⁰⁰.

И снова здесь кроется парадокс. Его интерес к школам свидетельствовал о глубокой озабоченности будущим своего учения; но при этом доктрина, которую он проповедовал, отрицала догму, учила не доверять идеям и образованию как средству передачи информации. Если под «идеями» – «грубыми вещами», как он часто называл их⁴⁰¹, – Кришнамурти подразумевал сведение сложной реальности к простым формулам, запоминаемым механически, и замену опыта словами, он был прав, говоря, что образование должно включать в себя нечто большее. Но другое дело, если он собирался совсем исключить идеи. Что он предлагал взамен? Бессловесное общение? Хорошо, Кришнамурти, возможно, был прав, отвергая «идеи»; но не отрицал ли он их просто потому, что они были не его идеями? И как быть с его учением? Разве оно не выражалось словами? Разве у него не было своих формул? Все это было непрактично и противоречиво.

Существовала и другая трудность. Ранее Кришнамурти настаивал, что его учение не может быть воспроизведено другими людьми или преобразовано в набор правил; что он уникален; что прямая передача доктрины невозможна и что у него не будет учеников или последователей как таковых, а только аудитория, которой посчастливилось услышать его слова. Эти взгляды соответствовали отрицанию «идей». Другие учителя в прошлом преодолели эти трудности, прибегнув к эзотерическим методам: передавая свои доктрины посредством символов, ритуалов, аллегорий или церемоний. Но отрицание теософии в какой-то степени подразумевало и отрицание

эзотерического подхода. И все же сам факт его неприязни к набору правил или общепринятых методов подразумевал, что в своей педагогической практике он продолжал в легкой форме поддерживать эзотеризм, на который нападал теоретически. Тем не менее он пришел к выводу, что его практика – если не кодифицированная доктрина, которая воплощала эту практику – достойна сохранения. Но как это сделать?

Один из способов – посредством школ, которые могли бы основать традицию, не сводимую к механическому запоминанию. Новые школы открывались в Калифорнии и Англии, и незадолго до смерти Кришнамурти один его богатый друг из Германии профинансировал строительство роскошного центра возле английской школы Кришнамурти в Броквуде, в Гемпшире⁴⁰². Целью этих учреждений – для детей, взрослых или для тех и других – было способствовать скорее духовному, нежели интеллектуальному образованию. В этих школах намеренно поддерживалась слабая организация – учеников не учили, а им показывали, как можно научиться. Не существовало учебного плана (хотя они могли изучать традиционные предметы по желанию): вместо того они эволюционировали в общине как представители человечества, выбирая свой собственный путь и поддерживая отношения с другими.

Хотя Кришнамурти отказывался играть какую-либо формальную роль в этих учреждениях, он их регулярно посещал, проводя общие дискуссии с учениками и учителями и лично беседуя с отдельными людьми. Но даже если он настаивал на насущной необходимости индивидуального открытия, записи его разговоров с учениками показывают его как человека, способного безжалостно заставить собеседника принять его точку зрения⁴⁰³.

Не только в собственных школах Кришнамурти стал уважаемым учителем. Он был популярен во всем мире, но особенно в калифорнийских университетских кампусах 1960-х годов, где он стал настоящей звездой синтеза Нового Века, ставшей путеводной для любого альтернативного направления – от наркотиков до астрологии. Сочетание нарциссизма, идеализма и свободомыслия, характерное для молодежных

движений 1960-х, казалось, как нельзя более гармонировало со взглядами Кришнамурти. На самом деле это была иллюзия. Самопознание – это не то же самое, что нарциссизм или самолюбование, а требование широких гражданских прав – не то же, что отстранение. Не вступая никоим образом в конфликт с существующим порядком, Кришнамурти во многом был его частью, то есть гуру на услужении у богатых классов, выражавшим эстетическое недовольство самопотаканию спонтанных молодежных движений.

К тому же он принимал участие в публичных беседах с физиками⁴⁰⁴, биологами и психологами, симпатизирующими синтезу Нового Века, что знаменовало собой любопытное возвращение к духу теософии. Однако к другим деятелям Нового Века, особенно к новому поколению индийских гуру, он относился с подозрением. Прилетев в Лели в 1974 г., он увидел, что вместе с ним по трапу спускается Махариши, который поспешил приветствовать старшего коллегу, держа в руке цветок. Кришнамурти быстро пробормотал извинения и удалился⁴⁰⁵. Ему не нравилась сентиментальность тех, кто говорил: «Любовь – это все, что нужно». Он презрительно относился и к тем, кто шел по его стопам. Через некоторое время после этой встречи он сказал, что хотел бы видеть, как Махариши сохраняет спокойствие. Махариши мог бы то же самое сказать и о нем.

К концу жизни Кришнамурти восстановил дружеские отношения с теософией. На протяжении пятидесяти лет он посещал Адьяр, не смея войти в здание – Теософскую штаб-квартиру, куда часто заходил Раджагопал повидать старых друзей. Кришнамурти оставался в Васанта-Вихара, на другой стороне улицы. За эти годы Общество изменилось. Джордж Арундейл положил конец связям с такими организациями, как масонские ложи или Либеральная Католическая Церковь. После Второй мировой войны многие представители старой гвардии, враждебно настроенные против Кришнамурти, скончались. Общество стало своего рода семейным предприятием: после смерти Арундейла его наследником сначала стал Джинараджадаса, а затем его родственник Шри Рам, а после

некоторого перерыва, в 1980 г. президентом стала его племянница, Радха Бернье. Для нее старые ссоры были уже историей, и она решила вернуться к несектантским, экуменическим корням Общества. Будучи давним другом Кришнамурти, она признавала его значение для теософского движения. После своего избрания она пригласила его в адьярское здание, которое он посетил впервые за сорок семь лет. Общество снова начало распространять его книги и рекламировать его речи и дискуссии о нем, что продолжает делать и до сих пор. Кришнамурти теперь снова стал членом – хотя и почетным – теософского пантеона.

Примирение с теософией тем более занятно, что в послевоенных беседах Кришнамурти настойчиво возникала тема природы времени. Во всех публичных лекциях и частных беседах он настаивал на насущной необходимости жить сейчас, в настоящем; не в том смысле, что следует наслаждаться текущим моментом, а в том, что нельзя превращаться в рабов прошлого. Величайшей целью жизни, согласно Кришнамурти, является духовная свобода, а ее можно достичь, только научившись оставлять позади все приобретения – будь то вещи, люди или опыт и желания. Прошлое не существует помимо иллюзий, но иллюзии эти очень могущественны. Не научившись избегать их, невозможно достичь духовного озарения, потому что оно зависит от непосредственного восприятия вещей такими, каковы они есть на самом деле, а не какими были или какими бы человек хотел их видеть.

Кришнамурти уже давно говорил, что не может вспомнить своего прошлого. Теперь он развил это отрицательное ощущение в положительную доктрину, проповедующую необходимость психологического и духовного освобождения с помощью ощущения текущего момента, «настоящего», которое может освободить от оков прошлой истории и желаний, направленных в будущее. Его слова были очень близки как к христианской, так и к индуистской мистике, он рассуждал о Доме Смерти – смерти прошлого, который является и Домом Освобождения.

То, что Кришнамурти когда-то боролся, возможно, все еще боролся с желанием, совершенно ясно видно из его последних бесед, в которых он часто возвращается к вопросу о сексе. В «Необходимости перемен», например, он рассуждает о том, как: «Секс играет необычайно важную роль в нашей жизни, потому что это, возможно, единственно глубокое и непосредственное ощущение, какое у нас есть... Этот акт настолько прекрасен, что мы испытываем привязанность к нему, так что становимся зависимыми. Зависимость требует продолжения... Человек настолько связан интеллектуально, семьей, обществом, социальной моралью, религиозными предписаниями – что только это единственное отношение остается не лишенным свободы и яркости. Таким образом, секс приобретает необычайную значимость... Освобождая сознание от пут подражания, авторитета, конформизма и религиозных предписаний, секс занимает свое важное место, но он не может быть самоцелью. С этого момента человек понимает, что свобода необходима для любви»⁴⁰⁶.

Двусмысленное использование слов «мы» и «человек» может указывать на неприятное расхождение между общественным образом аскета и частной реальностью любви. Кажется, будто Кришнамурти испытывал потребность высказаться, но вынужден был использовать безличные термины.

Без сомнения, такая необходимость усугублялась собственным весьма затруднительным положением, в котором он оказался: пленник истории, в самой грубой форме. Ибо ссора с Раджагопалом и Розалиндой, оказавшая влияние на их последующую жизнь, затрагивала и финансовые вопросы. В 1958 г. в Индии Кришна подписал очень важный документ, передающий все авторские права на KWINC Раджагопалу как президенту, обладающему правом поверенного на все его публикации. А они к тому времени означали довольно приличную сумму. Причины этого шага неясны. Тот факт, что международное авторское соглашение должно было вступить в силу в этом году и продолжительное отсутствие Кришнамурти в Охайе, вероятно, были непосредственным поводом, как

предполагает Мэри Летъенс, но что бы ни побудило его к этому, власть, которую он сам предоставил Раджагопалу, стала на протяжении почти тридцати лет объектом жестоких тяжб.

Оставляя в стороне личные отношения, дело заключалось в нежелании Кришнамурти хоть как-то заниматься финансовыми делами своих предприятий, которые были оставлены исключительно на попечение Раджагопала. Несколькоими годами раньше, хотя он и не мог вспомнить этого, Кришнамурти даже вышел из совета попечителей. Понятно, что за тридцать лет правления, с уступчивым советом под рукой, Раджагопал приобрел полную власть над KWINC. Как бы ни старался Кришнамурти отодвинуть его в тень в других сферах, здесь он сохранял главенствующее положение.

Раздражение Раджагопала тем, что он считал безответственностью и эгоизмом Кришнамурти, усилившееся после ухудшения отношений с Розалиндой, теперь дошло до точки кипения, и Кришнамурти, когда он подал прошение, отказали в возвращении в совет попечителей. Раджагопал, объявивший, что устал нянчиться с Кришнамурти, также отказался устраивать его поездки за пределами Америки и начал подвергать сомнению его расходы. Кришнамурти, со своей стороны, стал жаловаться друзьям, что Раджагопал совсем отстранил его от американских фондов, поставив в зависимость от друзей и доходов с английских трестов.

Положение еще более осложнялось тем, что не все фонды, входившие в KWINC, получали доходы от авторских прав, – они также включали пожертвования богатых спонсоров; некоторые из них были обеспокоены растущей властью Раджагопала и его трениями с Кришнамурти. Запутанная сеть компаний и счетов росла, и только Раджагопалу была известна вся информация о них. Тем не менее, несмотря на ухудшавшиеся отношения, Кришнамурти продолжал регулярно посещать Охай до 1961 г., когда Раджагопал и Розалинда развелись.

С 1961 по 1965 г., под давлением Розалинды, Кришнамурти держался вдали от Охайя, проживая в Индии и Европе, а в 1968 г. он формально вышел из KWINC, основав первый независимый Фонд Кришнамурти, с писательницей Мэри

Кадоган в качестве секретаря. Последовали судебные тяжбы между KWINC и Фондом Кришнамурти по поводу имущества, напомиравшие процессы между Кришнамурти и Теософским Обществом за сорок лет до того. В 1974 г. Раджагопал обеспечил себе пенсию, пожизненное владение своим жилищем и контроль над авторскими правами Кришнамурти до 1968 г.; но другие судебные процедуры, подогреваемые взаимными обвинениями, длились еще двадцать лет. Они закончились только со смертью Кришнамурти в 1986 г. Розалинда и Раджагопал пережили его.

В других же отношениях последние двадцать лет были спокойными. Хрупкий с виду Кришнамурти оказался на редкость крепким и стойким. Он путешествовал по миру и беседовал. Многие в его жизни повторялось, многое представляло противоречие. Незадолго до его смерти, в Бруквуде началось строительство роскошного Центра Кришнамурти. Но он сам вставил правило в устав Фонда Кришнамурти, что никто не должен обладать полномочиями для передачи его «учения». Он так и не решил, что же именно должно передаваться.

Скорее всего он почувствовал облегчение от решения поручить составление своей официальной биографии своему испытанному другу Мэри Летъенс. Основной ее задачей была точная передача фактов жизни Кришнамурти, причем она поясняла их в свете собственных бесед с Кришнамурти, в которых она была заинтересована тем более, что ее волновала природа духовного опыта. Она верила, что ее друг описывает реальность, но находила, что трудно воспринять то, что он описывает, и то, на что указывает это описание. Задача отнюдь не делалась проще от того, что она записывала своеобразную драму, действующими лицами в которой в числе прочих была она и ее семья.

Когда они бились над проблемой, которая касалась Учителей Мудрости, над проблемой источника и достоверности, ее расспросы заставляли Кришнамурти нервничать. Откуда исходит Духовная Мудрость? Какова ее цель? Кришнамурти часто говорил, что не существует источника, что Учителя – это иллюзия, что каждое сознание находится во Вселенной наедине

с собственными отражениями; но в записных книжках и беседах он снова и снова упоминал о Силе, которая овладела им, которую он узнал в юности и которую в период своей теософской славы часто испытывал в форме визитов Учителей, а затем в менее осязаемых образах.

Однажды у Летъенс было озарение, нечто вроде ощущения той «силы», которую Кришнамурти имел в виду. Это случилось в Бруквуде, когда она проходила мимо открытой двери в гостиную и почувствовала необычное пульсирующее присутствие, шедшее с того места, где она только что разговаривала с собеседником⁴⁰⁷. Другие также свидетельствовали о подобных ощущениях. Казалось, именно эта сила была в основе не только учения Кришнамурти, но и его собственного существования, хотя она и отличалась от них. Сталкиваясь с такой силой, он полагал, что его сознание представляет собой классическую пустоту – сосуд, через который эта сила проходит⁴⁰⁸, – и что потребовались столетия для того, чтобы возник «он» как уникальное существо, о котором в таких случаях он говорил в третьем лице.

Один из способов разрешить противоречия – и тот самый, к которому прибегал сам Кришнамурти – поместить духовный источник внутрь себя. Таково было решение мистиков всех времен, начиная с древних буддистов и средневековых христиан до друга Кришнамурти Олдоса Хаксли. Более значимо то, что подобный подход важен и для индуистской доктрины Адвайты Веданты, которая отождествляет душу с аспектом той абсолютной реальности, к которой она стремится. Кришнамурти всегда настаивал на том, чтобы личности сами творили свою судьбу. Но этим он просто оживлял древнее учение – делал то, что и ожидала от него теософия. Прислушиваясь к голосу глубинного «я», Кришнамурти, возможно, возвращался к аскетическому образу мышления его индуистских предков.

Глава 20. От системы к источнику

После того, как умерли Успенский и Гурджиев, их ученики буквально осиротели. Казалось, что наконец-то им предстоит испытание, к которому их в течение долгих лет готовили учителя – взять на себя ответственность за собственную жизнь в окружающем мире. Но поскольку большинство из них стало учениками именно потому, что им трудно было принимать решения и за двадцать или даже тридцать лет они настолько привыкли исполнять приказания, постольку о независимости не могло быть и речи. Кроме того, Работа проводилась в закрытых и иерархически устроенных группах: для приверженцев учения не существовало никакого внешнего мира. Смысл их жизни был связан целиком с участием в делах группы и состоял в подчинении Учителю. Проблема, таким образом, заключалась не в том, как прожить самостоятельно, а как реорганизовать группу или найти нового лидера.

Для начала им нужно было признать факт смерти Учителя как таковой, но многие отказывались это сделать, предпочитая описывать уход своих бывших предводителей в типично теософской манере. Достигнув необходимого совершенства на земле, Гурджиев и Успенский присоединились к Таинственному Братству, как ранее Блаватская и Ледбитер. Эта формула имела то достоинство, что она предполагала продолжение существования учителей и, следовательно, возможность их руководства, хотя и в другой форме. Трудность была не в таинственности Братства, а в вопросе: если ученики не были способны достичь контакта с Гурджиевым в этой жизни, то как они могут надеяться на это после его смерти?

Эти проблемы осложнялись неопределенностью статуса их учения, так сказать, здесь, на земном плане. По поводу одного пункта Успенский высказывался недвусмысленно вплоть до последнего момента, когда он неожиданно изменил точку зрения: он говорил, что возможно извлечь последовательную и передаваемую доктрину из того, чему учил Гурджиев, даже если она была всего лишь «фрагментом неизвестного учения», если

учесть толкования одной из работ Успенского. Сам же Гурджиев, с своей стороны, часто менял мнение по поводу этих вопросов, иногда подразумевая, что учение больше, чем учитель, и что его могут передавать и другие; но иногда утверждал, что только он, Гурджиев, достаточно компетентен для этого.

Несмотря на личное отстранение от Гурджиева, даже сам Успенский сомневался относительно ценности преподавания учения без учителя. Существует ли нечто в педагогическом процессе – живой контакт учителя и ученика – что может быть потеряно с утратой Учителя? Уникален ли каждый отдельный Учитель? Но если это так, то что теперь станет с учениками Гурджиева? Сам он не дал недвусмысленных ответов на эти вопросы. Хотя он и оставил после себя неформальную организованную структуру, никакой церкви или общества, воплощающего его идеи, он не основал. Он назначил людей для сохранения своей работы, но не определил «апостольскую» преемственность и дал понять, что наследники эти обладают небольшой властью. Он сформулировал основные принципы в страшно сложной космологии, основанной на формулах трех и семи, но настаивал при этом на уникальности каждого ученика. И хотя он говорил последователям, что обучился знанию в тайных монастырях Центральной Азии, но заявлял о себе как об уникальном явлении, наивысшем в своем роде. Как обычно, его ученики получали загадки в ответ на вопросы.

Трудности усугублялись личной и национальной враждой. В последние годы жизни Гурджиев, казалось, сознательно свел воедино самые разные группы для выполнения общей цели, и, похоже, Учитель получал настоящее удовольствие, сталкивая их друг с другом. Его смерть показала, что единство было иллюзорным: через несколько недель после похорон различные фракции спорили за его наследие. Практически игнорировавшие в течение первых двадцати лет присутствие Гурджиева в своем городе, парижские интеллектуалы вдруг спохватились и начали проявлять к нему интерес. Теперь французские ученики под предводительством Жанны Зальцманн объявили о своей руководящей роли в гурджиевском движении (к чему бы оно ни

сводилось), к вящему раздражению англичан и американцев. Джейн Хип, г-жа Успенская и Ольга Гартманн – все они поддержали Зальцманн. Таким образом, основной ветвью до тех пор преимущественно англосаксонской и мужской Работы стали, руководить женщины из Парижа⁴⁰⁹.

Гурджиевские группы в Америке постепенно распадались на части. Успенский и Орейдж оба имели там своих сторонников, и теперь о наследстве спорили люди, которые никогда не встречались с легендарными личностями. Будучи в ссоре с французами, англичане боролись и между собой. Хотя каждый из них оказывал в Париже уважение мадам Зальцманн, как самой старинной ученице Гурджиева, дома между ними шла жестокая борьба. Притязания Дж. Г. Беннетта на роль лидера оскорбляли старых приверженцев Приере, которые считали его выскочкой и профаном, возмущаясь его долгой симпатией к Успенскому. Возможно, Беннетт возбуждал такие страсти не только потому, что считал себя наследником Гурджиева: в манере своего Учителя он подразумевал, что черпает вдохновение у высших сил. Пожалуй, это было единственным решением вопроса о наследстве и полномочии: в отсутствие Гурджиева можно было обращаться лишь к Скрытому Источнику, о котором они с Успенским так часто говорили, да к Тайному Братству Учителей, оставалось только его найти.

Но Беннетт возбудил соперничество не только в гурджиевских кругах. Дома, в Англии, оставались ученики, до сих пор преданные Успенскому, которые осуждали как присвоение Беннеттом их Учителя в период между войнами, так и его последующее дезертирство к Гурджиеву. В их число входили Родни Коллин, Фрэнсис Роулз и Морис Николл, которые теперь руководили основными фракциями последователей Успенского. Николл, бывший специалист с Харли-стрит и ранний обитатель Приере, перед войной основал процветающую общину в Грейт-Амвел в Хартфордшире, развивая свое учение в серии книг, которые интерпретировали доктрину Гурджиева в свете психоанализа. Когда после войны Гурджиев вновь появился на общественной сцене, Николл несколько удалился в тень. Смерть Николла в 1953 г. заставила

многих его учеников искать покровительства мадам Зальцманн в Париже. Другие постепенно исчезли из виду.

Фрэнсис Роулз – еще один консультант с Харли-стрит – основал Общество для Изучения Нормальной Психологии, более известное под названием Общество Изучения, в целях увековечивания учения Успенского. Роулз был нерешительным человеком, и в 1950-х годах во главе Общества Изучения постепенно стал один из его учеников, Леон Макларен. Адвокат по образованию, Макларен был сыном шотландского члена парламента от лейбористской партии Эндрю Макларена, который основал Школу Экономической Науки (SES) в середине 1930-х годов для распространения социалистических теорий американского экономиста Генри Джорджа.

Поначалу между Школой Экономической Науки и Обществом Изучения не было никакой связи, пока Леон Макларен не решил, что экономические проблемы могут быть решены только посредством изменения духовной жизни человечества. Приняв в 1947 г. руководство SES от своего отца, он начал привносить в нее учение Успенского, несмотря на возражения своего отца⁴¹⁰. Леон был сильной личностью и легко воздействовал на Роулза; по мере того как два общества сближались, экономические теории SES подменялись духовным учением. SES стала религиозной организацией и руководящим партнером в этом сообществе. Хотя школа регулярно рекламирует⁴¹¹ курс «практической философии», изучаемой в вечерних классах, создавая представление об обычном преподавании истории этики и политики, в действительности в ней преподается собственная разновидность космологии Работы.

Школа Экономической Науки пошла еще дальше по пути альтернативного духовного синтеза, когда Макларен и Роулз познакомились с Махариши Махешом Йоги во время его первого визита в Англию в 1960 г. В следующем году, находясь под впечатлением от Махариши, Роулз возглавил группу из Общества Изучения, отправившуюся в Индию, где они встретили коллегу-гуру Махариши, Шанкарачарью, который был последователем Учителя и индийского мистика восемнадцатого

столетия Шанкары. Шанкара излагал доктрину Адвайта Веданты, учившей что Бог есть Абсолют и что люди могут достичь единения с Богом, если только им удастся узнать об этом. Поскольку проявление Абсолюта в материи затрудняет эту фундаментальную истину, задача человечества заключается в том, чтобы переоткрыть Абсолют и достичь таким образом единения с ним.

Роулз сразу же убедился, что в Шанкарачарье он наконец-то нашел Источник учений Гурджиева и Успенского. Возвратившись в Лондон, он сказал членам школы: «Все ваши заботы позади. Я родился только в прошлый Четверг»⁴¹². Вместе с Махариши, Роулз и Макларен основали еще одну школу для обучения Трансцендентальной Медитации. Казалось, что суфийские традиции Гурджиева и индуистские традиции тех, кто формировал теософию, должны были объединиться в большом синтезе; но отношения между тремя скоро испортились из-за денег, которые поступали в больших количествах. Они также не могли договориться о том, как объединить подход Махариши и учение Гурджиева-Успенского, предпочитаемого SES и Обществом Изучения. Философские диспуты отражали борьбу за преобладание. К концу 1960-х годов все трое разошлись по собственным путям, и каждый возглавил особую организацию.

Общество Изучения постепенно вернулось к истокам Успенского и продолжило скромное существование на Вест-Кенсингтон. Школа Трансцендентальной Медитации, возглавляемая Махариши, приобрела международную известность, привлекая к себе многих богатых учеников и знаменитостей, в том числе и попзвезд Джорджа Харрисона, Боба Дилана и Джона Леннона. Большинство из тех, кто выбрал ТМ, как ее называли вкратце, как выяснилось, не особенно интересовались ее религиозным аспектом: они просто искали технические приемы развития своих способностей к концентрации и релаксации. Школа Махариши процветает в Ментморе, ее богато украшенный и величественный дом расположен в Бакингемшире и по всему миру разбросаны ответвления. Ее члены известны в основном заявлениями,

будто посредством длительной и глубокой медитации они обретают способность летать.

После разрыва с Махариши и Обществом Изучения Школа Экономической Науки (SES) пошла своей дорогой и действительно произвела синтез индуистской теологии с практикой Гурджиева. На этой основе она и процветала в последние два десятилетия. Ее фонды достигают сейчас нескольких миллионов; школа владеет значительной собственностью в Англии и за границей, купленной на непрерывный поток пожертвований, наследств и завещаний. Вступительные взносы рядовых членов играют относительно малую роль в финансах организации и удерживаются на низком уровне, чтобы поощрять приток новых членов⁴¹³. Поддерживается связь с Шанкарачарьей в северной Индии, но основные базы школы расположены в центральном Лондоне – и доме Макларена в Оксфорде. Существуют преуспевающие филиалы в Соединенных Штатах, Австралии и нескольких европейских странах; SES также заведует детскими школами и интенсивными курсами для взрослых.

Экономическая Наука теперь обладает всеми чертами религиозного культа. Это стало ясно в 1983 г., когда разразился скандал со школами для детей. Поначалу большинство родителей были приятно удивлены порядком и чистотой, вниманием, которое уделялось труду и послушанию, а также сравнительно низкими ценами. Отношение начало меняться, когда обнаружилось, что в этих независимых школах детям преподавали догматы Экономической Науки в интерпретации Макларена, то есть в свете закона Меры. Все науки, в том числе физика и химия, трактовались в свете космологии Гурджиева; даже самых маленьких обучали индийской философии и санскриту; в школах был исключительно строгий режим в сочетании с телесными наказаниями.

Скандал ускорила серия статей, опубликованных в лондонской «Ивнинг стандарт» в течение 1982 г. и перепечатанных другими газетами, в которых цитировались высказывания родителей, жалующихся на жестокие наказания и странные домашние задания, которые состояли в основном в

механическом заучивании идей «восточной» философии»⁴¹⁴. Они упоминали также вегетарианские обеды, каждое блюдо которых готовилось с соблюдением индуистских законов. Разгневанный англиканский священник подлил масла в огонь, предположив, что SES – это злобный индуистский культ, направленный против христианства. Епископ Вулвич назвал этот культ злым и порочным. Хотя среди родителей было много агностиков и иудаистов, некоторые восприняли это как намек и забрали своих детей из школ. Другие оставили. Школы, которые формально не нарушали предписаний Министерства науки и образования, сохранились, получая помощь от членов SES. Их сторонники говорили, что это просто возвращение к старым традициям дисциплины и тяжелой работы. Противники обвиняли SES в идеологической агрессии, жестокости и преподавании нелепостей вместо обычных школьных дисциплин.

В центре конфликта оказалось представление о Мере как центральной черте учения SES и для детей, и для взрослых. Мера заимствована из систематической интерпретации Успенским доктрины Гурджиева и состоит из комплекса суровых и требовательных правил, управляющим каждым аспектом жизни члена SES, начиная с питания и музыкальных вкусов и заканчивая сексуальным поведением. Согласно Макларену, эти правила соответствуют естественным законам, управляющим Вселенной: соблюдая их, мы способствуем распространению Добра в Космосе. На практике они чрезвычайно подавляющи, одновременно консервативны и эксцентричны, подчеркивающие традиционные роли полов (вплоть до требования для женщин носить длинные юбки), рассматривавшие распевание санскритских текстов как ядро образования и полностью отвергающие современную культуру (особенно телевидение, танцы и «современную», то есть написанную после санскритских текстов, литературу).

Правила назначают «личные наставники», перед которыми члены отчитываются, и которым они должны подчиняться⁴¹⁵. Наставниками, в свою очередь, руководят лидеры, которые вправе требовать подчинения от своих подопечных. Лидеры групп получают инструкции от помощников Макларена, который,

как предполагается, подчиняется учению Шанкарачарьи. Подобно Гурджиеву, Макларен чередует роли строгого учителя, загадочной силы, любящего отца, харизматического лидера и уединенного аристократа.

Потребность в Мере вытекает из веры Макларена в то, что люди рождаются на земле для служения Абсолюту, хотя в целом они и доказывают свою неспособность к этому. Абсолют проявляется в Космосе посредством естественных законов, устанавливаемых SES, но он часто затемняется людским невежеством и безразличием, которые и несут ответственность за зло, искажающее наши жизни и эволюцию творения. Цель SES – устранять невежество и преодолевать безразличие. Соблюдение правил Меры дает понимание роли естественных законов во Вселенной и способствует благосостоянию Абсолюта, который, в свою очередь, поддерживает жизнь праведников. Те, кто следует Мере, надеются стать частью Внутреннего Круга Человечества – группы, которая явно происходит от теософского Братства Учителей. В нее входят такие знакомые фигуры теософского пантеона, как Будда, Моисей, Иисус, Сократ и Лао-Цзы, а также менее известные божества Макларен и Фрэнсис Роулз.

Чтобы приобрести доступ во Внутренний Круг, человек должен признать, во-первых, высказанное Гурджиевым решающее различие между сущностным «я» и личностью; во-вторых, что сущностное «я» отражает Абсолют, пока этому не начинает препятствовать личность; в-третьих, что цель жизни – это прямое общение между сущностным «я» и Абсолютом; и, в-четвертых, что сущностное «я» нужно развивать за счет умаления личности. Макларен также согласен с Гурджиевым в том, что большинство видов человеческой активности, составляющих большую часть человеческого существования, бесполезны, являясь просто «удобрением для Луны», как говорил Гурджиев. Если мы хотим достигнуть высшего уровня бытия, служа Абсолюту, то необходимо заниматься медитацией, самонаблюдением и умышленно причинять себе страдания. Этой технике обучали в вечерних классах, на конференциях по выходным дням и в загородных школах, где распорядок дня и

физический труд были заимствованы из Приере. В летних школах мужчины жили отдельно от женщин, соблюдался строгий рацион питания и долгий день (начинавшийся в половине пятого) разделялся на периоды разного рода деятельности.

За всем этим легко усмотреть знакомые христианские термины и ценности. Абсолют – это Бог, «личный» наставник – это духовный наставник, сущность – это душа, личность – это наши человеческие слабости, медитация – молитва, намеренное страдание – умерщвление плоти, а сам Макларен непогрешимый папа. Сходство со строгими формами христианства становится еще более отчетливым при рассмотрении сурового морализма школы. Его недоставало учению Гурджиева, с его живостью и анархическим юмором. Жизнь, согласно правилу Меры Макларена, состоит из сексуального воздержания, исповеди, публичного покаяния, подчинения и такой социальной покорности, которая бы заставила усомниться в ее ценности самого Кальвина. Соблюдение правил могло принимать странные формы. Поскольку Макларен восхищался Леонардо да Винчи и Моцартом, они стали официальными художником и композитором SES. Поскольку он любил кларет, то члены тоже должны были разбираться в винах. Разрушение личности в пользу «сущности» подозрительно напоминало физические тренировки.

Члены, свернувшие с пути истинного, подвергались давлению со стороны наставников и руководителей, которые вызывали их к себе для объяснений и затем определяли наказание. Одной женщине было приказано мыть посуду всю ночь, чтобы «успокоить ее нервы»⁴¹⁶. Ученики были тем более восприимчивы к давлению наставников, что они были оторваны от обычных семейных и дружественных уз. Известно, что в серьезных случаях сам Макларен делал выговоры провинившимся – что иногда считалось худшим из наказаний. SES – это не культ наподобие сайентологии или мунизма: никто не удерживается в ней против своей воли; но нарушители распорядка, будучи однажды изгнаны, в манере Гурджиева, подвергаются полному отчуждению⁴¹⁷.

Строгий порядок и аскетизм SES тем более удивителен, что сам Макларен вел такой образ жизни, какой как раз соответствует образу жизни западного гуру, каким его представляет себе человек с улицы. Он жил в роскоши, имея целый штат шоферов и секретарей, готовый исполнить любую его прихоть. От каждого ученика SES требовалось изъявление преданной покорности, и когда Макларен принимал посетителей, то вел себя как верховный повелитель. Обитал он в особняках в Оксфордшире и Хэмпстед, носил шелковые рубашки и изысканные костюмы, не скрывавшие тем не менее его сутулую, но с брюшком, старческую фигуру (он родился в 1911 г.), заставлявшую вспоминать о старом волке. Однако он был властным и убедительным оратором с прекрасным голосом.

Но, возможно, самым своеобразным аспектом SES была ее связь с Либеральной партией Великобритании. Леон Макларен и его отец Эндрю были социалистами до 1943 г., когда Эндрю Макларен пришел к мнению, что лейбористы не смогут произвести перемены в духе Генри Джорджа, он оставил партию. Его сын последовал за ним он перешел к либералам.

Некогда представлявшая влиятельную силу в Британии, партия Глэдстона и Ллойда Джорджа к тому времени превратилась в небольшую группу из нескольких членов парламента. Но хотя Макларен и безуспешно выдвигал свою кандидатуру от Либеральной партии на двух выборах, в ней он приобрел многих друзей. К концу 1970-х с десятков членов SES были либералами, включая бывшего руководителя партии, Роджера Пинчема.

Все касавшееся связей одной из главных политических организаций становилось объектом новостей, чему в немалой степени способствовало то, что в 1980-х годах Либеральная партия была вовлечена в серию сенсационных скандалов, закончившихся судом над ее лидером, Джереми Торпом, по обвинению в заговоре с целью убийства. Пресса разыскивала всяческие тайные сведения, и SES сыграла здесь далеко неблагоприятную роль. Мистер Пинчем в конечном итоге вынужден был публично отрицать наличие негативных

последствий связей либералов с SES, как казалось, только для того, чтобы успокоить ситуацию. Когда журналисты беседовали с мистером Пинчемом в присутствии Вин Хью-Джонса, генерального секретаря Либеральной партии, мистер Хью-Джонс выглядел достаточно спокойным. Единственный раз он встревожился, когда Пинчем признался журналистам, что верит в левитацию.

Поиски Источника учения Успенского приняли другую форму у Родни Коллина. Он чувствовал себя в Англии неуютно после смерти своего учителя, серьезно нарушившей его психическое равновесие, и решил переехать в Мексику⁴¹⁸. Он уже знал кое-что об этой стране после того, как во время войны искал Успенского в Америке, и особенно его привлекало то, что в ней жил Эванс-Венц, ведущий западный исследователь тибетской религии, чьей работе о «Книге мертвых» предстояло сыграть важную роль в формировании религиозного синкретизма Коллина.

Коллин и его жена Жанет основали религиозную общину на купленной на деньги Жанет гасиенде в Тлалпаме, на окраине Мехико. Поначалу жизнь в Тлалпаме была всего лишь воспроизведением Лайна, но вскоре она превратилась в нечто более зрелищное (и по иронии более близкое к Гурджиеву, чем к Успенскому), когда Коллин купил поле в горах за Мехико и приступил к строительству планетария Тетекала.

Тетекала (что на языке мексиканских индейцев значит «каменный дом Бога») состоял из двух полуподвальных комнат, Палаты Солнца и Палаты Луны, связанных посредством вместилища, которое принимало лучи солнца во время летнего солнцестояния. Над землей должны были располагаться и другие помещения, в том числе библиотека, танцевальный зал и дом, где располагались бы члены общины из Тлалпама, но они никогда не были построены. Не было построено и центральное здание, призванное представлять законы, управляющие вселенской гармонией. Коллин, интерпретировавший смерть Успенского как сцену великой Космической Мистерии, сам становился очень театральным человеком. Планетарий дал бы

ему возможность начать великолепное представление собственной драмы.

Солнце играет важную роль в космологии Гурджиева, где «Наиболее Святой Абсолют Солнца» представляет собой жилище «Нашего Общего Отца Безначального», то есть Бога, и, таким образом, является источником всего творения и энергии. Коллин сделал его центральным образом своей новой религии. Оно также запечатлено в названии издательства и книжного магазина, основанных в Мехико, – «Editiones Sol». Эти учреждения вскоре стали центром эзотерического интереса во всей Южной Америке.

В сочинении, название которого «Предвестник Гармонии» ассоциируется с «Предвестником Грядущего Добра» Гурджиева, Коллин описывает Гурджиева и Успенского языком Блаватской как посланников «Иерархии Великой Школы», призванных оказать решающее влияние на грядущую эпоху мировой истории. Слово персонаж Борхеса, который, кстати, интересовался Коллином, он верил, что истинно эзотерическая школа образует новый космос, с учителем в роли Солнца. Настроение доктрины, описанной как «новое» христианство, было миллениаристским. Грядущая эпоха, согласно Коллину, будет эпохой трансцендентальной гармонии, в которой разрешатся все трудности достойное стремление, если не надежда, последователя Работы. Смещение акцента с творческого разлада на универсальную гармонию подчеркивает быстроту, с какой Коллин отходил от Гурджиева.

В 1954 г. Коллин распустил общину в Тлалпаме, потому что она больше не удовлетворяла его целям. Озабоченный своей мистической ролью, он теперь уделял мало внимания ученикам и общинам. Вместо этого он пустился на поиски эзотерической школы. В том же году он опубликовал свой главный труд «Теория небесных влияний», которое использует представление о трансцендентальной гармонии в построении проекта космической истории. Коллин говорил, что, когда он писал книгу, то чувствовал присутствие Успенского, которому и посвятил ее. Однако содержание книги заставляет предположить, что если при этом и присутствовал какой-то дух, то это было, скорее

всего, проказливое привидение Ледбитера. Старую теософскую мешанину планетарных циклов, подъемов и падений личностей и цивилизаций, космических эонов, реинкарнаций и астрологических знаков – все это воскресил Коллин. Порочный материал едва удерживается от распада навязчивой идеей автора о гармонии и теорией Успенского об эзотерических школах, интерпретированной Коллином с точки зрения 165-летних циклов планеты Нептун, которая управляет их появлением. Из сложных астрологических раскладов Коллин делает вывод, что один из таких циклов как раз достигает кульминации, совпадающей с кульминацией его собственной жизни.

Не только идеи «Теории небесных влияний» кажутся обращением к Ледбитеру, но и явное влияние спиритуализма. Этому увлечению способствовало общение Коллина с некоей мексиканской женщиной-медиумом. Она не только передавала голоса Гурджиева и Успенского, но даже подражала их манерам и внешнему виду – не встречаясь с ними, разумеется, в реальной жизни. Когда в 1954 г. Коллин с женой ездили по Европе и Ближнему Востоку, посетив Иран, Сирию и Турцию (где и встретили Дж. Г. Беннетта, который занимался своей оккультной миссией), они взяли женщину-медиума с собой, чтобы следовать указаниям ее духов в поисках эзотерической школы.

Женщина была благочестивой католичкой, и эзотерической школой, к которой привели голоса духов, оказалась католическая церковь⁴¹⁹. Коллин ничего не делал наполовину. Убежденный в том, что церковь и есть то, что он искал все это время, Коллин вернулся в Мексику, где начал подготовку, как оказалось впоследствии, к святому мученичеству: совершал паломничества, умерщвлял плоть и предсказал некое величественное, но неизвестно какое именно событие. Он также упорно трудился: несмотря на разочарование многих европейских учеников от его обращения в католицизм, такой поворот событий заинтересовал латиноамериканскую аудиторию, и по всей территории возникали новые группы.

В мае 1956 г. Коллин отправился в Лиму, чтобы посетить одну из групп. Там он совершил паломничество в Куско. Он был уже болен, и перелет в кабине самолета без регулировки давления плохо подействовал на него. Тем не менее он отправился осматривать Куско и на улице повстречал нищего мальчика-калеку. Он преисполнился сочувствия к этому мальчику по имени Модесто, который, должно быть, очень удивился, когда Коллин добровольно вымыл его. Затем Коллин купил ему обувь и одежду и обратился с речью к беднякам, которые окружили богатого иностранца, о том, что им нужно заботиться друг о друге. В обмен на щедрость Коллина, мальчик показал ему свое жилище в колокольной башне собора.

К тому времени Коллин определенно был не в своем уме: ночью он разбудил жену и сказал, что предложил Богу свое здоровье в обмен на болезнь Модесто, чтобы мальчик перестал быть калекой. Теперь он сожалел о своем предложении, потому что его Работа еще не закончена. Как взять назад обещание, данное Господу? Жена успокоила его, сказав, что все будет хорошо.

На следующий день он отправился на мессу в собор, затем снова поднялся на колокольню, чтобы сообщить Модесто о том, что вместо сделки с Богом он решил оплатить операцию и вылечить его ногу. Свидетелями того, что случилось далее, были лишь испуганный Модесто и старая женщина, находившаяся на площади под башней. Старуха говорила, что господин просто оступился. Согласно рассказу Модесто, его благодетель сидел на выступе парапета и смотрел вдаль – на статую Христа, внезапно он подался вперед, ударился головой о балку и полетел вниз. При падении Коллин простер свои руки на манер распятого Христа, а ногу подогнул, как у Модесто. На его лице была улыбка.

Родни Коллина похоронили в Куско. Табличка на площади, где он упал, гласит: «ЗДЕСЬ РОДНИ КОЛЛИН ОТДАЛ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГАРМОНИИ»⁴²⁰. Но среди его последователей нет согласия, и сама фраза «отдал жизнь» неоднозначна. Коллин и в самом деле мог посвятить всю жизнь приближению гармонии, но нет доказательств, что падение с

башни было чем-то иным, а не несчастным случаем. Постепенно группы распались, медиум, наследовавшая управление ими, основала неформальный религиозный орден, а Палата Луны в Тетекала была преобразована в католическую часовню. Родни Коллин и все его труды были приняты в широкое лоно Матери-Церкви.

Глава 21. Кульминация

1956 год был важным годом в истории Запада. Суэцкий кризис и вторжение в Венгрию создали угрозу общемировой стабильности, усиливая холодную войну. Общество, напуганная угрозой ядерной катастрофы, задавала вопрос: уж не начало ли это всеобщего конца? Окультисты интерпретировали эти события как знамения приближающейся кульминации, хотя и спорили между собой по поводу ее природы. Казалось, что в духовной истории скоро наступит решающий момент. Но какую форму он примет? Будет ли это концом диалектического материализма советского блока или потребительского материализма капиталистического мира? Явлением Учителя с Востока? Уничтожением человеческого рода или появлением нового порядка?

В духовном царстве, несомненно, происходили великие события. В 1956 г. скончался Родни Коллин, предсказав удивительные, но неопределенные перемены; Кришнамурти провел экуменическую встречу с Далай Ламой в непосредственной близости от теософской штаб-квартиры в Адьяре; Дж. Г. Беннетт открыл новую религию. В том же году была основана Церковь Этериуса [Aetherius Church] под руководством его высокопреосвященства митрополита архиепископа сэра Джорджа Кинга, доктора наук, доктора богословия, Великого Магистра Ордена Святого Петра и президента колледжа Духовных Наук в Англии⁴²¹.

Двумя годами раньше тридцатипятилетний мистер Кинг майским утром мирно выполнял упражнения йоги в своей квартире на Фулем-роуд, когда неожиданно услышал голос Космического Учителя Этериуса, сказавшего: «Приготовься! Ты станешь Голосом Межпланетного Парламента»⁴²². Этериус, обращавшийся к нему с Венеры, наставлял мистера Кинга в том, как создать Радиаторы Духовной Энергии. Эти механизмы используются в гигантских космических кораблях по всей Вселенной, чтобы наделять духовностью мыслящие существа;

энергия же их хранится в Духовных Аккумуляторах Энергии, которые изобрел сам мистер Кинг.

Доктрина Церкви Этериуса, которую один из ее епископов описал как «блестящую идею ...слишком передовую для некоторых религиозных умов»⁴²³, имеет заимствования из многих вер, но уделяет особое внимание единству Религии и Науки, Востока и Запада. В частности, в ней переосмыслено теософское представление о Тайных Учителях в свете прогрессивной космической технологии. Мистер Кинг считает, что Учителя – это шесть Адептов, или Воинов, Света. Путешествуя по космосу и сражаясь с Темными Силами, эти Воины дважды посетили Землю в недавнем прошлом: в том месте, которое мистер Кинг называет Миссией Пришельцев, в 1965 г. и во время Операции «Свет Кармы» [Karmalight] в 1967–1969 гг. НЛО, популярные в 1950-х годах, также являются знаком их присутствия.

Чтобы стимулировать дальнейшие визиты из космоса и усилить их эффект, Церковь Этериуса объявила о проведении Духовных Толчков: дней, когда верующие собираются в священных местах по определенным магическим датам и концентрируют свои молитвы. Мистер Кинг, к тому же и духовный целитель, живет сейчас в Калифорнии, но организация его до сих пор зарегистрирована по адресу Фулем-роуд, Лондон SW6. В 1980 г. его произвел в рыцари Византийский Королевский Дом – честь, описанная его помощником как «признание в итальянских дворах»⁴²⁴.

Путешествия в космосе и духовное вмешательство в жизнь людей признает также и Разлитское Движение. Группа, насчитывающая сейчас пятьдесят тысяч членов по всему миру, зародилась 13 декабря 1973 г., когда французского журналиста Клода Ворильона, иначе Разля, посетил инопланетянин. Это существо, представившееся как «Элохим», или «Отец из космоса», по существу, являлось очередной аватарой Тайных Учителей. Взяв Разля с собой на свою планету, он объяснил гостю, что первые люди были сотворены именно там, добавив, что они с товарищами желают учредить свое посольство на Земле, свою базу, с которой они начнут формирование

всемирного правительства, всемирной валюты и всемирного языка. Между этими сообщениями он преподавал Раэлю технику «пробуждения сознания посредством пробуждения тела» и повелел передавать ее дальше. Выполняя указание, Раэль основал по всему миру центры «Чувственной Медитации», члены которых должны были носить шестиконечные медальоны и учиться пробуждению чувств. Предполагалось, что в обмен на эту привилегию они будут жертвовать десятую часть своего дохода⁴²⁵.

Как свидетельствуют все эти события, 1956 год знаменовал не конец света или приход новой эры, а менее катастрофическое явление Нового Века [New Age]. С Востока приходил не один учитель, а целые десятки. Именно в середине 1950-х годов потомки теософии начали множиться, скрещиваться с новыми культами и образовывать собственные секты. Церковь Этериуса и Раэлитское Движение всего лишь два примера из нескольких десятков хорошо организованных групп, которые продолжают плодиться, особенно на Западном побережье Америки.

Что любопытно, Теософское Общество переживало всего лишь умеренное возрождение, несмотря на усиление интереса ко всему оккультному за последние сорок лет. Возможно, оно стало слишком респектабельным – подтверждение того факта, что для успеха требуются скандалы. Общество до сих пор функционирует по всему миру, управляемое из штаб-квартиры в Адьяре, но его члены представляют собой людей старшего поколения, деятельность его респектабельна. Бурные дни Блаватской, Безант и Ледбитера остались далеко позади, и члены Общества теперь сочетают изучение эзотерической мудрости с гуманистическими мероприятиями в благопристойной манере. С достоинством пришли остепенение и, возможно, некоторая усталость. Его устремления стали более обыденными, сейчас Общество ближе к женскому институту, чем к Организации Объединенных Наций или Католической Церкви.

Если можно сказать, что теософия покорила обстоятельства, то Работа проявляет поистине необычайное благоразумие. Скандалы времен Гурджиева давно позабыты,

хранители традиций из высшего слоя среднего класса уступили место людям в капюшонах и сандалиях. Хотя в Англии существует Общество Гурджиева, а во Франции – Институт Гурджиева, они не рекламируют свою деятельность и не проводят широкий набор новых членов. Занятия продолжаются, священные танцы ставятся до сих пор, но, как мне сказали, сейчас не важно, исчезнет ли Работа за отсутствием новичков. Гурджиев был послан на эту планету с духовной миссией, которую он выполнил. Теперь другие должны истолковать эту миссию. Если они не могут, то это касается только их, и ее невозможно решить путем дешевого популяризаторства Учителя.

Если теософия и ее приемное дитя – Работа постепенно приходили в упадок, то потомство их процветало. Большинство из них зависит от идеи Братства Учителей в той или иной форме. Цели варьируются: от самых скромных до маниакальных, хотя немногие из них пошли так далеко, как группа «Вечное Пламя», основанная в Лондоне и распространившаяся в Америке, обещающая своим членам физическое бессмертие в обмен на небольшую плату⁴²⁶.

Две организации типичны для этого круга. На одном конце спектра находится Универсальное Белое Братство франко-болгарского мудреца Омраама Михаила Ливанова (1900–1986). В их штаб-квартире – старом поместье в Восточном Суссексе братья и сестры ведут простой образ жизни, чтобы достичь гармонии с Космическим Разумом и Творческой Силой, олицетворенной в Солнце. Они верят, что люди могут стать Учителями, занимаясь спиритуализмом и йогой. Многие книги Омраама, на обложках которых красуется благообразное лицо с длинной белой бородой, говорят о желанности Универсальной Гармонии и о возможности преобразования всего посредством любви. Братство уделяет особое внимание использованию космической энергии в высших целях. Большая часть этой энергии приходит к нам в форме сексуального желания. Согласно Омрааму: «Сексуальную энергию можно сравнить с бензином. Если вы не знаете, как с ним обращаться, то он может сжечь вас: он сжигает наиболее существенное в вас. Но

те, кто знает, как с ним обращаться, могут использовать топливо своих внутренних моторов и улететь в космос»⁴²⁷. Несмотря на филиалы в Америке и Австралии, Братство представляет собой немногочисленную, скромную организацию, преданную простой жизни и высоким мыслям.

Другой конец спектра может представить организация «Маяк на Вершине» [Summit Lighthouse]. Она более характерна для основной ветви потомков теософии и использует все типично американские дешевые трюки для популяризации своего обаятельного лидера с как нельзя кстати подходящим именем Элизабет Клэр Профет (Prophet – «пророк», англ.) «Маяк» был основан в Вашингтоне преподобным Марком Л. Профетом (1918–1973)⁴²⁸. Будучи ребенком, в отдаленном уголке штата Висконсин он видел ангелов, духов и соорудил алтарь на чердаке семейного дома. Когда он стал взрослым, его посетил Вознесшийся Учитель по имени Эль Мория – член Великого Белого Братства (не путать с Универсальным Белым Братством)⁴²⁹ – образ, вдохновленный (если не прямо отождествляемый с ним) покровителем Блаватской. Эль Мория диктовал Профету серию еженедельных заметок, которые известны под названием «Жемчужины Мудрости», и привел его к открытию «Маяка» в 1957 г. Это произошло через двенадцать месяцев после создания Церкви Этериуса.

Четыре года спустя несравненно более молодая Элизабет Вульф (1937 г.) из Нью-Джерси была вдохновлена на поиски мистера Профета под руководством собственного Вознесшегося Учителя, Сен-Жермена (тоже заимствованного из теософии). Как и ее муж, Элизабет в детстве была не по годам духовно развитым ребенком, общавшимся с Иисусом и критиковавшим заблуждения пасторов из Нью-Джерси. Согласно официальной биографии, ее героями были Ганди, Альберт Швейцер и Норман Винсент Пил, но всех их затмил Учитель Сен-Жермен, который представился юной Элизабет посланником Великого Белого Братства.

В 1963 г. Марк и Элизабет поженились и вскоре после этого перенесли свой Центр в Колорадо-Спрингс, где у них родилось четверо детей. В 1973 г. Марк Профет умер, сам таким образом

став Вознесшимся Учителем, а его вдова продолжила работу в «Маяке» под руководством Сен-Жермена. В 1981 г. миссис Профет вышла замуж за Эдварда Л. Фрэнсиса, значительно более молодого последователя, и он вскоре стал «деловым управляющим» «Маяка» в его новой реинкарнации как Вселенской Торжествующей Церкви.

Церковь обосновалась на ранчо в Монтане, с тридцатью тремя акрами земли, где учредили коммуну для тех, кто пожелал покинуть пороки городской жизни и вернуться к простому сельскому труду. В Монтане также располагается «Саммит Университи Пресс», являясь в некотором роде дочерней организацией Церкви. Типография издает многочисленные книги «Маяка» и печатает литографии Учителей. Среди Учителей много знакомых фигур из теософского пантеона, но есть и другие: Санат Кумара, Порция, Иисус в Облаках, Будда Рубинового Луча и Госпожа Учитель (sic!) Венера. Миссис Профет сама пребывает в пантеоне как Гуру Ма, Вселенская Мать, которой тоже предстоит когда-нибудь воссоединиться со своим мужем и стать Вознесшимся Учителем. Публикации касаются всего: от лекарства от рака до алхимии – и неизменно представляют радужную картину существования в духе «Ридерз Дайджест».

Реальная жизнь общины несколько иная⁴³⁰. Распорядок жизни на ранчо достаточно строг, что напоминает Братство Новой Жизни Томаса Лейка Харриса. День начинается в пять часов утра (семь дней в неделю), и два часа обитатели посвящают молитве и медитации. Затем следуют завтрак и тяжелая физическая работа, заканчивающаяся мероприятиями, которыми иногда благосклонно руководит сама миссис Профет. Обитатели употребляют пищу с низким содержанием белка, стимуляторы запрещены, как и внебрачный секс. Половые сношения замужних пар ограничены тридцатью минутами два раза в неделю.

В обмен на эти привилегии испытуемые на ранчо Гуру Ма платили по 400 долларов за проживание и питание. Пройдя период испытания, они безвозвратно передавали свою собственность в руки Церкви, поскольку больше не нуждались в

деньгах: они одевались скромно, работали сообща и спали вместе. Миссис Профет, однако, деньги были необходимы. Она занимала роскошную квартиру со своим молодым мужем и носила самые разнообразные платья: от снежно-белого атласного до розовато-золотистого сари с бриллиантами. Она выглядела и вела себя как королева, и ее последователи поклонялись ей как богине.

Без сомнения, она принимала их деньги близко к сердцу. Ранчо неплохо охранялось, его патрулировали вооруженные охранники, а в конце 1980-х годов Гуру Ма построила огромное бомбоубежище для верующих на случай ядерной войны, которую Сен-Жермен предсказал на 1989 г. Наблюдателям, спрашивавшим, зачем нужны такие предосторожности духовной общине, члены которой пришли в нее по своей воле, объясняли, что стража охраняет ранчо от незваных посетителей, а вовсе не удерживает членов Нерави внутри. Другие удивлялись, зачем миссис Профет понадобился бункер, если последователи, как она утверждала, спасутся в любом случае, что бы ни случилось, но она говорила, что доверилась Сен-Жермену, который приказал выстроить бункер. К несчастью, нефть из огромного танкера, обслуживающего убежище, просочилась в реку Йеллоустон, и миссис Профет обвинили в загрязнении окружающей среды.

Приблизительно в это же время одна из ее трех дочерей покинула ранчо, обвинив мать в идеологическом давлении, а другие члены общины рассказали репортерам об издевательствах и эксплуатации. Проблемы Гуру Ма осложнились, когда одного из преданных поклонников задержали на ранчо с большим грузом нелегального оружия и стало ясно, что Вселенская Торжествующая Церковь готовится к войне. Среди местного населения это открытие пробудило неприятные воспоминания о расположенной неподалеку общине Раджниша, которая только за несколько лет до этого превратилась в вооруженный лагерь, перед тем как прекратила свое существование с финансовым скандалом, когда руководство, включая самого Раджниша, бежало из страны на частном самолете, прихватив с собой много денег.

Но, возможно, самое интересное раскрыло загрязнение реки Йеллоустон. Как и многие основатели общин, Гуру Ма позвала за собой последователей из развращенных цивилизацией городов на обширные просторы Монтаны, где они могли бы вести «естественный» образ жизни и посредством тяжелого физического труда достичь гармонии с духовными ритмами Вселенной. Но посреди этого рая она выстроила то, что могло бы считаться воплощением самых сокровенных страхов современного мира: ядерное бомбоубежище, отапливаемое нефтью.

Загрязнение среды тем более иронично, что большинство новых альтернативных религиозных движений в последние годы пользовалось экологическими девизами: эта особенность свойственна как Вселенской Церкви, так и Великому Белому Братству. Экология для современных западных гуру значит то же самое, что для их предшественников значили вегетарианство, охрана животных, гомеопатия и простой образ жизни. Экологические группировки заявляют, что на их стороне последовательная философия и насущная необходимость. Они также переняли миллениаристские нотки, характерные для многих независимых учителей. Они настаивают на том, что возврат к природе сейчас более, чем романтическое чудачество или частная социальная практика: это стало основным политическим вопросом нашего времени. Спор с эволюцией, который побуждал Блаватскую к антидарвинистским тирадам, сейчас снова на повестке дня, но на этот раз ставка – не более и не менее, чем будущее всей планеты. За последнее десятилетие многие учителя и спиритуалистические группы стали «зелеными», ставя проблему выживания планеты на главное место среди духовных задач человечества – в отличие от старых мистических традиций, отвлеченных от земных вопросов.

Одним из последствий этого сдвига во мнениях было возвращение антропософии, которая появилась как неожиданный победитель в давних войнах между Безант, Тингли и Штейнером. Ибо хотя Антропософское Общество само по себе растет медленно и, подобно теософии, большинство его членов

– люди пожилого возраста, влияние его возросло неизмеримо. Этому способствовало духовное возрождение конца XX века; отчасти прекрасно структурированная организация, учрежденная основателем; но более всего интерес Штейнера к вопросам охраны окружающей среды и центральное место, уделяемое в его философии отношениям между экологией и религией.

Основная сила учения Штейнера – в отличие от теософии – это ее практичность. Если у Штейнера на все была своя теория, он также умел претворять ее на практике. Соотнося космологию и психологию с экологией, он ставит человечество в центр комплексной универсальной экосистемы, в которой духовные и биологические силы играют одинаково важные роли; но он также принимает в расчет и физическое существование на земном уровне: еда, сон, хозяйство, работа. Вдохновленное успехом Движения зеленых, Антропософское Общество недавно основало собственный банк для кредитования под низкие проценты целесообразных экологических проектов: сельскохозяйственных ферм, небольших предприятий легкой промышленности, ремесленных мастерских и народных промыслов⁴³¹. Движение зеленых также поддерживает образовательные, фармакологические и медицинские антропософские проекты, которые отвечают современным экологическим требованиям, будучи основаны на естественных системах и материалах.

Ближних к антропософским принципам придерживаются и другие объединения. Например, Международный Фонд Эмиссаров (Emissary Foundation International) имеет свои филиалы в Канаде, Австралии, Англии, Америке, Южной Африке и во Франции, где его члены живут в общинах и следуют доктрине, похожей на доктрину Штейнера. На истории этой серьезной организации можно видеть те перемены, которые произошли со многими альтернативными религиозными группами за последние три десятилетия. Это объединение было основано в 1932 г. американским индейцем Ллойдом Микером, который возглавлял его под именем Уранда, тогда как его последователи именовались Эмиссарами Божественного Света.

Как следует из названия, это был мистический орден, основанный на вере в существование Высших Существ (разновидность Тайных Учителей), которые при правильном подходе могут передать мудрость Посвященным.

Продолжая считать духовную жизнь ключом к преобразованию мира в положительном направлении, орден, переименованный в Фонд Эмиссаров, ныне свел до минимума мистические аспекты, переключив внимание на проблемы экологии и психологии⁴³². Членов организации объединяет не мистическое откровение, а общая цель – улучшить как себя, так и окружающий мир посредством «настройки» личности в унисон с другими людьми и природными ритмами земли. «Настройка» подразумевает молитвы, медитации и размышления, но не менее важную роль играет активная деятельность. Фонд заведует многими образовательными проектами и поощряет альтернативные медицинские и финансовые предприятия. В этом объединении нет культовой замкнутости. Посторонние люди могут посещать семинары по «Искусству жить», и группы приветливо принимают гостей на фермах и ранчо.

Возможно, это наиболее приемлемая форма альтернативной религии, хотя некоторое удивление вызывает наследование поста руководителя. После смерти Микера в 1954 г., управление перешло к его последователю, который позже оказался главой одного из самых аристократических семейств Англии. Мартин Сесил, впоследствии ставший седьмым маркизом Эксетером, некогда покинул Англию и переехал в Северную Америку, согласно давней традиции младших сыновей аристократов, уезжающих за рубеж в поисках удачи. Много позже, когда его кузен умер, не оставив прямого наследника, он унаследовал родовой титул, хотя огромный дом и поместье в Бергли достались его племянницам. Сын лорда Эксетера, Майкл, который женился на дочери Ллойда Микера, в свою очередь унаследовал от отца и пост руководителя Фонда Эмиссаров, и титул маркиза Эксетера в 1988 г., установив таким образом прецедент передачи власти по наследству в религиозном движении.

Никто, разумеется, не откликнулся с таким энтузиазмом на смесь экологии, эзотерики, науки и эсхатологии конца XX века, как Дж. Г. Беннетт. И в самом деле, Беннетт был типичной фигурой Нового Века еще до того, как этот век наступил: он был всегда готов исследовать любой способ духовного просвещения и объединить все открытия в своем собственном синтезе. Казалось, он спешил перепробовать все возможные практики, учения и идеи, столь поспешно он переходил от одного гуру к другому в поисках ускользающего Источника – только для того, чтобы в конце концов обнаружить его в себе самом.

После смерти Гурджиева он приостановил свою бурную деятельность из-за тяжелого сердечного приступа у Уинифред, случившегося осенью 1950 г.⁴³³ Не менее тяжелый удар ожидал его три недели спустя, когда он, однажды утром прибыв на работу, обнаружил, что лаборатории опечатаны, а сам он временно отстранен от руководства. Тем же вечером в газетах появились сенсационные статьи о коммунистических шпионах в институтах, связанных с атомными исследованиями. Принимая во внимание политические симпатии Беннетта, его службу в военной разведке, досье Министерства иностранных дел, деятельность духовного учителя и шпионскую репутацию Гурджиева, его личность казалась подозрительной. В атмосфере холодной войны начала 1950-х годов все это было опасно. И хотя его имя не было произнесено журналистами, Беннетт предпочел покинуть свой пост.

Оказавшись без работы, он посвятил себя устройству Кумб-Спрингс, где был возведен большой новый холл по примеру Учебного Дома Гурджиева. Затем, в 1953 г., некий голос повелел ему предпринять поиски на Востоке, куда он и отправился, несмотря на расплывчатость указаний. Вопрос стоял в том, куда именно надо ехать. Один из возможных ответов заключался в повторении путешествия Гурджиева в Центральную Азию и на Ближний Восток. Заручившись рекомендацией потомка принца Мухаммеда, для начала он посетил суфийского шейха Эрмина Чиху в Дамаске. По пути он заехал в Константинополь, ныне Стамбул, где некогда проживал Джалаледдин Руми, основатель дервишского ордена секты

Мевлеви; там у него было видение, в котором ему был дан совет не принимать приглашения работать в Организации Объединенных Наций. Путешествие, как видим, было полезным.

Эрмин Чиху – дервиш ордена Накшбанди – рассуждал довольно загадочно, если, конечно, принимать во внимание его веру в грядущее второе пришествие Христа, уверяя Беннетта, что ему предстоит сыграть важную роль вроде Иоанна Предтечи, предвестившего приход Мессии. Тогда Беннетт скептически отнесся к этому мнению, но, когда в следующем году он вернулся в Сирию, пророчество повторилось. Уинифред Беннетт, которая незадолго до этого перенесла кровоизлияние в мозг, отчасти повредившее ее рассудок, осталась в Кумбе, и Беннетт ездил по Сирии и Ираку вместе со своей близкой подругой и будущей женой, Элизабет Мэйэлл, посещая святых людей. Один шейх в Дамаске подтвердил пророчество Эрмина Чиху о втором пришествии, и другой, в Кериде, сказал ему то же самое, любезно добавив, что Беннетт и его спутница предназначены друг другу самим Богом. По крайней мере последнее пророчество сбылось. Но хотя Беннетт и разъезжал по закоулкам Турции и северной Персии, посещая исторические места Центральной Азии, связанные с Гурджиевым, Источник упорно не желал представать перед ним.

Будучи разочарован бесплодными поездками, но упорно работая над своей многотомной «Драматической Вселенной», эпическим трудом по истории и природе Космоса, Беннетт обратил внимание на совсем другую идею из другого источника, когда от своего товарища по Работе он услышал о Паке Субухе (1901–1987), индонезийском основателе «Субуда»⁴³⁴. Получив указания от внутреннего голоса, Беннетт в том же 1956 г., познакомился с новой духовной практикой при помощи Хусейна Роуфа, лондонского еврея, перешедшего в ислам. Беннетта покорила вульгарность заявлений Субуда об излечении умирающих, возвращении мужской силы импотентам и астральных перемещениях, но он продолжил знакомство.

Субуд – это форма исламского мистицизма, название которого происходит от трех слов – «сусила», «будхи» и

«дхарма». Сусила – это истинный характер человека, который проявляется когда он действует согласно Божьему изволению. Будхи – это божественная жизненная сила внутри людей. Дхарма значит подчинение воле Бога. Субуд, таким образом, представляет собой абсолютное подчинение Богу, которое способствует истинному росту личности, то есть проявлению его духовной природы, обычно затмеваемой мирскими заботами. Такой рост может осуществляться посредством «латихан» (яванское слово, обозначающее «тренировка»), которая, в свою очередь, начинается с групповой медитации и выражения покорности в присутствии Бога. Покорность сравнивается с «открытием», потому что подразумевает освобождение сознания от всех низменных ассоциаций и подготовку к восприятию Бога. Сеанс латихан под наблюдением Посвященного может продолжаться до получаса, во время которого участники выполняют различные действия – от тихой медитации до разговоров и криков.

Сходство между Субудом, Работой и SES очевидна: избавление от наслоений того, что Гурджиев называл «личностью», чтобы позволить проявиться «сущности». Пак Субух согласен с Гурджиевым, Беннеттом и Маклареном в том, что удаление от мира не является непременным условием духовного роста. Субуд – это метод, и в этом отношении он сближается с Кришнамурти. Субуд также лишен зловещей культовой манерности SES. В нем нет учебной дисциплины и преобразования, и он отличается этим от Работы.

Беннетт «открыл» латихан на Рождество 1956 г. и большинство его учеников в Кумбе последовали за ним. Многие последователи Гурджиева, включая бывших учеников Мориса Николла, также приступили к латихан. В следующем году Пак Субух посетил Англию, где приобрел много новообращенных. Даже миссис Беннетт испытала некоторое облегчение в своих страданиях, хотя нужно сказать, что иногда латихан вызывала у практикующих припадки страха и ненависти к себе, напоминая действие тех наркотиков, которые усиливают тенденции, уже заложенные в субъекте.

Беннетт, не делавший ничего наполовину, написал книгу о Субуде и начал распространять его по всему миру. В Сиднее он провел собрание в зале Теософского Общества, и журналисты спрашивали о Паке Субухе, как спрашивали о Кришнамурти пятьдесят лет назад, не является ли он новым Мессией. Но сам Беннетт писал: «Войти в Адьяр-Холл значило получить предупреждение, что глупо доверять знакам, предсказаниям и чудесам»⁴³⁵.

Прибыв в Мексику через несколько месяцев после смерти Родни Коллина, Беннетт и Пак Субух встретились с Олдосом Хаксли, который в то время жил там. Хаксли подробно допросил Беннетта и Пака Субуха и согласился быть «открытым», поскольку человек должен пробовать любой путь, ведущий к духовному просветлению. Но он сомневался в Субуде. Несмотря на полные энтузиазма попытки обратить Хаксли в свою веру – как-никак они были знакомы еще с довоенных времен и оба посещали занятия Успенского, Беннетт постепенно перенял его скептицизм. Причиной его сомнений стало то же самое, что и привлекло его в Субуде. Постепенно до него начало доходить, что следует хотя бы немного желать получить тот или иной ответ во время латихан, и тогда результат обеспечен. Если же нет желания, то нет и ответа. Таким образом, латихан – это форма самообмана, что и требовалось доказать. Он даже начал сомневаться в реальности своего внутреннего голоса.

Неясно, почему, поняв это, Беннетт не пришел к любому из четырех возможных заключений: что он неправильно понял Субуд; что любая подобная практика может стать самообманом; что его «голоса» всегда доносились изнутри; и что, возможно, все такие голоса всегда исходят изнутри. Вместо этого он возобновил поиски Учителя, вернувшись в то же время к упражнениям Работы, в которых он находил больше вдохновения, чем в латихан. Это привело в ярость тех, кого он теперь называл «Субудским Братством», бывших его коллег, которые тут же принялись писать письма-доносы в старой манере Работы. Ничто в жизни Беннетта не изменилось. Он был обречен снова и снова ходить по кругу: находить нового гуру,

становиться приверженцем новых идей, затем терять веру. Только Гурджиев пользовался его неизменным доверием.

Однако из своего опыта с Субудом Беннетт извлек урок. Он начал осознавать, что ответ на все жизненные проблемы предлагает любое новомодное учение. Как он печально признавался Элизабет Мэйэлл, на которой женился осенью 1958 г., через три месяца после смерти Уинифред: у меня все гуси – архангелы Гавриилы»⁴³⁶, перефразировав известную английскую пословицу о любителях преувеличивать: «У него все гуси – лебеди». Однако это прозрение не положило конец его поискам новых и более упитанных птиц.

Одним из известных мест их обитания была собственная вотчина архангела Гавриила – христианская церковь. В этом направлении Беннетта вел отец Бесконд, монах монастыря св. Вандрильи возле Руана во Франции. Однако продвижение Беннетта к христианству было немного задержано его визитом в Катманду к Шивапури Баба, индуистскому гуру, который посоветовал ему следовать христианству, возможно, желая остановить такого блуждающего ученика и дать ему представление об ответственности.

Отец Бесконд прочитал книгу о Субуде и написал о ней в письме Беннетту. В итоге тот посетил монастырь св. Вандрильи, что стало первым из подобных визитов. В латихан Беннетт видел мост между исламом и христианством, сравнивая Субуд и христианскую практику созерцания, поощряемый очередным голосом (на этот раз он принадлежал самому Богу, который сказал ему: «Моя воля такова, чтобы Моя Церковь и ислам объединились»⁴³⁷). С этого момента он стал отходить от гурджиевской концепции продуктивного конфликта в сторону гармонии в духе Коллинза. Но, увы, прийти ему суждено было только к войне.

Заключение: торжество бабуина

В июне 1962 г. Беннетт получил письмо от старого друга. Реджи Хоар [Hoage] был его коллегой по военной разведке и учеником Успенского. После войны он вслед за Беннеттом перешел от Успенского к Гурджиеву, а затем от Гурджиева к Субуху. В своем письме Хоар сообщал, что недавно встретил человека, который утверждает, будто послан на Запад эзотерической школой Афганистана. Заинтересовавшись этим, он приглашал Беннетта пообедать с ним и его новым знакомым.

Афганец, назвавшийся Идрисом Шахом, представился посланником «Хранителей Традиции». Позже, предъявив документ, озаглавленный «Декларация Людей Традиции»⁴³⁸, Шах объяснил, что Хранители принадлежат невидимой иерархии, которая выбрала его для передачи мудрости подходящим личностям. Теперь он ищет в Европе последователей и помощников, богатых и влиятельных, которые помогли бы Хранителям преобразовать мир. С этой целью он основал общество «Суфи» (SUFI – Society for Understanding Fundamental Ideas, Общество для Понимания Фундаментальных Идей).

Поначалу Беннетту не понравился этот новый знакомый, который постоянно курил и выглядел недружелюбно. Но уже во время обеда Беннетт неожиданно понял по признакам, которые не мог объяснить, что Шах не обманывает их, и он действительно посланник Тайного Братства, описанного Гурджиевым. Позже он обратился за подтверждением своих чувств к молитве. Ответ был двусмысленным; и, хотя Беннетт решил помогать Шаху, он счел разумным исследовать его прошлое.

Впоследствии Шах ярко описывал свою жизнь, заявляя, что приходится родственником Сасанидам, Аврааму, Мухаммаду и герцогу Гамильтону⁴³⁹. Герцог возник здесь из-за легенды, согласно которой отец Шаха женился на женщине из семьи Дуглас-Гамильтон, хотя на самом деле матерью Шаха была мисс Маккензи, которую его отец встретил во время

безуспешного обучения медицине в Эдинбурге. Мисс Маккензи, конечно, могла быть незаконнорожденной дочерью герцога – если это и так, то об этом ничего не говорилось.

Родство с Мухаммадом более правдоподобно, потому что семейство пророка было обширным и славилось большей плодовитостью, нежели род упомянутого шотландского герцога. Но даже здесь не все так, как кажется. Если Шах и в самом деле происходил от Мухаммада, то, естественно, не по основной мужской линии, как говорили сторонники Шаха, потому что таковой не было. Три сына Мухаммада умерли в младенчестве, и род продолжили его дочь Фатима, зять Али и два их сына, Хасан и Хусейн. Даже если считать этих внуков «основной мужской линией», то утверждение Шаха, что он принадлежит роду Саидов, означает его происхождение от Хусейна, младшего сына, чье потомство может насчитывать сейчас более миллиона человек.

На самом деле все эти проявления синдрома Ледбитера скрывают по-настоящему интересные факты о происхождении Идриса Шаха. Его семья принадлежала к афганскому племени из Пагхама, расположенного в пятидесяти милях к западу от Кабула, и была награждена землями и титулом за свои пробританские симпатии в годы перед Первой Афганской войной. Когда англичане в 1841 г. потерпели поражение, семья лишилась собственности и ее глава, Джан Фисхан Хан, переехал в небольшое поместье в Сарадхане, возле Дели, где до сих пор живут его потомки.

Возможно, желая увековечить полезные отношения с британским правительством, внук Джан Фисхан Хана – отец Идриса, Икбал Али (1894–1969) – перед Первой мировой войной обосновался в Англии. Хотя Идрис родился в 1924 г. в Симле, у подножия Гималаев, столь много значивших для ранних теософов, вырос он среди менее впечатляющего ландшафта Саттона, южного пригорода Лондона, куда его отец вновь вернулся в поисках удачи.

Переехал он напрасно. Хотя Икбал занимался бизнесом, литературой и политикой, особых успехов он не достиг. Во время войны Идрис и его брат Омар были эвакуированы в

Оксфорд. После 1945 г. Идрис недолго служил в бизнесе своего отца в Уругвае, где оказался замешанным в торговый скандал, вследствие чего британский посол в Буэнос-Айресе охарактеризовал Шаха как мошенника⁴⁴⁰. Не такой уж многообещающий старт для карьеры духовного учителя.

После этого Идрис Шах исчез из поля зрения, чтобы появиться только в середине 1950-х в качестве секретаря-компаньона директора Музея магии и колдовства на острове Мэн. Свою первую книгу «Восточная магия» он опубликовал в 1956 г. По примеру Блаватской и Гурджиева, Шах утверждает, что все эти годы он провел в изучении суфизма в отдаленных уголках Центральной Азии, хотя не совсем ясно, зачем это понадобилось, если, как он же утверждал впоследствии, его собственная семья и является носителем наиболее почтенной суфийской традиции в мире.

Встреча с Беннеттом была величайшей удачей в жизни Шаха. Дальнейшие события не совсем понятны, и о них нет никаких свидетельств, кроме воспоминаний самого Беннетта, а Идрис Шах никогда не высказывал своего мнения по этому поводу⁴⁴¹. Однако он и не отрицал тщательно обработанного повествования Беннетта в его «Свидетеле». И хотя, конечно же, были какие-то переговоры, их совместные дела привели к тому, что зимой 1965/67 гг. Шах убедил Беннетта подарить ему собственность в Кумб-Спрингс – всю целиком.

Как ему это удалось? Демонстрируя хорошее психологическое чутье, Шах не ограничился в достижении цели простой лестью. Чувствуя уважение Беннетта к авторитету и понимая, что он настолько восприимчив, что готов любого «гуся» принять за ангела, Шах то льстил ему, то запугивал его. Он проявил также незаурядную деловую хватку. Кумб принадлежал не самому Беннетту, а Совету попечителей. Хотя они были под контролем Беннетта, но и их следовало убедить. Некоторым не нравилось, что Беннетт сошелся с Шахом; кроме того, никто в Кумбе не собирался заканчивать свою деятельность.

Когда попечители попытались уговорить Беннетта остановиться на передаче собственности в аренду, Шах

оставался непреклонен: либо ему подарят все, либо ничего. Беннетт пытался договориться, но чем более примирительную позицию он занимал, тем тверже становились требования Шаха. Новый учитель хотел знать, хватит ли у Беннетта дерзости вести переговоры с Абсолютом⁴⁴². Либо у него есть вера, либо нет. Все мероприятие превратилось в личное испытание Беннетта на способность к духовному росту.

В том же году, словно для того чтобы облегчить задачу Шаха по убеждению Беннетта, вышла книга некоего «Рафаэля Лефорта», повествовавшая о недавних встречах автора с учителями Гурджиева; в ней намекалось на то, что Гурджиев был плохим учеником и что его должен сменить некто иной, в ком заинтересованные лица могли увидеть Идриса Шаха. Почти нет сомнений, что под псевдонимом «Рафаэль Лефорт» был Шах⁴⁴³, а его книга была грубой попыткой заставить Работу служить его целям. Если так, то она сработала, хотя, по признанию Беннетта, именно тогда он стал подозревать, чем обернется передача Кумб-Спрингс новому Мессии.

Правда, видимо, заключается в том, что Беннетт порядком устал от Кумба, как и от своих старых знакомых и старого образа жизни. Пора было двигаться дальше. Все в его жизни говорит о постоянной тяге к новизне и переменам. Можно в этом усмотреть и гурджиевский риск. Когда мадам Зальцманн спросила его, что он получил в результате сделки с Шахом, Беннетт ответил: «Свободу!»⁴⁴⁴. Как только она свершилась, он почувствовал, будто груз спал с его плеч. К тому же Беннетт, разрываемый между желанием сыграть роль Иисуса и инстинктом быть Иоанном Предтечей, решил, что наконец-то представился случай стать настоящим пророком. Наверное, это был тот самый момент, о котором ему предсказали на кладбище с видом на Босфор. А возможно, он помнил о словах мадам Блаватской, сказанных почти восемьдесят лет назад, о том, что Учитель Мудрости не явится с Востока ранее 1975 г. До назначенной даты оставалось всего десять лет, и, может быть, Шаху предстояло выполнить это предсказание.

Таким образом, приходится признать, что Беннетт искренне верил в миссию Шаха, но при этом прекрасно знал о том, что

происходит, и даже (что особенно любопытно) приветствовал эту авантюру. Как и многие другие персонажи этой книги, Беннетт открыл, что стремление к духовному озарению и жажду мирских приключений почти невозможно отличить. Как тут не вспомнить Лоуренса Олифанта, путь которого Беннетт забавным образом повторяет. Для обоих главным было избежать скуки. Скандал, фальсификация, позор – все меркло перед абсолютной потребностью в религиозном спасении, которое можно было обрести в сильном устремлении. Скандал, фальсификация и позор могли даже стать средствами спасения. Гурджиев подчеркивал связь между беспокойством и воспитанием духа. Если люди нуждаются в шоковой терапии для того чтобы пробудить их ото сна, то кто может считаться незаурядным человеком, как не тот, кто может сам себе прописать такое лекарство?

Когда Беннетт убедился в благих намерениях Шаха, попечителей можно было уговорить легко, и у Кумба появился новый владелец. О последствиях мог бы мечтать сам Гурджиев. Первым делом Шах выгнал Беннетта и старых учеников из их собственного дома. Далее, в следующем году, он продал собственность застройщикам за 100 000 фунтов стерлингов и на вырученную сумму купил поместье в Лэнгтон-Грин, возле Танбридж-Уэллз в Кенте⁴⁴⁵.

Эпизод с Кумбом, возможно, самый показательный из всего описанного в этой книге. Эта передача собственности гораздо яснее показывает истинные устремления так называемых альтернативных лидеров, чем любая их метафизика. Ничем не подтвержденные (да и откуда взяться доказательствам?) заявления Шаха о том, что он представитель «Людей Традиции», явившийся из неизвестно где находящегося монастыря Сармунг, описанного в книге Гурджиева, принесли ему солидную прибыль⁴⁴⁶. Но даже тогда Беннетт не сдался. Будучи изгнанным из Кумба и сомневаясь в подлинности утверждений Шаха, он снова принялся за поиски. Давно поняв, что он легко увлекается и принимает желаемое за действительное, Беннетт тем не менее не только не оставил

своих поисков, но даже стал лелеять честолюбивую надежду, что он сам может быть искомым лидером.

Но карьера Беннетта закончилась на истории с Шахом. Далее все было повторением, распространением и развитием старых образцов. Он продолжал посещать монастырь св. Вандрильи и вместе с женой, наконец, вернулся в католическую церковь. Им были основаны исследовательская и образовательная группа Всеобъемлющей Науки (Integral Science Education Research Group) и Центр Структурных Коммуникаций. Их деятельность выразилась в создании элементарного компьютера «Системастера» и журнала «Систематика» (Systematics). Возникла также компания «Стракчерал Коммьюникейшнз Лтд.» (Structural communications Ltd). Вскоре Беннетт вступил в переговоры с Ай-би-эм и Джи-и-си за право развивать систематику. Но это вторжение в сферу знания служило негласным доказательством того, что мудрость остается по-прежнему недоступной.

И все же по велению внутреннего голоса была основана новая школа, на этот раз Институт Непрерывного Образования, в Шерорн-Хауз в Котсволде. Опять повторялся Лайн, Кумб и Приере, вплоть до подготовки дома к жизни новых обитателей. У Беннетта было много времени, чтобы продумать план занятий, пока он сам показывал ученикам, как надо правильно копать.

Но, кажется, на сей раз голос ошибался. Беннетт не был готов преподавать, на что ему указал его последний гуру, Хасан Шушуд, суфий Итлаки, которого он открыл в эти годы. Хасан показал Беннетту новые медитативные упражнения, но сказал ему, как и все прочие шейхи в Дамаске: «Ты избран для того, чтобы быть одним из немногих, предназначенных пройти весь путь до конечного освобождения от обусловленного существования. Твой дом – абсолютная Пустота»⁴⁴⁷, Наконец-то Беннетт мог оставить поиски Источника, ибо он сам в себе заключал этот источник. Согласно Шушуду, ему больше не требовался Учитель, потому что он сам был Учителем: пророком новой эпохи, в которой люди научатся сотрудничать с высшими силами. Эти высшие силы до сих пор могли только

проявлять себя через людей, избравших правильный путь, но, по мнению Шушуда, мы вступаем в новый век, когда такие люди сами станут творческим разумом. По ученикам Беннетта, к сожалению, этого не скажешь. Размышляя над этой загадкой, он скончался католиком в 1976 г. Но со смертью история Дж. Г. Беннетта не закончилась. Последнее слово сказал Гэри Чикойн⁴⁴⁸, харизматическая личность наподобие Идриса Шаха. Уроженец Вайоминга, Чикойн провел юность в Англии, где познакомился с Беннеттом, но стал его учеником только в последнее десятилетие его жизни. После его смерти Чикойн привлек на свою сторону нескольких основных учеников и стал владельцем издательства «Кумб-Спрингс Пресс», переехал в Йоркшир с остатками общины из Кумба и переименовал себя в Садгуру Свами Нараяна Авадхута. Он основал фонд «Александрия» и провозгласил себя западным представителем Адигуру Даттатрейя, «высшего духовного учителя нашей планеты», который обитает в Махараштре на севере Индии.

Обращаясь к традиции Тайного Братства и Внутренних Кругов (которые он высокомерно называет грубым подобием истины), Чикойн описывает Даттатрейю как главу Центральной Духовной Школы: Существо, стоящее даже выше Повелителя Мира, живущего в Шамбале. Даттатрейя – это аватара Мельхиседека, гуру Иисуса Христа. Он руководящий дух всех мировых религий, хотя предводители этих религий и не догадываются о нем. Он наставник Будды и учитель Шанкарачарьи, покровителя SES. Он инкарнация священного дерева баньян, и весь мир – это его ашрам. Короче, как говорит сам Чикойн: «Он гуру Ширди Саи Баба (не путать с Сатья Саи Баба, которые не есть инкарнация Ширди Саи Баба)»⁴⁴⁹. Чикойн убедил богатых сторонников Беннетта принять все это глубокомыслие, и один из них даже опубликовал книгу о его учении. Но, очевидно, он скоро устал играть роль представителя Даттатрейи в Йоркшире. В середине 1980-х годов община из Кумба постепенно распалась, и Чикойн вернулся в Вайоминг, исчезнув из общественного поля зрения.

Однако перед уходом он оставил планете последнее послание. Бывшим ученикам и заинтересованным

наблюдателям было послано циркулярное письмо, в котором говорилось, что учитель оставляет свою миссию, потому что они оказались слишком глупыми, чтобы понять ее. Чикойн добавил, что все это было грандиозной шуткой, и что неспособность его последователей усвоить это, доказывает – если здесь вообще нужны доказательства, – что они недостойны его духовного руководства.

Интересно, многие ли из тех, кто получил это письмо, слышал эхо язвительного смеха бабуина мадам Блаватской?

Примечания

¹ - 1. D. Icke. The Truth Vibrations. Aquarian Press, 1991.

² - 2. «Sun», 29 марта 1991 г.

³ - 3. Arianna Huffington. The Fourth Instinct. Simon Schuster, 1994.

⁴ - Глава 1 Источник и ключ1. Ранняя деятельность Принса описана в его книге 1842 г. «Возрождение в Чарлинче» («The Charlinch Revival»). См. также «Оливковое дерево» О.Хаксли (A. Huxley. The Olive Tree. Chatto Windus, 1936), и «Пристанища любви» Дж. Монтгомери (J. Montgomery. Abodes of Love. Putnam Co., 1962).

⁵ - 2. Теме религиозного сектантства в викторианскую эпоху посвящена масса литературы, в частности следующие труды: «Лондонские еретики» У.С.Смита (W.S.Smith. The London Heretics. Dodd, Mead, 1968) и «Секуляризация европейской мысли в XIX столетии» О.Чедвика (O. Chadwick. The Secularization of the European Mind in the Nineteenth Centure. Cambridge University Press, 1975).

⁶ - 3. Наиболее интересные сведения о сестрах Фокс можно найти в книгах Р.Перселла «Кто стучал по столу» (R. Pearsall. The Table Rappers, Michael Joseph, 1972) и Э.У.Форнелла «Счастливый медиум: Спиритизм и жизнь Маргарет Фокс» (E.W.Fornell. The Happy Medium: Spiritualism and the Life of Margaret Fox. University of Texas Press, 1964).

⁷ - 4. Хоум был профессионалом. Но большинство медиумов были доморощенными любителями. Они действовали среди узкого круга клиентов на окраинах городов. Клиентуру их составляли представители среднего и низшего классов, вышедшие из-под влияния традиционных форм религии, но испытывавшие потребность в эмоциональной поддержке, которую ранее давала церковь. Поле для мошенничества и шарлатанства было огромным, и фальшивые медиумы попадались на каждом шагу. Их регулярно разоблачали (иногда – даже в буквальном старинном смысле этого слова). Однако многие медиумы были на самом деле убеждены в своих силах и

успешно заражали этой уверенностью клиентов. Большинство спиритов были чрезвычайно ранимы и постоянно взвинчены. Подобно актерам или певцам, они жили в состоянии нервного напряжения и весьма зависели от успехов своих представлений. Но, в отличие от актеров и певцов, медиумы не имели возможности демонстрировать и совершенствовать свой дар – если только, как ни парадоксально это звучит, они не были обманщиками (в этом случае они могли совершенствоваться в шарлатанстве). Кроме того, даже самые искренние медиумы были чрезвычайно податливы на требования нанимателей, не отличавшихся особой щепетильностью. Страх потерять работу часто превращал медиума в идеальный объект для манипуляций. Другой проблемой – как среди медиумов, так и среди их клиентов – была скука. Зрители, конечно, привыкали к сеансам и становились их завсегдатаями, однако они постоянно жаждали новизны, и медиумы пытались удовлетворить это требование. Поскольку удовлетворить его было невозможно, все, что оставалось медиуму в промежутках между сеансами, – успокаивать нервы выпивкой. В итоге алкоголизм представлял собой еще одну проблему практически неизбежную в среде людей, живших под постоянным пристальным вниманием общества и всецело зависящих от своего ненадежного дара, которого никто не знал, а многие и вовсе отрицали. Мэри Розина Шауэрз, известный английский медиум, выпивала прямо во время сеансов, а обе сестры Фокс спились до смерти. Кроме того, «искренние» медиумы совершенно не понимали, что происходит с ними во время сеансов: даже человек, скептически относящийся к реальности духов и посланий от них, не всегда может четко провести черту между сознательным мошенничеством и искренней верой. Спириты оказывались одурочены своим даром не меньше клиентов. Когда медиум заболел (что случалось нередко), стандартным диагнозом становилось «психическое истощение». Многие спириты умирали в раннем возрасте, не выдержав постоянного напряжения. Короче говоря, у них была нелегкая жизнь. Интересующимся историей спиритизма можно

порекомендовать книги «Иной мир: Спиритизм и психические исследования в Англии, 1850–1914» Дж. Оппенгейма (J.Oppenheim. The Other World, Spiritualism and Psychical Research in England, 1850–1914, Cambridge University Press, 1985), «Спиритуалисты: История Флоренс Кук и Уильяма Крукса» Т.Г.Холла (T.H.Hall. The Spiritualists: The Story of Florence Cook and William Crookes. Helix Press, 1962) и «Спиритуалисты» Р.Брэндона (R.Brandon. The Spiritualists. Alfred A. Knopf, 1983). Существует также биография Хоума, написанная Э.Дженкинсом и озаглавленная: «Тень и свет: В защиту медиума Дэниэла Хоума» (E.Jenkins. The Shadow and the Light: a Defence of Daniel Dunglas Home, the medium. Hamish Hamilton, 1982). Из литературы о связях между феминизмом и спиритуализмом наиболее любопытен труд: А.Оуэн. «Темная комната: Женщины, власть и спиритизм в Англии позднего викторианского периода» (A.Owen. The Darkened Room: Women, Power and Spiritualism in Late Victorian England. Virago, 1989).

⁸ - 5. R.D.Owen. The Debatable Land Between This World And The Next, n.p., 1872, p. 46.

⁹ - 6. Краткую биографию Сведенборга можно найти во всех книгах, перечисленных выше в примечании 4. См. также «Эммануэль Сведенборг: ученый и мистик» С. Токсвига (S.Toksvig. Emmanuel Swedenborg. Scientist and Mystic. Yale University Press, 1948) и «Эммануэль Сведенборг» И.Джонссона (I.Jonsson. Emmanuel Swedenborg. New York, 1971). Большая часть важнейших религиозных трудов Сведенборга переведена на европейские языки. Издано также собрание писем Сведенборга (A.Acton. The Letters and Memorials of Emmanuel Swedenborg, Pennsylvania. Bryn Athyn, 1948).

¹⁰ - 7. О месмеризме см. труд Р.Дарнтон «Месмеризм и конец эпохи Просвещения во Франции» (R.Darnton. Mesmerism and the End of the Enlightenment in France, Harvard University Press, 1968). Месмеристы были далеко не единственной группировкой, верившей в существование силового поля, которым можно управлять посредством силы воли. Последователи барона Рейхенбаха (ум. 1869)

экспериментировали с магнитным флюидом, который они называли «одил» или «од».

¹¹ - 8. Подробнее об учении «Христианской науки» см.: S.Gottschalk, *The Emergence of Christian Science in American Life*. University of California Press, 1973.

¹² - 9. Главный источник сведений о Харрисе – книга Х.Шнайдера и Г.Лоутона «Пророк и пилигрим. Невероятная история Томаса Лэйка Харриса и Лоуренса Олифанта: сексуальный мистицизм и утопические общины, с подробной документацией, способной убедить даже скептика» (H.Schneider, G.Lawton. *A Prophet and a Pilgrim, Being the Incredible History of Thomas Lake Harris and Laurence Oliphant: Their Sexual Mysticism and Utopian Communities Amply Documented to Confound the Sceptic*. Columbia University Press, 1942).

¹³ - Харрису

¹⁴ - 10. Лоуренс Олифант, цит. по книге Розамунды Д.Оуэн «Моя опасная жизнь в Палестине» (Rosamund D. Owen. *My Perilous Life in Palestine*. Alien Unwin, 1928, p.28).

¹⁵ - 11. См. книги А.Тэйлора «Лоуренс Олифант» (A.Taylor. *Laurence Oliphant*. Oxford University Press, 1982) и М.Олифант «Воспоминания о Лоуренсе Олифанте и его супруге Элис Олифант» (M.Oliphant. *Memoir of Laurence Oliphant and of Alice Oliphant, his wife*. William Blackwood Son, 1981).

¹⁶ - 12. Помимо прочего, Олифант за свою богатую приключениями жизнь помогал пэру Англии графу Элджину в период, когда тот был генералом-губернатором Канады; участвовал в первой британской экспедиции в глубь Японии (несколько членов отряда погибли от рук местных фанатиков, ненавидевших все западное); в военном походе 1857 года против китайцев (под началом Элджина), в ходе которого был сожжен Летний дворец императора (в наказание за то, что китайцы не пожелали уступить британскому правительству в скандальной истории с торговлей опиумом); препятствовал планам Наполеона III по объединению Италии; вел отчеты о франко-прусской войне из немецкого главного штаба; участвовал во множестве финансовых и дипломатических

интриг на Балканах и в Центральной Европе; строил железные дороги на Ближнем Востоке; финансировал закладку трансатлантического телеграфного кабеля; строил заговоры против Османской империи; пытался уладить конфликты вокруг испанского престолонаследия; а также (что было предметом особой его гордости) не совсем безуспешно боролся за создание нового отечества для евреев в Палестине. За пределами узкого круга аристократов Олифант также создал себе некоторую известность благодаря журналистской деятельности, книгам о путешествиях и художественным романам.

¹⁷ - Глава 2 Мэлони и Джек¹. Основной источник сведений об Олькотте – четырехтомная автобиография «Листы из старого дневника» (Old Diary Leaves. 4 vols., Theosophical Publishing House, Adyar, 1895–1935). Труд Г.Мерфета «Молот на горе: Жизнь Генри Стила Олькотта» (H.Murphet. Hammer on the Mountain: The Life of Henry Steel Olcott. Theosophical Publishing House, Adyar, 1972) повторяет, дополняет, а иногда и уточняет фактическую часть повествования полковника, однако почти никак не интерпретирует эти факты.

¹⁸ - 2. Подробный рассказ о событиях на ферме Эдди см.: Р.Перселл, цит. соч.

¹⁹ - 3. Основной источник сведений о молодых годах жизни Блаватской – ее собственные рассказы и записи; в первую очередь переписка с А.П.Синнеттом. Другой часто цитируемый источник информации о первых трех десятилетиях ее жизни – вышедшие посмертно воспоминания кузена Блаватской графа С.Ю.Витте (1849–1915). Обычно эту книгу считают фальшивкой, хотя Энсбери (см. ниже) предполагает, что Витте на самом деле написал мемуары, впоследствии измененные царскими агентами. Среди биографий Блаватской наиболее живая и увлекательная принадлежит перу Дж. Симондса (J.Symonds. Madame Blavatsky. Odhams, 1959), хотя под конец она становится несколько скучна, с точки зрения фактического материала лучшим источником, пожалуй, является несколько тенденциозный труд Виктора Эндерсби «Зал волшебных зеркал» (V.Endersby. The Hall of Magic Mirrors. Carlton Press,

1969). Книга Эндерсби частично основана на обширных исследованиях внучатого племянника Блаватской Бориса Зиркова. См. также статью Р.С.Хатч «Разоблаченная Елена Блаватская» в «Журнале религиозной истории», II, N 2, 1980 (R.S.Hutch. Helena Blavatsky Unveiled. – The Journal of Religious History, II, № 2, 1980).

²⁰ - 4. The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett. T.Fisher Unwin, 1925, p. 149.

²¹ - 5. V.Jelihovsky. The Truth About Madame Blavatsky.

²² - 6. «Гинекологическая история» Блаватской не менее запутана, чем все прочие связанные с нею факты. В 1885 г. из-за нападок врагов Теософского Общества, обвинявших ее, помимо прочего, в якобы бывших у нее в молодости скандальных любовных связях, Блаватская обратилась к доктору Леону Опенгейму, который диагностировал «anteflexio uteri» (перегиб тела матки спереди). В качестве доказательства своей добропорядочности Блаватская послала заключение доктора Опенгейма Олькотту с характерным для нее комментарием: «Вот оно, ваше глупое свидетельство. Вот вам все доказательства нетронутой невинности в лице женщины, у которой после падения с лошади все нутро вывернуто наизнанку... Врач, который обследовал меня три раза, говорит лишь то, что сказали профессора Боткин и Пирогов еще во Пскове в 1862 г. Я никогда не могла иметь сношений с мужчиной без воспаления внутри, так как у меня там чего-то не хватает...» (цит. по: Дж. Симондс, указ. соч.). Одновременно Блаватская пишет Синнетту (которому тоже была отправлена копия медицинского заключения(1)), что доктор обнаружил, что у нее «от рождения матка загнута» и у нее никогда не могло быть детей, и это является причиной заболевания мочевого пузыря (The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett. T.Fisher Unwin, 1925, p. 177). Впрочем, Эндерсби считает, что Блаватская была гермафродитом. Другие подозревают ее в лесбийских наклонностях или трансвестизме. Дело осложняется легендой об «астральном подопечном» Блаватской, ребенке по имени Юрий, который был вписан в ее паспорт для проезда в Тавриду, Херсон и Псковскую губернию в 1862 г. Он был сыном ее друга и

умер в детстве.(1) Именно Синнет настаивал на получении Блаватской такого свидетельства, поскольку недоброжелатели Теософского Общества распускали слухи о том, что его основательница в прошлом была дамой полусвета и у нее был незаконнорожденный ребенок. – Прим. ред.

²³ - 7. Эти два офицера упомянуты в памфлете У.А.Кэрритерса «Открытое письмо автору «Жрицы Оккультизма» (W.A.Carrithers. An Open Letter to the Author of «Priestess of the Occult», n.d.). Согласно Кэрритерсу, майор Кросс, бывший агентом Далай-Ламы, сообщал, что местные жители рассказывали о белой женщине, путешествовавшей в 1867 г. на севере Тибета. Другой офицер, Мюррей (после смерти Блаватской), показал, что задержал ее при попытке проникнуть на территорию Тибета в 1867 г.

²⁴ - 8. 12 декабря 1903 г. полковник Фрэнсис Янгхасбэнд пересек границу Тибета с отрядом британских солдат и в сопровождении гурхов и сикхов. С ними было десять тысяч кули, семь тысяч мулов и четыре тысячи яков. 3 августа 1904 г. Янгхасбэнд вошел в город Лхаса с дипломатическим поручением к Далай-Ламе. Для британских властей (и в особенности – для покровителя Янгхасбэнда, вице-короля лорда Керзона) это был очень важный момент в истории борьбы между Российской и Британской империями за господство в Центральной Азии. Эта история подробно изложена в книге П.Хопкирка «Большая игра. О службе в Центральной Азии» (P.Hopkirk. The Great Game. On Service in Central Asia, Oxford University Press, 1991).

²⁵ - 9. Эта гипотеза далеко не нова. См.: J.Webb. The Harmonious Circle. Thames Hudson, 1980, pp. 526–527.

²⁶ - 10. C.Wachtmeister. Reminiscences of Madame Blavatsky and the Secret Doctrine. London, privately printed, 1893.

²⁷ - 11. Подробнее о Шамбале см. книгу Р.Генона «Царь Мира». Марко Паллис описывает царство Шамбалы как легенду, известную во всех ламаистских странах. Он также обсуждает вопрос тождественности Шамбалы с Агартхой – местом, изобретение которого, по-видимому, принадлежит французскому

окультисту Иву де Сент-Альвейдру. См.: M.Pallis. «Ossendowskís Sources» in *Studies in Comparative Religion*. Vol. 15, № 1, 2, winter/spring 1983, pp. 30–41.

²⁸ - 12. Э.Бульвер-Литтон. Занони.

²⁹ - 13. Достоверной и подробной биографии Бульвер-Литтона не существует. Можно лишь найти самые общие сведения о его жизни в двухтомнике В.Литтона «Жизнь Эдварда Бульвера, первого лорда Литтона, описанная его внуком» (V.Lytton. *The Life of Edward Bulwer, first Lord Lytton, by His Grandson*. 2 vols. Macmillan, 1913).

³⁰ - 14. Альфонс-Луи Констан (1810–1875) получил теологическое образование, однако отказался от карьеры священника, сделавшись учеником Мапа (Луиса Ганно), который 15 августа 1838 г. провозгласил себя божеством. Помимо прочего, Ганно проповедовал коммунизм и «евангелие андрогинии» (отсюда и его псевдоним «Мапа» (Mapah), составленный из первых слогов слов «мама» (maman) и «папа» (papa)). Социалист и сведенборгианец, Элифас Леви стал практикующим магом и окультистом после провала революции 1848 г., которую он активно поддерживал. Не добившись признания во Франции, он посетил Лондон, где подружился с Бульвером-Литтоном; они стали переписываться по оккультным вопросам, а Элифас Леви вызывал духов на крыше магазина на Риджент-стрит в присутствии лорда Литтона. Стандартную (и весьма тенденциозную) биографию Элифаса Леви см.: P.Chacornac. *Eliphas Luví: Runovateur de l'Occultisme en France*, Chacornac Freres, 1926. Можно порекомендовать также великолепные портреты Элифаса Леви в «Странных историях» Р.Ли Вольфа (R.Lee Wolff. *Strange Stories*. Boston, Gambit, pp. 260–264) и в книге Ф.Кинга «Ритуальная магия» (F.King. *Ritual Magic*. Neville Spearman, 1970). Блаватская, считавшая Элифаса Леви окультистом-теоретиком, а не адептом-практиком, была знакома с обоими его наиболее известными учениками: бароном Спедальери (с которым она встретилась в Марселе в 1884 г.) и с фрау Гефардт – одной из первых сторонниц Теософского Общества в Германии.

³¹ - 15. О розенкрейцерах см: Ф.Иитс. «Розенкрейцеровское Просвещение» (F.Yeats. Rosicrucian Enlightenment. Arkana, 1986). Отличное краткое изложение учения розенкрейцеров можно найти в «Странных историях» Р.Ли Вольфа (R. Lee Wolff. op. cit., pp. 163–166).

³² - 16. Symonds, op. cit., pp. 32–37.

³³ - 17. Цит. по.: Symonds, op. cit., p. 36.

³⁴ - 18. Отсюда и далее до конца главы сведения взяты из подробных воспоминаний Олькотта «Листки из старого дневника» (Old Diary Leaves) и «Люди с того света» (People from The Other World. American Publishing Company, 1875).

³⁵ - 19. Роберт Дэйл Оуэн был сыном Роберта Оуэна и в некотором роде также радикалом. Он опубликовал скандальный бестселлер о контроле над рождаемостью, где проповедовал равенство полов и свободную любовь. Кроме того, он сделал неплохую гражданскую карьеру, добившись членства в Конгрессе и побывав американским посланником в Неаполе. Именно в Неаполе, после смерти своего сына, Оуэн увлекся спиритизмом и подружился с Дэниэлем Дангласом Хоумом. Возвратившись в США, он написал книгу «Шаги на границе Иного Мира» (Footfalls on the Boundary of Another World), где проявил осторожность в оценке спиритизма; однако к моменту знакомства с Холмсами Оуэн уже был готов поверить во все, что угодно. См. указ. соч. Розамунды Дэйл Оуэн.

³⁶ - Глава 3 Вести из ниоткуда¹. Симондс, указ. соч. с. 67.

³⁷ - 2. Там же, указ. соч. с. 84.

³⁸ - 3. «Листы из старого дневника», т. 1, с. 286.

³⁹ - 4. Подробнее о Смите и мормонах см.: М.Ратвен. «Божественный супермаркет» (M.Ruthven. The Divine Supermarket. Chatto Windus, 1989, pp. 55–91).

⁴⁰ - 5. Силезский сапожник Якоб Беме (1575–1624) разработал сложную философскую систему, чтобы объяснить наличие зла в мире, сотворенном благим и всемогущим Богом. Пользуясь языком алхимии, он считал свою работу «теософией» – изучением Божественной мудрости. Беме оказал существенное влияние на последующую философскую мысль, в

том числе и мистическую. См. также: С.Хобхауз, Якоб Беме, его жизнь и учение (S.Hobhouse. Jacob Bohme. His Life and Teaching. London, 1950).

⁴¹ - 6. В письме от 5 декабря 1878 г., цитируемом у Мэрфета, указ. соч.

⁴² - 7. Олькотт в «Листах из старого дневника» отмечает, что, перед тем как исчезнуть, этот «внушительный индус» оставил деньги.

⁴³ - 8. Письма Блаватской к А.П.Синнетту, с. 305.

⁴⁴ - 9. Там же, с. 33.

⁴⁵ - 10. Там же, с. 160.

⁴⁶ - 11. Там же, с. 28.

⁴⁷ - 12. Там же, с. 305.

⁴⁸ - 13. Эти пометки тщательно переведены в издании писем А.Т.Баркера. Их весьма интересно читать – не в последнюю очередь благодаря живому стилю Блаватской.

⁴⁹ - 14. Письма Блаватской к А.П.Синнетту, с. 6.

⁵⁰ - 15. Там же, с. 306.

⁵¹ - 16. Там же, с. 45.

⁵² - 17. Цит. у Мэрфета, указ. соч.

⁵³ - Глава 4 Неприятности¹. О первых днях Теософского Общества см. книгу Дж. Рэнсома «Краткая история Теософского Общества» (.Ransom. A Short History of the Theosophical Society. ТРН. Adyar, 1938). Сводка истории Общества содержится в книге Б.Ф.Кэмпбелла «Возрождение Древней Мудрости» (B.F.Campbell. Ancient Wisdom Revived. University of California Press, 1980). Кроме отдельно оговоренных случаев, количество членов Общества взято здесь из книги Рэнсома, согласно которой даны также формулировки целей Теософского Общества.

⁵⁴ - 2. Как ни странно, ни одна биография Анны Кингсфорд не может сравниться с двухтомником Э.Мэйтленда «Анна Кингсфорд: Ее жизнь, письма, дневник и труды» (E.Maitland. Anna Kingsford: Her Life, Letters, Diary and Work. George Redway, 1896).

- ⁵⁵ - 3. Maitland, op. cit., vol. 2, p. 229.
- ⁵⁶ - 4. Ibid, vol. 2, p. 125.
- ⁵⁷ - 5. Ibid, p. 291.
- ⁵⁸ - 6. Мари де Помар, дочь графа де Помлра, стала второй женой 14-го графа Кэйтнесс в 1872 г. Папа Лев XIII в 1879 г. пожаловал ей титул герцогини. Ее дом в Ницце назывался «Дворцом Тиренти».
- ⁵⁹ - 7. Письма Блаватской к А.П.Синнетту, с. 66.
- ⁶⁰ - 8. Там же, с. 45.
- ⁶¹ - 9. Там же, с. 80.
- ⁶² - 10. Там же, с. 66.
- ⁶³ - 11. Там же, с. 89.
- ⁶⁴ - 12. F.Hartmann. 'Report of Observations Made During a Nine-Month Stay at the Headquarters of the Theosophical Society at Adyar. India, 1884.
- ⁶⁵ - 13. Ibid.
- ⁶⁶ - 14. Об Обществе Психических Исследований см. в книге А.Голда «Основатели Общества Психических Исследований» (A.Gauld. The Founders of Psychical Research. Routledge Kegan Paul, 1968).
- ⁶⁷ - 15. Цит. по: Симондс, указ, соч., с. 221.
- ⁶⁸ - 16. Письма Блаватской к А.П.Синнетту, с. 95.
- ⁶⁹ - 17. R.Hodgson. 'Report of the Committee appointed to investigate Phenomena in connection with the Theosophical Society'. Society for Psychical Research. Dec 1885.
- ⁷⁰ - 18. В письмах Блаватская возмущенно отрицала, что она критиковала британское правительство в Индии. Обвинения в шпионаже в колониальной Индии были весьма часты, тогда как в Англии они случались реже. Впрочем, 3 января 1889 г. британская газета «Пэлл-Мэлл» напрямую заявила, что ЕПБ и ее подруга Ольга Новикова были русскими шпионками.
- ⁷¹ - 19. Ходжсон, указ. соч.
- ⁷² - 20. Письма Блаватской к А.П.Синнетту, с. 37.
- ⁷³ - 21. Там же, с. 135.
- ⁷⁴ - 22. Там же, с. 77.

⁷⁵ - 23. Страницы старого дневника, т. 2, с. 214. Родившийся в состоятельной браминской семье в 1857 г. (его племянник впоследствии стал спикером нижней палаты индийского парламента), Дамодар был весьма упорным и целеустремленным юношей. Его посещали видения. По словам Олькотта, физически он был «хрупким, как девушка» («Страницы старого дневника», т. 2, с. 212). Обратившись к теософии после прочтения «Разоблаченной Изиды», он оставил жену и отказался от доли родительского наследства, чтобы вступить в Теософское Общество. Возможно, Дамодар участвовал в доставке писем от К.Х. Кроме того, он создал определенные проблемы в теософском штабе в отсутствие Блаватской и Олькотта, поэтому неудивительно, что в июне 1886 г. Кут Хуми написал Олькотту, что Дамодар должен был пострадать за собственное неблагоразумие («Страницы старого дневника», т. 2, с. 213). В то же время наказание смертью за искренние, хотя и неверно направленные стремления кажется нам чрезмерным, а реакция Олькотта – неуместно жизнерадостной. Подробнее об этом эпизоде см. в книге С.Ика «Дамодар и первопроходцы Теософского Общества» (S.Eek. Damodar and the Pioneers of the Theosophical Society. TPH Madras, 1965).

⁷⁶ - Глава 5 Апостольская преемственность¹. Угрозы такого рода ЕПБ слышала не в первый раз. Незадолго до ее отъезда из Индии будущий теософский чела Мохаммед Мюрад Али Бек (в прошлом кавалерийский офицер какого-то мелкого махараджи) сошел с ума и напал на Блаватскую с мечом. К счастью, она осталась цела.

⁷⁷ - 2. Все цитаты в этом абзаце взяты из письма Олькотта к Блаватской, воспроизведенном в издании Писем Блаватской К А.П.Синнетту, с. 333.

⁷⁸ - 3. Письма Блаватской к А.П.Синнетту, с. 123.

⁷⁹ - 4. Там же, с. 182.

⁸⁰ - 5. Там же, с. 328.

⁸¹ - 6. Там же.

⁸² - 7. Рассказ Констанции Вахтмайстер о годах ее сотрудничества с ЕПБ можно найти в книгах: «ЕПБ и нынешний кризис Теософского Общества» (HPB and the Present Crisis in the Theosophical Society. London, 1895) и «Воспоминания о мадам Блаватской и Тайной доктрине» (Reminiscences of Madame Blavatsky and the Secret Doctrine. London, 1893), откуда взят этот эпизод.

⁸³ - 8. Эти эпизоды (как и множество других) красочно изложены в «Современной жрице Изиды» Вс. С.Соловьева, изданной в 1892 г...

⁸⁴ - 9. Письма Блаватской к А.П.Синнетту, с. 103. В том же письме Блаватская называет его «Иудой».

⁸⁵ - 10. Там же, с. 77.

⁸⁶ - 11. Там же, с. 78.

⁸⁷ - 12. Там же, с. 200.

⁸⁸ - 13. W.B.Yeats. Collected Works. Stratford on Avon, 1908, vol. VII, p.192.

⁸⁹ - 14. Это общество, впервые собравшееся 16 июня 1885 г., было независимым от Герметического Общества Кингсфорд, основанного 22 апреля 1884 г...

⁹⁰ - 15. Yeats, op. cit. Полный текст цитаты Йитса из Мохини таков: «Нас, жителей Востока, учат тщательно формулировать принцип, но не учат наблюдать, запоминать и описывать факт. Наше чувство Истины совершенно отлично от вашего».

⁹¹ - 16. Йитс полагал, что объяснить существование Учителей можно четырьмя способами: «1) Возможно, они – живые оккультисты, как утверждает ЕПБ; 2) Возможно, они – бессознательные порождения трансов самой ЕПБ; 3) Не исключено, хотя и маловероятно, что они – духи, на чем настаивают медиумы; 4) Они могут быть трансцендентными принципами природы, проявляющимися в символических образах» (Memoirs. Ed. Donoghue. Macmillan, 1972, p. 281). Читатели могут заметить, что эти объяснения не менее расплывчаты, чем у самой Блаватской. Тем не менее Йитс утверждает в «Трепете вуали», что расплывчатость большинства эзотерических сочинений выводила его из себя и

что именно четкость и подробность текстов Блаватской (особенно «Тайной доктрины») произвела на него чрезвычайное впечатление.

⁹² - 17. W.B.Yeats. Memoirs, p. 281.

⁹³ - 18. Кроме Йитса, в Орден Золотой Зари входили: черный маг Алистер Кроули; основатель оккультного книжного магазина Уоткинса в Лондоне; Анни Хорниман, финансировавшая ряд проектов Ордена; а также сестра философа А. Бергсона, вышедшая замуж за главу Ордена – Макгрегора Матерса. Эта организация во многом напоминала Теософское Общество. Орден разделялся на Внутренний и Внешний круги, признавал Адептов и Тайных Владык, а также Путь Египетских Братьев (встреченных одним из членов Ордена в Британском Музее). Матерс стремился возродить египетские мистерии и, подобно Блаватской, претендовал на общение с Тайными Владыками. Эта претензия сыграла свою роль в скандале конца 1890-х годов, связанном с подложными письмами и закончившемся распадом Ордена. Сам Матерс позднее проводил очевидные параллели между своей судьбой и судьбой Блаватской. Однако братства наподобие розенкрейцеровского Ордена Золотой Зари отличаются от Теософского Общества в одном весьма существенном отношении: для розенкрейцеров характерны таинственность, избирательность, мистичность и чрезвычайная иерархичность, тогда как Теософское Общество (по крайней мере теоретически) общедоступно, открыто, рационально и демократично. Иитс, приравнивавший магию к воображению и считавший поэзию способом воплощения скрытого космического порядка, понял это довольно быстро.

⁹⁴ - 19. Стандартная биография Стеда – книга Ф.Уайта «Жизнь У.Т.Стеда» (F.Whyte. The Life of W.T.Stead. Jonathan Cape. 1925). Более поздние биографические сведения можно найти в книгах А.Тэйлор «Анни Безант» (A.Taylor. Annie Besant. Oxford University Press, 1992) и У.С. Смита (указ. соч.).

⁹⁵ - 20. Рассказ о ранних годах жизни Анни Безант основан в первую очередь на ее «Автобиографии» (A.Besant. Autobiography. TPH Madras, 1908). События более позднего

времени жизни Анни содержатся в книге А.Тэйлор (указ. соч.). А. Тэйлор, приводит множество неопубликованных писем Безант, значительная часть ее превосходной работы отводится годам, которые Анни посвятила теософии.

⁹⁶ - 21. О Брэдлоу см. книгу Х.Б.Боннер «Чарльз Брэдлоу: заметки о его жизни и трудах, написанные его дочерью» (H.B.Bonner. Charles Bradlaugh: A Record of His Life and Work by His Daughter. T. Fisher Unwin, 1895). Имеется и более поздняя биография Д.Трайба (D.Tribe. President Charles Bradlaugh MP, Elek, 1971). См. также работы Тэйлор и Смита, указанные в прим. 19.

⁹⁷ - 22. См.: Тэйлор, указ, соч., с. 261–262.

⁹⁸ - 23. Дж. Б.Шоу. «Назад к Мафусаилу». Шоу верил в эволюцию, но отвергал теорию Дарвина (хотя и уважал ее создателя), поскольку она лишает смысла и цели существование человека. Будучи, по своим собственным словам, рационалистом, Шоу тем не менее отрицает идею о том, что жизнь может быть бессмысленной. Он предпочитает идею Ламарка о целенаправленном развитии, комбинируя ее с ницшеанским представлением о воле и получая в итоге «религию метафизического витализма». Эта теория воплощается в поступке Дон-Жуана из «Человека и сверхчеловека» – пародии на романтическую комедию, в которой Шоу представляет жизненную силу в форме сексуального желания. С другой точки зрения эта идея показана в серии из пяти пьес под общим названием «Назад к Мафусаилу», впервые опубликованной в 1921 г. Продолжение рода здесь замещено личным долголетием. Делая задним числом забавный комплимент Братству Учителей, Шоу предполагает, что средняя продолжительность жизни слишком коротка для государственного деятеля и мыслителя, которым требуется много времени для принятия решений, необходимых для выживания вида. Люди должны жить по крайней мере по триста лет. В настоящем же они умирают практически детьми; следовательно, и ведут себя как дети. Но рано или поздно продолжительность жизни достигнет тысячелетий; и в последней пьесе из этой серии Шоу предсказывает, как будет выглядеть

мир в это время. Долгожительство было популярной темой в ту эпоху – видимо, потому, что, с одной стороны, колебалась вера в бессмертие души, а с другой увеличилась средняя продолжительность жизни (хотя немногие дожили до таких лет, как сам Шоу).

⁹⁹ - 24. Симондс, указ, соч., с. 247.

¹⁰⁰ - 25. Анни Безант. Автобиография, с. 311.

¹⁰¹ - 26. О враждебном отношении Брэдли к ЕПБ и теософии (а значит, и к обращению Анни в теософию) см. в газете «Нэйшнл Реформер» от 2 ноября 1884 г.

¹⁰² - 27. См. книгу М.Д.Конуэя «Автобиография, мемуары и жизненный опыт» (M.D.Conway. *Autobiography, Memories and Experience*. Cassell, 1904, vol. II, p. 264). Эти воспоминания неконформиста, который сам не был теософом, но знал Безант и Блаватскую, проливают неожиданный свет на их круг. См. также книгу того же автора «Мое паломничество к мудрецам Востока» (M.D.Conway. *My Pilgrimage to the Wise Men of the East*. Constable, 1906).

¹⁰³ - 28. Благоклонное описание Джаджа можно найти в книге С.Ика и Б. де Зиркова «Уильям Куэн Джадж, первопроходец теософии» (S.Eek and B. de Zirkoff. *William Judge. Theosophical Pioneer*. TPH Wheaton, 1969).

¹⁰⁴ - 29. Вестминстерская газета, 29 октября 1894 г.

¹⁰⁵ - 30. A.Besant. *The Neutrality of the Theosophical Society*. Privately, 1894, p. 13.

¹⁰⁶ - Глава 6 Второе поколение¹. См. на эту тему: А.Тэйлор, указ. соч. с. 270–272.

¹⁰⁷ - 2. Стед считал, что Чакраварти загипнотизировал миссис Безант (см. его книгу «Borderland», т. 2, с. 170). Американские журналисты, писавшие о Религиозном Парламенте, очевидно, были ближе к истине, утверждая, что Чакраварти спал на пороге ее спальни.

¹⁰⁸ - 3. См.: B.Das. *The Central Hindu College and Mrs Besant*. Divine Life Press, 1913.

¹⁰⁹ - 4. После Первой мировой войны состоятельная Элис Клиффер путешествовала по Индии и Китаю в поисках мудрости.

Она была безжалостной интриганкой и выпустила множество брошюр-памфлетов. Среди них: Н.Р.Блаватский: Her Life and Work for Humanity. Calcutta, 1922; Н.Р.Блаватский: The Great Betrayal. Calcutta, 1922; Buddhism: The Science of Life. Peking, 1928; The Pseudo-Occultation of Mrs A.Bailey. Manila, 1929.

¹¹⁰ - 5. Биографию Тингли подробно излагает Э.Э.Гринуолт, приводя также документы, иллюстрирующие расцвет и упадок общины на Пойнт-Лома. См. его книгу «Калифорнийская утопия: Пойнт-Лома 1897–1942» (California Utopia: Point Loma 1897–1942, Point Loma Publications, 1978).

¹¹¹ - 6. Цит. по книге С.Райена «Е.П.Блаватская и теософское движение» (C.Ryan. H.P.Blavatsky and the Theosophical Movement. Point Loma Press, 1937, p. 343).

¹¹² - 7. О Готфриде де Пуруккере (1874–1942) см.: Гринуолт, указ. соч., с. 194–196. Г.Н.Стоукс шутливо называет многословные сочинения Пуруккера «теософской тарабарщиной».

¹¹³ - 8. «Нью-Йорк Геральд», 5 апреля 1897 г.

¹¹⁴ - 9. Джером Андерсон в «Сан-Франциско Кроникл» от 25 марта 1902 г. Эта ссылка позаимствована у Гринуолта.

¹¹⁵ - 10. Великолепную биографию Ледбитера написал Грегори Тиллетт: «Старший брат: биография Чарльза Уэбстера Ледбитера» (G.Tillett. The Elder Brother: A Biography of Charles Webster Leadbeater. Routledge «с Kegan Paul, 1982).

¹¹⁶ - 11. Вымышленная автобиография Ледбитера фрагментарно разбросана по мемуарам его учеников и записям бесед с ним. См. также: Saved by a Ghost. A True Record of Adventure in Brazil..., Bombay, office of the Theosophist, 1911.

¹¹⁷ - 12. Вера в то, что Христос реально присутствует при вкушении верующим хлеба и вина, превращающихся в Его плоть и кровь.

¹¹⁸ - 13. Ч.У.Ледбитер. Как ко мне пришла теософия (C.W.Leadbeater. How Theosophy Came to Me. TPH. Adyar, 1930, p.62).

¹¹⁹ - 14. См.: К.Джинараджадаса. Письма К.Х. к Ч.У.Ледбитеру (C.Jinarajadasa. The K.H. Letters to

C.W.Leadbeater. ТРН. Adyar, 1941, passim).

¹²⁰ - 15. Позднее Ледбитер утверждал, что узнал в этом мальчике дух своего покойного брата Джеральда.

Джинараджадаса (1875–1953) окончил колледж Сент-Джона в Кембридже, женился на англичанке в 1916 г. и в конце концов стал президентом Теософского Общества в 1945 г.

¹²¹ - 16. По крайней мере так утверждал сам Ледбитер, судя по словам Джинараджадасы в его предисловии к позднейшим изданиям «Астрального плана».

¹²² - 17. Это письмо неоднократно цитируется в книге Г.Тиллетта (указ. соч.) и в «Эволюции миссис Безант» (The Evolution of Mrs.Besant) редакторов журнала «Джастис» (Мадрас, 1918).

¹²³ - 18. Там же.

¹²⁴ - 19. См.: А.Тэйлор, указ, соч., с. 283.

¹²⁵ - 20. Цит. по: А.Нетеркот. Последние четыре воплощения Анни Безант. (A.Nethercot. The Last Four Lives of Annie Besant. Hart-Davis. 1963, p. 96).

¹²⁶ - 21. Цит. по: Г.Тиллетт, указ, соч., с. 93. Синнетт также отрицал, что астральные посетители у ложа больного полковника были Учителями, обвиняя Анни в неподобающем влиянии на Олькотта и в том, что она заставила его написать Ледбитеру покаянное письмо.

¹²⁷ - Глава 7 Мальчики и боги¹. См.: C.W. Leadbeater, The Master and the Path, ТРН Adyar, 1925.

¹²⁸ - 2. Н.Р. Blavatsky. Preliminary Memorandum, цит. по: Tillet, op. cit.

¹²⁹ - 3. См.: А. Besant. The Coming of the World Teacher, ТРН Adyar. 1925, и C.W. Leadbeater. Why a Great World Teacher? Sydney, OSE, 1915. Оба автора используют термины Мессия и Учитель Мира, не делая между ними различий.

¹³⁰ - 4. Письма Ледбитера к Анни Безант по этому поводу были опубликованы в журнале «The Theosophist» за июнь 1932 года (цит. по этому изданию).

¹³¹ - 5. См.: E. Wood. Clairvoyant Investigations by C. W. Leadbeater and the Lives of Alcyone, 1947. См. также Theosophical

Journal, январь-февраль 1965, где обсуждается этот вопрос.

¹³² - 6. См.: E. Wood, op. cit.

¹³³ - 7. Ледбитер к Анни Безант, 1909, цит. по M. Lutyens. Krishnamurti: The Years of Awakening (КТУОА), John Murray, 1975, p. 33.

¹³⁴ - 8. Эпизод живо описан в КТУОА.

¹³⁵ - 9. E. Lutyens. Candles in the Sun, Hart-Davis, 1957, p. 78.

¹³⁶ - 10. Согласно Мери Летъенс, летом 1913 года мисс Додж выделила 500 фунтов стерлингов Кришнамурти и 300 фунтов Нитье. Это было сверх тех 125 фунтов, которые миссис Безант выделяла на содержание Кришнамурти в Англии ежемесячно. См.: M. Lutyens. The Life and Death of Krishnamurti, John Murray, 1990.

¹³⁷ - 11. КТУОА, с. 100.12. CITS, с. 39.13. CITS, с. 43. Ледбитер сказал Анни, что это была особая тень ауры Повелителя Майтрейи.14. Там же. Сэр Эдвин ненавидел теософию. Он писал жене: «Я не хочу потерять тебя, дорогая, в этих безбрежных туманах...» (CITS, с. 38).

¹³⁸ - 15. Ледбитер к Безант, цит. по: Extracts from letters from C. W. Leadbeater to Annie Besant 1916–1923, ed. C. Jinarajadasa, TPH Adyar, 1952.

¹³⁹ - 16. «Разоблаченная Изида», т. II, с. 544.

¹⁴⁰ - 17. C. W. Leadbeater. Australia and New Zealand: The Home of a New Sub-Race, Sydney, Theosophical Society, 1915.

¹⁴¹ - 18. H. N. Stokes. O. E. Library Critic, 25 июня 1919 года.

¹⁴² - 19. Дас, указ. соч.

¹⁴³ - 20. A. Cleather. H. P. Blavatsky: The Great Betrayal.

¹⁴⁴ - Его

¹⁴⁵ - 21. H. N. Stokes, op. cit.

¹⁴⁶ - Глава 8 Ариман и Люцифер¹. См.: R. Steiner. The Ahrimantic Deception, pp. 3–15; Three Streams In Human Evolution: The Influence of Lucifer and Ahriman. Упоминания о Люцифере и Аримане можно встретить во многих работах Штейнера. За исключением особых случаев, цитаты приводятся по изданиям Rudolf Steiner Press.

¹⁴⁷ - 2. Все биографии Штейнера достаточно бедны. Наиболее обстоятельна: S.C. Easton. Rudolf Steiner: Herald of a New Epoch, The Anthroposophic Press, 1980. За исключением особых случаев факты из его жизни взяты из автобиографии Штейнера «Mein Lebensgang» (в англ. пер. – Rudolf Steiner. An Autobiography. The Anthroposophic Press, 1977). Повествование в ней заканчивается первыми годами XX столетия. Личные воспоминания о Штейнере см.: F. Rittelmayer, Rudolf Steiner Enters My Life, Christian Community Press, 1954. Об отношении Штейнера к своей работе см. A. P. Shepherd. A Scientist of the Invisible, Holder Stoughton, 1954. Литература о Штейнере на немецком слишком многочислена и не может быть приведена в данном издании. Большинство книг написано либо им самим, либо его последователями. Англоязычных читателей отсылаем к каталогу издательства Rudolf Steiner Press в Великобритании или Anthroposophic Press в США. Существуют также библиотеки Антропософского Общества в Лондоне и Нью-Йорке.

¹⁴⁸ - 3. Эрнст Геккель (1834–1919) занимался, в частности, теорией полового отбора.

¹⁴⁹ - 4. См.: R. Steiner. A Theory of Knowledge Implicit in Goethé's World Conception.

¹⁵⁰ - 5. См.: R. Steiner, Aspects of Human Evolution; The Karma of Materialism.

¹⁵¹ - 6. Существует множество портретов, составленных его почитателями, в том числе A. Steffen. Meetings With Rudolf Steiner, Verlag fur Shoene Wissenschaft, 1961; F. Rittelmayer. op. cit.; Gunter Washmuth. The Life and Work of Rudolf Steiner, Whittier Press, 1955 (довольно скучная книга главного заместителя Штейнера).

¹⁵² - 7. О Марии фон Сиверс см.: M. Savitsch. Marie Steiner von Sievers: Fellow Worker with Rudolf Steiner, Rudolf Steiner Press.

¹⁵³ - 8. Эдуард Шюре, необычайно плодовитый и влиятельный автор The Great Initiates, Rider, 1912.

¹⁵⁴ - 9. За исключением особых случаев нижеследующее описание основано на книге самого Успенского «В поисках

чудесного» (In Search of the Miraculous (ISOTM), Arkana, 1987; «Autobiographical Fragment» – приложение к его A Further Record, Routledge Kegan Paul, 1986, pp. 299–303; The Strange Life of Ivan Osokin. Stourton Press. 1947; a New Model of Universe, Alfred A. Knopf, 1934). Об истории антропософии в России см. N. Berdyaev. Dream And Reality, Greenwood Press, 1950. О русской теософии см. N. Zernov. The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century, London, 1963. Лучшее описание отношений между Успенским и Гурджиевым можно найти в сочинении Дж. Уэбба.

¹⁵⁵ - 10. An Episode of Flatland, Swan Sonnenschein Co., 1911.

¹⁵⁶ - 11. Пожалуй, работы самого Успенского лучше всего свидетельствуют о развитии его идей. См. также. Webb, указ, соч., с. 109–117.

¹⁵⁷ - 12. О воззрениях Ницше см. A. R. Orage. Frederick Nietzsche, the Dionysian Spirit of the Age, London and Edinburgh, 1906, а также Consciousness, Animal, Human and Superhuman, TPH Benares, 1907.

¹⁵⁸ - 13. О русском оккультизме см. J. Webb. The Occult Establishment. Open Court Publishing, 1976.

¹⁵⁹ - 14. О Кейзерлинге см. ниже, главу 12.

¹⁶⁰ - Глава 9 Военные игры¹. По поводу взглядов Ледбитера на войну см. The Great War, TPH Adyar, n.d., и The Theosophist, January, 1915.

¹⁶¹ - 2. R. Steiner, The Karma of Untruthfulness, vol. I.

¹⁶² - 3. R. Steiner, Destinies of Individuals and Nations.

¹⁶³ - 4. Эти лекции включали такие темы, как «Эволюция германской души», «Деятельная и творческая сила германского духа», «Омолаживающая сила немецкого народного духа» и т. Д.

¹⁶⁴ - 5. О последних двадцати годах жизни Штейнера см.: S. C. Easton. Rudolf Steiner: Herald of a New Epoch, The Anthroposophic Press, 1980. Но также см. главу 8, прим. 2.

¹⁶⁵ - 6. См. R. Steiner, The Tension between East and West.

¹⁶⁶ - 7. Об арийском вопросе и его последствиях см. M. Olender. The Languages of Paradise, Harvard University Press,

1992.

¹⁶⁷ - 8. H. S. Chamberlain, *The Foundations of the Nineteenth Century*, John Lane, 1911.

¹⁶⁸ - 9. В современную эпоху идея о проводниках душ, по всей видимости, появилась сначала среди месмеристов, которые во время Крымской войны заявляли, что их предводитель был слишком занят проводами душ погибших солдат, чтобы обращать внимание на что-то еще. Ледбитер писал о Невидимых Помощниках еще в 1896 году. См. его книгу «Invisible Helpers», TPH London и Р. Штейнер Между жизнью и смертью. Одним из неожиданных преимуществ гибели на поле боя оказывалось то, что ваша душа могла возродиться теософом.

¹⁶⁹ - 10. CITS, p. 86.

¹⁷⁰ - 11. Цит. по: G. Painter. *Marcel Proust: A Biography*, vol. II, Chatto Windus, p. 223.

¹⁷¹ - 12. См. очерк о войне в *Pelican Freud Library*, vol. XXII, Penguin, 1983, p. 48.

¹⁷² - 13. О Дягилеве см. замечательную биографию Ричарда Бакла.

¹⁷³ - 14. Некоторые авторы всерьез относились к идее непосредственного знакомства Блаватской и Гурджиева. Особо примечательны две статьи Сеймура Гинзбурга в журнале «*American Theosophist*»: «Вклад Гурджиева в теософию» (*Gurdjieffs Contribution to Theosophy*), AT 75, N. 11, December 1987, pp. 406–410, и «НРБ, Gurdjieff and the Secret Doctrine» в предыдущем выпуске. Я благодарен мистеру Гинзбургу за переписку со мной по этому вопросу и за копию статьи «Гупта-Видья: предсказанная Блаватской, осуществленная Гурджиевым», отправленную им в Теософский исторический центр в 1989 г. Именно мистер Гинзбург указал мне на отрывок из книги «*A Study of Gurdjieffs Teaching*», 1957, написанной учеником Гурджиева, Кеннетом Уокером. Уокер упоминает о некоем письме Блаватской, в котором она предсказывала, что «следующим великим проповедником восточных идей в Европе

будет учитель восточных танцев» (Walker, p. 152). Однако ни я, ни мистер Гинзбург не смогли обнаружить текст этого письма.

¹⁷⁴ - 15. Историк, изучающий ранние годы жизни Гурджиева, сталкивается с теми же проблемами, что и исследователь первых сорока лет жизни Блаватской: единственным источником служат их собственные сообщения. За исключением особо отмеченных случаев, следующее повествование основано на книге Гурджиева «Встречи с замечательными людьми» (Meetings With Remarkable Men (MWRM), trans. A. R. Orage, Arkana, 1985). Что касается других жизнеописаний Гурджиева, то вниманию читателя можно предложить книгу склонного к полемике ученика Беннетта (J.G. Bennett. Gurdjieff: Making a New World, London, 1973), написанную живым языком; но лучшая, на наш взгляд, биография это J. Moore. Gurdjieff: The Anatomy of a Myth, Element, 1991. Могут оказаться полезными также J. and E. Bennett. Idiots in Paris: Diaries of J.G. Bennett and Elisabeth Bennett 1949, Coombe Springs Press, 1980, и заманчиво озаглавленная книга C.S. Nott. Teachings of Gurdjieff: Journal of a Pupil. An Account of Some Years with G.I. Gurdjieff and A.R. Orage in New York and at Fontainebleau-Avon, Routledge Kegan Paul, 1961.

¹⁷⁵ - 16. Цит. по: J.G. Bennett. Gurdjieff: Making a New World.

¹⁷⁶ - 17. Подробное описание этого периода см.: P. Hopkirk. Op. cit. По поводу отождествления Гурджиева с тибетским агентом см. J. Webb. The Harmonious Circle, op. cit., pp. 52–73. Автор очень детально исследует этот вопрос.

¹⁷⁷ - 18. Абдулла (1881–1945), возможно, был наполовину русским и наполовину афганцем. Искатель приключений и фантазер, он написал автобиографию: My Nine Lives (Hurst Blackett), вышедшую в 1934 году.

¹⁷⁸ - 19. P. Dukes. The Unending Quest, Casse, 1950.

¹⁷⁹ - 20. Перепечатано в: G.I. Gurdjieff. Views from the Real World, Arkana, 1984.

¹⁸⁰ - 21. При коммунистах Меркулов стал процветающим скульптором-монументалистом. Как Гурджиев (MWRM, p. 710),

так и Томас и Ольга Гартманн (Our Lives with Mr Gurdjieff, Arkana, 1992, р. IX) упоминают об этом знакомстве.

¹⁸¹ - 22. ISOTM, р. 7.

¹⁸² - 23. ISOTM, р. 7.

¹⁸³ - 24. ISOTM, р. 11.

¹⁸⁴ - 25. ISOTM, р. 15.

¹⁸⁵ - 26. ISOTM, р. 24.

¹⁸⁶ - 27. ISOTM, р. 21.

¹⁸⁷ - Глава 10 Путешествия¹. Рассказ о событиях в жизни Гурджиева в период между началом Революции и отплытием в Константинополь в августе 1921 г. основан на трех мемуарах: Успенский. ISOTM; Т. и О. Гартманн. OLWMG; и С. В. Roberts. In Denikin's Russia. Из-за сложности рассказа, я не делал ссылок, за исключением упоминаний других источников.

¹⁸⁸ - 2. Этот проспект цит. по: ISOTM, pp. 380–381.

¹⁸⁹ - 3. О Четвертом Пути см. P. D. Ouspensky. The Fourth Way, Routledge Keagan Paul, 1957, и ISOTM, pp. 48–51, 312–313.

¹⁹⁰ - 4. О Жак-Далькрозе и «эвритмике» см. ниже, с. 200–201.

¹⁹¹ - 5. P. D. Ouspensky. Letters From Russia, Arkana, 1992.

¹⁹² - Orage

¹⁹³ - 6. Эти детали я почерпнул в лекциях Джеймса Мора о Нотте. См. Мор, указ, соч., с. 382.

¹⁹⁴ - 7. Мор предполагает, что Гурджиев посещал город в 1885 и 1889 гг. Принимая во внимание обостренный антагонизм Турции и Америки, грек-армянин Гурджиев должен был оказаться в очень деликатной ситуации.

¹⁹⁵ - 8. Сабехеддин был внуком одного султана и племянником трех других, включая последнего, Мехмета VI Вахдеттина (чье правление закончилось в 1922 г.) и печально знаменитого Абдул-Хамида II (правившего в 1876–1909 гг.), чья реакционная политика ускорила падение Османской империи.

¹⁹⁶ - 9. J. G. Bennett. Witness, Omen Press, Tucson, 1974. Следующие страницы основаны на собственных воспоминаниях Беннетта, причем они довольно сильно отличаются от

официальных бюллетеней Министерства иностранных дел (особенно документы PRO из серии FO 371) и могут удивить читателя. Они охватывают десятилетие с 1921 по 1931 г. В них Беннетт обвиняется в незаконной перевозке гашиша, завышении золотых проб с целью продать рудник за более высокую цену, подстрекании к восстанию и в сговоре с инспектором королевского монетного двора. Причем он фигурирует не только в британских отчетах. В 1920-х годах турецкое и греческое правительства также собрали обширный материал по Беннетту. 3 марта 1928 г. его обвинили в попытке подкупить земельную регистратуру в греческом порту Кавалла.

¹⁹⁷ - 10. Леди Ротермер, Мэри Лилиан (1875–1937) была женой первого виконта Ротермера, одного из основателей газетной империи Хармсворта. Она стала щедрой патронессой как Успенского, так и Гурджиева.

¹⁹⁸ - 11. Синклер дает яркое описание Хеллерау и тамошнего распорядка дня в своем романе «Конец света». Он интересовался независимыми духовными учителями своего времени, в том числе и Гурджиевым.

¹⁹⁹ - 12. А. С. Нейл, реформатор системы образования, основавший серию прогрессивных школ в первой половине столетия. См. также E. Muir. *An Autobiography*. London, 1954.

²⁰⁰ - 13. Существует биография Орейджа, написанная П. Мейретом (P. Mairet). См. также P. Selver. *Orage and the New Age Circle*, Alien 8c Unwin, 1959, и W. Martin. *The New Age under Orage*, Manchester University Press, 1967.

²⁰¹ - 14. H. Jackson. «A. R. Orage: personal recollections"// *The Windmill*, 1948, vol.3, № 11.

²⁰² - 15. Холбрук Джексон родился в Ливерпуле и по большей части самостоятельно получил образование. В 1913 г. он опубликовал свою наиболее известную работу: «Тысяча восемьсот девяностые». Она до сих пор является хорошим справочником по литературе того периода. Он также написал биографии Эдварда Фитцджеральда, Джорджа Бернарда Шоу и Уильяма Морриса.

²⁰³ - 16. Holbrook Jackson//*The Windmill*, op. cit.

²⁰⁴ - 17. Orage, op. cit.

²⁰⁵ - 18. Южноафриканская актриса Беатрис Хастингс родилась в 1879 г. и получила имя Эмили Элис Хейт. Она стала активной защитницей мадам Блаватской и написала несколько гневных памфлетов, направленных против Ходжсона, SPR и Эммы Куломб. См. J. Carswell. *Lives and Letters*. London, 1978.

²⁰⁶ - 19. О Митриновиче см. Selver, указ, соч., и J. Webb, указ. соч.

²⁰⁷ - Глава одиннадцатая. Личные дела¹. Elizabeth Lutyens. *The Goldfish Bowl*, Cassel, 1982, p. 35. Юная Бетти Летъенс пыталась найти себя в теософии, следуя примеру матери, но ее постигло разочарование. Тогда она решила профессионально заниматься музыкой и стала брать уроки композиции у теософа по имени Фоулз, чье сочинение «Мировой реквием» якобы было продиктовано ему св. Михаилом. Фоулз вовлек Бетти в оккультную практику, приведшую ее к нервному срыву в семнадцать лет.

²⁰⁸ - 2. Мэри Летъенс сама рассказывает об этой любви в своей книге «Быть молодым» (*To be Young*, Hart-Davis, 1959.)

²⁰⁹ - 3. CITS, p. 157.

²¹⁰ - 4. ТВУ, p. 141.

²¹¹ - 5. ТВУ, p. 12.

²¹² - 6. О юности Раджагопала см. мемуары его дочери P.P. Шлосс: *Lives in the Shadow with J. Krishnamurti*, Bloomsbery, 1991, pp. 40–45.

²¹³ - 7. Его дочь сообщает о «более чем» 500 фунтов стерлингов, переданных Кришнамурти (см. Шлосс, указ, соч., с. 47). Миссис Додж также платила жалованье чиновникам в Лондоне – «бедствие», согласно словам Эмили Летъенс, потому что люди не стремились найти выгодную работу, а довольствовались тем, что им давали, особенно после того, как в Общество вступили профсоюзные деятели, настаивавшие на профсоюзных тарифах оплаты (CITS, p. 34).

²¹⁴ - 8. Это письмо цитируется в TLADOK, pp. 19–20.

²¹⁵ - 9. Арундейл к Эмили Летъенс, 18 января, 1915 года. Цит по: CITS, p. 74.

²¹⁶ - 10. Фрэнк Бучман основал «Оксфордскую группу», позже переименованную в «Моральное перевооружение». Он признавал наличие Руководящего Божества и учил четырем принципам: честности, милосердию, бескорыстию и любви. Эми Семпл Макферсон был американским евангелистом, чья карьера закончилась прелюбодеянием и скандалом.

²¹⁷ - 11. I. Smith. Truth is a Pathless Land, TPH Madras, 1989, p 15.

²¹⁸ - 12. ТВУ, в разных местах. Согласно Мэри Летъенс, Кришнамурти был особенно привязан к некоей Элен Ноут, что объяснялось тем, что Элен была реинкарнацией ЕПБ.

²¹⁹ - 13. Записки, перепечатанные в КТУОА. См. также: Шлосс, указ, соч., с. 58–60, и Тиллет, указ, соч., с. 205–207.

²²⁰ - 14. Цит. по: Letter from Mr T. H. Martyn to Mrs Besant, редакция и публикация Г. Т. Стоукса, 1921, с. 2.

²²¹ - 15. Там же.

²²² - 16. Цит. по: КТУОА, p. 140.

²²³ - 17. См. примечание 14 выше.

²²⁴ - 18. Australian Star News, 11 Jan 1927, p. 67.

²²⁵ - 19. ТВУ, p. 180.

²²⁶ - 20. ТВУ, p. 158.

²²⁷ - 21. Э. Летъенс, указ. соч.

²²⁸ - 22. ТВУ, p. 117; Ледбитер развил эту теорию в статье под заголовком «Сознание камня», опубликованной в «Либерал Католик» за октябрь 1941 года.

²²⁹ - 23. CITS, p. 157.

²³⁰ - Глава 12 Школа и жизнь¹. О понятии «школы» у Успенского и Гурджиева см. ISOTM, с. 222–231, 240–254, 285–286. См. также: Успенский. Дальнейшие записи (A Futher Record).

²³¹ - 2. Подробной биографии Кейзерлинга не существует. Все факты позаимствованы из: M. Gallagher Parks, Introduction to Keyserling, Jonatan Cape, 1934. Обширный комментарий по поводу теософии дан в книге Кейзерлинга «Reisetagebuch eines Philosophien» («Дневник философа», использовался англ,

перевод, Cape, 1919). О философии см.: Кейзерлинг, Schopferische Erkenntnis («Творческое понимание», англ, перевод, Cape, 1929). Галлахер Парке, указ, соч., предлагает также полезный комментарий по поводу развития идей Кейзерлинга. См. также: R. Landau. God is My Adventure, Unwin, 1964.

²³² - 3. Почти неизвестный в англоязычных странах, философ Рудольф Касснер (1873–1959) разработал, как и Кейзерлинг, полумистическую концепцию. Отдавая предпочтение мифам, а не теориям, ставя вещи выше идей и поэзию выше теорем, Касснер полагал, что реальность возможно понять только посредством восприятия конкретного. Он оказал влияние на Рильке, Валери и Йитса.

²³³ - 4. О Гетеануме см. Р. Штейнер. Виды искусства и их предназначение (The Arts and Their Mission, trans. L. Monges and V. Moor). См. также Н. Biesantz. A. Klingborg et al., The Goethenaum: Rudolf Steiner's Architectural Impulse.

²³⁴ - 5. Р. Штейнер. Годовой цикл как дыхательный процесс Земли (R. Steiner. The Cycle of the Year as Breathing Process of the Earth, trans. B. D. Betteridge and F. E. Dawson).

²³⁵ - 6. См. Р. Штейнер. Введение в эвритмию (R. Steiner. An Introduction to Eurythmies).

²³⁶ - 7. MWRM, p. 285.

²³⁷ - 8. Цит. по: ТНС, р. 234–235. «Дулиотерапия» – от древнегреческого слова «дулос» – «раб».

²³⁸ - 9. Описание Приере дается по F. Peters. Boyhood With Gurdjieff, Wildwood House, 1976; and OLWNG.

²³⁹ - 10. Последователи Томаса Лейка Харриса использовали этот же термин для описания своего духовного труда. Возможно, он происходит от «Великой Работы», или «Великого Делания» («Opus Magnum». – Прим, пер.) алхимии, в процессе которой неблагородные металлы должны были превращаться в золото.

²⁴⁰ - 11. Webb, op. cit., p. 231.

²⁴¹ - 12. Не все были согласны с ним. Денис Сора, посетивший Орейджа в Приере, пришел в ужас от того, что там

происходило. См. D. Saurai, *La Nouvelle Revue Francaise*, XII, 242, Nov. 1933.

²⁴² - 13. C. Bechofer Roberts. *The Forest Philosophers*, *Century Magazine*, CVIII (1), May 1924, p. 73.

²⁴³ - 14. Дж. Г. Беннетт несколько раз намекает на подобные слухи, не приводя доказательств. См. *Witness*, p. 121. Но также см. Webb, *op. cit.*, pp. 333–335.

²⁴⁴ - 15. См. *Daily Mirror*, 19 Feb 1923; *Daily News*, 15–20 Feb 1923; и *New Statesman*, XX (516), 3 Mar 1923.

²⁴⁵ - 16. M. D. Luhan. *Lorenzo in Taos*, Seeker Warburg, 1933, p. 128.

²⁴⁶ - 17. В письме к Виолетте Шифт, 20 сентября 1922 г., *British Library*. Ссылка на него указана в J. Moore, *op. cit.*, p. 188.

²⁴⁷ - 18. Roberts, *op. cit.*, p. 76.

²⁴⁸ - 19. Webb. *op. cit.*, p. 246.

²⁴⁹ - 20. I. Baker. *Katherine Mansfield: The Memories of LM*, Michael Joseph, 1971, p. 218.

²⁵⁰ - 21. Там же, p. 223.

²⁵¹ - 22. Там же, p. 226.

²⁵² - 23. A. R. Orage. *Talks with Katherine Mansfield// Selected Essays and Critical Writings*, ed. Read and Saurai, London, 1935.

²⁵³ - 24. *Letters to John Middleton Murry*, ed. J. Middleton Murry, Constable, 1951, p. 700.

²⁵⁴ - Глава 13 Трудности¹. Подробности см. в Easton, *op. cit.*, pp. 270–309.

²⁵⁵ - 2. См. С. Прокофьев. Рудольф Штейнер и учреждение новых мистерий. (S. Prokofieff. *Rudolf Steiner and Foundation of the New Mysteries*, trans. P. King, Rudolf Steiner Press.)

²⁵⁶ - 3. О трехчленности социального организма см.: Rudolf Steiner. *The Renewal of Social Organism*, trans. E. Bowen Wedgwood and R. Mariott.

²⁵⁷ - 4. Rudolf Steiner. *Deeper Insights into Education*, trans. R. Querido. См. также: Francis Edmunds. *Rudolf Steiner Education*, Rudolf Steiner Press, 1985.

²⁵⁸ - 5. См. F. Huseman, *The Anthroposophical Approach to Medicine*, 3 vols, trans. P. Luborsky and B. Kelly.

²⁵⁹ - 6. R. Steiner. *Karmic Relationships in Esoteric Studies*, 8 vols. trans. G. Adams, C. Davey and D. S. Osmond, 1972–1983.

²⁶⁰ - 7. Эти эпизоды почерпнуты из Peters., *op. cit.*, p. 64 (о велосипедах) и pp. 59–60 (деньги на карманные расходы).

²⁶¹ - 8. Об отношениях Гурджиева с Орейджем см. Moore, *op. cit.*, и A. Alpers. *Life with Katherine Mansfield*, Cape, 1980.

²⁶² - 9. О влиянии Гурджиева и Орейджа на американских писателей см.: Z. Gale. *Preface to a Life* (1926); G. Munson, *The Dilemma of the Liberated* (1930); J. Toomer. *Essentials* (1931); E. Wilson. *The Literary Consequences of the Crash*, reprinted in *The Shores of Light* (1953).

²⁶³ - 10. См.: G. Leblanc. *La machine a Courage*, 1947; и M. Andersen. *The Unknowable Gurdjieff*, Routledge Kegan Paul, 1962.

²⁶⁴ - 11. Такую схему описывает ученик Орейджа Чарльз Дейли Кинг в *The Oragean Version* (1951).

²⁶⁵ - 12. См. например: Peters, *op. cit.*, pp. 126–130.

²⁶⁶ - 13. См.: E. Merston. *Talks With Sri Ramana Maharishi*, Tirvannamalai, 1963. См. также: Moore, *op. cit.*, pp. 357–358.

²⁶⁷ - 14. Peters, *op. cit.*, pp. 8–412, и OLWMG.

²⁶⁸ - 15. J. G. Bennett. *Gurdjieff*, p. 41.

²⁶⁹ - 16. Peters, *op. cit.*, pp. 6–8, 11–13.

²⁷⁰ - 17. Тумер и Успенский оба верили в то, что Гурджиев оказался «выше» несчастного случая, но предполагали, что могли быть и иные причины аварии. См.: Webb, *op. cit.*, pp. 293–298.

²⁷¹ - 18. Peters, *op. cit.*, p. 95.

²⁷² - 19. Webb, *op. cit.*, p. 346.

²⁷³ - 20. Moore, *op. cit.*, p. 342.

²⁷⁴ - 21. OLWMG, p. 155.

²⁷⁵ - 22. Peters, *op. cit.*, pp. 28–29.

²⁷⁶ - 23. Gurdjieff, *Life Is Real Only Then: When 'I Am'*, Arcana, 1989, p. 121.

²⁷⁷ - 24. Экономическая теория, предложенная майором С. Х. Дугласом (1879–1952) и основанная на контроле цен.

²⁷⁸ - 25. Webb, op. cit., p. 372.

²⁷⁹ - Глава 14 Конец Пути¹. См.: Арундейл. Фрагмент автобиографии (G. S. Arundale. A Fragment of Autobiography, Adyar. Kalakshetra, 1940), а также Personal Memories of G. S. Arundale, TPH London, 1967.

²⁸⁰ - 2. CITS, p. 132.

²⁸¹ - 3. Миссис Безант должна была стать ректором Всемирного Университета, а Арундейл его главой. То, что Анни предполагала, что Уэджвуд будет руководителем исследований, несколько разрушает ее образ талантливого организатора. См.: КТЮОА, p. 214.

²⁸² - 4. CITS, p. 135.

²⁸³ - 5. КТЮОА, p. 236.

²⁸⁴ - 6. CITS, p. 137.

²⁸⁵ - 7. Миссис Безант описывала этот момент в журнале «The Theosophist», январь 1926.

²⁸⁶ - 8. Цит. по Tillet, op. cit., 220.

²⁸⁷ - 9. КТЮОА, pp. 236, 266.

²⁸⁸ - 10. КТЮОА, p. 245.

²⁸⁹ - 11. Об этом часто говорил сам Кришнамурти. См. также: I. Smith, op. cit., в разных местах.

²⁹⁰ - 12. Sloss, op. cit., pp. 200, 249, 303, 317. Автор посвятил этой теме целую главу в указателе.

²⁹¹ - 13. Образ пламени повторялся и далее. Эмили Летъенс цитирует его высказывание: «Я – пламя, я объединил источник и цель!» (CITS, p. 161).

²⁹² - 14. «Учитель Мира находится здесь» – таково было название речи, произнесенной миссис Безант в 1927 г. в Оммене. Не совсем понятно, был ли Учитель Мира всегда «здесь», в том смысле, что он использовал Кришнамурти как проводник на протяжении всей его жизни, или он появился в некий конкретный момент. То же касается и смысла слова «здесь» – означает ли оно: просто в сознании Кришнамурти

либо в действительности. Миссис Безант еще более запутала вопрос тем, что по разным случаям еще несколько раз провозглашала появление Учителя Мира.

²⁹³ - 15. Джиияраджадаса всего лишь за несколько месяцев до этого признал, что целью всего Общества и Либеральной Католической Церкви является подготовка к приходу Учителя Мира.

²⁹⁴ - 16. См.: Tillett, *op. cit.*, p. 311. Но также см.: Nethercot, *op. cit.*, в разных местах.

²⁹⁵ - 17. CITS, p. 135–136.

²⁹⁶ - 18. О необыкновенной энергии Анни Безант в пожилом возрасте см.: A. Taylor, *op. cit.*, p. 322–325.

²⁹⁷ - 19. О финансах Кришнамурти см.: KTYOA и Shloss, *op. cit.*, в разных местах. Информация о всей финансовой организации KWINC доступна в судебных отчетах округа Лос-Анджелеса и в архивах американского фонда Кришнамурти.

²⁹⁸ - 20. Большая часть речи перепечатана в CIST, p. 172–174 и KTYOA, pp. 272–275.

²⁹⁹ - 21. CITS, p. 175.

³⁰⁰ - 22. CITS, pp. 186–188.

³⁰¹ - Глава 15 Частная жизнь¹. Глава 11, прим. 10.

³⁰² - 2. О RPU см. главу 17, ниже.

³⁰³ - 3. Нельзя сказать, конечно же, что у Гитлера не было времени на изучение духовных материй. Напротив, известно, что он увлекался оккультизмом и в последние годы жизни перед тем, как принять важное решение, всегда консультировался с астрологами. Другие нацистские лидеры так же в той или иной степени были связаны с оккультными школами разного рода. Так, Гесс некоторое время был последователем Штейнера, а Розенберг интересовался Гурджиевым. В общем, нацистская мифология включает в себя арийские теории европейского оккультизма нового времени. Для обеих сторон Вагнер представлял высокую ценность. Гитлер, пожалуй, восхищался «Парцифалем» не в меньшей степени, чем Штейнер, хотя видел в опере не символическое представление христианского

мистицизма, а празднование жертвоприношения во имя высшей расы.

³⁰⁴ - 4. См. Webb, op. cit., p. 389.

³⁰⁵ - 5. Moore, op. cit., p. 249.

³⁰⁶ - 6. Peters, Gurdjieff Remembered, Wildwood House, 1976, p. 228.

³⁰⁷ - 7. Peters, op. cit., pp. 202–206.

³⁰⁸ - 8. Peters, op. cit., pp. 207–210.

³⁰⁹ - 9. Peters, op. cit., pp. 186–191.

³¹⁰ - 10. Frank Lloyd Wright. Wisconsin State Journal, 3 Nov 1951, section 2. См. также: R. C. Twombly Organic Living..., Wisconsin Magazine of History, winter 1974/1975.

³¹¹ - 11. Peters, op. cit., pp. 219–228.

³¹² - 12. Moore, op. cit., p. 229.

³¹³ - 13. Позже он стал марксистом и написал первоклассный роман «Закон» (The Law, trans. P. Wiles, Eland Books, 1985).

³¹⁴ - 14. Американская писательница Джуна Барнес (1892–1982) опубликовала свою прославленную книгу «Nightwood», в 1936 г. Джанет Флэннер (1892–1978) публиковала свои «Письма из Парижа» в «Нью-Йоркер» на протяжении пятидесяти лет, начиная с 1925 г. под псевдонимом Жене.

³¹⁵ - 15. Американская романистка Кэтрин Хульме.

³¹⁶ - 16. K. Hulme. Undiscovered Country, Muller, 1976, p. 74.

³¹⁷ - 17. M. Anderson, op. cit. Все цитаты в этом параграфе взяты из этой книги.

³¹⁸ - 18. Яркие описания жизни Гурджиева в то время и особенно празднования Рождества см.: Hulme. op. cit., pp. 85–133.

³¹⁹ - 19. Hulme, op. cit., p. 162.

³²⁰ - Глава 16 Грешники¹. Существует легенда, что изгнание Успенского было совсем не тем, чем оно казалось. Некоторые ученики предполагали, что это была мистификация, проведенная по плану Гурджиева, с целью произвести впечатление раскола и дать толчок творческому напряжению

среди учеников. Это предположение подкреплялось тем, что Успенский продолжал посещать Приере вплоть до последнего окончательного разрыва с Гурджиевым, происшедшего в 1931 году.

³²¹ - 2. Bennett, op. cit., p. 173.

³²² - 3. Witness, pp. 85–170 – основной источник последующего повествования. Этот пересказ карьеры Беннетта подтвердила в разговоре с автором его вдова Элизабет Беннетт. Отчеты Министерства иностранных дел представляют несколько иную картину. См.: PRO FO 370, *passim*.

³²³ - 4. Уильям Дженнишс Брайан (1860–1925) участвовал в трех президентских кампаниях как кандидат от демократической партии в 1896, 1900 и 1908 гг.

³²⁴ - 5. FO 371, документ 12179.

³²⁵ - 6. Bennett, op. cit., pp. 173–74, 189.

³²⁶ - 7. Фрида Лоуренс к Розалинде Раджагопал, Цит. по: Sloss, op. cit., p. 182.

³²⁷ - Глава 17 Гурю на войне¹. M. Random, Les puissances du dedans, Luc Dietrich, Lanza del Vasto, Rene Daumal, Gurdjieff, Denoel, 1966.

³²⁸ - 2. Оба последовательно выражали эти взгляды начиная с ранних 1920-х годов и до смерти.

³²⁹ - 3. Я не смог найти источник этой фразы. Она описывает учение, которое преподавал Кришнамурти в различных формах с того времени, как он покинул Теософское Общество.

³³⁰ - 4. О негативных эмоциях см.: P. D. Ouspensky. op. cit., p. 19–48.

³³¹ - 5. Об этом см.: TLADOK, pp. 92–93, где мисс Летъенс цитирует несколько неопубликованных писем по этому поводу.

³³² - 6. Там же, с. 94.

³³³ - 7. О Хаксли см. замечательную биографию Сибил Бедфорд (Sybille Bedford. Aldous Huxley: A biography, Alfred A. Knopf/Harper Row, 1974).

³³⁴ - 8. По своим родовым связям Хаксли приходился отдаленным, родственником и епископу Уэджвуду.

³³⁵ - 9. N. Annan. Leslie Stephen, The Godless Victorian, University of Chicago Press, 1984, p. 232–233.

³³⁶ - 10. Олдос Хаксли в письме к Леонарду Хаксли, 12 ноября 1917 г. Перепечатано в D. Grover-Smith. The letters of Aldous Huxley, Chatto Windus, 1969, pp. 136–137.

³³⁷ - 11. См. памфлет Хаксли «Что вы собираетесь делать с этим? Дело о конструктивном мире», Chatto Windus, 1936, и его «Энциклопедию пацифизма», Chatto Windus, 1937.

³³⁸ - 12. О Дике Шеперде и TPU см.: S. Morrison, I Renounce War: The Story of the Peace Pledge Union, Shepherd Press Ltd, 1962. Обращение перепечатано в Bedford, op. cit., pp. 317–318.

³³⁹ - 13. G. Heard, The Poignant Prophet// The Kenyon Review, 1965.

³⁴⁰ - 14. См. заключительную главу романа «Эти бесплодные листья», Those Barren Leaves, Chatto Windus, 1925.

³⁴¹ - 15. Do What you Will, Chatto Windus, 1929, p. 3.

³⁴² - 16. Sloss, op. cit., p. 170.

³⁴³ - 17. Grover-Smith, op. cit., p. 719.

³⁴⁴ - 18. В качестве яркого портрета Джеральда Херда см. образ Августуса Парра в романе Кристофера Ишервуда «Down There on a Visit», Methuen, 1962. См. также: Bedford, op. cit., p. passim.

³⁴⁵ - 19. Святой, почитавшийся многими набожными индуистами как аватара, Рамакришна провел свою жизнь в храме возле Калькутты. После его смерти в 1886 г. главные его ученики основали монашеский орден Рамакришны, к которому принадлежал и Прабхавананда.

³⁴⁶ - 20. Описание жизни на Айвар-авеню основано на книге Ишервуда «Мой гуру и его ученик» – C. Isherwood. My Guru and his Disciple, Eyre Methuen, 1980.

³⁴⁷ - 21. Там же, с. 74.

³⁴⁸ - 22. Цит. по: Bedford, op. cit., p. 453.

³⁴⁹ - 23. Isherwood, op. cit., p. 96.

³⁵⁰ - 24. Там же, с. 122.

³⁵¹ - 25. Grover-Smith, op. cit., p. 963.

³⁵² - 26. Isherwood, op. cit., p. 204.

³⁵³ - 27. Там же, с. 222.

³⁵⁴ - 28. Там же, с. 202.

³⁵⁵ - 29. Ишервуд продолжал регулярно посещать Свами в Трабуко и Лос-Анджелесе; его старый учитель убеждал его снова вступить в монастырь и привести с собой Дона. Ишервуд отказался, но написал две книги о своем опыте, которые как бы сохраняли его веру: «Рамакришна и его ученики» (1965) и восхитительную «Мой гуру и его ученик».

³⁵⁶ - 30. Grover-Smith, op. cit., p. 608.

³⁵⁷ - 31. Там же, с. 818.

³⁵⁸ - 32. Об этих экспериментах см.: Bedford, op. cit., pp. 602–603, 618–619, 726–724, 754–755; и L. H. Huxley. *This Timeless Moment: A Personal View of Aldous Huxley, Farrar, Strauss Giroux*, 1968.

³⁵⁹ - 33. Хаксли приступил к непосредственной разработке темы духовной жизни в трех книгах, написанных в 1940-е годы. Роман «Время должно остановиться» [Time Must Have a Stop] (1944) не принес ему успеха. Попытка Хаксли обрисовать в Бруно Ронтини человека, лучшие качества которого происходят из его духовного просветления, казалась малоубедительной читателям, хотя автор признавался, что ему доставляло большее удовольствие писать этот роман, чем другие. Более удачный «Серое величие» [Grey Eminence] (1944) повествует о том, что случается с человеком, который стремится к святости, а заканчивает политикой. Мораль истории в том, что высокие устремления бесполезны без милосердия и личного чувства божественного. Опираясь на восточные тексты, столь ценимые теософами, «Вечная философия» (1946) исследует природу реальности, личный опыт приобщения к Богу и способы соотнесения этого опыта с повседневной жизнью. Прекрасно понимая, что к нему могут отнести как «еще одной миссис Эдди», Хаксли настаивал на том, что «Вечная философия» не

попытка основать новую религию, а описание всего лучшего, что было продумано и написано на эту тему.

³⁶⁰ - 34. A. Huxley. *After Many a Summer*, Chatto Windus, 1939.

³⁶¹ - 35. A. Huxley. *Ape and Essence*, Chatto Windus, 1948, p. 33.

³⁶² - Глава 18 Итоги¹. P. D. Ouspensky, *A New Model of Universe*, pp. XV–XX.

³⁶³ - 2. Ouspensky. *A Futher Record*, p. 69.

³⁶⁴ - 3. Опубликовано Hodder Stoughton в четырех томах как *The Foundation of Natural Philosophy*, 1956; *The Foundation of Moral Philosophy*, 1961; *Man and His Nature*, 1966; *History*, 1968.

³⁶⁵ - 4. Bennett, *op. cit.*, pp. III–VI.

³⁶⁶ - 5. О последних месяцах жизни Успенского см.: R. Collin. *The Mirror of Light* («Зеркало света»), London, 1959; и Webb, *op. cit.*, pp. 439–460.

³⁶⁷ - 6. Moore, *op. cit.*, pp. 290–291.

³⁶⁸ - 7. В этом обществе было фиксированное число членов – 300 человек. В его задачи входило: I) изучение проблем эволюции человека и в особенности психотрансформации; II) изучение психологических школ разных исторических периодов и стран, исследование их влияний на моральное и интеллектуальное развитие человечества; III) практическая разработка методов самоизучения и саморазвития согласно принципам психологических школ; IV) исследовательская работа в области истории религий, философии, науки и искусства с целью установления их общего источника и различных психологических уровней в каждом из них. Номер четыре – типично теософский пункт. И в самом деле, если вспомнить, что подход Успенского заключался в исследовании эзотерики путем ее психологизации, программа эта производит впечатление разработки теософского подхода.

³⁶⁹ - 8. См.: Webb, *op. cit.*, pp. 447–449.

³⁷⁰ - 9. В цикле поэм Элиота отражены представления Успенского о времени и повторении. См.: T. S. Eliot. *Collected Poems*, Faber Faber, 1965, pp. 189–223.

³⁷¹ - 10. О Коллине см.: J. Collin-Smith. Beloved Icarus// Astrological Journal, vol. xiii, no. 4, autumn 1971; A. Logan (псевдоним Джойса Коллина-Смита). Answering Gods, Tlalpam, Ediciones Sol, 1951.

³⁷² - 11. «Ток-Эйч» (Тос Н): общество, созданное для сохранения духа товарищества Первой мировой войны, получившее название по инициалам первого места встречи (Талбот Хауз Talbot House), как их обозначали связисты.

³⁷³ - 12. Об этих последних днях см.: J. Collin-Smith, op. cit., passim; Webb, op. cit., pp. 454–460.

³⁷⁴ - 13. О Морисе Николе см.: B. Pogson. Maurice Nicoll, A Portrait, London, 1961.

³⁷⁵ - 14. K. Walker. Venture With Ideas, Jonatan Cape, 1951, p. 134 ff.

³⁷⁶ - 15. Hulme, op. cit., p. 256.

³⁷⁷ - 16. Webb, op. cit., p. 470.

³⁷⁸ - 17. Комитет Объединенных Наций по Освобождению и Реабилитации (United Nations Releif and Rehabilitation Agency).

³⁷⁹ - 18. Peters, op. cit., pp. 247–252.

³⁸⁰ - 19. Мадам Карузо стала преданной ученицей Гурджиева, последние месяцы жизни которого она описывает в «Личной истории Дороти Карузо», Personal History by Dorothy Caruso, Hermitage House, 1952.

³⁸¹ - 20. Webb, op. cit., p. 461.

³⁸² - 21. Bennett, op. cit., p. 238.

³⁸³ - 22. Там же.

³⁸⁴ - 23. Там же.

³⁸⁵ - 24. См.: Caruso, op. cit., p. 291 ff.

³⁸⁶ - 25. Покойная Элизабет Беннетт подтвердила это наблюдение в разговоре с автором, но отказалась назвать конкретные имена.

³⁸⁷ - 26. Bennett, op. cit., p. 240.

³⁸⁸ - 27. В разговоре с автором.

³⁸⁹ - 28. Bennett, op. cit., p. 249.

³⁹⁰ - 29. R de Ropp, *Warrior's Way*, George Alien Unwin, 1980, p. 199.

³⁹¹ - 30. Moore, *op. cit.*, p. 303.

³⁹² - 31. Bennett, *op. cit.*, pp. 251–254.

³⁹³ - 32. Текст письма перепечатан в *Witness*, pp. 253–254.

³⁹⁴ - 33. Этим сравнением я обязан Джеймсу Муру.

³⁹⁵ - Глава 19 Возвращение¹. TLADOK, p. 156. Вдова кинопродюсера, миссис Зимбалист была главным доверенным лицом Кришнамурти с 1964 г. до его смерти.

³⁹⁶ - 2. Основная тема книги миссис Слосс «Жизни в тени Дж. Кришнамурти» (*Lives in the Shadow with J. Krishnamurti*). Следующие страницы противопоставляют ее повествование отчету Мэри Летъенс в двухтомной биографии Кришнамурти (*The Years of Awakening* и *The Years of Fulfillment*; «Годы пробуждения» и «Годы свершений») и в ее сокращенной биографии «Жизнь и смерть Кришнамурти» (*The Life and Death of Krishnamurti*).

³⁹⁷ - 3. Sloss, *op. cit.*, pp. 203–209, 275–278.

³⁹⁸ - 4. Согласно миссис Слосс, Розалинда ревновала к Нандини и бранила Кришнамурти за то, что он сошелся с ней. Их дружба описана сестрой Нандини, Пупул Джаякар, в ее книге «Кришнамурти» – *Krishnamurti*, Harper Row, 1986. Эта книга, в дополнение к Слосс и Летъенс, предлагает третью точку зрения, уделяя внимание индийским аспектам жизни героя.

³⁹⁹ - 5. «Тайм», 16 января 1950 г. Миссис Слосс цитирует часть этой статьи, *op. cit.*, p. 218.

⁴⁰⁰ - 6. О педагогической теории Кришнамурти см. особенно: «Молодым» (*For the Young*) в *Krishnamurti Reader*, ed. M. Lutyens, Penguin, 1970; *Education and the Significance of Life*, Victor Gollancz, 1955, *passim*; и *The Beginnings of Learning*, Victor Gollancz, 1975.

⁴⁰¹ - 7. Я не смог найти пример первого употребления этой фразы, которая часто появляется в поздних беседах.

⁴⁰² - 8. Фридрих Гроэ, оставивший дела производитель ковриков для ванн и кухонь, щедрый покровитель Кришнамурти.

⁴⁰³ - 9. См. например, беседы, собранные в *The Impossible Question*, Victor Gollancz, 1972, и *The Beginnings of Learning*, где невозможно не обратить внимание на стремление Кришнамурти навязать свою точку зрения под видом «диалога». Это, конечно же, не отрицает интереса к тому, что он высказывал.

Существует много фрагментов, в которых Кришнамурти неожиданно походит на Успенского по тону и учению. Читатели, желающие их сравнить, могут обратиться к книгам *The Krishnamurti Reader* и P. D. Ouspensky, *A Further Record*.

⁴⁰⁴ - 10. Эти разговоры оказали влияние на важную работу Дэвида Бома, профессора теоретической физики лондонского университета и друга Альберта Эйнштейна. В книге Бома *Wholeness and the Implicate Order*, Routledge Kegan Paul, 1980, часто упоминаются взгляды Кришнамурти.

⁴⁰⁵ - 11. Эта история рассказана М. Летъенс во втором томе ее биографии, *The Years of Fulfillment*.

⁴⁰⁶ - 12. Этот и другие эпизоды описаны в *The Years of Fulfillment*.

⁴⁰⁷ - 12

⁴⁰⁸ - 13. Для более детального отчета, что это значило на практике, см. TLADOK, pp. 159–168.

⁴⁰⁹ - Глава 20 От Системы к Источнику¹. Эта точка зрения была высказана в разговоре с Джеймсом Мором.

⁴¹⁰ - 2. Более детальное описание истории школы последних лет см. в превосходной, если не сенсационной в каком-то отношении книге «Тайный культ» – *Secret Cult*, Lion Publishing, 1984, by P. Hounam and A. Hogg.

⁴¹¹ - 3. Большие плакаты регулярно появляются на станциях лондонского метро.

⁴¹² - 4. Hounam and Hogg, op. cit., p. 42.

⁴¹³ - 5. О финансах школы см.: Hounam and Hogg, op. cit., pp. 47–49.

⁴¹⁴ - 6. Эти статьи образуют основу «Тайного культа».

⁴¹⁵ - 7. Следующие шесть параграфов основаны на разговорах с двумя бывшими членами SES, которые просили не

называть их имен. Читатели найдут более подробное обсуждение этих вопросов в Hounam and Hogg, *op. cit.*, *passim*.

⁴¹⁶ - 8. Hounam and Hogg, *op. cit.*, p. 16.

⁴¹⁷ - 9. Hounam and Hogg, *op. cit.*, pp. 218–232.

⁴¹⁸ - 10. Повествование о деятельности Коллина в Мексике основано на книгах G. Zodec. *Lessons in Religion for a Sceptical World*, Mexico, 1956, и J. Collin-Smith, *op. cit.*

⁴¹⁹ - 11. Webb, *op. cit.*, pp. 490–491.

⁴²⁰ - 12. Цит. по: Webb, *op. cit.*, p. 496.

⁴²¹ - Глава 21 Кульминация¹. Более подробную биографию доктора Кинга можно найти в книгах «Общество Этериуса: Краткое введение» – The Aethenus Society: A Brief Introduction, The Aetherius Society, 1984. «Теология Этериуса» – The Theology of Aetherius, Rt. Rev. Dr R. Lawrence, BA, The Aetherius Society, 1980 – суммирует доктрину и историю общества. Это издание особо подчеркивает роль мадам Блаватской как женщины, которая сделала возможной современную оккультную историю. Я рад воспользоваться возможностью поблагодарить доктора Лоуренса за его любезные ответы на мои вопросы.

⁴²² - 2. R. Lawrence, *op. cit.*, p. 19.

⁴²³ - 3. Там же, с. 20.

⁴²⁴ - 4. Там же, с. 20.

⁴²⁵ - 5. О разлианцах см.: E. Baker, *New Religious Movements*, HMSO, 1989, p. 200 ff.

⁴²⁶ - 6. См.: Baker, *op. cit.*, p. 179 ff. Группа проводит регулярные собрания в Лондоне, Манчестере и Бристоле. Я приношу благодарность Полю Мэсси, их директору, за его ответы на вопросы о «Вечном Пламени».

⁴²⁷ - 7. Omraam M. Aivanhof, *Sexual Force and the Winged Dragon*, Editions Prosveta, 1987. Издательство «Просвета» публикует десятки книг Омраама на разных языках.

⁴²⁸ - 8. Краткие биографии мистера и миссис Профет и изложение их учения можно найти в книге: E. C. Prophet: *Teaching of the Ascended Masters*, Summit University Press, Montana, 1989. Для более полного списка их публикаций,

литографий, кассет и т. д. читатель может обратиться к богато иллюстрированному каталогу «Саммит Университи Пресс» – Box A, Livingston, MT 59047–1390.

⁴²⁹ - 9. Еще одно порождение теософии, известное также под названием «Высшего Ордена Водолея» (Supreme Order of Aquarius and the Pre-Initiatic School of Half-Gegnian), располагающееся в Сент-Луисе, штат Миссури.

⁴³⁰ - 10. См.: «Матери знать лучше и это – худшее» «Mother Knows Best and It's the Worst» by A. Pielou//You, 1 октября 1989 г., pp. 16–20.

⁴³¹ - 11. Этот банк входит в целую группу финансовых учреждений, зарегистрированных на имя «Меркури Провайдент». Антропософское Общество Великобритании снова начало выходить на социальную и политическую арену. Недавно оно вступило в переговоры с Министерством науки и образования по поводу регистрации собственного технического института, «Майкл Фарадей колледж» в Брайтоне, в качестве первого «зеленого» технологического учебного заведения, в ответ на инициативу нового правительства поощрять научное и техническое образование. Принц Уэльский также проявляет к нему пристальный интерес, посещая фермы общества и поддерживая их формы альтернативной медицины.

⁴³² - 12. Сдвиг в акцентах можно заметить, сравнивая биографию Мартина Эксетера – «Одно Сердце, один Путь» – «One Heart, One Way», by C. Forster, Foundation House Publications – с биографией его сына «Мой Мир, моя Ответственность» – «My World, My Responsibility», emissary Foundation International, без даты. Мартин Эксетер поддерживает экзистенциалистский мистицизм, особо уделяющий внимание важности общения с Источником Бытия. Майкл Эксетер говорит в основном об экологической ответственности.

⁴³³ - 13. Оставшаяся часть этой главы основана на собственном отчете Беннетта в Witness, pp. 273–319, а также на моей беседе с ныне умершей Элизабет Беннетт.

⁴³⁴ - 14. О Субуде и Паке Субухе см.: Bennett, op. cit., pp. 320–334, и A. B. Paul. Stairway to Subud, Coombe Springs Press, 1965.

⁴³⁵ - 15. Bennett, op. cit., p. 331.

⁴³⁶ - 16. Bennett, op. cit., p. 349.

⁴³⁷ - 17. Bennett, op. cit., p. 347.

⁴³⁸ - Заключение. Торжество Бабуина¹. Этот манифест – «Декларация Людей Традиции» – Declaration of the People of the Tradition, Octagon Press, 1966, 1974 – перепечатан в Bennett, op. cit., pp. 356–358.

⁴³⁹ - 2. Жизненный путь Шаха продokumentирован профессором Л. П. Элвелл-Саттон, описанию которого я и следовал. См.: L. P. Elwell-Sutton. Sufism and Pseudo-Sufism, Encounter, vol. XLIV, № 5, May 1975, pp. 9–17. Но см. также J. Moore. Neo-Sufism: The Case of Idris Shah, Religion Today, где автор отделяет Гурджиева от Шаха. Оба автора отрицают утверждение Шаха о том, что он представляет суфийское учение на Западе.

⁴⁴⁰ - 3. PRO, FO 371, 1946, AS/4439/46. См. также: Moore, op. cit., p. 7, где приводятся документы по этому обвинению.

⁴⁴¹ - 4. Мистер Шах не был в состоянии ответить на мои вопросы.

⁴⁴² - 5. Bennett, op. cit., p. 360.

⁴⁴³ - 6. См. об этом: N. Saunders. Alternative London, Micholas Saunders, 1970, p. 109.

⁴⁴⁴ - 7. Bennett, op. cit., p. 362.

⁴⁴⁵ - 8. О продаже Кумб см.: Bennett, op. cit., pp. 359–363 и Elwell-Sutton, op. cit., pp. 14–15.

⁴⁴⁶ - 9. После триумфа в Кумбе, казалось бы, Шах должен был расслабиться. Но не тут-то было. Беннетт оказался не единственным, кого он убедил в собственной гениальности. Его эффектная международная жизнь описана в L. Courtland. The Diffusion of Sufi Ideas in The West, Boulder, Colorado, 1972. С 1960-х годов Шах создал сеть поддержки в литературе и средствах массовой информации, в числе его сторонников самые знаменитые поэты Роберт Грейвз, Тед Хьюз и романист

Дорис Лессинг. Шах даже убедил Грейвза упомянуть его имя в публикации новой версии «Рубай» Омара Хайяма в сотрудничестве с его братом, генералом Омаром Али Шахом. Этот перевод предположительно основывался на неизвестной до этого на Западе рукописи. Шах никогда не показывал рукопись, и, как говорит Мур, книга Грейвза вскоре была оценена учеными как «нуль в кубе»; «перевод» (который не был переводом, а копией старого комментария викторианской эпохи) манускрипта двенадцатого века, принадлежащего «Джану Фисхану Хану, магистру наук» (не существовавшего) – составной строфической поэмы Хайяма (которую он никогда не сочинял)» – Moore, *op. cit.*, p. 6. Мисс Дорис Лессинг не только отказалась прокомментировать учение Шаха: в ее ответе содержалось предупреждение не упоминать в моей книге ее отказа. Но см. также: Doris Lessing. An Elephant in the Dark, *Spectator*, 18 Sept 1964.

⁴⁴⁷ - 10. Bennett, *op. cit.*, p. 376.

⁴⁴⁸ - 11. Мои благодарности Эндрю Роулинсону с факультета изучения религии Ланкастерского университета за то, что он обратил мое внимание на Чикойна и за предоставление информации о нем и редкой копии его памфлета.

⁴⁴⁹ - 12. Sadguru Swami Narayan Avadhoot, Adiguru Dattatreya and the Non-Sectarian Central Spiritual School, Coombe Springs Press, n.d., p. 13. Садгуру Свами Нараян Авадхут – это, конечно, Гэри Чикоин. Он также беспощадно критикует Идриса Шаха.